

ДОСТОЕВСКИЙ В НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННОК (1837 — 1881)

Выдержки из писем и дневников И. С. АКСАКОВА, М. А. АЛЕКСАНДРОВА, Х. Д. АЛЧЕВСКОЙ, П. В. АННЕНКОВА, К. И. БАБИКОВА, Н. П. БАРСУКОВА, П. И. БАРТЕНЕВА, М. С. БЕРДНИКОВОЙ, К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА, А. Ф. БЛАГОНРАВОВА, В. А. БОБРОВА, С. П. БУРЕНИНА, А. М. и А. С. БУХАРЕВЫХ, Н. П. ВАГНЕРА, М. А. ВЕНЕВИТИНОВА, П. А. ВИСКОВАТОВА, М. И. ВЛАДИСЛАВЛЕВА, Ю. А. ВОЛКОВА, А. Е. ВРАНГЕЛЯ, Е. Н. ГЕЙДЕН, Л. ГИСЛЯНЗОНИ, А. А. ГОЛОВАЧЕВА, П. Д. ГОЛОХВАСТОВА, Г. П. ДАНИЛЕВСКОГО, М. Ф. ДЕ ПУЛЕ, А. Г., А. М., Д. И., М. А., М. М., Н. М. и Э. Ф. ДОСТОЕВСКИХ, Н. П. ЕЛАГИНА, И. ЖЕЛТОВА, П. И. ЖИТЕЦКОГО, Ю. Д. ЗАСЕЧКОЙ, И. К. ЗЕМАЦКОГО, И. Ф. ЗОЛОТАРЕВА, В. Р. ЗОТОВА, А. Е. ЗУРОВА, А. А. и В. М. ИВАНОВЫХ, К. Д. КАВЕЛИНА, В. М. и П. А. КАРЕПИНЫХ, В. М. КАЧЕНОВСКОГО, С. С. КАШПИРЕВОЙ, А. А. КИРЕЕВА, Ф. Н. КИТАЕВА, С. П. КОЛОШИНА, А. Е. КОМАРОВСКОЙ, Н. И. КОСТОМАРОВА, А. КРАНИХФЕЛЬД, А. А. КУМАНИНА, В. С. КУРОЧКИНА, В. И. ЛАМАНСКОГО, Н. К. ЛЕБЕДЕВА (МОРСКОГО), К. Н. ЛЕОНТЬЕВА, Н. А. ЛЮБИМОВА, А. И. и А. Н. МАЙКОВЫХ, Б. М. МАРКЕВИЧА, Н. А. МЕЛЬГУНОВА, В. П. МЕЩЕРСКОГО, О. Ф. МИЛЛЕРА, А. П. МИЛЮКОВА, Д. Л. МОРДОВЦЕВА, М. И. МУРАВЬЕВА-АПОСТОЛА, А. Н. НЕВЕДОМСКОГО, Е. С. НЕКРАСОВОЙ, О. А. НОВИКОВОЙ, Н. Л. ОЗМИДОВА, Л. Н. ПАВЛЕНКОВА, В. К. ПЕТЕРСЕНА, А. Н. ПЕШКОВОЙ-ТОЛИВЕРОВОЙ (ЯКОБИ), А. Н. ПЛЕЩЕЕВА, К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВА, М. П. ПОГОДИНА, М. П. ПОКРОВСКОГО, П. Н. ПОДЕВОВО, М. А. ПОЛИВАНОВОЙ, Я. П. ПОЛОНСКОГО, Б. Б. ПОЛЯКОВА, В. И. ПРИВЫТКОВОЙ, А. Е. РАЗИНА, Н. И. РЕМЕРОВА, А. Е. РИЗЕНКАМПА, П. А. РОВИНСКОГО, И. И. РУМЯНЦЕВА, В. К. САВОСТЬЯНОВА, А. П. САЗАНОВИЧ, Е. А. САЛИАСА, Н. СВИРИДОВА, М. И. СЕМЕВСКОГО, А. Н. СНИТКИНА, Вл. С. и Вс. С. СОЛОВЬЕВЫХ, Н. А. СОЛОВЬЕВА-НЕСМЕЛОВА, К. М. СТАНЮКОВИЧА, М. М. СТАСЮЛЕВИЧА, Н. И. СТОРОЖЕНКО, М. Н. СТОЮНИНОЙ, Н. Н. и П. Н. СТРАХОВЫХ, А. С. СУВОРИНА, Д. ТИТОВА, А. И., С. А. и Ф. М. ТОЛСТЫХ, Е. Ф. ТЮТЧЕВОЙ, А. П. ФИЛОСОФОВОЙ, Н. В. ХАНЫКОВА, С. П. ХИТРОВО, И. В. ЦВЕТКОВА, Е. А. ЦЕРТЕЛЕВОЙ (ЛАВРОВСКОЙ), М. М. ЧЕРЕНИНА, Ф. В. ЧИЖОВА, В. Д. ШЕРА, И. А. ШЕСТАКОВА, И. Н. ШИДЛОВСКОГО, А. А. ШКЛЯРЕВСКОГО, Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР, Н. Ф. ШЕРБИНЫ, А. И. ЭРТЕЛЯ, Е. Ф. ЮНГЕ, С. А. ЮРЬЕВА, З. Ю. ЯКОВЛЕВОЙ и С. Д. ЯНОВСКОГО

Приложение: Н. Н. СТРАХОВ о ДОСТОЕВСКОМ

Статья, публикация и комментарии Л. Р. Ланского

Имя Достоевского было известно каждому образованному современнику. Не все, конечно, понимали истинные масштабы его дарования; никто, или почти никто, не догадывался о роли, которую суждено было сыграть творческому наследию Достоевского в истории мировой культуры. На многое в продолжение своей труженической и страдальческой жизни мог бы пожаловаться Достоевский—но только не на отсутствие интереса к себе как к художнику, мыслителю, публицисту и просто как к человеку. С первых же шагов на литературном поприще он привлек к себе внимание всей читающей России. Произведения его горячо обсуждались. Знакомства с ним добивались. Его личность, его творческие планы, его образ жизни возбуждали живое любопытство. Трагический перелом в судьбе Достоевского, превращение одного из корифеев молодой литературы в политического «преступника», смертника, каторжника, солдата углубил этот сочувственный интерес. Возвращение к литературной деятельности, совпавшее с зарождением и бурным развитием общественно-политической жизни в России, с расширением и демократизацией читательской аудитории, появление «Записок из Мертвого дома», «Униженных и оскорбленных», «Преступления и наказания» превратили Достоевского в одну из центральных фигур 1860-х годов. В последнее десятилетие жизни Достоевского его популярность приобретает еще большие размеры. Три события возносят до апогея его славу и влияние: издание «Дневника писателя», печатание в «Русском вестнике» романа «Братья Карамазовы», державшее в продолжение двух лет десятки тысяч читателей в состоянии неослабевающего напряженного ожида-

ния, и, наконец, потрясая современников речь на Пушкинских празднествах 1880 г. Это выступление, закончившееся беспримерным апофеозом, торжественно завершило тридцатипятилетнюю литературную деятельность писателя; ее неслыханный успех явился как бы зарницей, предвещавшей всемирно-исторический характер посмертной славы Достоевского.

Подобно Белинскому, Достоевский был «человеком экстремы», человеком с темпераментом трибуна и общественного деятеля, борца. Писатель-пролетарий, прикованный к своему письменному столу, обреченный на непрерывный, лихорадочный, изнуряющий труд, он никогда не терял связи с современностью, чутко воспринимал все, что волновало общество, и отвечал на запросы жизни своим художественным творчеством и воинственной публицистикой.

«Дневник писателя», как известно, пользовался огромным и все возрастающим успехом. Значительная часть подписчиков поддерживала это уникальное издание *вопреки* его политическим тенденциям. Большинство импонировала своеобразная форма душевной беседы умудренного жизнью старого писателя с «другом-читателем» о проблемах текущей действительности. Вызывала симпатию не столько идеологическая интерпретация этих проблем, сколько субъективность оценок, *проявление личности Достоевского*, теплота и сердечность тона. Известная деятельница в области народного образования Х. Д. Алчевская вспоминала впоследствии: «Достоевский всегда был одним из моих любимых писателей. Его рассказы, повести и романы производили на меня глубокое впечатление. Но когда появился в свет его „Дневник писателя“, он вдруг сделался как-то особенно близок и дорог мне. Кроме даровитого автора художественных произведений, передо мною вырос человек с чутким сердцем, с отзывчивой душой, человек, горячо откликавшийся на все злобы дня» («Передуманное и пережитое». М., 1912, стр. 63). «Любящее сердце, душу, понимающую всё» особенно ценила в «Дневнике писателя» и талантливая корреспондентка Достоевского, Е. Ф. Юнге (стр. 497).

Достоевский получал в эти годы особенно много писем от читателей. В нем видели не только художника и публициста, но и мудрого руководителя в запутанных лабиринтах современности, чуть ли не пророка. Разрыв создателя «Бедных людей», бывшего «мечтателя-социалиста», бывшего петрашевца, со свободолюбивыми традициями 1840 — 1860-х годов болезненно и остро воспринимались революционной молодежью, «семидесятиниками». Зато те, кому претили демократические и «филантропические» (как выражались некоторые критики) тенденции ранних произведений Достоевского, рассыпались в похвалах, надеясь закрепить этот благоприятный для них поворот в мировоззрении писателя, являвшийся, быть может, лишь этапом в развитии его взглядов.

Сложность идейной эволюции Достоевского не могла не отразиться в основных биографических источниках — в воспоминаниях современников и в их переписке.

Вся (или почти вся) мемуарная литература о Достоевском уже выявлена и опубликована. С эпистолярными материалами, т. е. с перепиской современников, содержащей упоминания о Достоевском, дело обстоит иначе. Я имею в виду не письма крупнейших деятелей литературного мира, эпистолярное наследие которых издается и переиздается в собраниях их сочинений и публикуется на страницах периодических изданий в дни юбилеев или просто как дань уважения к громкому имени, а письма «маленьких», забытых и полужабытых людей из окружения Достоевского, рядовых читателей и свидетелей его публичных выступлений. За девяносто лет, прошедших со дня смерти Достоевского, подобного рода материалы появлялись в печати чрезвычайно редко. Планомерного изучения архивных фондов в этом направлении никогда не производилось. Между тем, эпистолярные свидетельства современников не только обогащают биографию писателя новыми фактическими данными — они воссоздают ту общественную и психологическую атмосферу, в которой проходили его жизнь и деятельность.

В «Былом и думах» Герцен красноречиво доказывает, что письма — «больше, чем воспоминания»: «На них запеклась кровь событий, это само прошедшее, как оно было, — задержанное и нетленное».

П. А. Вяземский, выдающийся мастер эпистолярного жанра, как бы развивает эту мысль Герцена: «Самые полные, самые искренние Записки не имеют в себе того выражения истинной жизни, какими дышат и трепещут письма, написанные бегло, часто

торопливою и рассеянною, но всегда, по крайней мере, на ту минуту, проговаривающеюся рукою. Записки, то есть мемуары (...), все-таки не что иное, как обдуманное воссоздание жизни. Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячим следам ее» (Полн. собр. соч. П. А. Вяземского, т. VII. СПб., 1882, стр. 135). В отличие от мемуаров, письма почти всегда пишутся без расчета на их опубликование, без заботы о цензуре. Они гораздо более достоверны, чем мемуары, которые создаются уже в другую эпоху, под влиянием посторонних, нередко эгоистических факторов и порой испытывают на себе, вольно или невольно, воздействие литературных источников и печатных историко-биографических материалов.

Публикуемая работа — итог изучения эпистолярной части архивных фондов современников Достоевского в основных архивохранилищах Москвы, Ленинграда и Киева. Выдержки из писем родственников писателя — отца, братьев, сестер, племянников — и многочисленных литературных деятелей, журналистов, художников, ученых, педагогов, студентов, курсисток, врачей, редакторов, книготорговцев, адвокатов, финансистов, светских дам, типографских рабочих и пр. — образуют основной фонд публикации.

Как моя аналогичная публикация «Гоголь в неизданной переписке современников» («Лит. наследство», т. 58, 1952), она построена по плану, разработанному редакцией «Литературного наследства» еще в 1934 г. при подготовке пушкинского тома (т. 16-18),* а также в двух коллективных (при моем участии) публикациях 1949 — 1952 гг. — «Белинский в неизданной переписке современников» (т. 56, 1949) и «Пушкин в неизданной переписке современников» (т. 58, 1952). Эти обширные своды не известных ранее документальных материалов, сопровождаемых подробными комментариями, также насыщенные неизданными документами, широко используются и, вероятно, еще будут использоваться исследователями. Ни одна сколько-нибудь полная биография Пушкина, Белинского и Гоголя не может обойтись без этих историко-литературных и бытовых материалов. Можно надеяться, что и предлагаемая работа окажется полезной в этом отношении, тем более, что подлинно научная биография Достоевского до сих пор еще не создана. Читатели, интересующиеся отдельными аспектами жизни и деятельности Достоевского и историей его эпохи, также найдут здесь многообразные факты.

Публикация охватывает почти всю жизнь Достоевского — с момента поступления его в Инженерное училище. Юность и молодость писателя представлены преимущественно письмами родственников. Суровая кара, которой подвергся Достоевский в 1849 г., репрессивная политика царизма в последующие годы заставили многих перепуганных и просто осторожных людей, так или иначе соприкасавшихся с петрашевцами, подвергнуть уничтожению все следы своего знакомства с «крамольным» писателем. Следующее десятилетие — когда Достоевский был заживо погребен в Сибири, также не отличается обилием откликов. Резко меняется картина после возвращения писателя в Петербург. Его личность, его взаимоотношения с родными и близкими, семейная жизнь, горестные утраты, литературные успехи, идейные искания, материальные невзгоды, цензурные преследования, подвижнический творческий труд, редакторская и издательская деятельность находят отражение в выявленных письмах, расширяя границы прежде известных фактов и по-новому их освещая.

Семидесятые годы, как я уже отмечал, характеризуются огромным ростом популярности Достоевского, и число выявленных свидетельств современников увеличивается в соответствующей пропорции, причем на кульминационные пункты последнего периода жизни писателя приходится особенно значительная в количественном отношении и наиболее содержательная часть откликов современников.

Как же вырисовывается личность Достоевского из новоявленных писем?

Шестнадцатилетний юноша после тягостных хлопот и изнурительных экзаменов принял, наконец, в число воспитанников Петербургского Инженерного училища. По словам его старшего брата Михаила, он «выглядит молодцом» в своем новехоньком «кондукторском» мундире. Но с первых же дней Достоевский томится, «скушает фронтом; ибо перед всяким офицером надобно вытягиваться!» (п. 3). Этот штрих предве-

* Публикации М. А. Цявловского «Пушкин по документам архива М. П. Погодина», В. Б. Враской «Пушкин в переписке родственников» и др.

щает многое. Здесь уже намечается та неожиданная для посторонних, но вполне закономерная коллизия, которая завершится выходом в отставку двадцатитрехлетнего военного инженера, ненавидящего свое служебное ярмо. Брат характеризует молодого Достоевского как человека «очень, очень» доброго, «с сильным, самостоятельным талантом, с глубокою эрудицией», «с сильною душою и энергическим характером» (п. 11 и 13).

После долгих лет, проведенных на каторге и в солдатских казармах, Достоевский возвращается к насильственно прерванной литературной деятельности.

«Как этот человек в душе сохранил все добрые качества! — восклицает в одном из писем его младший брат Николай. — Столько еще у него надежд на будущее! Он, кажется, спит и бредит о своей литературе. Его призвание настоящее, он не ошибся в нем» (п. 22). «Это превосходнейший человек во всех отношениях, — пишет о Достоевском в 1860 г. его брат Михаил. — Талант его вы знаете, знаете отчасти его мягкую душу из его сочинений, но не знаете вполне всей доброты, всего ума, всей обворожительности разговора этого человека» (п. 24). В его произведениях «вся его душа, вся его жизнь видна, как на ладони. Этот человек готов всегда жертвовать собою для блага ближнего» (из письма брата Николая, 1862 г., п. 37). «Он такой добрый, прекрасный и любящий человек, что, право, невозможно его не любить и не быть с ним вечно счастливой», — пишет молодая жена Достоевского Анна Григорьевна в 1868 г. (п. 66).

Не все характеристики Достоевского, выявленные в письмах его современников, апологетичны.

Аполлона Николаевича Майкова Достоевский относил к числу своих ближайших друзей. Письма, публикуемые ниже, дают возможность несколько уточнить и объективировать характер их взаимоотношений. В письме к своей жене, датированном 26 мая 1879 г., Майков высказывает убеждение, будто Достоевский готов помогать друзьям «только *в идее*». «А на практике и оскорбит, и обидит, и рассердит, это уж такой человек». «Он в вечной лихорадке, — добавляет Майков, — и сам нуждается в уходе за собой от всех близких ему людей, которые в состоянии оценить и высоту его понятий, и высоту его таланта» (п. 171). Отнюдь не дружеским настроением проникнуто одно из следующих писем Майкова, в котором он говорит о «невозможности» характера Достоевского, о «грубом проявлении» им «любви, ревности, всяческих требований, смотря по минутной фантазии». Любопытны строки, завершающие эту характеристику: «Насчет расточаемого им титула дураков — ключ вот какой: все, что не есть крайний славянофил, тот дурак. Словом, он в своей логике такой же абстракт, как и все *головые* натуры, как и нигилисты, такой же беспощадный деспот, судящий не по разуму жизни, а в силу отвлеченного понятия» (п. 175).

«Дружба-вражда» Достоевского с его соратником по журнальной деятельности и будущим биографом Николаем Николаевичем Страховым проанализирована Л. М. Розенблум в статье «Творческие дневники Достоевского» («Лит. наследство», т. 83, стр. 16—23). Публикуемые ниже письма Страхова вносят немало нового в историю их отношений.

«С Достоевскими я чем дальше, тем больше расхожусь. Федор ужасно самолюбив и себялюбив, хотя не замечает этого», — пишет Страхов брату 25 июня 1864 г. (п. 49). Это высказывание — не след минутного раздражения: тонкая, но прочная нить ведет от него к проникнутой ненавистью характеристике Достоевского, которую Страхов изверг через двадцать лет в письме к Л. Н. Толстому.

В *Приложении* я привожу текст незаконченной статьи Страхова «Наблюдения. Посвящается Ф. М. Достоевскому», написанной в эпистолярной форме (начало 1860-х годов). Эта статья воссоздает картину его идейных разногласий с Достоевским, обсуждавшихся во время их совместного пребывания во Флоренции в 1862 г. Как отмечает Л. М. Розенблум по поводу этого документа, обнаруженного мною в киевском архиве Страхова, «спор во Флоренции затронул один из главнейших вопросов мировоззрения Достоевского и его творчества <...> Страхов, спокойно прокламирующий презрение к человеку, был идейным антагонистом Достоевского в гораздо большей мере, чем революционные демократы, хотя и выступал в качестве его союзника. От рассуждений Страхова веяло ненавистным Достоевскому схематизмом отвлеченной

мысли, пренебрежением к живым интересам человека» («Лит. наследство». т. 83, стр. 17—19).

Исторический романист, критик и мемуарист Всеволод Сергеевич Соловьев не без основания относил себя к числу молодых друзей и учеников Достоевского. Его письма и дневниковые записи дают возможность проследить различные фазы его отношений с писателем. Получив в ночь на 1 января 1873 г. визитную карточку Достоевского с несколькими дружескими словами, он сообщает своей матери: «Еще никогда я не был так счастлив — на карточке стоит имя человека, которого я признаю гениальным, перед которым я благоговей, о знакомстве, о дружбе которого я несколько лет мечтал, как о недостижимом счастье» (п. 77). В дальнейших письмах Соловьев, привлеченный Достоевским к деятельному сотрудничеству в «Гражданине», сообщает, что у него «чуткость слуха только теперь развивается под строгим влиянием» его «замечательного, но, к несчастью, часто раздраженного учителя». «Моя школа подчас мне трудно дается, но я не унываю», — заключает Соловьев (п. 90). Время развело Достоевского с Соловьевым. К отдельным произведениям прославленного мастера молодой критик начинает относиться с некоторым пренебрежением, находя, что Достоевский «в последние годы страдает художественной лихорадкой и пишет так: удачная вещь, потом неудачная, потом опять удачная» (п. 153). Это строки из письма Соловьева к реакционному беллетристу и религиозному философу К. Н. Леонтьеву. Попытку Леонтьева поставить себя как художника в один ряд или даже выше Достоевского Соловьев, однако, встречает резкой отповедью, рискуя навсегда оборвать свою дружескую связь с ним (п. 173).

Характерны высказывания о Достоевском в письмах самого Леонтьева, ревниво следившего за литературными успехами автора «Братьев Карамазовых» и раздраженно критиковавшего его за «отвратительные грубости и ненужные реальности» (примеч. к п. 158), так же как и за недостаточную, по его мнению, последовательность в области религиозно-философских построений.

В ряде документов упоминаются не дошедшие до нас письма Достоевского к разным корреспондентам и частично раскрывается их содержание. Драгоценен отрывок из неизвестного письма Достоевского к брату Михаилу (от двадцатых чисел ноября 1844 г.), приводимый последним текстуально. В нем идет речь о самовольном выходе Достоевского в отставку, вопреки желанию его родных и опекуна:

«Итак, я со всеми рассорился. Дядюшка, вероятно, считает меня неблагодарным извергом, а зять с сестрою — чудовищем. Меня это очень мучает. Но со временем я надеюсь помириться со всеми. Из родных остался мне ты один. Остальные все, даже дети, вооружены против меня. Им, вероятно, говорят, что я мог, забудыга, лентяй, не берите дурного примера, вот пример — и тому подобное. Эта мысль мне ужасно тяжела. Но бог видит, что у меня такая овечья доброта, что я, кажется, ни сбоку ни спереди не похож на изверга и на чудовище неблагодарности. Со временем, брат, подождем. Теперь я отделен от вас от всех со стороны всего *общего*; остались те пути, которые покрепче всего, что ни есть на свете, и движимого и недвижимого. А что я ни сделаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоразумный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь. А если не ошибаюсь?

Итак, бог с ними! Пусть говорят, что хотят, пусть подождут. Я пойду по трудной дороге!..» (п. 13).

Семейная жизнь Достоевского, ее трудовые будни, радости и невзгоды отражены в ряде писем жены писателя — Анны Григорьевны. Первые из них относятся к заграничному периоду жизни Достоевского. «Женева — место невеселое, и бедный Федор Михайлович просто пропадает здесь без людей от скуки» (п. 62). После смерти дочери Соии (1868) Анна Григорьевна пишет А. Н. Майкову: «Как мы были счастливы в эти три месяца, пока у нас жила Соня (<...> Федор Михайлович любил ее больше всего на свете и говорил, что никогда он еще не был так счастлив, как при Соне. Бедный, он так теперь горюет, что и сказать нельзя» (п. 66). «Федор Михайлович по целым дням без устали работает и ужасно измучился» (там же).

Последняя из приведенных строк становится настоящим лейтмотивом писем Анны Григорьевны после возвращения Достоевских в Россию: «Я теперь арестована:

очень много пишу для Федора Михайловича, поправляю корректуры и езжу по его поручениям. Он же решительно не имеет ни минуты свободной, так сильно занят в редакции» (п. 93). «Мы ужасно спешим работать; недавно у Федора Михайловича был сильный припадок от усиленной работы, и от припадка он не может еще поправиться» (п. 170). «Вечером же никогда не свободна, так как диктуем напропалую и спешим отослать в „Русский вестник“ „Братьев Карамазовых“» (п. 194). И так продолжается все время. В письме, написанном за два месяца до смерти Достоевского, Анна Григорьевна сообщает брату мужа: «...Федор Михайлович жалуется несколько на грудь. Но работы ужас как много, просто не остается ни минуты свободной <...> Каждый час, каждая минута занята, и как ни работаешь, а видишь, в конце концов, что не сделала и половины из того, что предполагала <...> Как ни бейся, как ни трудись, сколько ни получай, а все при здешней дороговизне уходит на жизнь, и ничего-то себе не отложишь и не сбережешь на старость. Право, иной раз руки опускаются и приходишь в отчаяние <...> Я хочу уговорить Федора Михайловича переехать куда-нибудь в деревню: меньше заработаем, зато меньше и проживать будем да и работать меньше придется, жизнь пригляднее станет, в отчаяние не будешь приходить, как теперь» (п. 218). «Все 14 лет нашей общей жизни мы работали с ним, как волю <...>, — писала после смерти Достоевского Анна Григорьевна Е. Ф. Юнге. — И вечно-то мы нуждались, вечно едва сводили концы с концами, тревожились и мечтали хоть о самом крошечном обеспечении. И вот, он умирает, — и я обеспечена, у меня пенсия. Ну не горькая ли это насмешка? Когда было дозарезу надо, когда человек убивал себя над работой — обеспечения не было, и вот оно явилось для меня, когда оно совсем не нужно» (п. 267).

Достоевский с начала 1870-х годов был втянут своими московскими родственниками в бесконечный судебный процесс в связи с наследством, оставленным его богатой теткой А. Ф. Куманиной. Подробности этой мрачной имущественной тяжбы в духе Диккенса и Бальзака занимают весьма заметное место в письмах современников. Последнее десятилетие жизни Достоевского было буквально отравлено этим делом и той атмосферой ненависти и подозрительности, которая окружала сопоследики. Непрерывающиеся распри, совещания, переговоры с судебными крючкотворами, адвокатами, поверенными, переписка, составление контрактов, векселей и т. п. — отнимали у писателя бездну времени и сил. Спором о «куманинском наследстве» была вызвана и скоропостижная смерть Достоевского (визит сестры Веры Михайловны, бурный ее разговор с Достоевским об имущественных делах, кровотечение из легких и смерть через два дня).

Одна характерная подробность невольно наводит на размышления об изумительных прозрениях, к которым способен в своем творчестве гений, и о полной беспомощности его в практических, порой незамысловатых личных делах. В «Преступлении и наказании» Достоевский с поразительной диалектической тонкостью и глубокой проницательностью анализирует запутанный ход следствия; книга его может служить своего рода пособием по криминалистике. На практике же писатель становится втупик перед самыми несложными казусами.

Доменика Ивановна, жена брата Достоевского Андрея Михайловича, женщина без образования и без претензий на иронию, сообщает мужу 23 октября 1877 г. о Достоевском: «От него я узнала, что он получил повестку, кажется из суда, о взыскании с него денег по куманинскому наследству; дело будет разбираться 11 ноября <...> Получил он эту повестку 18 октября и до сих пор еще ничего не предпринимал делать по этому делу. Но, как я заметила, что это его очень волнует <...> Федор Михайлович, как видно, ничего в этом деле не понимает, говоря, что он не юрист, а боится, что оно будет проиграно» (п. 131).

Отклики современников на публичное чтение Достоевским своих произведений представляют интерес как для характеристики самого Достоевского, так и отношения к нему широких слоев столичной интеллигенции. Особенно часты были эти выступления в 1879 г. Они всегда проходили с шумным успехом и оканчивались овациями. После одного из таких чтений Х. Д. Алчевская писала жене Достоевского: «Я недоумевала, откуда этот громкий, сильный голос, эта безграничная энергия, потрясающая нервы слушателя; неужели этот бледный, болезненный, слабый человек, которого я видела вчера, и неужели сила духа может творить подобные чудеса?» (п. 163).

И. С. Тургенев, во время своих приездов в Петербург, также выступал с публичными чтениями — нередко на тех же литературных вечерах, что и Достоевский. Враждебные отношения, установившиеся между обоими писателями, не составляли тогда секрета и невольно наталкивали читателей и слушателей на своего рода «плутарховы параллели». Судя по документам, выявленным мною, сравнение это чаще делалось в пользу Достоевского, творческая мощь которого явно перевешивала филигранное мастерство Тургенева. Сторонников Достоевского особенно возмущали «западнические» тенденции автора «Дыма». Особенную остроту и резкость это антагонистическое сопоставление приобрело после выхода в свет «Нови» Тургенева, разочаровавшей оба противоположных лагеря русской общечественности.

Ни один из романов Достоевского не вызывал у читателей такого напряженного и всеобщего интереса, как «Братья Карамазовы». Каждая книжка «Русского вестника», в которой роман печатался, бралась прямо с бою. Временный перерыв в публикации, вызванный просьбой самого Достоевского, воспринимался читателями как мошенническое ухищрение издателя журнала. «Протестуйте же снова хоть сто раз против приемов, применяемых Катковым, — писал один из нетерпеливых читателей «Братьев Карамазовых». — Никто не насмехается так над публикой, как он, заставляя ожидать, затаив дыхание, все интеллигентное население России» (п. 179).

Читатель этот — не кто иной, как романист и музыкальный критик Ф. М. Толстой, незадолго до того почти равнодушно отозвавшийся о «Братьях Карамазовых» в письме к историку литературы О. Ф. Миллеру. Восторженное отношение Миллера к гениальному произведению Достоевского заставило Толстого внимательно перечитать напечатанные к тому времени главы, и вот что он пишет своему корреспонденту 14 августа 1879 г.: «Последний роман Достоевского, действительно, *как вы это говорите*, — идеальное произведение, и все наши беллетристы-психологи — со Львом Толстым во главе — не больше чем детишки в сравнении с этим суровым и глубоким мыслителем. Перебирая в уме чудовищные бессмыслицы, которые я позволил себе высказать в своем первом письме, я *краснею от стыда*, и только одну фразу я считаю возможным отстаивать и теперь — это параллель между „Человеком с содранной кожей“ Микеланджело и некоторыми местами в творениях Достоевского, но с той, однако, разницей, что произведение Микеланджело — это анатомический этюд, а произведение Достоевского — это этюд психологический, или, вернее, *viviseкция*, производимая над живым человеком. Те, кто присутствует при этом эксперименте *in anima vili*, видят, как трепещут мускулы, течет ручьем кровь, и — что еще ужасней — они видят себя отраженными в глазах, „этом зеркале души“, и в мыслях человека, вскрытие которого производит автор».

Великие критики, революционные демократы, руководители русского общественного мнения — Белинский, Добролюбов, Писарев — подвергли в свое время глубокому и сочувственному разбору ряд произведений Достоевского 1840-х — 1860-х годов («Бедные люди», «Двойник», «Униженные и оскорбленные», «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание»). В 1870-х годах подобных критиков в России уже не было. Мелкотравчатые, поверхностные и зачастую недоброжелательные рецензии, появлявшиеся в периодической печати, вызывали у Достоевского едкое чувство неудовлетворенности и досады. Читая письма своих многочисленных корреспондентов, он по временам с отрадой сознавал, что все же понят и ценим, что восприятие его произведений совпадает с авторским замыслом.

Екатерина Федоровна Юнге, молодая художница, дочь бывшего президента Академии художеств гр. Ф. П. Толстого, в письме к Достоевскому с неподдельным энтузиазмом, взволновавшим писателя, говорит о «Братьях Карамазовых» как о шедевре истинного реализма, сочетающегося с поэзией, философией и гуманностью. Реализм Достоевского она ставит гораздо выше реализма Золя, Гонкуров и Доде. «Ведь это почти достижение идеала искусства, — восклицает Юнге, — человек, который реалист, точный исследователь, психолог, идеалист и философ (<...> — у него совсем философский ум». Корреспондентка особенно отмечает умение Достоевского «войти в скверное, преступное сердце и выкопать там нечто и прекрасное» (примеч. к п. 193).

Мать Юнге, ознакомившая Достоевского с этим письмом, сообщила своей дочери о впечатлении, произведенном на него чтением:

«Померетого, как жена его читала <...>, лицо его прояснилось, покрылось жизненной краской, глаза блестели удовольствием, часто блестели слезами. По прочтении письма мне казалось, что он вдруг помолодел <...> Когда я уходила, он просил меня передать тебе его глубокую признательность за твою оценку к его труду, прибавив, что в письме твоим полная научная критика, и лучшая какая-либо была и будет и которая доставила ему невыразимое удовольствие <...> Все время, пока я одевалась в передней, он только и твердил, чтобы я не забыла передать тебе его благодарность за то, что так глубоко разбираешь его роман „Карамазовых“, и сказать тебе, что никто так еще осмысленно его не читал» (п. 193).

Участие Достоевского в Пушкинских торжествах 1880 г., являвшихся, по словам И. С. Аксакова, «великим фактом в истории нашего самосознания», «победой духа над плотью, силы и ума и таланта над великою, грубою силою, общественного мнения над правительственной оценкою, до сих пор удостаивавшею только военные заслуги своей признательности» (п. 208), посвящен ряд писем и дневниковых записей. Особенно интересен с фактической стороны обширный отчет, сделанный археологом М. А. Веневитиновым. Он отмечает «гул восторга», с которым публика встретила появление на эстраде Достоевского. «Блестящие места речи, — пишет он, — невольно захватывали дух у слушателей своею глубиною и заставляли залу неоднократно прерывать оратора взрывами восторженных рукоплесканий» (стр. 504).

Энтузиастическое отношение Веневитинова к Достоевскому сочеталось в нем с крайней антипатией к Тургеневу, разделившему триумф Достоевского на Пушкинских торжествах.

Речь Достоевского наэлектризовала аудиторию; призыв к слиянию интеллигенции с народом, утверждение, что «ко всемирному, ко всечеловечески братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено», вызвали овацию. Но проповедь смирения «свела весь смысл речи почти на нуль», — отмечал в «Отечественных записках» Г. И. Успенский. Революционно-демократическая и значительная часть либеральной печати вскоре выступили с критикой прославленной речи.

Не удовлетворило выступление Достоевского и наиболее реакционных публицистов. К. Н. Леонтьев, высокомерно осуждавший оратора за его веру в грядущее земное счастье, сближавшую ее с социалистическими идеалами, противопоставил этой вере «истинно христианское учение» о возможности счастья для человечества только в загробном мире. Политический интриган и бездарный романист Б. М. Маркевич 16 августа 1880 г. в письме к Леонтьеву с притворным пафосом заявил, что «христианское разумение» Леонтьева «и чище, и плодотворнее» «расплывчатой любви» Достоевского, «так как оно расцветает на чисто евангельской почве» (п. 210). Маркевич определил при этом основное положение речи Достоевского как компромисс между христианским учением и социализмом.

Славянофилы, и, в первую очередь, И. С. Аксаков, искренно восторгаясь речью Достоевского, признавали, однако, что выраженные в ней мысли «не новы ни для кого из славянофилов»: «Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата Константина Сергеевича, — писал Аксаков. — Но Достоевский поставил его на художественно-реальную почву, но он отважился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только что рукоплескала, и сказать с такою силой суждения, которая, как молния, прорезала туман их голов и сердец, — и, может быть, как молния же, и исчезла, прожестги только души немногих» (п. 211).

Откликами на смерть Достоевского в письмах его друзей, знакомых и родственников, а также представителей мира литературы и искусства завершается основной раздел публикации.

Сквозь традиционную, банальную фразеологию, в которую обычно облакаются официальные, а порой и неофициальные выражения скорби, в эпистолярных материалах о Достоевском ощутимо пробивается струя неподдельного горя и сознание колоссальной утраты, понесенной русской литературой и русским народом.

Увидев, насколько силен резонанс, вызванный кончиной Достоевского, правительство и церковные власти взяли на себя руководство общественным мнением. Офи-

диальные и официозные газеты, в частности «Новое время», превратились в своего рода амвоны, с которых непрестанно возвещалось, что у Достоевского особенно были «крепки основы веры, народности и любви к отечеству» (слова К. П. Победоносцева). Вдове и детям покойного была назначена крупная пенсия. Александро-Невская лавра безвозмездно предоставила покойному писателю почетное место на своем кладбище. Члены царствующей фамилии и министры «удостоили своим присутствием» скромную квартиру Достоевского. Траурной церемонией пытались придать сугубо официальный характер; были приняты меры, чтобы погребальная процессия не превратилась — стихийно или сознательно — в антиправительственную демонстрацию; на кладбище впускали строго по билетам и т. п. Но самый факт оказания беспрецедентных посмертных почестей писателю с революционным прошлым был весьма красноречив. Характерный эпизод отмечен А. Н. Энгельгардт:

«Его похороны были событием. Ни с чем не сравнимая пышность его похорон обратила на себя внимание даже людей из народа, осведомлявшихся, что же собой представляла эта великая личность, этот генерал, которому отдают столь блистательные почести? На вопрос подобного рода, заданный человеком из народа, который спросил, кого ж это хоронят с такой небывалой торжественностью, один студент ответил: „Бывшего каторжника“» (стр. 541).

Украинский филолог П. Г. Житецкий писал сыну 10 февраля 1881 г.:

«...Так не хоронят ни богатей, ни власть имущих — так хоронят только любимцев народной массы, которые всю свою жизнь боролись за этот народ, защищали его от всяких напастей и долгими годами страдания приобрели себе любовь народа. Это даже мало напоминало похороны — это было какое-то народное празднество; как-то легко на душе, потому что видишь перед собою не смерть с ее вечным сном и забвением, а лишь преходящий момент в жизни человека, который еще долго, долго будет жить в своем народе» (п. 256).

* * *

Выявление материалов для публикации производилось мною в следующих архивах: Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Центральном государственном архиве литературы и искусства, Отделе рукописей Государственного литературного музея, Центральном государственном архиве древних актов, Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства, Отделе письменных источников Государственного исторического музея, Архиве Государственного центрального театрального музея им. А. А. Бахрушина, Архиве Государственной Третьяковской галереи, Архиве Л. Н. Толстого, Архиве Института русской литературы Академии наук СССР, Центральном Государственном историческом архиве СССР, Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Архиве Центральной научной библиотеки Академии наук УССР. Просмотрено свыше ста фондов.

В комментариях к публикации также приводятся неизданные письма современников Достоевского и свыше 50 писем разных лиц, адресованных самому писателю (полностью и в выдержках): Н. С. Абазы (1881), И. С. Аксакова (1880—1881), Н. П. Аloverга (1879), Х. Д. Алчевской (1876), К. И. Бабикова (1868), А. Ф. Благоправова (1880), Н. П. Вагнера (1876), П. А. Висковатова (1871), М. И. Владиславлева (1871—1872), А. Е. Врангеля (1867), Е. Н. Гейден (1880), М. М. Достоевского (1841), Н. М. Достоевского (1874 и 1880—1881), А. Г. Достоевской (1872—1875), И. Желтова (1873), А. Е. Зурова (1879), К. А. Иславина (1880), В. М. Карепиной (1878), А. А. Киреева (1879—1880), М. Н. Климентовой-Муромцевой (1880), С. П. Колошина (1864), А. Е. Комаровской (1880), В. М. Лаврова (1880), Н. К. Лебедева-Морского (1880), А. В. Лохвицкого (1877), О. Ф. Миллера (1879), О. А. Новиковой (1879—1880), М. П. Погодина (1864), П. Н. Полевого (1876), Е. А. Рыкачевой (1875), Вл. С. Соловьева (1878), Н. Н. Страхова (1862, 1874), А. С. Суворина (1880), И. Тришина (1878), Е. А. Цертелевой-Лавровской (1880), В. Д. Шера (1880), И. Н. Шидловского (1864), А. А. Шкляревского (1873), Е. Ф. Юнге (1879 и 6/д), С. А. Юрьева (1880) и неустановленных лиц (1879 и 6/д).

I

В ИНЖЕНЕРНОМ УЧИЛИЩЕ. — ВЫХОД В ОТСТАВКУ. — «БЕДНЫЕ ЛЮДИ». — АРЕСТ И КАТОРГА. — ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ. — «ВРЕМЯ». — «УНИЖЕННЫЕ И ОСКОРБЛЕННЫЕ». — «ЭПОХА». — СМЕРТЬ М. М. ДОСТОЕВСКОГО. — ВТОРОЙ БРАК
(1837—1867)

1. М. А. ДОСТОЕВСКИЙ — К. Ф. КОСТОМАРОВУ

«Москва» 8 ноября 1837 г.

...Утешительное для меня письмо ваше¹ я имел удовольствие сего 7 ноября получить, душевно благодарю вас за оное <...> Уверен будучи из писем детей моих² в вашем всегдашнем к ним расположении, нимало не сомневаюсь, что вы употребите все нужное для их пользы.

В прошедшем моем письме³, не имея никакого сведения о детях моих, я терзался сомнением и был в отчаянии, а потому прошу вас простить мне, что я так часто обременяю вас моею перепискою. Но я пишу к отцу и с сей стороны остаюсь покоен. Впрочем, поручая себя и детей моих в ваше доброе расположение, честь имею пребыть, милостивый государь, с должным уважением, ваш покорнейший слуга Михаил Достоевский.

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 10. 45.

Михаил Андреевич *Достоевский* (1789—1839) — отец писателя.

Коронад Филиппович *Костомаров* (1803—1873) — содержатель подготовительного пансиона для юношей, поступающих в Инженерное училище. Михаил и Федор Достоевские были приняты в его пансион в мае 1837 г. («Жизнь и труды Достоевского», стр. 291). В 1839 г. Достоевский уверял отца: «Костомаров обморочил вас и только взял с вас деньги за нас, тогда как мы могли бы и без приготовления поступить в Училище» («Письма», IV, стр. 242).

¹ Это письмо Костомарова, как и все его остальные письма к М. А. Достоевскому, неизвестно.

² См. «Письма», I, стр. 41—45; IV, стр. 228—232. Некоторые письма к отцу из Петербурга, подписанные братьями Достоевскими, принадлежат перу Михаила. Об этом свидетельствуют не только характерные черты эпистолярного стиля старшего брата в эти годы. Начав с местоимения «мы», автор писем, т. е. Михаил, нередко тут же переходит к своим личным делам и до конца письма ведет его уже от своего собственного имени. То обстоятельство, что на письмах стоит подпись обоих братьев, не делает Достоевского их автором и даже соавтором. Помещение этих писем в одном ряду с письмами, действительно написанными самим Достоевским и выдержанными в совсем другом ключе, — нелогично. Они должны помещаться в приложениях к собраниям писем Достоевского или, в крайнем случае, в разделе «Коллективные».

³ Упоминаемое письмо М. А. Достоевского к Костомарову неизвестно.

2. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 19 января 1838 г.

... Брат уже поступил в Училище¹, как, я думаю, вы и видите по тому, что я пишу к вам от своего имени. В воскресенье надеюсь видеть его во всей амуниции. Не знаю, как-то он ознакомится с своими товарищами <...>

Насчет наших писем не беспокойтесь; они целы и невредимы. На почту я их ношу сам, потому что пишу всегда не в узаконенное время! Я было и сам сперва насчет этого беспокоился, — но теперь совершенно покоен! Может быть, читают иногда на почте, что случается, но до этого нам дела нет! Пусть читают — ничего не вычитают...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382.

¹ О своем поступлении в Инженерное училище сам Достоевский сообщил отцу 4 февраля 1838 г. («Письма», IV, стр. 234).

3. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 29 января <1838 г.>

...Брата я нынче видел! Сегодня рождение Михаила Павловича¹ — и в Училище генерал² делает бал! Они теперь, я думаю, подняли пыль до небес! Кондукторы³ с ним очень ласковы! Какой он молодец в своем мундире! Только скачет фронтом; ибо перед всяким офицером надобно вытягиваться!⁴ <...>

Как жаль! Мы лишаемся теперь на несколько месяцев нашего доброго, любезного поэта Ивана Николаевича Шидловского!⁵ Он едет в Харьков, чтоб отдохнуть от *петербургской, дурацкой* жизни, как вы сами, бывши здесь, ее назвали! <...>

Брат с будущею почтою будет писать к вам⁶...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382. — Отрывок напечатан в сб. «Достоевский и его время». Л., 1971, стр. 280.

¹ Великий князь *Михаил Павлович* (1798—1849) — младший брат Николая I, начальник военно-учебных заведений.

² Генерал-лейтенант Василий Львович *Шарнгорст* (1798—1873) — начальник Инженерного училища.

³ *Кондукторами* назывались воспитанники Инженерного училища.

⁴ Ср. письмо Достоевского к отцу, датированное 4 февраля («Письма», IV, стр. 234—236). Отклик М. А. Достоевского на эти строки см. в его письме к Михаилу, написанном 12 февраля (В. С. Н е ч а е в а. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939, стр. 118—119).

В письме (б.д.), относящемся к этому времени, Михаил Достоевский сообщал отцу: «В субботу и в воскресенье я видел брата! Ну, папашка! каким он стал молодцом в своем новом мундире! Я надеюсь также, ежели не на этой неделе, то на той непременно надеть мундир! <...> Брату все нужное будет куплено; он тысячу раз просит у вас прощения, что не мог написать к вам! потому что не успел! в будущем письме он напишет!» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382).

⁵ Иван Николаевич *Шидловский* (1816—1872) — приятель Достоевского, «откровенная чистая душа» («Письма», I, стр. 56 и 463—464). Шидловскому посвящена брошюра М. П. Алексеева «Ранний друг Ф. М. Достоевского». Одесса, 1922. Братья Достоевские сильно преувеличивали творческие способности этого молодого человека, находившего, в свою очередь, крупный поэтический талант в М. М. Достоевском.

Из письма М. М. Достоевского к отцу (Ревель, конец января 1839 г.): «Вы изъявили желание, любезный папашка, читать мои стихотворные попытки! Итак, посылаю вам бедное блюдо из моей поэтической поварни! По своему содержанию, я знаю, оно будет вам по сердцу. Я не могу вспомнить покойной маминьки без сильного душевного движения! Летом я видел ее во сне: видел, будто она нарочно сошла с небес, чтоб только благословить меня, и это было причиной рождения моего стихотворения. Я посылаю его брату; он читал его Шидловскому, и Шидловский в восхищении от него; он так хвалит мой талант, что я, право, не знаю, достоин ли я всех похвал его. Я переслал уже ему стихотворений с десятью; он пишет ко мне огромнейшие письма...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382). Об упоминаемом в этом письме стихотворении М. М. Достоевского «Видение матери» см. на стр. 325—327 настоящ. тома. 31 октября 1838 г. Достоевский писал брату: «В твоём стихотворенье: „Виденье матери“, я не понимаю, в какой странный абрис облек ты душу покойницы. — Этот замогильный характер не выполнен. Но зато стихи хороши, хотя в одном месте есть промах. — Не сердись за разбор» («Письма», I, стр. 51). См. также примеч. 4 к п. 5.

⁶ Михаил Достоевский сообщал отцу 17 февраля 1838 г.: «Брат к вам писал уж. Он мне рассказывал, что вы боитесь, чтоб его не прикомандировали к какому-нибудь кадетскому корпусу? Этого никогда не может быть, будьте совершенно покойны!» И 28 февраля: «Брат очень доволен также своим Училищем. У них чудеснейшие учителя» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382).

4. М. А. ДОСТОЕВСКИЙ — К. Ф. КОСТОМАНОВУ

<Москва> 1 марта 1838 г.

... Давно уже следовало бы мне возблагодарить вас за оказанные вами сыну моему пособия в определении его в инженерные юнкера¹; но, во-первых, открывшаяся старая болезнь — ревматизм, от января месяца до сих пор продолжающаяся; во-вторых, не имев от сына моего ни-

какого известия от 29 прошедшего января по 27 число сего февраля, лишен был удовольствия исполнить сие. Теперь приятнейшею поставляю для себя обязанностью принести вам, милостивый государь, мою душевную благодарность за ваши благодеяния, оказанные детям моим, в особенности старшему моему сыну — прошу вас покорнейше не оставить их и в предбудущее время вашими советами, а вместе с сим позвольте вас еще утруждать моею покорнейшею просьбою, постараться о переводе его в Инженерный замок ². Еще мне за несколько пред сим временем приискорбно было прочесть в письме сына моего, что будто бы вы полагали меня способным написать что-то предосудительное к одному из начальствующих лиц на ваш счет ³. Поверьте, что ежели бы и написал, то кроме душевной моей благодарности я не мог бы более ничего написать. Уповаю, что вы сим перемените обо мне ваше мнение и равным образом довершите ваше доброе расположение к сыну моему, споспешествуя в переводе его в Инженерный замок, для совместного или, по крайней мере, близкого нахождения с меньшим моим сыном; сим пожизненно обяжете пребывающего к вам, с душевною благодарностию и таковым же уважением, милостивый государь, вашего покорнейшего слугу Михаила Достоевского.

Писарской текст с автографической подписью. ЛБ, ф. 93. II.10.45.

¹ М. М. Достоевский, не принятый в Инженерное училище, был зачислен 25 января 1838 г. «кондуктором 2-го класса» в С.-Петербургскую инженерную команду, о чем поспешил сообщить отцу (сб. «Достоевский и его время», стр. 280).

² Поступить в Инженерное училище Михайлу Достоевскому не удалось и впоследствии.

³ В конце января 1838 г. Михаил Достоевский извещал отца: «Костомаров очень беспокоится, узнав, что вы кое-что написали об нем к Геруа! Я ничего не знаю об этом. Он просил меня, чтоб я написал к вам об этом и чтоб вы насчет этого успокоили его своим письмом и написали ему, в каком смысле вы к Геруа писали» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382). Александр Клавдиевич Геруа (1785(?)—1852) — генерал-лейтенант, управляющий Инженерным департаментом и инспекторской частью Инженерного корпуса.

5. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

⟨Ревель ¹⟩ 8 мая ⟨1838 г.⟩

...Благодарю, много, много благодарю я вас за всё: и за деньги и за письмо, а особливо за известие (хотя и неполное) о брате! ² Вот уже более полугода, как я об нем ничего не знаю; это меня мучило — и я, как и вы, папинька, стал бог знает что придумывать о его молчании; даже — сказать ли вам эту глупость — стал прилежно читать приказы, думая найти его имя в списке или отживших или живущих, но как живущих?! Можете вообразить, каково мне было успокаивать вас, писать, что он здоров, и тому подобное, когда я сам знал об нем еще менее, нежели вы! Но скажите, ради бога, что это за причина, какая это была причина, заставившая его изломать перо свое для нас? Вот загадка! Слава богу, что я не любопытен, а то пришлось бы ломать голову до тех пор, пока хотя одна светлая отгадка вылетела бы из ее обломков! Как я рад, что наша маленькая драма развязалась по крайней мере хорошо, без катастроф! ³ <...> Напишите, сделайте милость, брату, чтоб он писал ко мне; меня теперь все позабыли; один только я всех помню! ⁴

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382.

¹ Через три месяца после вступления Михаила Достоевского в Петербургскую инженерную команду он был откомандирован в Ревельскую инженерную команду («Вопросы литературы», 1971, № 5, стр. 249; ср. сб. «Достоевский и его время», стр. 281).

ДОСТОЕВСКИЙ

Рисунок (карандаш) К. А. Трутовского, 1847. Ручкою художника:

«К. Трут. 1847. Ф. М. Достоевский — 1847»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

² Это письмо М. А. Достоевского к сыну неизвестно.

³ 26 мая Михаил Достоевский писал отцу: «От брата я еще не получал писем: думаю, что они в лагерях и потому лишены удовольствия в переписке. Я сам не знаю, куда адресовать свои письма к нему. Я думаю, в Инженерное училище, оттуда есть сообщение с лагерями, следовательно передадут. Брата я также ссужал деньгами: на книги; с них бради также подписку за исповедь и за коньки! Это уж всегда бывает! Да и так ему иногда надобились деньги на мелочи» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382).

⁴ 27 мая в письме к Достоевскому его отец замечал о Михаиле: «Я его в нескольких письмах разобрал, что он, ведя переписку с Шидловским, об тебе писал глухо, что ты здоров и не имеешь никаких неприятностей, не имея сам о тебе ни малейшего сведения; но я на него и сам сердит, что он употребляет время на пустое, на стихокорпание» (В. С. Нечаева. В семье и усадьбе Достоевских, стр. 121—122).

6. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — М. А. ДОСТОЕВСКОМУ

⟨Ревель. Начало октября (?) 1838 г.⟩

... О брате Феде не беспокойтесь. Он мне писал то же самое, но это только одни его догадки¹. Это больше зависит от экзамена, нежели от чертежей. Притом же, ежели б его и оставили еще на год в третьем классе, то это еще совсем не беда, а, может, было бы и к лучшему. Положим, что он пробудет лишний год кондуктором, но зато он может тогда выйти из училища первым и получить прямо поручика, а это не шутка! Поверьте мне: я очень хорошо знаю все их учреждения и обряды и потому наверно говорю вам, что многие, даже из моих знакомцев, сами просят, чтоб их не переводили, но их хитрость почти всегда угадывается. Что же касается до его выключки, то я, право, не знаю, чем побужиться вам, что этого никогда не может быть. Выключают тех, кто гадко ведет себя и кто сидит по четыре, по пять лет в одном классе! И то по благоусмотрению великого князя, который докладывает об этом государю. Выключить кондуктора — дело не совсем легкое, а тем более совсем невинно, ни за что, ни про что. Неужели вы полагаете, что там один только он худо чертит? Поверьте, что там гораздо более половины таких, которые не только чертить, но и учиться не умеют! <...⟩

Шидловский пишет ко мне часто и огромнейшие, умные письма. Он меня все так же любит: несравненный человек!..²

Посланный мною вам каталог содержал необходимые мне книги, чтоб приготовиться к экзамену³ <...⟩ Конечно, лучше всего адресоваться к Шидловскому; я напишу к нему об этом, он, посоветовавшись с братом, наверно обделает все как нельзя лучше, притом же многие книгопродавцы ему знакомы⁴...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 126.

¹ В недошедших до нас письмах к отцу и брату Достоевский высказывал предположение, что его могут оставить на второй год. Предположение это вскоре оправдалось (см. «Письма», IV, стр. 446).

² Одно из писем Шидловского к Михаилу Достоевскому сохранилось. См. п. 7.

³ Этот «каталог», составленный Михаилом Достоевским, находится среди его писем к отцу (ЛБ, ф. 93. II. 4. 27). В нем перечислено десять учебников и указаны цены на них, общей суммой в 132 р.

⁴ 16 декабря 1838 г. Михаил Достоевский сообщал отцу: «Брат так долго молчит, невзирая на все мои воззвания, что я уже перестал сам писать к нему. Он, верно, еще не испытал грусти, когда не получаешь ниоткуда писем!» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 382).

7. И. Н. ШИДЛОВСКИЙ — М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 17 января 1839 г.

... На днях получил письмо от вашего папильки: он, подобно вам, жалуется на молчание Федор Михайловича, хотя Федор Михайлович утверждает, что он писал недавно¹...

Автограф. ЛБ, ф.93.П.9.143-б. Письмо процитировано (без приведенных выше строк) в «Биографии...», стр. 38—39.

Об *И. Н. Шидловском* см. в примеч. 5 к п. 3.

¹ Отец Достоевского был в это время крайне обеспокоен отсутствием писем от сына и беспрестанно осведомлялся через Шидловского о причине его молчания. 23 марта Достоевский сообщил отцу, что в связи с какой-то «ужаснейшей историей», происшедшей в Инженерном училище, переписка учащихся подвергается перлюстрации со стороны начальства, а «часть писем, должно быть, задерживали на почте» («Письма», IV, стр. 238—239 и 446).

8. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — В. М. ДОСТОЕВСКОЙ

Ревель. 1 сентября (1839 г.)

Прости меня, милая сестра моя, что я так долго заставлял тебя удивляться моему молчанию! <...> Я нахожусь теперь в совершенном неведении наших обстоятельств. Что делается у нас в деревне, выбраны ли у нас опекуны, нет ли каких-нибудь препятствий? ¹ — Я ничего, о всем этом ничего не знаю. Если б я мог поехать сам в деревню, то наверно все бы устроил, — или, по крайней мере, вывел бы себя из этого мучительно-го незнания. Время идет, вот уже четвертый месяц, как скончался папинька, — а еще ничего не устроено. У нас, я думаю, ужаснейший беспорядок; староста не знает, к кому относиться в делах своих; все запечатано: Григорий ² писал ко мне, что ему даже не позволили выколотить папинькины шубы и он боится, чтоб в них не завелась моль. Дворовые люди гуляют, между тем как они могли бы быть отпущены по паспорту и приносить оброк; в нашем теперешнем положении и это было бы значительною помощью. Притом же, кто будет опекуном нашим? Чужой! Что ему за дело до нас?! Боюсь, сестра, боюсь, чтоб крохи, собранные покойником, не разлетелись вместе с его кончиной.

Мне все советуют ехать. Я и сам знаю, что это необходимо, но как я поеду? с чем я поеду? где возьму я денег на мою поездку? Между тем, из каширского суда получил я бумагу, в коей вызывают меня в деревню. Ей-богу, я не знаю, что мне делать? Брат мне также пишет, чтоб я немедленно ехал! ³ Ах, Варинька, ты не поверишь, какую нужду терпит он теперь. Два месяца не писал он ко мне ни слова, не имея денег на почту... Наше положение ужасно... Мы не знаем, к кому адресоваться, к кому относиться с нашими просьбами! Если б не помощь дядиньки ⁴ — я бы и сам не знал, что мне делать. По крайней мере я расплатился теперь с долгами и потому покоен, хоть и сам терплю нужды. Ох, папинька, папинька! Сколько мы потеряли в тебе!..

Автограф. ЛБ, ф. 93.П.4.25. Дата уточняется по содержанию: отец Достоевского был убит своими крепостными в начале июня 1839 г. («Жизнь и труды Достоевского», стр. 33).

Варвара Михайловна *Достоевская* (в замужестве Карепина, 1822—1893) — сестра Достоевского. «Я ее люблю; она славная сестра и чудесный человек», — писал о ней Достоевский в 1880 г. («Письма», IV, стр. 214).

¹ Летом 1839 г. опекуном семьи Достоевских был назначен каширский исправник Н. П. Елагин. «Став опекуном имения, он занялся прилежным его обкрадыванием и в полтора года нанес много вреда наследникам», — отмечает В. С. Нечаева, высказывая предположение, что это опекунство могло быть «формой взятки за утаенное убийство» М. А. Достоевского («В семье и усадьбе Достоевских», стр. 60—61).

² Григорий *Васильев* — дворовый Достоевских, прототип Григория Васильевича (слуги Федора Карамазова). Упоминаемое письмо его к М. М. Достоевскому неизвестно.

³ См. письмо Достоевского к брату, датированное 16 августа 1839 г. («Письма», II, стр. 549—551).

⁴ Александр Алексеевич *Куманин* (1792—1863) — муж тетки Достоевского. Он вскоре стал опекуном братьев и сестер Достоевских.

9. Н. П. ЕЛАГИН — А. А. КУМАНИНУ

«Кашира» 28 ноября 1839 г.¹

... При исходатайствовании пансиона малолетним детям вашей покойной сестрицы встретилась надобность знать, Михайла и Федор Михайловичи на казенном ли содержании воспитываются или нет, и также, когда кто из детей в какое время рожден. Об меньшей дочери я справки имею, также и о трех старших детях метрические свидетельства; об трех же средних нужно бы сделать партикулярную выписку в Марьинской больнице; впрочем, последнее обстоятельство не такой важности; но об том, на казенном ли содержании воспитываются старшие дети, я просил бы вас теперь меня уведомить²...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 408.

¹ Публикуемое письмо является ответом на следующее письмо Куманина от середины ноября 1839 г.: «... Неоднократно писал я к вам о немедленной высылке в Москву дворового малолетних Достоевских человека Григория с надлежащею доверенностью для заключения условий с теми мастерами, которым отданы в ученье присланные вами мальчики. Не получив доселе от вас никакого уведомления по этому предмету и не видя развязки этого дела, я за нужное счел еще раз написать вам и поставить вас в известность о том затруднении, в каком теперь находятся мастера, принявшие к себе в ученье мальчиков без всяких видов. Не говоря о хлопотах, какие обыкновенно бывают при спросах и допросах полицейских, они рискуют подвергнуться платежу штрафа за каждого мальчика по пяти рублей в сутки [...] Сверх того, покорнейше прошу сообщить мне: начато ли вами дело об исходатайствовании малолетним пансиона, и если начато, то на чем оно теперь остановилось и куда от вас подана о том просьба» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 411).

² Куманин писал Елагину в конце ноября — начале декабря: «... На письмо ваше от 28 ноября спешу вам, милостивый государь, ответить, что из детей покойной сестры Михаил состоит юнкером, а Федор воспитывается в Инженерном училище, но на казенном ли содержании, того утвердительно сказать не могу, потому что, по окончании экзамена, казенных вакансий в училище не было, — и он принят пансионером за внесенную тогда от меня сумму денег. Что же касается до времени рождения Андрея, Веры и Николая, то первый родился, как это оказалось по партикулярно взятой выписке из метрических книг, 15 марта 1825 года, вторая — 21 июля 1829, а третий — 13 декабря 1831 года...» (там же).

10. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — В. М. ДОСТОЕВСКОЙ

«Ревель» 23 марта 1840 г.

... В прошлом письме моем я писал тебе о моем намерении выйти в местные инженеры¹. Этому, видно, не быть. Порядочный нагоняй от брата выгнал эту блажь из головы моей, и я опять завален книгами, занимаюсь и днем и ночью. Что-то будет, но в августе я еду в Петербург и надеюсь выдержать этот страшный, огромный экзамен²...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 401.

¹ Это письмо неизвестно, так же, как упоминаемое ниже письмо Достоевского.

² М. М. Достоевский приехал в Петербург в конце 1840 г., чтобы держать экзамен на чин прапорщика полевых инженеров. Произведен в офицеры в январе 1841 г. См. «Биография...», стр. 41.

11. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — П. А. КАРЕПИНУ

Ревель. 25 сентября 1844 г.

... Из письма вашего я с крайним удивлением узнал о том, что брат Федор подал в отставку. Вам, может быть, покажется странным, что я ничего не знал об этом. Но это так. Не стану скрывать, что знал о его про-

екте оставить службу, но не знал, что нынешний же год приведет его в исполнение ¹. В прежних письмах своих к нему, еще весною, я просил его подождать годик-другой, пока он крепче не утвердится на новом своем поприще. И потому вы можете представить себе все мое удивление, когда спустя почти после вашего я получаю от него письмо, в котором он уведомляет меня, что вот уже четыре месяца как он подал в отставку ². Причин мне не пишет никаких. Вам он писал об откомандировке. Если точно это побудило его к тому, то я готов с ним согласиться, что ему нечего было делать, как подавать в отставку ³. Он не может покинуть Петербурга, не разорвав всех связей, которые сулят ему в будущем широкую дорогу славы и богатства. Он желает вполне предаться литературе; до сих пор он работал только для денег, т. е. переводил для журналов («Отечественные записки», «Репертуар»), за что ему очень хорошо платили ⁴. Я ему много пророчу в будущем. Это человек с сильным, самостоятельным талантом, с глубокою эрудицией. Прочитав почти всех классиков Европы, я, по крайней мере, могу составить себе мнение об хорошем и дурном. Я читал, с восхищением читал его драмы. Нынешней зимою они явятся на петербургской сцене ⁵. Развивающийся талант должен учиться, и потому Петербурга ему нельзя и не должно оставлять; в нем одном в России он только и может образоваться. Ему предстоит теперь трудное дело — проложить себе дорогу, завоевать имя. Он пожертвовал всем своему таланту, и талант — я знаю, я уверен — его не обманет. Дай бог, чтоб он только не пал, чтоб он только вынес первые удары, а там... кто может знать, что будет впереди?

Он *хочет* во что бы то ни стало продать нам свою часть. Согласитесь сами, что отдаст он нам ее за бесценок. Даже совестно покупать у него за эту цену: просит он единовременно 500 рублей серебром и потом по 10 рублей серебром в месяц. Но вы ему и без того в год перешлете эти 500 рублей, стало быть, почти он продает капитал за годовой доход. Ваша правда, судейским порядком слишком затруднительно кончить это дело, но нельзя ли домашним, семейным образом? Он дает подписку, что отказывается от своей части; вы пошлете ему деньги, а потом через год, через два, даже, пожалуй, через пять лет, мы приведем все это все в порядок. Брат так честен, что ему можно и без расписки дать эти деньги. Я за него, если хотите, в качестве второго опекуна, — ручаюсь ⁶.

Подумайте-ка, Петр Андреевич. И вам бы было гораздо приятнее, избавившись разом от хлопот. Рублей 500 серебром можно бы было как-нибудь призанять. Уплачивать мы бы стали из его же части доходов. Я очень бы рад был, если б все это к общему нашему удовольствию могло уладиться. Брату деньги нужны дозарезу. У него есть еще несколько долгов, которые требуют немедленной уплаты. Вы его приведете в отчаяние отказом ⁷...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 405. Это письмо так же, как п. 12, 13 и 24, опубл. А. З. Писцовой в «Вестнике Ленингр. ун-та», 1972, № 2, вып. 1, стр. 152—157, когда настоящ. том уже находился в производстве.]

Петр Андреевич *Карепин* (1796—1850) — чиновник, муж Варвары Михайловны, опекун Достоевских.

¹ В одном из писем, относящихся к апрелю 1844 г., Достоевский писал брату: «Служба надоедает. Служба надоела, как картофель <...> Приеду на 2 недели в сентябре, когда выйду в отставку» («Письма», IV, стр. 71).

² Это письмо Достоевского остается неизвестным. Прошение об отставке он подал в середине августа («Жизнь и труды Достоевского», стр. 39).

³ В нескольких письмах, адресованных П. А. Карепину, Достоевский по-разному объяснял причины своей отставки. В первом из них, от 20-х чисел августа, он писал: «Меня назначили в командировку на крепость. Должен я был около 1200 руб., должен был наделать про запас платья, должен был жить в дороге, может быть на пути в Оренбург или Севастополь или даже подальше куда-нибудь, да, наконец, иметь средства обзавестись кой-чем на месте...» («Письма», IV, стр. 247). 30 сентября он писал

брату: «Подал я в отставку оттого, что подал, т. е. клянусь тебе, не мог служить более. Жизни не рад, как отнимают лучшее время даром <...> Зачем терять хорошие годы? А наконец главное: меня хотели командировать — ну скажи, пожалуйста, что бы я стал делать без Петербурга? Куда бы я годился? — Ты меня хорошо понимаешь?» («Письма», I, стр. 72—73).

⁴ Переводы Достоевского, помещавшиеся в «Отечественных записках» и «Репертуаре русского и пантеоне всех европейских театров», полностью не выявлены. Во втором из этих журналов был напечатан его перевод «Евгении Гранде» Бальзака (1844, № 6 и 7). В апреле Достоевский сообщал брату: «Перевожу Жорж Занд и беру 25 руб. асс. с листа печатного» («Письма», I, стр. 71). Речь идет о романе «Последняя Альбина».

⁵ Драммы Достоевского до нас не дошли. 16 февраля 1841 г., накануне отъезда Михаила Михайловича из Петербурга в Ревель, Достоевский прочел у него на прощальном вечере отрывки из двух своих драм — «Мария Стюарт» и «Борис Годунов» («Биография...», стр. 41). О них ли говорится в публикуемом письме, — неясно. Во всяком случае, сообщение о предстоящей постановке в Петербурге пьес Достоевского сильно преувеличено. Цель этого сообщения совершенно очевидна: Михаил Михайлович хотел убедить Карепина в прочности литературного положения брата. 30 сентября Достоевский писал Михаилу Михайловичу: «Ты говоришь, спасение мое — драма. Да ведь постановка требует времени. Плата также» («Письма», I, стр. 73).

В открытом письме к издателю «Нового времени» А. С. Суворину, датированном 5 февраля 1881 г., младший брат Достоевского Андрей отмечал: «Еще в 1842 г., то есть гораздо ранее „Бедных людей“, брат мой написал драму „Борис Годунов“. Автограф лежал часто у него на столе, и я — грешный человек — тайком от брата нередко зачитывался с юношеским восторгом этим произведением. Впоследствии, уже в очень недавнее время, кажется в 1875 г., я, в разговорах с братом, покаялся ему, что знал о существовании его „Бориса Годунова“ и читал эту драму. На вопрос мой: „Сохранилась ли, брат, эта рукопись?“, он ответил только, махнув рукой: „Ну, полно! Это... это детские глупости!“ Оценить достоинство означенной драмы, конечно, я не буду <...> Талант брата сказывался уже и в нем. Может быть, каким-либо чудом эта рукопись и сохранилась между бумагами, отобранными от брата при арестовании его в 1849 г.» («Новое время», 1881, № 1778, 8 февраля).

⁶ В двадцатых числах августа 1844 г. Достоевский писал П. А. Карепину: «Так как я хочу, чтобы никто не смел говорить, что я разорю все семейство наше, то я теперь говорю, в последний раз, по моей собственной воле, по моему собственному желанию сделать так, чтобы всем было хорошо, *что я отказываюсь от всего участка моего (приносящего до 1000 руб. дохода) за 1000 руб. серебром*, из которых половина должна быть выплачена разом, а остальные — на сроки...» («Письма», IV, стр. 248).

⁷ См. след. письма.

12. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — П. А. КАРЕПИНУ

Ревель. 3 октября 1844 г.

... Сейчас получил я из Петербурга от брата Федора письмо, которое привело меня в крайнее беспокойство ¹. Не теряя почты, спешу поделиться с вами, любезный брат, этим беспокойством — доля не совсем приятная, но необходимая, потому что касается общего нашего родственника, нашего дорогого брата, с которым я, кроме из родства, связан еще неразрывною дружбою. Он подал, как вы уже знаете, в отставку. Но это меня не много беспокоит; человек с его дарованиями без хлеба не останется. Он избрал для себя новую, лучшую дорогу, и так как два дела делать вдруг нельзя, он вполне предался тому, к которому чувствовал более склонности. Вы, любезный брат, не зная лично брата Федора, вероятно судите об его поступке как о малодушном капризе ребенка, который с бухты-барахты, не спросившись рассудка, решился на дело, могущее иметь влияние на целую жизнь ². Я, зная хорошо брата, зная его как человека с правилами, как человека опытного — не улыбайтесь, ради бога, это так, — я скорее готов видеть в его поступке необыкновенную силу души и характера, великое самопожертвование новому призванию. Разве он не предвидел, каким неприятностям, каким лишениям он отдает себя в добычу, по крайней мере на первое время? Поверьте, любезный брат, он все это предвидел, на все приготовился и все-таки сделал этот шаг, потому что следовал своему убеждению. Он до того боялся всех наших демонстраций и представлений, что даже мне, лучшему своему другу,

М. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Рисунок (карандаш) К. А. Трутовского, 1848

(На обороте: «Рисован мной отцом, академиком Трутовским в Курске
в 1848 г. В. Трутовский»).

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

сказал об этом уже тогда, когда дело было давно сделано и пособить уже не было никакой возможности. Но еще раз повторяю вам — не это беспокоит меня. Потому что если он даже займется одними переводами для журналов, то будет иметь тысяч до восьми в год. Ему теперь хотя платят по 25 р. за лист, а полтора листа он очень легко переведет в день. Кроме того, он кончил прекрасный роман и две драмы, которые, уверяю вас, удивительны. Это все принесет ему хоть небольшие деньги, но все-таки принесет, а что всего важнее — сделает его известным³. Поверьте, любезный брат Петр Андреевич, он будет богаче всех нас. Мы будем еще им гордиться. Но вот что беспокоит меня: это его настоящее положение. Он должен 1500 р. ассигнациями⁴. Ясно, что, если, выйдя в отставку, он не заплатит этого долга, его засадят в долговую тюрьму. Чтоб избежать этого неприятного путешествия, он хочет сделать с нами сделку, уступить нам свою часть. Условия вам уже известны. Выгоднее этого для нас ничего не может быть. 500 рублей серебром не так уже огромные деньги, чтоб их и достать было нельзя. Можно занять, а уплачивать из его же части. Таким образом не с большим в год долг бы этот уплатился, и все бы остались довольны. Судебным порядком дела этого, вы говорите, решить пока нельзя. Но семейным всегда можно. Одно только и есть затруднение: если, получа эти деньги, брат все-таки будет иметь еще притязания на свою долю. *Но в этом я вам, как угодно, письменно, форменно, ручаюсь, что этого никогда не будет.* Любезный мой Петр Андреевич! Вы ведь и без того ему в год перешлете почти столько же. Требования его самые умеренные. Притом же ни вы, ни я и никто не имеет права запретить ему этого; он совершеннолетний, он сам знает, что делает; если б он вздумал подарить нам свою часть, отказаться от доходов, кто в свете имеет право удерживать его от этого?

Видя эту беду неминуемую, которая ему угрожает, я решился еще раз поговорить с вами, любезный брат, об этом. Другим способом ему помочь нельзя. Он просит у нас только своего. Отказать ему мы не вправе. Притом же, выведенный из терпенья, ну как он отдаст своим кредиторам свою часть, чтоб только расплатиться с долгами? А это можно. Кредиторы, верно, не захотят терять и сами станут хлопотать об этом. Отставка его выходит к 15 октябрю. К этому времени ему необходимо нужны деньги. Как бы и я вам был благодарен, любезный брат, если <бы> вы как-нибудь все это уладили. Мне ужасно подумать, что он будет сидеть в тюрьме <...>

Брат Федор вам готов дать Акт, свидетельство или подписку, все, что угодно, что он торжественно отказывается от своей части; я же, с своей стороны, какое угодно вам поручительство⁵...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 405.

¹ Письмо Достоевского, датированное 30 сентября 1844 г. («Письма», I, стр. 72—74).

² См. письмо Карепина к Достоевскому (без даты) в ответ на его просьбу выслать тысячу рублей взамен полного отказа от своей доли в наследстве родителей («Письма», IV, стр. 449—450). Упрекая своего шурина в «заносчивости и грубости», в чрезмерности требований и неуважении к памяти родителей, Карепин писал: «Вы едва почувствовали на плечах зполеты, довольно часто в письмах своих упоминали два слова: наследство и свои долги; я молчал, относя это к фантазии юношеской...» В заключение он рекомендовал Достоевскому оставить «излишнюю мечтательность» и приняться за усердную службу.

³ См. предыдущее письмо.

⁴ Достоевский конфиденциально сообщил брату, что долгов у него только на 800 рублей: «Я написал домой, что долгов у меня 1500 р., зная их привычку присылать 1/3 чего просишь» («Письма», I, стр. 73).

⁵ Дать это денежное поручительство за себя настойчиво просил брата сам Достоевский.

13. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — П. А. КАРЕПИНУ

«Ревель» 28 ноября 1844 г.

Представить себе не можете, любезный брат Петр Андреевич, как я обрадовался, узнав из письма вашего ¹, что вы, наконец, порешили с братом Федором. Этой суммой он удовлетворит, по крайней мере, минутным нуждам и проживет целый год — а это много значит в его положении. В этот год судьба его может значительно измениться. Что ни говорите, любезный брат, а я слепо верю в его необыкновенное дарование и уверен, что на избранном им поприще рано или поздно он составит себе славное имя. Правда, я совершенно согласен с вами, что все это можно бы сделать иначе, не вдруг, осторожнее, рассудительнее. Но и то сказать, все зависит от того, с какой точки зрения станешь смотреть на предмет: с одной стороны, брат может показаться человеком ветреным, нерассудительным... не спору; с другой — человеком с сильною душою и энергическим характером.

Впрочем, любезный брат, в случае, если бы он ошибался, он во всякое время будет принят опять в инженеры; хоть завтра, пожалуй, подавай просьбу — не откажут. Вот по статской службе — это дело десятое. Там надо искать *места*, которого не скоро приищешь. Итак, будем лучше надеяться, что бог его не оставит и все устроит к лучшему. Брат отставлен поручиком.

Вы сердитесь на него, любезный брат, за невежливое письмо его, но, поверьте, он и сам теперь в этом раскаивается. Послушайте, что он пишет: «... нужно заметить тебе, любезный брат, что последнее письмо мое в Москву было немножко слишком желчно, даже грубо. Но я был ввергнут во всевозможные бедствия, я страдал в полном смысле слова, я был без малейшей надежды — немудрено, что физические и нравственные мучения заставили меня писать желчную, резкую правду...»

«Итак, я со всеми рассорился. Дядюшка, вероятно, считает меня неблагодарным извергом, а зять с сестрою — чудовищем. Меня это очень мучает. Но со временем я надеюсь помириться со всеми. Из родных остался мне ты один. Остальные все, даже дети, вооружены против меня. Им, вероятно, говорят, что я мот, забулдыга, лентяй, не берите дурного примера, вот пример — и тому подобное. Эта мысль мне ужасно тяжела. Но бог видит, что у меня такая овечья доброта, что я, кажется, ни сбоку, ни спереди не похож на изверга и на чудовище неблагодарности. Со временем, брат, подождет. Теперь я отделен от вас от всех со стороны всего *общего*; остались те пути, которые покрепче всего, что ни есть на свете, и движимого и недвижимого. А что я ни сделаю из своей судьбы — какое кому дело? Я даже считаю благородным этот риск, этот неблагоприятный риск перемены состояния, риск целой жизни — на шаткую надежду. Может быть, я ошибаюсь? А если не ошибаюсь?..»

Итак, бог с ними! Пусть говорят, что хотят, пусть подождут. Я пойду по трудной дороге!..» ²

Из этого уж вы можете видеть, любезный брат, что он не злой человек; о, он очень, очень добр. Жаль, что вы не знаете его лично — вы переменили бы свое мнение. В январе выходит в свет его роман ³. Он замечателен оригинальностью — вещь превосходная!

Из письма вашего, любезный Петр Андреевич, я *понял*, что деньги на выдачу брату вы употребили свои собственные. Примите за это мою наиглубочайшую благодарность...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 405.

¹ Это письмо Карепина к М. М. Достоевскому неизвестно.

² Цитируемое письмо Достоевского до нас не дошло. Это придает письму М. М. Достоевского особую ценность.

³ «Бедные люди» вышли (в сильно переработанном виде) только 15 января 1846 г. — в «Петербургском сборнике» Некрасова.

14. Н. А. МЕЛЬГУНОВ — М. П. ПОГОДИНУ

(Москва. Февраль 1846 г.)

... Павлов, окончив теперь повесть Достоевского «Бедные люди», от нее в восторге. Находит, что даже и я не довольно хвалю ее. Попроси его написать на нее рецензию. Я думаю, он от того не откажется¹. Да, кажется, ты ему не послал еще билета на «Москвитянина». Пошли на его имя; ведь стыдно же его обойти. — Право, поговори с ним о рецензии².

Автограф. ЛБ, ф. 231.П.20.86. Первые строки письма приведены Н. П. Барсуковым в «Жизни и трудах М. П. Погодина», кн. 8. СПб., 1894, стр. 349, в контаминации с отрывком из письма Мельгунова, датированного 15 февраля 1846 г.

Николай Александрович Мельгунов (1804—1867) — московский литератор и музыкант. См. о нем: «Лит. наследство», т. 62, 1955, стр. 308—322.

Михаил Петрович Погодин (1800—1875) — известный историк, профессор Московского университета, издатель «Москвитянина».

¹ Сочувственный интерес Н. Ф. Павлова к «Бедным людям» легко объясним: герои произведений этого популярного в 1830-х годах беллетриста принадлежат к той же социальной среде, что и герои раннего Достоевского; психологический склад этих униженных, несчастных людей имеет в себе много общего. Разумеется, социальные тенденции и углубленный психологизм, проявляющиеся с огромной силой в «Бедных людях», у Павлова находились лишь в зачаточном состоянии (см. Н. А. Трифонов. Повесть Н. Ф. Павлова. — «Ученые записки кафедры русск. лит-ры Моск. пед. ин-та», вып. II. М., 1939, стр. 130—131). Статьи для «Москвитянина» о «Бедных людях» Павлов не написал.

² 15 февраля того же года Мельгунов осведомился у Погодина: «Читал ли ты „Бедных людей“? Если Ш(евырев) разберит их, то я попрошу тебя дать местечко моей записке, где я разберу художественное и общественное значение этого романа» (ЛБ, ф. 231.П.20.86).

Шевырев посвятил «Бедным людям» часть своей критической статьи о «Петербургском сборнике» («Москвитянин», 1846, № 2, стр. 164—172; ц. р. 3 марта). Признавая, что «на поле, почти пустом, нашей современной изящной словесности повесть „Бедные люди“ есть явление, конечно, замечательное», критик в то же время утверждал, будто «филантропическая сторона этой повести заметнее, чем художественная», и намекал на тлетворные западные влияния, породившие эту тенденцию.

Об отношении самого Погодина к «Бедным людям» можно судить по следующей записи в его дневнике 16 февраля 1846 г.: «Читал „Петербургский сборник“, Достоевский не без достоинств и надежд. А впрочем, сколько гадостей» (Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 8, стр. 349).

15. В. М. КАРЕПИНА — М. М. и Э. Ф. ДОСТОЕВСКИМ

(Москва. Начало 1846 г.)

... В письме твоём, милый брат, я увидела, к удивлению моему, что ты не знаешь еще о свадьбе сестры Верочки <...> Помолвка ее была еще 2 декабря 1845 года, а свадьба — 7 января 1846 года. Муж ее, Александр Павлович Иванов — очень добрый и умный человек тридцати двух лет <...> Он так любит и обожает сестру, что весело на них посмотреть. У него есть мать, которая также не наглядится на Верочку; одним словом, она так счастлива, как, кажется, и желать нельзя <...>

Не знаешь ли, милый брат, чего-нибудь о брате Феденьке? Мы от него не имеем ни слуху, ни духу, не знаем, здоров ли он. Напиши, пожалуйста, не хочет ли он опять вступить на службу?..

Автограф. ИРЛИ.30397.с.СХIII 66.

ДОСТОЕВСКИЙ И К. А. ТРУТОВСКИЙ

Рисунок (перо) К. А. Трутовского, начало 1890-х годов

Внизу помета Трутовского: «Я у Ф. М. Достоевского. 1842 год»
(Достоевский стоит)

Центральный государственный архив литературы и искусства, Москва

О жене М. М. Достоевского *Эмили Федоровне* см. выше, на стр. 286.

В архиве Достоевского сохранилось одно неизданное письмо к нему брата Михаила (5 декабря 1841 г.), написанное в связи с его предстоящей женитьбой на Эмили Федоровне:

«Я в ужасных хлопотах. Сердце мое не покойно <...> Мне кажется, что я делаю глупость, что женюсь; но, когда я посмотрю на Эмилию, когда вижу в глазах этого ангела детскую радость — мне становится веселее. Трудно мне будет, брат, особенно первый год, но что делать, как-нибудь перебьемся. Второй год уж будет легче. От тысячи моей останется не более ста. Ты удивишься, может быть, но, ей-богу, это правда. А как мы экономничаем-то! Я во всем себе отказываю...» (Авт. ЛБ, ф.93.11.4.29).

16. Н. СВИРИДОВ — М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 20 февраля 1847 г.

... Не припишите моей лености, нерадению и рассеянности замедление моего ответа на ваше письмо. Вы мне задали задачу, которую сначала нужно было обсудить — по силам ли она моим? А потом — приняться, решить и отправить ее в таком виде, который был бы удовлетворителен для нашего вопроса: а для этого всего потребно было время. Вы сами отчасти неправы в том, что довели до самого позднего времени отправку вашего ответа. Пред отправлением моим из Ревеля вы думали мне дать содер-

жание вашего вопроса и забыли, и я забыл, а потому дело ваше продолжилось до сего времени — нерешенным, т. е. нерешенное — для вас, но, что касается до меня, то мне кажется, что я решил ваше дело, по крайней мере на аттестацию, *удовлетворительно*. Посылаю вам черновые скорописные записки, которые я составлял на вопрос, заданный мне лет тому назад восемь, — слово в слово схожий с вашим вопросом. Я помню, что я прямо писал с них представленный мною по начальству беловой ответ; и так как я знал свои ошибки, то я и поправлял их на чистописном ответе, не заботясь об составлении чернового. Кроме того, некоторые части моего ответа были написаны на маленьких лоскутках бумаги, которые по времени затерялись. Сначала я было пожалел себя и отправился с моими записками к Федору Михайловичу, прося его, чтобы он поручил ваше дело своим товарищам-математикам. Так как они занимаются математикою ex-professo*, то я полагал, что им легко исправить мой ответ и дополнить в нем все, что недоставало для удовлетворительного изложения. Федор Михайлович привез мои записки ко мне с отзывом его товарищей — что выводы все верны — и только. А о пропусках и окончании ответа, которое я не мог нигде найти, перерыв весь мой архив, — не было и помину, а потому — пришлось мне выправить и дополнить мои записки самому¹...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 8. 33.

Николай Свиридов — петербургский знакомый Достоевских, о котором никаких дополнительных сведений разыскать не удалось.

¹ Достоевский писал брату Михаилу в недатированном письме, относящемся к этому времени:

«Вот сейчас меня прервал своим остроумно-светским визитом несносный болтун Свиридов. Он, брат, кажется, самый назойливый дурак. Привез вопрос из Аналитики и привез какие-то дряннейшие, старые, разрозненные листы, из которых, кажется, ничего нельзя сделать. Просит меня похлопотать у Бекетова о поправке этих листов. Смешной человек. Сам в них ничего не разбирает и хочет, чтобы другие что-нибудь сделали. Я как-нибудь похлопочу о твоём ответе. Поеду ко всем, у кого есть записки <...> Проклятый Свиридов. Уже почти два часа. Вообрази: я всеми силами давал ему заметить, что у меня нет времени. Он все сидел и болтал о том, как он вопрос твой составлял, давал знать, как важно тебе его в этом помощничество, как он на Кавказ поедет и напишет о тамошней флоре такое сочинение, какого и не бывало. Черт с ним, шут!» («Письма», I, стр. 106—107).

17. В. М. ИВАНОВА — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

⟨Москва. Май 1847 г.⟩

... Не знаю, за что сердятся на меня братья Миша и Феденька. Вот два письма как я им послала, они ни на одно мне не отвечали. Когда увидишься с братом Феденькой, попроси его написать мне хоть пять строчек, они меня обрадуют до крайности¹...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 77. Помета о получении: «1847 года. Июня 3 дня».

Андрей Михайлович Достоевский (1825—1897), младший брат писателя, в это время учился в Петербурге.

¹ Письма Достоевского к сестре Вере Михайловне за 1840-е годы до нас не дошли.

13 июня 1847 г. В. М. Каршина писала брату Андрею:

«...Ежели будешь писать к нам, то уведомя, здоров ли брат Феденька и где он, в Петербурге или нет, ничего не слышишь о нем и по литературному его поприщу...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 81).

* по роду своих занятий (лат.).

18. П. А., В. М. КАРЕПИНЫ и Н. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

⟨Москва. Около 16 марта 1849 г.⟩

Рукой П. А. Карепина:

... Жаль, что не упоминаешь о брате Федоре¹; он, верно, поэтизирует но не думаю, чтобы так охолодел хоть к тебе, что не хочет завернуть и взглянуть на тебя. Впрочем, не сетуй, а все-таки люби как брата и с своей стороны не давай повода быть недовольным. Если и увлекся он в область мечтательную, в вихрь ласкательств, авторских и артистических, — наступит, несомненно, время, что права крови заговорят, и он сам удивится: почему чуждается ближних...

Рукой В. М. Карепиной:

... Ежели увидишь брата Феденьку на празднике, то не позабудь передать ему поздравление мое с наступающим праздником и поцелуй его за меня покрепче. Бог с ним, не хочет никогда написать ни строчки. Ежели б он видел и знал Петра Андреевича, то не утерпел бы и полюбил бы его всей душой, потому что этого человека не любить нельзя. Ты знаешь, любимый брат, его душу и доброту и сам можешь оценить его²...

Рукой Н. М. Достоевского:

... Когда увидите брата Федора Михайловича, скажите ему мой усердный поклон; он меня так любил маленького, надеюсь, что он и теперь меня любит...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 81.

Младший брат Достоевского *Николай Михайлович* (см. стр. 289 настоящ. тома) жил в это время у Карепиных; вскоре он переехал в Петербург.

¹ Письмо А. М. Достоевского, на которое отвечает Карепин, неизвестно.² 12 января 1849 г. В. М. Карепина писала А. М. Достоевскому: «Напиши, не были ты у брата Феденьки, и согласились ли они делиться поровну...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 81).

19. П. А. КАРЕПИН — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

⟨Москва⟩ 8 декабря 1849 г.

... Николя порадовал нас двумя письмами <...⟩ Он хвалит и прием Эмилии Федоровны по праздникам. Грустит только о брате Федоре¹...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 82.

¹ Письмо Коли Достоевского к Карепиным с упоминанием о Достоевском, находившемся с 23 апреля 1849 г. в Петропавловской крепости, неизвестно.

20. В. М. и П. А. КАРЕПИНЫ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Москва. 5 января 1850 г.

Рукой В. М. Карепиной:

... Мы все, слава богу, здоровы, но только чрезвычайно грустно провели праздники — ты, верно, еще не знаешь общего нашего горя, и я с ужасом помышляю, каково тебе будет узнать эту горестную для нас всех, братьев и сестер, весть¹. Мы, по крайней мере, хоть все вместе разделяем горе наше. Погрустим и поплачем вместе и с тетинькой² и с сестрой Верочкой, а ты, мой милый, неоцененный брат, один, и не с кем тебе будет ни потолковать, ни погрустить. Мысль эта меня очень мучает, и, зная твой тоскливый характер, умоляю тебя, милый брат, беречь себя, не предаваться унынию и тоске, потому что этим ничем не поможешь. Нам только остается молиться богу за Брата и просить помощи создателя к пе-

ренесению всех этих несчастий. Я беспрестанно о нем думаю, но нечего делать, надобно покориться воле провидения. Пожалуйста, милый брат, не огорчайся очень, береги себя, пиши к нам чаще, я также постараюсь еще чаще переписываться с тобой. Ах, если б мы могли это время быть вместе! По крайней мере вместе бы погоревали, вместе всегда легче переносить горе. Тетинька также очень огорчается <...>

Рукой П. А. Карепина:

... Мы не знаем подробностей, но скорбим бесконечно <о> жалкой участи брата Федора. Конечно, ты чужд также подобных сведений, да и старайся, чтобы ни одним словом, ни же помышлением тебя не коснулось, а скорбеть неизбежно. Возверзи печаль свою на господа и горю бесконечно не предавайся. Милосердие, оказанное в настоящем решении, объявленном ведомостями ³, не отъемлет упования и надежд на то же милосердие в будущем, да послужит это к исправлению. Терять надежды не должно. Брат молод, снисхождение неограниченно: статья может, что и величайший грешник способен к исправлению. Да будет упование на милость Создателя и Начальства неизменным, и ему и всем нам в отраду несчастному.

Скорбь сестры и родных так велики, что не решаюсь распространяться в этом жалком предмете ⁴...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 82.

¹ Имеется в виду отправление Достоевского на каторгу 24 декабря 1849 г.

² Александра Федоровна *Куманина* (1796—1871).

³ 25 января 1850 г. сестра Достоевского Вера Михайловна писала Андрею Михайловичу:

«Раза два были у сестры Вариньки, столько же у тетиньки, которая, по своей доброте и горячности к нам, ужасно сокрушается о брате Фединьке, да как и не горевать, мы сами с сестрой Варинькой много поплакали...» (там же, ед. хр. 77).

Накануне, 24 января, В. М. Карепина сообщала А. М. Достоевскому:

«У тетиньки я была на прошедшей неделе в субботу, она поручила расцеловать тебя, письмо твое они получили, дядинька сам прочел его, чего тетинька не ожидала, потому что несчастье брата еще более, кажется, охладило его ко всем нам» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 82).

⁴ 24 декабря 1849 г. в «Ведомостях С.-Петербургской городской полиции» (№ 139) был напечатан указ Николая I по делу Петрашевского. О Достоевском там говорилось: «За участие в преступных замыслах, распространение одного частного письма, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти и за покушение к распространению посредством домашней литографии сочинений против правительства» — «лишив всех прав состояния, сослать в каторжную работу в крепостях на 4 года и потом определить рядовым».

В указе сообщалось, что генерал-аудиторiat «определил подвергнуть смертной казни расстрелянием» всех подсудимых, но что царь «изволил обратить всемилостивейшее внимание на те обстоятельства, которые могут в некоторой степени служить смягчением наказания», и даровал им жизнь (цит. по кн.: «Жизнь и труды Достоевского», стр. 63—64).

⁵ Письмо адресовано в Елисаветград, куда в конце 1849 г. был направлен на должность городского архитектора А. М. Достоевский. Впоследствии он вспоминал: «Сведенье о том, что я—брат приговоренного к каторге, мгновенно разнеслось по городу, и, конечно, никто мне не задавал большие вопросы о существовании родства, но во взгляде всех я читал этот вопрос и притом во взглядах только меньшинства встречал сочувствие... Большинство же долгое время чуралось меня...» («Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского», стр. 238).

21. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 12 августа 1854 г.

... Теперь еще приятная новость. Брат Федор с января месяца служит *рядовым* в 7-м линейном батальоне, в Семипалатинске. Нам дозволено с ним переписываться, и мы довольно часто меняемся письмами ¹. Я помогаю ему сколько могу, потому что сам ты знаешь, как я люблю его. Он

всегда спрашивает о тебе, и ты сделал бы доброе дело, если б написал к нему, адресуя в Семипалатинск, рядовому 7-го линейного батальона такому-то. Это совершенно дозволено. Он писал к сестре Вариньке, но не знаю, отвечала ли она, хотя я, переслав его письмо к ней, и просил ее об этом ².

Не хочешь ли быть в складчине и тоже изредка помогать ему?...³

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 82.

¹ См. «Письма», I, стр. 132—141, 144—147.

² Это письмо Достоевского неизвестно.

³ Ответ А. М. Достоевского до нас не дошел. «Я, не откладывая в долгий ящик, написал первое письмо к брату Федору Михайловичу и отправил его 14 сентября», — писал он впоследствии («Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского», стр. 245).

В. М. Каршина сообщала в это время А. М. Достоевскому (письмо без даты): «Вместе с твоим письмом пишу к брату Федору Михайловичу. Верно, тебе самому захочется написать ему, то прилагаю его адрес: в Семипалатинск, в 7-й батальон, Отдельного Сибирского корпуса рядовому такому-то...» (ф. 56, ед. хр. 82).

22. Н. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург. Январь 1858 г.»

... От брата Феди на днях получили письмо, которое заключается в желании переехать куда-нибудь на жительство ¹. Жена его Марья Дмитриевна, по умершему первому мужу Исаева, по показанию приезжающих оттуда, наипрелестнейшая и умнейшая женщина. Брат знал ее еще при жизни первого мужа и когда сам он был еще в ужасном положении. Она принимала в нем большое участие, помогала ему, быв сама не в слишком хороших обстоятельствах. По смерти мужа она осталась совершенно в беспомощном состоянии с шестилетним ребенком, и тогда-то брат женился на ней и живет очень счастливо. Не забудь, что брат одержим теперь падучею болезнью и вообще расстроенного здоровья; она ходит за ним с непоколебимою ревностью, и вообще, как слышно, они живут душа в душу. Дай-то бог! После стольких <...>* пора, наконец, успокоиться и быть по возможности счастливым. Ты не поверишь, как этот человек в душе сохранил все добрые качества! Столько еще у него надежд на будущее! Он, кажется, спит и бредит о своей литературе. Его призвание настоящее, он не ошибся в нем. Дай бог, чтобы наш милостивый монарх не оставил его просьбы перевести куда-нибудь на жительство, тогда бы ему была возможность лечиться. Дай-то бог!..

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 75.

¹ Вероятно, письмо из Семипалатинска (3 ноября 1857 г.), в котором Достоевский, сообщая о своем намерении выйти в отставку, выражал надежду, что ему позволено будет переехать в Москву и целиком отдаться литературному труду («Письма», II, стр. 584—588).

23. А. Е. ВРАНГЕЛЬ — М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Брест. 20/8 февраля 1858 г. France

... Воображаю себе ваше удивление получить от меня письмо отсюда, когда вы меня полагали где-нибудь в Африке или Ост-Индии; разные случаи задержали мое кругосветное плавание. Я писал вам из Копенгагена и приложил письмецо брату вашему Федору Михайловичу; не знаю, получили ли вы его ¹, прошу вас очень давать мне иногда весточку о себе и о нем чрез брата моего ² <...>

* Автограф поврежден. — Л. Л.

Ради бога, что делает и где брат Федор? Вот уже десять месяцев, что не получаю писем³. Напишите ему, чтоб он писал моему отцу⁴, тот доставит мне его послания <...> Прощайте, не забывайте меня и, если увидите Федора раньше, чем я, то обнимите и поцелуйте его, ибо он мой брат и друг⁵...

Автограф. ИРЛИ.30389.с.СХIII166. В автографе: 20/2 февраля.

Барон Александр Егорович *Врангель* (1833—19?) — юрист, дипломат, путешественник, автор известных мемуаров о Достоевском. Достоевский писал о Врангеле А. Н. Майкову 18 января 1856 г.: «Он служил в Семипалатинске; мы с ним сошлись, и я полюбил его очень <...> Добра он мне сделал множество. Но я его люблю и не за одно добро, мне сделанное» («Письма», I, стр. 164—165).

¹ Это «письмецо» Врангеля к Достоевскому неизвестно.

² Имеется в виду либо Василий Егорович *Врангель* — чиновник особых поручений при Морском министерстве, либо Егор Егорович — вице-директор департамента юстиции.

³ См. письма Достоевского к Врангелю, датированные 25 января и 9 марта 1857 г. («Письма», I, стр. 211—213, 215—219). Следующее его письмо датировано 22 сентября 1858 г. (там же, стр. 253—255).

⁴ Егор Ермолаевич *Врангель*.

⁵ В ЦГАЛИ хранится шестнадцать писем Врангеля к Достоевскому. Приводим отрывок из одного его неизданного письма, датированного 8 мая 1867 г.: «Вообразите! я недавно только прочел, проглотил ваши „Записки из Мертвого дома“. Прекрасно! Как хорошо схвачен характер русского человека! Сколько правды, сколько пользы принесла эта книга в отношении бедных несчастных. Читая ее, я вспомнил наши долгие беседы в Семипалатинске — все это были личности, мне известные из ваших рассказов. Описали ли вы в ваших романах нашу семипалатинскую жизнь? Вы ведь собирались это исполнить?..» (Авт., ф. 212, оп. 1, ед. хр. 63).

24. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — НЕУСТАНОВЛЕННОМУ ЛИЦУ

С.-Петербург. 1 февраля 1860 г.

Браните меня, дорогой Степан Иванович, браните больше: вполне заслужил, хотя и существуют некоторые облегчительные обстоятельства в вине моей перед вами. О них-то я и поговорю с вами, потому что говорить о них — значит не только оправдываться, что было бы глупо, а рассказать вам, как жил и что делал все это время ваш покорнейший слуга. Письмо ваше неслыханно меня обрадовало, хоть и получено было мною в смутное для меня время. Я каждый день тогда ждал приезда брата из Сибири в Тверь¹. И точно, на другой или третий день я получил известие об его прибытии². Нездоровье продержало меня целую неделю в постели, между тем как я всеми помыслами души моей порывался к брату. Наконец я отправился в Тверь и, вместе с поездкою в Москву, прожил там две недели³. Можете представить себе, как все эти ожидания, опасения, свидания, неустраившаяся жизнь и дела брата поглотили меня. В это же время я должен был, сейчас же по приезде в Петербург, хлопотать о помещении братнина романа⁴. Все это до того заняло меня, до того поглотило меня, что я, признаюсь откровенно, совершенно забыл о письме вашем <...> Одно уж переселение брата из Твери в Петербург⁵ и хлопоты, сопровождавшие его, могло отнять у меня не только память, но и самую охоту заниматься чем-нибудь не касающимся брата. Вы поймете это, потому что знаете, как я люблю его. Но теперь, слава богу, все устроилось, а письмо Александры Филипповны, напомнив нам о вас, заставляет меня сейчас же приступить к приятной беседе с вами, Степан Иванович. Сам же я в потере, что не сделал этого раньше. Еще раз простите.

Итак, мы опять теперь, после долгих лет разлуки, соединились с братом. Это превосходнейший человек во всех отношениях. Талант его вы знаете, знаете отчасти его мягкую душу из его сочинений, но не знаете вполне всей доброты, всего ума, всей обворожительности разговора этого

человека. Само собою разумеется, что мы видимся чуть не каждый день. Не удивляйтесь, что я так много говорю вам о нем. Приезд его и свидание с ним, повторяю, есть величайшее событие в моей жизни, и я еще до сих пор не пережил его <...>

Дело идет к масленице. У нас порядочные морозы. Милюков⁶ сделался редактором критического отдела журнала «Светоч». Это будет хороший журнал. Будете встречать знакомые имена⁷...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 401.

Личность адресата — иногороднего корреспондента М. М. Достоевского — установить не удалось. Письмо, на которое отвечает М. М. Достоевский, [до нас не дошло.

¹ Достоевский выехал из Семипалатинска в Тверь 2 июля 1859 г. и прибыл туда около 19 августа («Жизнь и труды Достоевского», стр. 92).

² Письмо Достоевского к брату о прибытии в Тверь остается неизвестным. Его следующие письма (24 и 25 августа) см.: «Письма», II, стр. 599—602 и I, стр. 250—251.

³ М. М. Достоевский приехал в Тверь 28 августа («Жизнь и труды Достоевского», стр. 93).

Старый друг Достоевского врач С. Д. Яновский впоследствии вспоминал в письме к А. Г. Достоевской: «В Твери он жил в том же доме, где жил и Пушкин, занимал хорошие три комнаты; я видел всю обстановку, пил у него чай <...> В Петербурге мы все бывали у него тотчас по приезде его; были на его новоселье: тут были Аполлон Николаевич <Майков>, Александр Петрович <Милюков>, брат Михаил Михайлович с семейством, много других, а также и Спешнев, в тот только день приехавший в Петербург<...> Наконец, я виделся почти каждый день с Федором Михайловичем, когда он после смерти брата и уже вдовцом, приезжал в Москву...» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 10. 26. — Письмо от 2/14 марта 1884 г.)

⁴ О переговорах М. М. Достоевского с редакторами «Современника» и «Отечественных записок» — Некрасовым и А. А. Краевским по поводу публикации романа «Село Степанчиково и его обитатели» — см.: в сб. «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Л., 1935, стр. 512—534.

⁵ Достоевский переехал в Петербург в середине декабря 1859 г. («Жизнь и труды Достоевского», стр. 100).

⁶ О приятеле Достоевского Александре Петровиче Милюкове см. на стр. 288.

⁷ «Светоч» — «учено-литературный» ежемесячный журнал, издававшийся Д. И. Капиновским в 1860—1862 гг. Среди его сотрудников были М. М. Достоевский, печатавший на страницах «Светоча» свои стихотворные переводы, А. А. Григорьев, Вс. В. Крестовский, Н. Н. Страхов и другие литераторы из кружка Достоевского. Сам Достоевский в «Светоче», по-видимому, не участвовал. См. «Лит. наследство», т. 83, стр. 160; Г. М. Фридендер. У истоков почвенничества (Ф. М. Достоевский и журнал «Светоч»). — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка», 1971, № 5, стр. 400—410.

25. М. И. СЕМЕВСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

С.-Петербург. 11 декабря 1860 г.

... «Прасковья» будет из десяти глав: 1) брак, 2) жизнь в Москве, переселение в Петербург. 3) Царевна Анна. 4) Нежный братец (В. Ф. Салтыков). 5) Царевна Катерина. 6) Домашняя жизнь царицы. 7) Цифирное письмо. 8) Мщение старушки (известный вам эпизод — мести Прасковьи). 9) Суд. 10) Смерть. Первая половина труда уже печатается... в журнале «Время»¹. Издание новое, и редакторы (Достоевские) христом-богом просили «Прасковью» к себе². — Журнал этот не знаю — увидите ли вы, но оттиск, как и всегда, я непременно к вам пришлю.

Вторая половина статьи будет в феврале ...

Автограф. ЛБ, ф. 193. II. 29. 52.

Михаил Иванович Семевский (1837—1892) — историк, впоследствии издатель журнала «Русская старина».

¹ Очерк из русской истории «Царица Прасковья» Семевского печатался в журнале «Время», 1861, № 2—5.

В объявлении от редакции на обложке первой книжки «Времени» отмечалось: «В февральской книге мы напечатает историческую монографию М. И. Семевского „Царица Прасковья“, не вошедшую по некоторым причинам в первый номер нашего журнала».

² О переговорах братьев Достоевских с Семевским насчет публикации его исследования в переписке Достоевского не сохранилось никаких упоминаний. Среди бумаг писателя хранятся три письма к нему Семевского, относящихся к 1866—1876 гг.

26. Ю. А. ВОЛКОВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

⟨С.-Петербург⟩ 12 июня 1861 г.

Мне истинно прискорбно было, что вы, Андрей Александрович, даже не дочитали моей большой статьи до конца — потому только, что она, как показалось вам, слишком много занимается «Временем», — и вы неправы ¹. Я думаю, нет человека вокруг вас, который бы больше меня ценил и уважал ваше мнение и не старался бы согласиться с ним сколько можно — и это потому, что я глубоко уважаю доказанное долгим трудом направление, но это же самое чувство заставляет меня сказать вам, что вы ошиблись вдвойне — и насчет меня и особенно насчет «Времени». Ход этого журнала очень силен, и вы весьма напрасно смотрите на него как на ничтожность: Достоевские сами работники спорые, и за них много молодых бойцов нового поколения — это раз.

Подтверждение моих слов вы скоро увидите и непременно к концу этого и к началу того года. Помешать им нельзя, но поучить их — можно. То я и делал.

Теперь обо мне, то есть о моей статье — даже не прочитанной вами. Вы закрыли страницы «Отечественных записок» моим мнениям — хорошо; я говорил, что не хочу быть постоянным участником не ваших изданий — и это очень верно. Стало быть, мне приходится складывать руки и бросать перо, как пятнадцать лет тому назад, — и это потеря не важная ни для кого — так; но теперь сложить руки уже не так легко, как в молодости; мысль-то окрепла и просится наружу, потому что она обратилась в сущность жизни, а выполнение мысли — есть цель. И ставите вы мне трудную задачу — приобретать для этой цели средства, т. е. упорно добиваться своего журнала — а на это меня хватит ...²

Автограф. ГПБ, ф. 391, ед. хр. 249.

Юрий Александрович Волков (? — 1862). — второстепенный литератор.

¹ Статья Волкова о «Времени» в библиографии о Достоевском не отмечена.

² В начале 1862 г. Волков издавал еженедельную газету «Русский листок»; вскоре в связи с тяжелой болезнью вынужден был покинуть Петербург.

27. А. П. МИЛЮКОВ — Г. П. ДАНИЛЕВСКОМУ

⟨С.-Петербург⟩ 15 июня 1861 г.

... Отвечаю на ваши вопросы. Критику во «Времени» писал Ап. Григорьев, до отъезда в Оренбург. Теперь пишут сами Достоевские и Страхов (<...> Проект просить от имени всех журналистов смешанной цензуры, полупредупредительной, полуответственной, до сих пор не двигается благодаря апатии москвичей. Чернышевский ездил в Москву и ничего с ними не сделал ¹. В литературе нового ничего: читающая чернь ждет с подобострастием появления нового романа Тургенева, привезенного им из Парижа в «Русский вестник» ². Читали ли вы «Мертвый дом» Достоевского? ³ Славная вещь!..

Автограф. ГПБ, ф. 236, ед. хр. 104.

Григорий Петрович Данилевский (1829—1890) — исторический романист.

¹ Чернышевский отправился в Москву вместе с Г. З. Елисеевым как делегат от петербургских журналистов. Подробности этой неудавшейся кампании см. в кн.: М. К. Лемке. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов. СПб., 1904, стр. 57; Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XIV. М., 1949, стр. 425—426; «Звенья», VI, стр. 609—613. Несколько ранее, 30 марта того же года Милюков писал Данилевскому: «...Что вам сказать о наших новостях?.. Предполагался литературный обед в честь решения крестьянского вопроса — не разрешили. Господи, и пообедать-то нам не позволяют! Готовится проект — просить у правительства нового цензурного положения, наполовину предупредительного, наполовину карательного. Не знаю, уладится ли просьба, а если и уладится — то поведет ли к чему. Щербина на днях уехал за границу... Читали ли вы воспоминания Панаева в „Современнике?“ По-моему — это грязное дело, и так литераторы у нас не в почете, а он их вовсе в грязи затирает. Достоевские сильно заняты своим изданием, и, кажется, оно пойдет... У вас весна, а здесь гадости и скверности — и под ногами, и над головой, и на плечах... Тяжело происходили здесь варшавские события: того и гляди, что они нам насолят...» (Авт. ГПБ, ф. 236, ед. хр. 104).

² Роман «Отцы и дети». Напечатан в № 2 «Русского вестника» 1862 г. Милюков писал Данилевскому 23 апреля:

«...Представьте, что я еще не прочел конца ваших „Беглых“! „Время“ мне уже не присылают, ибо денег не внес, а меняться на „Свечеч“ не хотят...» (там же).

³ Печатание «Записок из Мертвого дома» началось в апрельской книжке «Времени», затем был перерыв до сентября. Первые главы «Записок» до того публиковались в газете «Русский мир». См. А. П. Могилянский. К истории первой публикации «Записок из Мертвого дома». — «Русская литература», 1969, № 3, стр. 179—181.

28. Н. Н. СТРАХОВ — П. Н. СТРАХОВУ

⟨С.-Петербург⟩ 22 июня ⟨1861 г.⟩

... Участвую я, главным образом, во «Времени», журнале молодом, но весьма недурном, подающем большие надежды. Там была полемика с *Лавровым*, нынешним редактором «Энциклопедического словаря». Дело это, однако, пустое. Но я *под забралом* вел и веду там полемику с господами Авдеевым, Веселовским, Панаевым, Вейнбергом, Чернышевским, Писаревым и т. п. Находят, что дело идет хорошо ¹⟨...⟩

Живу я по-прежнему. Много книг, много народу, куча новых знакомых. Все это, однако же, составляет не много счастья ...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III. 19146.

Николай Николаевич *Страхов* (псевд. *Косица*, 1828—1896) — критик, биограф Достоевского и сотрудник его изданий. См. о нем: «Лит. наследство», т. 83, стр. 16—23, в ряде писем настоящей публикации и в *Приложении* к ней.

Петр Николаевич *Страхов* — его брат, чиновник.

¹ В своих воспоминаниях о Достоевском Страхов писал, что ему «не терпелось и хотелось скорее стать в прямое и решительное отношение к нигилистическим учениям», к которым он питал «постоянно какое-то органическое нерасположение», и что сотрудничество во «Времени» предоставило ему, наконец, возможность начать последовательную борьбу с нигилизмом («Биография...», стр. 235). См. А. Л. Будилова, Б. Ф. Егоров. Библиография печатных трудов Н. Н. Страхова. — «Ученые записки Тартуского гос. ун-та. Труды по русской и славянской филологии», вып. 184. IX. Литературоведение. Тарту, 1966, стр. 213—229.

29. А. С. СУВОРИН — М. Ф. ДЕ ПУЛЕ

⟨Москва⟩ 13 июля 1861 г.

Добрейший Михаил Федорович, писать и есть что, да, изволите ли видеть, какое обстоятельство останавливает: тут, говорят, в Москве есть почтовые цензора, которые распечатывают и читают десятое письмо ⟨...⟩

Цензура беснуется — № 57 «Речи» задержан цензором, и, верно, во время вы его не получите. Дело в том, что для этого номера была набрана статья Лескова «О современном недобросовестном направлении русских

журналистов и литераторов». Лесков говорит против паясничества. Цензура не пропустила статью на том основании, что она написана не спокойным тоном, как бы следовало, и что автор позволил себе площадные ругательства в ней. А заметьте себе, что там и тени ругательства не было ¹. Феоктистов ² сейчас же написал дерзкое письмо к цензору, в котором прямо сказал, что г. Петров *лжет* ³. На это цензора не обижаются, а редакция хочет еще, по настоянию Лескова, подавать на цензора жалобу. Из «Внутреннего обозрения», которое писал также Лесков, половина уничтожена ⁴, и Петров, цензор «Русской речи», увидав вчера Феоктистова, воскликнул: «Что у вас за сотрудники — это ужас: критикуют распоряжения правительства!» Но что милее всего — так это то, что этот же самый Петров сказал вчера Феоктистову: «Я вам ужасную статью пропустил». — «Какую?» — «А статью Сухарева». — «Да что ж в ней ужасного?» — «Как же, она восстает против „Современника“». А до нас доходят слухи, что „Современник“ — в стачке с правительством» ⁵. Каково это вам покажется? Правительство в стачке с *красными*. Каковы цензора! <...>

Кстати, графиня просила меня передать вам, что она сама пишет критику на роман Достоевского «Униженные и оскорбленные». Она уже начала писать. Не знаю или, лучше сказать, не помню, поручила она вам писать об этом романе или нет. Мое дело, впрочем, сторона — передаю, что мне сказано было, а вы, знаю, и не читали еще романа — ожидали конца — следовательно не в большой потере ⁶. Критика на «Старое старится, молодое растет» ⁷ — также поручена кому-то. Сотрудников у ней пропасть, и делается все как-то по-домашнему, своим кружком ⁸...

Автограф. ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 587.

Алексей Сергеевич *Суворин* (1834—1912) — в это время секретарь редакции «Русской речи» (переехал в Москву из Воронежа по приглашению редактора этой газеты, беллетристики Евгении Тур — графини Елизаветы Васильевны *Салиас де Турнемир*, 1815—1892). Впоследствии — издатель-редактор реакционного «Нового времени».

Михаил Федорович *Де Пуле* (1822—1885) — воронежский литератор, друг и биограф И. С. Никитина, сотрудник «Русской речи». См. ниже, на стр. 554—556 его письмо о Достоевском (1881).

¹ Эта статья Н. С. Лескова появилась в № 60 «Русской речи и Московского вестника» 27 июля за подписью *В. Пересветов* и под названием «О замечательном, но не благотворном направлении некоторых современных писателей».

² Евгений Михайлович *Феоктистов* (1829—1898) — журналист, историк, мемуарист; впоследствии — крайний реакционер, начальник Главного управления по делам печати. С июля 1861 г., после реорганизации «Русской речи» и слияния ее с «Московским вестником», стал редактором этой газеты (вместо Евгении Тур, взявшей на себя заведование отделом литературы и критики).

³ Письмо Феоктистова к цензору Петрову неизвестно.

⁴ В собрание сочинений Лескова не вошло.

⁵ Полемическая статья А. Сухарева «Нечто о лавочках журнала „Современник“», в № 54 «Русской речи и московского вестника» от 6 июля. Она направлена против Чернышевского и других ведущих сотрудников журнала, обвиняемых им в развязности, недобросовестности, неуважении к читателям и т. п.

⁶ 21 сентября того же года Суворин писал Де Пуле: «Я не принадлежу по своим убеждениям ни к конституционалистам, ни к красным, ни к Каткова партии, ни к партии Чернышевского, ни к партии „Времени“ <...> Прежде всего, не принимайте на свой счет того, что я буду говорить о людях, которые теперь сходят со сцены <...> Здесь я насмотрелся и, главное, наслушался о том кружке, который окружал графиню (Е. В. Салиас) и окружает теперь. Все это люди образованные, не невежды, все это люди, совершенно бесполезные в настоящее время <...> Современной литературе у них один приговор — невежество, мерзость и проч. Полно, невежество ли? Добролюбов, например, господин очень ученый, отлично знает не только новые, но и древние языки, постоянно читает, точно так же, как и Чернышевский. Про личный характер последнего и говорить нечего — он не уступит никому лучшим характерам прошлого времени. А невеждами их называют потому, что, скованные цензурой, они резко проводят свое направление побочными путями и потому, что они осмелились выйти из пеленок западной мысли и стали говорить от себя, стали говорить *свои слова*, а не чужие. Понятно, что первая попытка

«НА УЛИЦЕ И ЕЩЕ КОЕ-ГДЕ»
ЛИСТКИ ИЗ ПАМЯТНОЙ
КНИЖКИ А. МИЛЮКОВА
(СПб., 1865)
С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
АВТОРА

«Федору Михайловичу Достоевскому
от преданного А. Милюкова.
23 апр. 1865».

Шмуцтитул. Книга не сохранилась
Библиотека СССР им. В. И. Ленина,
Москва

НА УЛИЦѢ

и

ЕЩЕ КОЕ-ГДѢ

*Федору Михайловичу
Достоевскому*

от преданного

А. Милюкова

23 апр. 1865.

во всяком деле удачна особенно быть не может. То же вышло и с Чернышевским — он зарапортовался, как говорится...» (там же). Суворин в последних строках имеет в виду «Полемиические красоты» Чернышевского.

⁶ В ответном письме из Воронежа (3 августа) Де Пуле следующим образом откликнулся на это сообщение Суворина: «Все это очень досадно, что ваша редактриса то заказывает, то отказывает статьи. Ну пускай (И. С.) Некрасов, а она лучше бы сделала, если бы занялась чем-нибудь другим, а не критикой (конечно, это между нами) <...> Нет, это просто свинство — просить через секретаря писать о Достоевском, а потом отказывать! Пожалуйста, внушите этой госпоже, что неделикатно поступать таким образом с сотрудниками» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3514).

28 сентября он писал ему же: «Что бы вам вздумалось заказать мне такую тему о современных поэтах? Да и как говорить о них? О Некрасове, например, не позволят. Объяснитесь. Вот об Униженных я бы написал. О Полонском что же писать теперь? Надобно подождать выхода его романа. Безденежье совсем одолело меня. Что бы, в самом деле, приготовить для „Русской речи“?..» Отметим, что Де Пуле предложил свою статью об «Униженных и оскорбленных» М. М. Достоевскому для публикации во «Времени». М. М. Достоевский ответил на это 9 октября 1861 г.: «О романе брата, который просил меня поклониться вам, писать для „Времени“ неудобно» («Достоевский. Статьи и материалы. Сб. I. Пг., 1922, стр. 511). О поэме Я. П. Полонского «Свежее преданье» см. в п. 30 и 53.

⁷ «Старое старится — молодое растет» — роман Григория Николаевича Потанина (1835—1920), напечатанный в «Современнике» в 1861 г.

⁸ В том же письме Суворин подробно изложил содержание распространявшейся в Москве революционной прокламации «Великоросс», которую ему удалось прочесть.

30. А. С. СУВОРИН — М. Ф. ДЕ ПУЛЕ

⟨Москва⟩ 17 июля ⟨1861 г.⟩

... Я уже писал вам, что о романе Достоевского она пишет сама ¹ — о романе Потанина рецензия также заказана, — кажется, Некрасову ², точно так же, как и о романе Потехина «Бедные дворяне». Следовательно, для «Русской речи» нет вам надобности писать об этих вещах. О Полонском графиня просит вас написать непременно, но при этом она говорит, что *невысокого* она мнения о таланте этого поэта, что вы, конечно, должны принять к сведению. Впрочем, его роман в стихах, который петербуржцы,

как слышно, ставят на одну доску с «Онегиным» Пушкина, может быть, поколеблет ее убеждения, а вас утвердит в значительности дарования Полонского³ <...> Цензура ужасная, просто поворот к старому⁴...

Автограф. ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 587.

¹ См. предыдущее письмо. Речь идет о Евгении Тур. Ее рецензией на «Униженных и оскорбленных» открылся № 89 «Русской речи», 5 ноября 1861 г. Отмечая, что имя Достоевского «чрезвычайно популярно в русской публике и известно почти наравне с лучшими нашими писателями», Тур заявляла: «Униженные и оскорбленные» не выдерживают ни малейшей художественной критики; это произведение преисполнено недостатков, несообразностей, запутанности в содержании и завязке и, несмотря на то, читается с большим удовольствием. Многие страницы написаны с изумительным знанием человеческого сердца, другие — с неподдельным чувством, вызывающим еще более сильное чувство из души читателя...»

² Иван Степанович Некрасов (псевд.: Н. Некрасов) — третьестепенный московский литератор, сотрудник «Русской речи».

³ Роман в стихах Я. П. Полонского «Свежее преданье» печатался тогда в журнале «Время» (1861, № 6 и 10; 1862, № 1); закончен не был.

О его предстоящем выходе редакция торжественно сообщила на обложке майской книжки: «В следующей, июньской, книге „Времени“ мы печатаем одно из замечательнейших произведений нашей текущей поэтической литературы — первые три главы из романа в стихах Я. П. Полонского „Свежее преданье“. Мы говорим об этом произведении как о событии в литературе».

Роман «Свежее преданье», имевший явную антидемократическую направленность, вызвал многочисленные отклики в печати.

Достоевский писал Полонскому 31 июля 1861 г.: «3 главы ваши вышли еще в июне и произвели сильное разнообразное впечатление <...> В публике отзывы (как я слышал) различные, но что хорошо, что ценители делятся довольно резко на две стороны: или бранят, или очень хвалят — а это самое лучшее: значит, не пахнет золотой серединой, черт ее возьми! Иные в восторге, хвалят очень и ужасно бранятся, что нет продолжения <...> Друг Страхов заучил все эти три ваши главы наизусть, ужасно любит цитовать из них, и мы, собравшись иногда вместе, кстати или некстати, приплетаем иногда к разговору ваши стихи» («Письма», I, стр. 302). См. п. 53.

⁴ Отметим, что в двух неизданных письмах Де Пуле к Суворину (18 февраля и 11 марта 1863 г.) содержатся чрезвычайно резкие выпады против М. М. Достоевского, которого Де Пуле характеризует как «порядочного мерзавца», «мошенника и барышника» (ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 3514). Ср. письма М. М. Достоевского к Де Пуле в сб. «Достоевский». Статьи и материалы. Сб. I. Пг., 1922, стр. 507—516.

31. А. С. СУВОРИН — М. Ф. ДЕ ПУЛЕ

Москва. 27 декабря 1861 г.

... Относительно народа я вполне сочувствую «Времени»¹. Но, кстати, неужели безусловно вам нравится этот журнал? Ведь он держится беллетристикою, а не чем другим. Ведь критический отдел его весьма слаб, ведь что-то новое только и есть в статьях Ф. Достоевского («Книжность и грамотность»)². Относительно искусства я вам скажу только одно, что в наше время, как хотите, а искусство отложить бы в сторонку и не трогать его ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 587.

¹ В более раннем письме, 28 августа того же года, Суворин писал Де Пуле:

«Вы хотите бросить всякую солидарность с славянофилами — напрасно, это значит бросить жизнь, или, по крайней мере, предчувствие жизни, которой нет у наших умеренных западников и мало у неумеренных, вроде „Современника“, мало и у таких, которые сочувствуют „Времени“. А у „Времени“, по крайности, инстинкты пробуждаются, хоть оно не в состоянии еще формулировать своих убеждений, потому что их не выработано еще. Нужно новое что. Вы не видите, где жизнь пробуждается и где она закипит» (там же).

² Статья Достоевского «Книжность и грамотность» напечатана в № 7—8 «Времени» 1861 г.

32. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — Н. Н. СТРАХОВУ

<С.-Петербург, 1861 г.?)

Брат был у меня вчера весьма поздно, и потому только нынче утром могу уведомить вас, добрейший Николай Николаевич, что, по зрелом обсуждении, мы боимся напечатать Маколее¹. Ради бога, не примите этого обстоятельства за что-нибудь другое. Вы знаете, какое уважение мы оба с братом питаем к вам, и потому <будьте> на этот счет покойны²...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, ед. хр. 5.

¹ Вероятно, не дошедшая до нас статья Страхова об известном английском историке Томасе Бабингтоне *Маколее* (1800—1859), в связи с выходом в свет его собрания сочинений (Лондон, 1860) или же перевод его статьи.

² Среди бумаг Страхова сохранилась следующая его записка, адресованная М. М. Достоевскому и относящаяся к периоду издания «Времени» (или первого года «Эпохи»):

«Кажется, Михаил Михайлович, придется вам выходить без моей статьи. Веселаго сам не знает, чего ему хочется и чего он боится. Завтра он хотел показать статью председателю. Посмотрим. По-моему, лучше не печатать. Пропaday они совсем к чёрту! Ваш *Н. Страхов*» (Авт. ЦНБ АН УССР. I. 5239а). Феодосий Федорович *Веселаго* (1817—1895) — член совета Главного управления печати.

33. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — Н. Н. СТРАХОВУ

<С.-Петербург> 7 января <1862 г.?)

Вы страдали по «Времени», а я всю неделю по вас. Очень нужно было вас видеть; во-первых, потому, что необходимо было учинить окончательный расчет; во-вторых, чтоб поговорить о следующей книге, а в-третьих, просто потому, что я всегда счастлив и рад, когда вас вижу у себя. Прислать книги сейчас не могу, потому что завтра праздник и люди мои гуляют — просто некого послать. Завезу вам экземпляры завтра к брату, где с вами надеюсь увидаться, и передам его вам¹...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, ед. хр. 5.

¹ В своих воспоминаниях Страхов отмечал, что в период издания «Времени» он встречался с Достоевским почти ежедневно — то в редакции журнала, то у писателя дома, то у себя («Биография...», стр. 224—225).

34. М. П. ПОКРОВСКИЙ — Н. Н. СТРАХОВУ

Онега. 30 января — 2 февраля <1862 г. >

... Я теперь дошел, так сказать, до апогея моих бедствий — и колесо скоро должно начать вертеться в другую сторону. Либо эта, либо следующая почта должна принести мне известие о моем переводе в Архангельск <...>

Господи, спаси мою душу! Если прочитать здесь на публичном чтении «Мертвые души», то это выйдет решительно личностью! А ведь сколько лет прошло с тех пор! Подобострастие, унижение перед высшими, давление низших, подлость, взятки, сплетни, дразги <...> Губернатор и вообще власти решительно покровительствуют взяткам и взяточникам, находя людей, не берущих взятки, опасными <...>

Пишите, кланяйтесь Шестаковым¹, Достоевским² и т. д. <...>

А что же «Время»? Я просил, чтобы вы послали мне и за прошлый год ...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III. 17898.

Михаил Павлович *Покровский* (184? — до 1883) — один из руководителей студенческого революционного движения 1860-х годов. См. о нем. в кн.: А. А. Ш и л о в и М. Г. К а р н а у х о в а. Деятели революционного движения в России, т. I. М., 1928, стр. 324—325; Л. Ф. П а н т е л е е в. Воспоминания. М. — Л., 1958, стр. 252 и 532—535; «Биография...», 171 (в пагинации опечатка: 271); «Письма», IV, стр. 63. Покровский был арестован 5 октября 1861 г. и заключен в Петропавловскую крепость, где

просидел два месяца. После этого его выслали в Онегу. Публикуемый отрывок извлечен из его огромного письма к Страхову, в котором он подробнейшим образом описывал свое пребывание в ссылке.

¹ И. А. Шестаков — петербургский знакомый Страхова. См. ниже п. 54, 85 и 123.

² Покровский был восторженным почитателем Достоевского и его творчества. Он встречался с писателем и до своей ссылки и после ссылки, в 1870-х годах (см. Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки (1854—1886). М.—Л., 1934, стр. 460—461).

35. М. М. ДОСТОЕВСКИЙ — Н. Н. СТРАХОВУ

С.-Петербург. 18 июля 1862 г.

Спешу уведомить вас, добрейший Николай Николаевич, что нынче я получил письмо от брата. Он все еще в Париже и 15 числа нашего стиля оттуда выезжает. Писать к нему он просит во Флоренцию, *poste restante*, где он будет к 1 августа или в первых числах. Стало быть в двадцатых июля — он в Женеве¹. Он очень жалеет, что вы не отвечали ему на письмо его, и потому он не знает даже, уехали ли вы за границу или нет². Если не встретитесь с ним в Женеве, напишите к нему во Флоренцию и назначьте отель, в котором остановитесь³.

Все по-старому у нас. Новостей никаких.

Как бы я желал, чтоб вы встретились с братом!

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, ед. хр. 5.

¹ Это письмо Достоевского к брату остается неизвестным. Публикуемый отрывок дает возможность частично восстановить содержание утраченного письма.

² Письмо Достоевского к Страхову (26 июня/8 июля 1862 г.) из Парижа («Письма», I, стр. 309—312).

³ Страхов писал Достоевскому 10 июля 1862 г. (письмо это не попало в публикацию писем Страхова в сб. «Шестидесятые годы». М.—Л., 1940, стр. 259—280):

«Вы писали мне: „20, 21 или 22-го я в Женеве“. Ну и я буду в Женеве. Я выезжаю — увы! — 14-го июля! Сегодня 10-е; если до отъезда не будет от вас известий, то я постараюсь догнать вас в Женеве. Не захвачу — буду гоняться за вами, а догнавши уж не отстану, не отделаюсь.

Вот и всё! А затем мог бы посвятить страницы три на нетерпение видеть вас, страницы три на здешнюю мерзость — и пр. Но скоро, скоро — обо всем переговорим! Я до сих пор ничего не писал для журнала; не знаю, что со мной сделалось — какой-то перелом. Зато обещаю себе и вам усердно работать осенью. Дайте только установиться, не зовите меня *рылым*... А впрочем, нет! Браните, браните сильнее, милейший мой Федор Михайлович!

Был я в Москве.

Приехал сюда А. Григорьев. В одно из первых свиданий, заговорив о „Мертвом доме“, он выразился так: „В настоящее время у нас два великих писателя, Островский и Достоевский...“

Начались „Мысли без концов“, но, несмотря на желание Михаила Михайловича, я не решился их печатать —

И много, много, и всего

Пересказать во мне нет силы...» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.9.19).

См. в Приложении к настоящ. публикации статью Страхова о его идейных спорах с Достоевским во время пребывания во Флоренции.

36. Е. А. САЛИАС — ЕВГЕНИЙ ТУР

Царское Село. 3 октября 1862 г.

... Публика любила последнее время и, может быть (????), и теперь (???) любит действительность, реализм Щедрина и К°. А этой действительности у меня нету <...>

Вы пишете: «Пришлите денег, я без гроша, и скорее». Денег нет. Сенковский вместо 70 должен 45. <М. М.> Достоевский (врет или нет?) не должен¹ <...> Где достать денег? Если отдать статью Усову², который не отдаст (тогда) даже и старого долга, — это глупо. Деньги надо сейчас. У него их нету. «Современное слово» (т. е. «Инвалид») — кабак, выстроен-

ный из бревен, оставшихся после балагана — «Современника»³. Остается невинная и тупо смиренная «Библиотека»⁴ <...> Вам литературным трудом (одним) жить за границей будет трудно не потому, чтобы вы не могли написать в год достаточно листов, чтобы прожить, но потому, что писать постоянно, появляться в журналах часто, подписывая свое имя под *беспрестанными мелочами*, не следует. Не надо приучать публику к тому, чтоб она, увидев ваше имя, могла подумать, что содержание — мелочь, или перевод, или резюме чужой книги. Наконец войдите в положение редактора. Времена переменялись. Теперь сократить что-нибудь, прибавив два слова от себя, может много народу, которые возьмут мало, что дадут <...>

Сначала были Загоскины, Лажечниковы. Они удовлетворяли. Потребовалось новое. Явился Гоголь. Там есть грязное, но оно плачет. Этого не поняли, схватились за грязное и давай разворачивать, но теперь оно уже хохочет и хвастает и заявляет право на существование. Тургенев показал другую дорогу, но нашим Писемским и Григоровичам, т. е. безграмотным талантам, необразованным, идти так не приходилось по силам. Надо было или не писать, или превратить литературу в гоголевского Петуха, выходящего из озера, только не прикрываясь на манер Венеры Медицейской. За Щедриным, увидев, что писатель должен описывать жалкую грязь и что чем она сильнее, тем лучше, — бросилась в литературу целая толпа, сволочь грязная, с грязью в руках <...> Красивая литература явилась <...>

О гласном судоустройстве вы уж знаете⁵. Я становлюсь совершеннейшим не монархистом, а Романистом (Романовы). Действительно, с одной стороны я вижу прокламации, фиглярничество Чернышевского и Антоновича, с другой — подчас умное и *благонамеренное* правительство <...> Правительство плохо и глупо, но *лучше* и *умнее* общества. Прогресс не в гостиных Чернышевских, Достоевских, Трубецких, Голицыных, не в усадьбах помещиков, теперь он во дворце ...

Фотокопия с несохранившегося автографа Раптерсвилльского музея (Варшава). ЦГАЛИ, ф. 447, оп. 1, ед. хр. 19.

Граф Евгений Андреевич *Салиас де Турнемир* (1840—1908) — сын писательницы Евгении Тур, студент, исключенный из Московского университета; вращался среди революционно настроенной молодежи, но вскоре перешел на реакционные позиции. Впоследствии — популярный исторический романист.

Постоянно живя во Франции, Е. Тур остро нуждалась в деньгах. Она просила сына устроить в какой-нибудь петербургский журнал посылаемые ею корреспонденции и договориться о постоянном сотрудничестве. В начале 1862 г. Салиас сообщил ей: «... Вы не писали о „Время“. Тут платят за строку» 9 1/4 копейк. Это, кажется, довольно. Впрочем, если есть возможность, то как-нибудь передадим во „Время“, если та сторона (Достоевский) согласится. Я к нему поеду. Корреспонденции — семь копейк. строка. Если невыгодно, переименуйте название писем иначе и высылайте во „Время“» (Фотокопия. ЦГАЛИ, ф. 447, оп. 1, ед. хр. 19).

¹ В апрельской и июньской книжках «Времени» 1862 г. были напечатаны очерки Евгении Тур «Шесть недель в гостях и дома» и «Воспоминания и размышления». В «приходо-расходном» журнале «Времени» А. В. Лохвицким сделана расписка: «Получил для передачи г-же Евгении Тур двести рублей 00 к. А. Лохвицкий» (Авт. ЛБ, ф. 93.1.3.22).

² Павел Степанович *Усов* (1828—1888) — в 1860—1864 гг. редактор «Северной пчелы».

³ С июня 1862 г. некрасовский «Современник» был приостановлен правительством на восемь месяцев. С 1 июня того же года неофициальная часть правительственной газеты «Русский инвалид» была выделена в отдельную газету, выходящую под названием «Современное слово» (редактором ее был Н. Г. Писаревский). В этом издании, имевшем открыто оппозиционный характер, участвовали некоторые сотрудники приостановленного «Современника». Недовольство правительственных кругов направлением газеты привело к ее закрытию в начале июня 1863 г.

⁴ «Библиотека для чтения».

⁵ Отклик на публикацию в печати «Основных положений нового судоустройства», положивших начало судебной реформе в России. Проект новых судебных уставов был утвержден царем 20 ноября 1864 г.

37. Н. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 18 ноября 1862 г.

... Ты удивишься, получивши от меня такое огромное послание. Да, оно будет огромное, потому что, после долговременной обоюдной тишины между нами, я намерен нарушить эту тишину и разговориться так, как говорит наша бабушка Ольга Яковлевна¹, когда у ней есть кое-что поговорить насчет другого. Упоминая о бабушке, я должен сказать, что она недавно изволила ни с того, ни с другого посетить нашу столицу, и, как ты думаешь, — всего на два дня. Вероятно наскучил ей московский преферанс и бостон и приехала поиграть в петербургский; но, к несчастью, между нашими не было ей товарищей; одни, как, например, брат, за неимением времени, не играют, другие, как, например, Николай Иванович Голеновский (муж сестры Саши), за неимением денег тоже не предается этому удовольствию. Это-то и было, кажется, скорой причиной ее отъезда. Странное дело, все стареются, но она — конь-конем, даже и не помышляет о вечной разлуке с преферансом и другими старческими удовольствиями мира сего. Курит (крепкие папиросы) напрапалую. Бранится и ссорится тоже (хотя добрейшая в сердце). Одним словом, что было прежде, то и теперь. Впрочем, не думай, чтобы я говорил о нашей бабушке с какою-нибудь насмешкою. Нет, вовсе нет, просто я восхищаюсь этой вечной суетливости и постоянной заботливости пожить получше. Представь себе: она даже идет за веком — бранит то, что бранят все в настоящее переходное и полное тревожений время. Конечно, не всё, да, впрочем, и между нашими найдется *сто* кружков и партий различных мыслей и суждений.

Заболтавшись так долго о бабушке и о всяком вздоре, я перехожу к нашему житию и бытию. Говоря к *нашему*, я тесно соединяю жизнь братьев (хотя она далеко не походит на мою) с моею. Их жизнь идет уже своим чередом, а моя начинается. Начинаю со старшего, Мих-Миха, как называют его многие из наших знакомых. Нарочно начну с новой строчки, потому <что>, чтобы объяснить всю его жизнь, надо начинать тоже говорить с начала.

Почтенный и добрейший наш брат Михаил Михайлович начал свое купеческое поприще за год до моего выхода из корпуса, и начал блистательно, т. е. начал жить и живет до сих пор прекрасно и счастливо. Награжден от бога добрейшею женою и прекрасными детьми, и, надо сказать, — прехорошенькими. Почти два года назад, т. е. по приезде брата Федора Михайловича, по совету его, начал издавать прекраснейший журнал по своему направлению, «Время». Издают они пополам, т. е. выгоду делят пополам. Все это тебе известно, но что делать, у меня такая привычка, говоря о чем-нибудь, начинать всегда с Адама. Так вот: начали они журнал, который, вероятно, ты получаешь и читаешь, как и я, с наслаждением; подписка на него, т. е. сочувствие публики, с первого же года была огромнейшая. Первый год было две тысячи подписчиков, а в нынешнем году более четырех с половиной тысяч. Казалось бы, тут-то бы и наживать деньги, по крайней мере, по 20 тысяч в год, как по расчету и должно быть, но выходит наоборот. Первая причина, что журнал начал без копейки денег, а во-вторых — по множеству занятий в журнале явились упущения на фабрике. Брат занят с утра до вечера и так, что я удивляюсь, как он не заболает до сих пор. Впрочем, фабрику он хочет передать кому-нибудь или просто закрыть, и тогда в будущем году он сделается Крезом, потому что подписка на журнал, судя по-теперешнему, будет блистательная. Вот тебе отчет о брате. Теперь начинаю описывать семейство. Эмилия Федоровна сделалась полною и красивою женщиною, добра до бесконечности, со всеми нашими родными дружна. Старший сын Федя — красивый юноша, ростом выше брата на целую голову, добрый парень

с огромнейшим музыкальным дарованием. Играет на фортепиано лучше многих у нас в Питере довольно известных пьянистов. Вот почему брат взял его из пятого класса гимназии и отдал в музыкальную консерваторию, где, кроме специального музыкального образования, преподают гимназический курс. *Маша* — очень и даже очень хорошенькая семнадцатилетняя барышня, умная, очень мило образованная, добрая, и в музыкальных сведениях превзошла своего старшего брата. Прошлую зиму она участвовала на двух больших концертах и произвела фурор. Эти-то дарования детей доставили брату знакомство со многими известными талантами, так что чуть не каждую неделю составляются у брата трио, квартеты, вообще маленькие музыкальные праздники, кроме обязательных литературных вечеров по субботам, где собираются тоже тузы в своем роде. Вот тебе в кратких словах про брата Мих-Миха <...>

Про брата Федора я и писать не берусь. Теплая, ангельская душа, характер... Одним словом, если ты еще не читал последних двух его сочинений — «Униженные и оскорбленные» и «Записки из Мертвого дома», прочти, и ты увидишь, что вся его душа, вся его жизнь видна, как на ладони. Этот человек готов всегда жертвовать собою для блага ближнего. Жена его очень добрая особа, но жаль, что очень больная женщина. У ней чахотка, и только тридцатилетний возраст не дает скоро развиться этой болезни.

Теперь начинаю про сестру Сашу и ее семейство, про ее горькую жизнь и ужасное положение в настоящее время <...> Я пишу это письмо потихоньку от всех, чтобы и тебя умолить как-нибудь помочь сестре. Я бы не тревожил тебя, если бы окончательно усвоился в Питере. Я как холостой брат прежде всего должен бы стараться о сестре; но что делать, последнее время я был совершенно без дела и должен был продать все лишнее: лошадь, экипаж и всю к этому утварь. Не думай, чтоб я жаловался на свою судьбу. Вовсе нет. Дела мои теперь поправляются, и я вовсе не нуждаюсь. Живу своим хозяйством с двумя слугами, не ради роскоши, а ради того, что я второго слугу взял к себе: мальчика для обучения (бедного сироту). Я был бы Крезом, если бы имел твердость характера. Я все принимаю к сердцу как-то по-женски, тряпично, и всякая мелочь тревожит меня так, что я, несмотря на множество частных дел, хожу, как угорелый, ничего не делая. Через это только я теряю многое, но все-таки не всё, и слава богу, не сижу без дела, а следовательно и без куса хлеба. Ну, обо мне впоследствии. Вообще местоимение я тут не у места, когда дело идет о более важном <...>

Все тебе кланяются, хотя и не знают, что я пишу к тебе, потому что все тебя очень часто вспоминают, и не далее, как вчера, в день твоего ангела, у брата Мих-Миха, где первый начал тост за твое здоровье брат Федя и все дружески приняли его и залпом осушили рюмки с *шато-лафит* ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 75.

¹ Ольга Яковлевна *Нечаева* (1794—1870) — мачеха покойной матери Достоевского. По всей вероятности, она послужила писателю прототипом Антонины Васильевны Тарасевичевой, героини романа «Игрок» — «бойкой, задорной, самодовольной, прямо сидящей, громко и повелительно кричащей, всех бранящей» «бабуленьки», страстной любительницы азартных игр.

38. М. П. ПОКРОВСКИЙ — Н. Н. СТРАХОВУ

Онега. 18 ноября 1862 г.

... Наконец, еще просьба, за которую я всего больше боюсь, а между тем сильно бы хотел успеха, и притом поскорей. Дело в том, чтобы вы доставили мне в каком-нибудь журнале работу, например компилятивную.

При ваших связях с «Временем», «Библиотекой для чтения» и др. это возможно. Мне хотелось бы именно компилятивную, так как сочинять мне нечего, а перевод всегда плохо вознаграждается да и слишком уж трудная работа <...>

У меня есть Бокль, компиляция которого тоже была бы украшением сего журнала (например, взгляд на историю революции 1789 года по Боклю). Наконец, М. М. и Ф. М. Достоевские, так же, как и редакторы «Библиотеки для чтения», могли бы присылать мне другие статьи и книги для компилирования¹...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.17873.

О М. И. Покровском см. в примеч. к п. 34.

¹ Редакция «Времени» заказала Покровскому какую-то компиляцию, которая, однако, помещена в журнале не была вследствие его запрещения.

15 июня 1863 г. Покровский писал Страхову:

«...Пишу к вам, милый Николай Николаевич, во-первых, для того, чтоб попросить вас переслать платёж (если устроится это дело) в Архангельск, а не в Онегу, а во-вторых, чтоб узнать, что с „Временем“. Напишите, пожалуйста, есть ли надежда на его возобновление, хотя бы под другим именем? Мне лично запрещение его тем печальней, что в каких-нибудь две или три недели я рассчитывал окончить свою компиляцию, половина которой уж готова, а теперь всё к чёрту...» (Авт. ЦНБ АН УССР. III.17875).

² Интересные подробности о популярности «Времени» сообщил М. И. Семевский Страхову из Великих Лук 31 декабря 1862 г.: «...Ф. М. и М. М. Достоевским, пожалуйста, передайте мой искренний поклон. Журнал их везде читается с удовольствием, даже мелкие купчики в лавках по городкам — кто выписывает, а кто, например, платит по десять копеек переплетчику-жиду — и тот дня по два, по три ссужает их помещичьи экземплярами, которые ему отданы в переплет...» (Авт. ЦНБ АН УССР. III.18245).

39. В. С. КУРОЧКИН — В. П. БУРЕНИНУ

«С.-Петербург» 26 февраля 1863 г.

Извините меня, что я так долго не отвечал вам.¹ Во-первых, я был болен, а во-вторых, не то что потерял ваш адрес, а потерял первое ваше письмо, в котором было обозначено ваше имя и отчество. Пожалуйста, не замедлите просветить меня в этом отношении.

Я все хотел писать к вам подробно, но если ждать свободного времени, то, пожалуй, никогда и не соберётся. Я не напечатал окончания вашего «Литературного маскарада»², потому что мы несколько расходимся с вами во взгляде на деятельность Каткова. Мы уже несколько раз писали, что он отрекся от Англии и всего западного и *возвратился на родину* в Армянский переулоч, т. е. встал во главе защитников всего неподвижного, старого, а по вашим стихам выходит, будто бы он только в 1862 году открыл Англию. Только по поводу этого противоречия я и не поместил всего стихотворения.

Посылаю вам за №№ 1, 4 и 7 — 120 рублей (считая по 25 копеек за строчку стихов и по 9 копеек за строчку прозы, следует 119 р. 21 к.). Если же согласны работать на этих условиях, позвольте считать вас постоянным участником «Искры» и рассчитывать на возможно частую присылку ваших статей.

Не возьмётесь ли вы сообщать в «Искру» постоянных корреспондентов из Москвы — в стихах и прозе, и в какой форме найдете удобным? Это было бы очень кстати для «Искры».

Я приделал окончание к «Ванне», потому что нужно было высказать несколько истин Достоевскому. Я подписал под статьей *Хлеб<ный> Свистун*, потому что не был уверен, что вы согласитесь на вставки и добавления в статью, подписанной вашим псевдонимом³. Напишите, пожалуйста,

ста, откровенно ваше мнение об этих вставках. Лучше всего, если при присылке статей вы будете указывать, когда, в какой статье не желаете изменений. Так делают петербургские участники «Искры». Кланяйтесь Плещеву. Что он забыл «Искру»?

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1024, оп. 2, ед. хр. 21. Письмо на бланке редакции «Искры».

Василий Степанович *Курочкин* (1831—1875) — известный поэт и переводчик, редактор иллюстрированного сатирического революционно-демократического журнала «Искра».

Виктор Петрович *Буренин* (1841—1926) — поэт и публицист, сотрудник «Искры», «Современника», «С.-Петербургских ведомостей». Впоследствии — один из столпов реакционного «Нового времени».

¹ Это письмо Буренина к Курочкину неизвестно.

² Стихотворные «сцены из комедии» «Литературный маскарад», появившиеся за подписью *Владимир Монументов* и с ремаркой «Продолжение будет» в № 1 «Искры» 1863 г. Достоевскому там посвящены следующие строки, пародирующие высказывания А. А. Григорьева:

Достоевский — хвала богам! —
Своим протеевским талантом
Нанес удар всем свистунам
И всем табачным фабрикантам!..

³ Этим письмом устанавливается, что стихотворный фельетон, напечатанный в № 7 «Искры» 1863 г. под рубрикой «Домашний театр „Искры“»: «Ванна из „Почвы“, или Галлюцинации М. М. Достоевского. Фантастическая сцена» принадлежит перу Буренина и что в нее сделан ряд вставок редактором «Искры» — Курочкиным. В «Словаре псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей» И. Ф. Маса-нова (т. III. М., 1958) псевдоним *Хлебный свистун* ошибочно приписан Д. Д. Минаеву (со ссылкой на сообщение П. В. Быкова).

Появление этого фельетона было вызвано напумевшими полемическими статьями Достоевского во «Времени». В обширном «Объявлении» (1862, № 9) и «Необходимом литературном объяснении по поводу разных хлебных и нехлебных вопросов» Достоевский резко осудил, между прочим, «свистунов, свистящих из хлеба», т. е. обличителей, готовых ради своих материальных интересов подвергнуть нападкам любые идеи. Откликом на эти статьи явился фельетон Буренина, высмеявшего и «почвенническую» программу журнала, и его редакторов, и сотрудников. Как выясняется из публикуемого письма, соавтором Буренина был в данном случае сам Курочкин, которому принадлежат, в частности, следующие заключительные строки:

ХОР ВИДЕНИЙ

Слушай притчу, Достоевский:
Жаба некогда была
И, в трясине сидя Невской,
Увидала раз вола.

Загорелось у жабы
Самолюбие, — и она
Говорит: и я могла бы
Быть, как этот вол, тучна.

Жаба дулась, надувалась,
И вдруг лопнула она,
И от жабы лишь осталась
Почва, так сказать, одна!

В этих куплетах, несомненно, содержится намек на соперничество «Времени» с «Современником».

40. Н. Ф. ЩЕРБИНА — М. Н. КАТКОВУ

С.-Петербург. 16 марта 1863 г.

... Я вчера лишь на одном вечере прослушал новый роман А. Ф. Писемского ¹ и нахожу те главы, которые мне удалось слышать, художественными и общественно-полезными в смысле нашего *политического са-*

мосознания, — тем более в наш ребяческий момент, среди взбаламученного школярства, офицерства, пустозвонства, нигилизма и прочего тому подобного. Этому роману именно место в «Русском вестнике», где были напечатаны «Отцы и дети», в «Русском вестнике», родившем наше политическое понимание и государственное и общественное самосознание <...> Чтob дать большее влияние журналу и еще больше распространить его в публике, в видах патриотических, при главном есть еще и кое-что аксессуарное. Публика, видя в «Русском вестнике» все лучшее силы литературы, заподозрит нигилистические периодические издания. Увидит, что все таланты пристали к «Русскому вестнику, — а это недаром, значит все умное, честное и даровитое на Руси ему исключительно сочувствует и на его стороне, — а петербургские журналы, потакающие темным инстинктам болванства и стихийным чувствам недорослей, спекулирующие даже интересы отечества — мало-помалу станут падать и падать <...> Роман Писемского пойдет, вероятно, на шесть книжек журнала: тут еще экономический расчет². Вы теперь находитесь в весьма благоприятном положении: ни И. С. Тургенев, ни Л. Н. Толстой, ни Гончаров, ни Писемский уже невозможны для «Современника», им только и осталось, что печататься у вас³. Разве еще есть у вас соперник — ловкий заискиватель, комедиант — «Время» Достоевского. Он может кое-что переманить от вас, несмотря на безграмотность и тупость⁴. Но петербургский зазыватель «знаи штуку», по выражению Тредьяковского⁵. Постарайтесь, чтob и новая повесть Тургенева попала к вам, а не в «Время»⁶. Да нужно было бы заблаговременно и объявить об этом: тут есть своего рода экономические выгоды, без которых журнал держаться не может <...>

Теперь о новых отношениях к роману Писемского. В Петербурге толковали,¹ что вы платили ему за роман его «баснословную цену». Говорили, что из-за этого романа нужно скостить деньги — тысячи с подписчиков. Роман, правда, хороший, но вы дали очень дорого, тем более, что перебить его у вас было нелегко. «Время» бы не могло дать этого, Краевский тоже. На вашей стороне были шансы — вы все-таки дали дорого ...

Автограф (обгоревший по краям). ЛБ, ф.120.13.53 и рукописная копия. ЛБ, ф. 120.21.

Николай Федорович Щербина (1821—1869) — поэт. В 1850-х и начале 1860-х годов печатался в «Современнике», переписывался с Герценом. После событий 1862—1863 гг. он, как и многие другие либералы, перешел в лагерь реакции, резко выступая против «нигилистов» и их духовных вождей.

Михаил Никифорович Катков (1818—1887) — реакционный публицист, редактор «Русского вестника» и «Московских ведомостей».

¹ «Антинигилистический» роман А. Ф. Писемского «Взбаламученное море», охарактеризованный Герценом как «взболтанная помойная яма» (Герцен, т. XVII, стр. 298—301).

² «Взбаламученное море» публиковалось в «Русском вестнике», 1863, № 3—8.

³ См. В. Евгеньев-Максимов и Г. Тизенгаузен. Последние годы «Современника». 1863—1866. Л., 1939, стр. 5—67 и 178—202.

⁴ Отрицательное отношение Щербины к органу Достоевского «Время» характерно для литературных кругов, в которых он вращался. Ср. характеристику «Времени» в дневнике Е. А. Штакеншнейдер — запись 30 мая 1863 г.: «... бледный, невысказанный журнал, добродушный и туповатый». — Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки. М. — Л., 1934, стр. 332.

⁵ Из стихотворения В. К. Тредьяковского «Песенка, которую я сочинил, еще будучи в московских школах, на мой выезд в чужие края».

⁶ Повесть И. С. Тургенева — «Призраки», законченная 1/13 июня 1863 г. и предназначенная для «Времени». Появилась в № 1 «Эпохи» 1864 г.

HERMANN STROMFELDT
GÖTTINGEN

*Федору Михайловичу
Достоевскому
на память
М. Владиславлеву
10 Марта 1864 года
Гёттинген*

М. Н. ВЛАДИСЛАВЛЕВ

Фотография Г. Штрumpfельдта. Геттинген, 1864

С дарственной надписью на обороте: «Федору Михайловичу Достоевскому на память. М. Владиславлев. 10 марта 1864 года. Гёттинген»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

41. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО — НАЧАЛЬНИКУ III ОТДЕЛЕНИЯ

«С.-Петербург. 11 апреля 1863 г.»

Литературно-музыкальный вечер, данный 10 апреля 1863 г. в зале Благородного собрания в пользу Литературного фонда, привлек довольно многочисленную публику, хотя зала и не была совершенно полна. Распорядителями были студенты Медицинско-хирургической академии, в пользу которых — по их словам — и предназначен сбор ¹.

Вечер начался чтением отрывка из ненапечатанного романа Помяловского «Брат и сестра» <...> За Помяловским следовал Федор Достоевский, который вместо назначенной девятой главы из «Мертвого дома» прочел очерк семейной жизни французского буржуа ².

Стихотворения Полонского «Твой скромный вид» и «Одному из усталых» не произвели никакого впечатления, хотя последнее и оканчивалось стихом, явно рассчитанным на эффект:

... нужна
Для счастья законная свобода ³...

Первую часть заключил Курочкин своим стихотворением «Тик-так», напечатанным в «Искре», кажется, нынешнего года ⁴ <...>

Общее впечатление вечера нельзя назвать утешительным <...> По моему мнению — если только я имею право его высказать, — подобные литератур-

ные вечера, в случае невозможности или неудобства запрещать их, должны быть допускаемы как можно реже ...

Автограф. ЦГАОР, ф. 109, оп. 1а, ед. хр. 2006. Агентурное донесение.

¹ Литературно-музыкальный вечер, описываемый агентом, в «Жизни и трудах Достоевского» не отмечен.

² Речь идет об отрывке из «Зимних заметок о летних впечатлениях» Достоевского, впервые напечатанных в журнале «Время», 1863, № 1—2.

³ Оба стихотворения Полонского опубликованы в 1863 г. в книге «Кузнечик-музыкант». За приведенными строками Полонского следовал стих: «А для свободы — вольная страна», вероятно, им не прочтенный с эстрады.

⁴ Стихотворение «Тик-так» напечатано в № 8 «Искры».

42. А. Е. РАЗИН — М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Любань. 28 <ноября 1863 г.>

... Вашу добрую записку я сегодня получил ¹ и непременно увижу вас здесь на станции 29, 30 или 1 числа. Вы едете в Москву за получением, конечно, своих капиталов, тогда как Федор Михайлович свои уже получил ². Так вот в чем покорнейшая просьба: нельзя ли вам взять у Федора Михайловича обещанный мне капитал и дать его мне здесь, на Любани? Конечно, это слишком смелая просьба, но смелым бог владеет. Или иначе, нельзя ли мне прямо приехать в Питер и до вашего возвращения из Москвы воспользоваться долей капитала Федора Михайловича?.. ³

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 8.7.

Алексей Егорович *Разин* (1823—1875) — журналист, детский писатель, деятельный сотрудник «Времени». См. об этом «удивительном человеке, писателе, влюбленном в свое дело, истинном просветителе юношества и народа» в воспоминаниях П. В. Быкова «Силуэты далекого прошлого». М. — Л., 1930, стр. 46—51.

¹ Эта записка М. М. Достоевского неизвестна.

² Речь идет о наследстве, которое Достоевским предстояло получить в связи со смертью А. А. Куманина. Достоевский писал из Москвы брату Михаилу 19 ноября 1863 г.: «Мое мнение: лучше как можно позже приезжай в Москву, в самом конце ноября; тут, может быть, и приедешь прямо к разделу...» («Письма», I, стр. 341).

³ В неизданном письме к М. М. Достоевскому, датированном 30 декабря того же года, Разин упоминает о полученных от него 150 рублях и обещанной к новому году такой же сумме. «Кстати, когда будете так великодушны, напишите мне: „Приезжайте“, — напишите и два слова о „Почве“. Не подписались ни на одну газету, и потому объявления вашего не увижу» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 8.7).

«Почва» — новый журнал, который Достоевские собирались издавать после запрещения «Времени» (окончательное название — «Эпоха»), — см. след. письмо. О выдаче Достоевским денежной суммы Разину в его переписке упоминаний нет.

16 марта 1864 г. в письме к М. М. Достоевскому из Варшавы Разин писал: «Прошу вас передать мой нижайший поклон Федору Михайловичу».

43. Н. Н. СТРАХОВ — ПАВЛУ Н. СТРАХОВУ

С.-Петербург. 2 декабря 1863 г.

... Журнал Достоевских будет называться «Почва». «Время» не позволили, хотели было назвать «Правда», но и это оказалось возмутительным и нетерпимым. Теперь все затруднения кончены, то есть согласие Валуева ¹ и Долгорукова ² получено, и остаются только формальности. Скоро, вероятно, будет объявление ³. Как я устроюсь, не знаю. Меня тянут в «Библиотеку», предлагаю сверх платы за статьи ежемесячное жалованье. Но едва ли это состоится ⁴ <...>

Я непременно пришлю тебе свои статьи: «Новый поборник нравственности» (против Щедрина) и «Спор об общем образовании».

Ф. Достоевский очень жаловался, что у него пропадает память и что вообще она разрушается. Я сказал ему твой совет; знаешь что? пришли-ка мне рецепты твоих средств, я их отдам ему и заставлю принимать. А то он только и говорит: «А вот Павла Николаича и нет! А я не помню!» и пр. Мне кажется, тут та же история, что с Николаем Михайловичем ⁵: мало-душие! Неумение владеть собою!

Советую тебе на следующий год подписаться на «День» ⁶; стоит это недорого, а между тем газета такая теплая, задушевная, что дает истинную отраду, просто согревает душу.

«Библиотека», верно, будет недурна ...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III. 19091.

Павел Николаевич *Страхов* — брат Н. Н. Страхова.

¹ Граф Петр Александрович *Валуев* (1814—1890) — министр внутренних дел.

² Князь Василий Андреевич *Долгоруков* (1803—1868) — шеф жандармов и начальник III Отделения.

³ Объявление об издании «Эпохи» появилось 31 января 1864 г. («С.-Петербургские ведомости» и др. газеты) — «высочайшее изволение» на издание журнала было получено только 24 января.

15 января Страхов писал тому же корреспонденту:

«...Новостей нет — ни в кругу знакомых, ни даже в литературном. Все по-старому, все едва тянется. Говорят, подписка на журналы здесь, в Петербурге, из рук вон плоха — и поделом! В другое время, пожалуй, публика и рада заниматься разглагольствиями; но теперь не такое время. „Почвы“ не будет; это название показалось почему-то таинственным, и потому будет издаться „Эпоха“ или „Летопись“; до сих пор, однако ж, не разрешили! Впрочем, не завтра, так послезавтра, а, конечно, разрешат...» (там же, III.19092).

⁴ «Библиотека для чтения». В 1863 г. редактором ее стал П. Д. Боборыкин, пытавшийся коренным образом реорганизовать журнал.

⁵ Вероятно, Н. М. Достоевский, талантливый архитектор, рано опустившийся, вследствие болезни и пристрастия к вину. «Он был милый и жалкий человек, — отмечает в своих воспоминаниях А. Г. Достоевская, — я любила его за доброту и деликатность...» (стр. 217).

⁶ «День» — еженедельный славянофильский орган, издававшийся в Москве И. С. Аксаковым с 15 октября 1861 г. по 1865 г.

44. А. Н. МАЙКОВ — А. И. МАЙКОВОЙ

⟨Москва. Январь 1864 г.⟩

...Посетил я всех моих знакомых в Москве — Яновского ¹, Андреевых ², Рамазановых ³, Уварова ⁴, Мокрицкого ⁵, Достоевского <...> Марья Дмитриевна ужасно как еще сделалась с виду-то хуже: желта, кости да кожа, просто смерть на лице ⁶. Очень, очень мне обрадовалась, о тебе расспрашивала, но кашель обуздывал ее болтливость. Федор Михайлович все ее тешит разными вздориками, портмонеичиками, шкатулочками и т. п., и она, по-видимому, ими очень довольна. Картину вообще они представляют грустную: она в чахотке, а с ним припадки падучей. Стихотворения мои печатаются то там, то здесь, и, разумеется, я поисправил. Видел Фета, Боткина, которые ехали в одном поезде со мной; завтра пойду к ним... Много здесь я спорил, до многих дошел результатов, так что голова моя обогатилась очень многими идейками, не заимствованными от других, а выяснением моих собственных, так что с этой стороны я очень доволен ...

Рукописная копия. ИРЛИ. 17017.с.IX61. На полях помета: *До смерти Веры. Анна Ивановна Майкова* (1830—1911) — жена А. Н. Майкова.

¹ О С. Д. Яновском см. на стр. 287 настоящ. тома.

² О ком идет речь — не установлено.

³ Николай Александрович *Рамазанов* (1815—1867) — известный скульптор, автор бюста Гоголя.

⁴ Алексей Сергеевич *Уваров* (1828—1884) — археолог.

⁵ Аполлон Николаевич *Мокрицкий* (1811—1870) — художник.

⁶ Мария Дмитриевна Достоевская умерла 15 апреля 1864 г.

45. Н. Н. СТРАХОВ — ПАВЛУ Н. СТРАХОВУ

⟨С.-Петербург. 22 февраля 1864 г.⟩

... В настоящую минуту дело стоит хорошо. Мы производим *Эпоху* в литературе. Подписка идет очень хорошо, и дело движается. Ф. Достоевский приехал из Москвы¹ больной⟨...⟩ — зато лицо его не имеет в себе ничего эпилептического. Я работаю, и стоит только работать — все дело пойдет отлично. Жаль, что работается не с прежнею охотою, не с тем рвением. Вообще Петербург нынче дохлый, и скучно в нем сильно⟨...⟩

Григорьев² пьет без перерыва.

Долгомостьев³ ему вторит.

Аверкиев держится твердо. Пишет драму в стихах⁴⟨...⟩

1 марта

Щеглов⁵ поселился у Шестаковых⁶. Они тебе усердно кланяются. Еще настоятельно просил кланяться тебе Ф. Достоевский.

Автограф. ЦНБ АН УССР. III. 19093.

¹ Точная дата возвращения Достоевского из Москвы в Петербург неизвестна.

² Аполлон Александрович *Григорьев* (1822—1864) — известный литературный критик, сотрудник «Времени» и «Эпохи». См. п. 53.

³ Об Иване Григорьевиче *Долгомостьеве* (псевдоним — *И. Григорьев*) см. на стр. 289 настоящ. тома.

⁴ Пьеса Дмитрия Васильевича *Аверкиева* (1836—1905) — «Мамоново побоище»; опубликована в № 10 «Эпохи» 1864 г.

⁵ Дмитрий Федорович *Щеглов* (? — 1902) — публицист и экономист, сотрудник «Эпохи» (псевдоним *Охочеекомонный*).

⁶ Вероятно, семья педагога Ивана Алексеевича *Шестакова*, приятеля Страхова. См. п. 34.

46. В. Р. ЗОТОВ — А. П. МИЛЮКОВУ

⟨С.-Петербург. Начало марта 1864 г.⟩

... Позвольте попросить у вас следующие части «*Joseph Balsamo*»¹. Первые томы я прочел и передал Достоевскому: он мне сказал, что вы обещали одолжить и ему этот роман. Возвращаю вам с благодарностью «Савонаролу»², прочие две тетради не замедлю доставить³...

Автограф. ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, ед. хр. 184. Годовая дата проставлена неустановленным лицом.

Владимир Рафаилович *Зотов* (1821—1896) — журналист, беллетрист, мемуарист.

¹ «*Жозеф де Бальзамо*» — первая часть «Записок врача» А. Дюма-отца (1846—1848).

² Сочинение проф. Н. А. Осокина «Иероним Савонарола. Опыт исторической монографии» («Эпоха», 1864, № 1—2). 26 марта 1864 г. Достоевский писал брату Михаилу: «Не читал еще „Савонаролы“. Очень бы желал знать, какого рода эта статья» («Письма», I, стр. 352).

³ В другом письме Зотова к Милюкову, относящемся примерно к этому же времени и датированном «вторник», также встречается упоминание о Достоевском: «Позвольте поблагодарить вас за книги. Возвращаю вам «*Collier de la Reine*» и тетрадь; «*Arge Pitou*» на днях я получил от Достоевского и на этой неделе возвращаю» (там же).

«*Ожерелье королевы*» и «*Анж Питу*» — вторая и третья части «Записок врача» А. Дюма.

Не исключено, что оба упоминания о Достоевском относятся к М. М. Достоевскому.

47. И. С. АКСАКОВ — М. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Москва. 20 марта 1864 г.>

... Вот вам две статьи Сергея Колошина¹. Пригодятся они вам — напечатайте их и пошлите деньги, сколько там придется, по расчету, прямо к нему в Рим, *poste restante*. Не пригодятся — возвратите их мне для передачи М. П. Погодину. Колошин предлагает вам быть вашим корреспондентом из Рима и вообще из-за границы. Он очень болен и очень нуждается <...>

Передайте от меня поклон Федору Михайловичу².

Автограф. ЛБ, ф. 93. III. 14. 58.

Иван Сергеевич Аксаков (1823—1886) — публицист, один из идеологов позднего славянофильства. См. о нем ниже в ряде писем.

¹ Сергей Павлович Колошин (псевд. *Не я*, 1825—1868) — московский публицист-славянофил, находившийся в это время в Италии (см. «Лит. наследство», т. 83, стр. 235). Ему протежировали М. П. Погодин и Аксаков. Ряд писем Погодина и Аксакова к М. М. Достоевскому по поводу Колошина и письма самого Колошина к тому же адресату от весны 1864 г. сохранились в ЛБ.

² В недатированном письме к М. П. Погодину, относящемся к весне 1864 г., Аксаков писал:

«О Колошине ответа нет. Я ведь вовсе не в приятельских отношениях с Мих. Достоевским, видел его всего раза два у Плещеева. А Федор Достоевский в дела журнала и в денежные соображения своего брата не вмешивается. Да и его здесь нет, он уехал. Колошин — издатель „Зрителя“, а это плохая рекомендация для серьезного журнала или претендующего на серьезность...» (Авт. ЛБ, ф. 231. II. 1. 22). Упоминаемый Аксаковым еженедельный журнал «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» издавался Колошиным в Москве с 16 декабря 1861 г. по 1863 г. Это был консервативный орган, открыто поддерживавший репрессивную политику правительства по отношению к революционно-демократической прессе и польским повстанцам. Хотя по своей политической программе и симпатиям «Зритель» примыкал к аксаковскому «Дню», Аксаков, как мы видим, был весьма невысокого мнения об этом журнале.

В «Эпохе» было помещено несколько компилятивных статей Колошина («Рим, папа и Антонелли» — 1864, № 3; «Иезуиты и их уложение» — № 6) и др.

Летом 1864 г. М. П. Погодин писал братьям Достоевским:

«Не угодно ли будет милостивому государю Михаилу Михайловичу или Федору Михайловичу повидаться со мною и получить от меня статью г. Колошина? Я остановился в Бассейной в доме Кокорева. Ныне *среда*, весь день дома. Завтра — утром и вечером. А в пятницу думаю выехать за границу.

Я буду у вас сам, но с бумагами неудобно. Пришлите, и без церемоний, пожалуйста...»

Приписано М. М. Достоевским И. Г. Долгомостьеву:

«Сделайте одолжение, добрый мой Иван Григорьевич, съездите к М. П. Погодину и скажите ему, что мне очень жаль лишиться случая познакомиться с ним. Я болен и приеду в город разве дня через три» (ЛБ, ф. 93. 2. 7. 101).

В приходо-расходной книге по изданию «Эпохи» рукой М. М. Достоевского под датой 15 мая 1864 г. отмечена посланная Колошину через Аксакова сумма 65 руб. 62 коп. (ЛБ, ф. 93. I. 3. 21).

О намерении Достоевского написать Колошину — см. «Лит. наследство», т. 83, стр. 201—202.

48. А. Н. НЕВЕДОМСКИЙ — А. Н. ОСТРОВСКОМУ

<Москва> 28 марта 1864 г.

... Был у вас, не застал вас дома и потому обращаюсь чрез почту: не откажите участвовать в литературном утре, которое предполагается устроить в пользу даровой школы — в зале Кокорева, что на Маросейке, в воскресенье, 5 апреля, в два часа пополудни. Будут участвовать: Плещеев, Достоевский, Шумский, Чаев, Лонгинов и, вероятно, Горбунов. В понедельник или во вторник предполагается сделать первую публикацию. Ожидаю вашего ответа¹.

Автограф. ЦТМ, ф. 200, ед. хр. 1309.

Сведениями об Александре Николаевиче *Неведомском* мы не располагаем.

¹ Литературное утро состоялось не 5-го, а 4 апреля 1864 г. Программа была опубликована в «Московских ведомостях», № 75, 3 апреля:

«Литературное утро в субботу 4-го апреля в доме Кокорева, что на Маросейке.

Начало в 2 часа пополудни.

Будут читать:

Достоевский — из «Мертвого дома».

Лонгинов — сказку Даля «О Шемякином суде».

Чаев — «Князь Александр Тверский».

Плещеев — стихи.

Островский — «Праздничный сон до обеда».

Шумский — из сочинений Щедрина.

5 апреля Достоевский сообщал брату Михаилу Михайловичу: «Читал на публичном чтении. Читал и Островский...» («Письма», I, стр. 358).

49. Н. Н. СТРАХОВ — ПАВЛУ Н. СТРАХОВУ

«С.-Петербург» 25 июня 1864 г.

Не могу сказать, милейший мой Паша, чтобы дела мои шли хорошо. Мне запрещают вот уже сряду третью большую статью. Первая называлась «Перелом», вторая — «Воздушные явления»; и та и другая должны были идти под общим заглавием «Статьи о русской литературе». Третья статья была «Опыты изучения Фейербаха», чисто философская. Вчера ее запретили ¹. Невозможно рассказать, до каких нелепостей дошла наша цензура. Таким образом, кроме *письма Косицы* ² и скудных «Заметок летописца» ³ ты ничего не найдешь моего в «Эпохе» <...>

С Достоевскими я чем дальше, тем больше расхожусь. Федор ужасно самолюбив и себялюбив, хотя не замечает этого; а Михайло просто кулак, который хорошо понимает, в чем дело, и рад выезжать на других.

Все это очень печально. Так как я очень задолжал и впереди предстоит мне то же, что и назади, то я, наконец, начинаю задумываться и размышлять, знаешь ли о чем? Как бы разбогатеть. «Дурные мысли!» — ты скажешь. Но я вовсе не думаю скряжничать и выжимать соки из других, я только мечтаю освободиться от долгов и не быть в таких беспрерывных попытках, в каких я теперь...

Достоевский Федор уехал в Москву, а потом едет за границу до сентября.

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.19095.

¹ 26 апреля 1864 г. Страхов писал брату Павлу: «Мне запрещают вот уже вторую статью. И очень досадно и очень невыгодно. Цензора в ужасном страхе, что я их *подведу*, и потому просто теряют голову: всякое слово у меня им кажется опасным» (Авт. ЦНБ АН УССР. III. 19094). Такое отношение цензуры к Страхову объяснялось скандалом, вызванным в 1864 г. его статьей «Роковой вопрос», приведшей к запрещению «Времени».

Статья Страхова «Опыты изучения Фейербаха» появилась в № 6 «Эпохи» (ц. р. 20 августа 1864 г.), по-видимому, после некоторой переработки.

² *Косица* — псевдоним Страхова. В майской книжке журнала, о которой он здесь говорит (ц. р. 7 июля), открытое письмо Косицы не напечатано.

³ В отделе «Заметки летописца» № 5 «Эпохи» помещены статьи Страхова «Русские немцы» и «Немцы сердятся».

50. Н. Н. СТРАХОВ — ПАВЛУ Н. СТРАХОВУ

«С.-Петербург» 15 июля <1864 г.>

... Умер наш редактор, как, верно, милый Паша, ты знаешь уже из газет. Умер Михайло Михайлович прямо от редакторства ¹. Был он слаб и до издания журнала, но журнал его совсем доконал. Он все бодрился

и помалчивал; но запрещение журнала, брань, которая на него сыпалась, наконец неудача новых книжек, придирки цензуры — все это на него сильно действовало. В половине июня у него случилась желтуха, разлитие желчи. Он не очень берегся и не опасался. 7 июля он получил неприятное известие — задержали мою статью² — он не спал ночь; на другой день заснул и уже не выходил из беспамятства. Желчь отравила кровь — впрочем, тебе лучше знать, как это делается.

Дела оставил он не в дурном положении. Долгов малость; есть небольшие деньги³. Журнал, разумеется, будет продолжаться. Издательницей будет жена, редактором — какое-нибудь почтенное лицо, а мы будем работать. Пока — все в расстройстве и много хлопот и сумятицы. Пришли мне рублей пятьдесят; как ни совестно, а я решаюсь просить тебя <...> Впрочем, все по-старому. Получил ли ты книги и «Эпоху»? <...>

16 июля

Новая редакция уже почти совершенно свояна. Как кажется, настоящую редакторскую работу буду делать я⁴...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.19086.

¹ М. М. Достоевский умер в Павловске 10 июля 1864 г.

² См. примеч. к предыдущему письму.

³ Страхов был в это время плохо осведомлен о состоянии дел покойного. И «Эпоха», и табачная фабрика, принадлежавшая Михаилу Михайловичу, были обременены долгами, которые целиком легли потом на Достоевского.

⁴ 16 июля Страхов писал брату Петру: «Хлопот у меня нельзя сказать чтобы было мало. Цензура запретила мне одну за другою четыре статьи. До запрещения их нужно было написать, а после запрещения отстаивать. Одна, первая, доходила до министра Валуева и погибла безвозвратно; другие еще надеюсь отстоять. А тут умер редактор, как ты, вероятно, знаешь из газет. Никто этого не ожидал, и сам он не успел ничем распорядиться. Теперь мы устраиваем новую редакцию, и, кажется, все дело пойдет благополучно...» (Авт. ЦНБ АН УССР III.19153).

11 августа С. П. Колошин (см. примеч. к п. 47) писал Достоевскому из Милана: «Увидев в „Siècle“ известие о кончине М. М. Достоевского, я бы этому не поверил, но так как я в два месяца не мог дожидаться на несколько писем ответа от редактора „Эпохи“, то должен допустить, что на этот раз французская газета не соврала. Душевно сожалея о смерти М. М., если он умер, я, тем не менее, не имея в Петербурге корреспондента и находясь в стесненных обстоятельствах, вынужден просить Федора Михайловича или то лицо, которое заведывает теперь „Эпохою“: 1) уведомить меня, продолжать ли мне доставку статей для журнала; 2) если какие-либо рукописи мои напечатаны или даже еще не напечатаны, выслать сколько-нибудь денег. Пусть просьба моя выходит из ряда обыкновенных, я надеюсь, что „Эпоха“ не вменит мне ее, ради исключительности моего заграничного положения, и со своей стороны обязуюсь употребить все силы, чтобы отплатить ей за чрезвычайное одолжение, которое буду ожидать с нетерпением» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 5. 87).

51. А. Н. МАЙКОВ — А. И. МАЙКОВОЙ

<С.-Петербург> 29 сентября 1864 г

... Был на похоронах Григорьева¹. На похоронах были только Достоевские, Страхов, Аверкиев, Долгомостьев, Крестовский², Владимиров³ и Васильев⁴; из литературы больше никого. Схоронили около Мея⁵, где, конечно, и мне будет место, ибо мы все принадлежим к одному направлению и служим одному богу — Искусству. Теперь уж в литературе петербургской у меня нет друзей, т. е. душевно меня понимавших. Аполлон Григорьев все собирался разбирать мои стихи — да так и не успел; теперь уж никто не в состоянии написать мой литературный портрет. Ну да бог с ней, с литературой! Уж что-то не пишется; видно довольно! ⁶...

Рукописная копия. ИРЛИ.17017.с.IX61.

¹ См. описание похорон А. А. Григорьева, состоявшихся 28 сентября 1864 г., в кн.: П. Д. Б о б о р ы к и н. Воспоминания, т. I. М.—Л., 1965, стр. 395.

² Всеволод Владимирович *Крестовский* (1840—1895) — беллетрист и поэт. Некоторые его стихотворения нравились Достоевскому.

³ Елизавета Васильевна *Владимирова* (1840—1918) — актриса Александринского театра.

⁴ Павел Васильевич *Васильев 2-й* (1832—1879) — актер Александринского театра, выдающийся интерпретатор образов Островского.

⁵ Лев Александрович *Мей* (1822—1862) — поэт и драматург.

⁶ В другом, недатированном письме Майкова к жене встречаются следующие строки об А. А. Григорьеве: «Я тебе во всяком письме писал, что Григорьев все еще в тюрьме; он был выпущен, но дня через четыре — умер. Ты знаешь, что сколько ни безобразно сложился этот человек, в нем были такие силы, утрата которых отзовется на всей литературе; и действительно, с ним кончилось целое направление нашей мысли, нашей критики, именно эстетической — и в связи со всеми жизненными явлениями. После Белинского — критика раздвоилась, как и Белинский, представляя два направления: 1) Белинский натуральный, как он был, и 2) Белинский, сбитый с толку политическими тенденциями. Последнее продолжалось Добролюбовым и окончательно теперь достигло своего апогея в „Русском слове“, а первое, т. е. хорошая сторона Белинского, — в Григорьеве. Ты знаешь, что я очень его любил, и потеря его для меня очень прискорбна... Сходит наше поколение со сцены! Заменяется новым... и, право, сам ли глупеешь, что нового никак принять не можешь, или новое так *ново*, что зелено и молодо, что и хорошо, что не принимаешь? Во всяком случае, разлад в жизни невообразимый и *что любить, во что верить?* — вопросы, которыми болеет сердце, не могущее не любить, не могущее не верить в то, что любит...» (там же).

52. А. П. МИЛЮКОВ — Г. П. ДАНИЛЕВСКОМУ

〈С.-Петербург〉 1 ноября 〈1864 г.〉

...Много воды утекло с того времени, как мы виделись с вами. Вот и М. М. Достоевский отправился в Елисейские. Это был такой неожиданный удар для его семьи и приятелей! Болезнь его началась разливом желчи и при других обстоятельствах кончилась бы, конечно, благополучно. Но разные беспокойства, особенно со стороны цензуры, которая сильно тревожила его, дурно подействовали на ход болезни — отравленная желчь бросилась на мозг, и он, пролежав три дня в бессмысленности, умер ¹. «Эпоха», как вы знаете, продолжает издаваться его семейством, т. е. собственно Федор Михайлович издает ее под номинальной редакцией Порецкого (это один из старых знакомых и сотрудник по отделу внутренних известий ² <...>).

Федор Михайлович был при больном постоянно; я также навещал по несколько раз в день; мы жили друг от друга домов через пять. Вот какой год выдался на семью: весной умерла жена Федора Михайловича, потом у Михаила Михайловича дочь, а летом и сам он. Вы спрашиваете: кто будет главным двигателем «Эпохи»? Конечно, Федор Михайлович с прежними сотрудниками. Впрочем, я не хорошо знаю теперь дела журнала и не участвую в нем: недавно там напечатана моя статья ³, но она была отдана еще Михаилу Михайловичу. Меня, кажется, считают там недостаточно крепким почве ⁴. Семейство покойного осталось на той же квартире, где жило и прежде, а потому и сношения — по прежнему адресу. Федор Михайлович живет на другой квартире, но редакция осталась по прежнему, и он ходит туда всякий день. Записочку насчет неполучения вами журнала я отдал в редакцию, и обещали немедленно справиться ...

Автограф. ГПБ, ф. 236, ед. хр. 104.

¹ См. примеч. 1 к п. 50.

² 14 декабря 1864 г. И. Н. Шидловский (см. о нем в примеч. 5 к п. 3) писал Достоевскому:

«...Михайла-то Михайловича уже нет на свете! Слишком недавно нет его для того, чтобы вполне сознать его отсутствие. Я верил теплоту его чувству ко мне; последнее

ДОСТОЕВСКИЙ

Гравюра А. Даугеля (1869)

С рисунка Н. П. Соколова
из композиции портретов бывших
воспитанников Главного
инженерного училища

«Всемирная иллюстрация», 1869,
№ 52.

его письмо поручилось мне в том. Искренняя память такого человека возвышает наше существование при всей бедности жизненного достоинства. Я все мечтал еще свидеться с вами обоими. И вдруг так разом и так рано не стало одного из вас. Кажется, большая часть сердца моего замерла. Слышал я от племянников моих и о вашей потере, еще более близкой. Редакция „Времени“ по поводу печатания „Записок Мертвого дома“ два раза извещала о вашем нездоровье. Все это не по-моему. Грустно и очень, право, грустно!

Покойник уведомил меня о ваших сборах написать ко мне, я радовался и ждал, но, верно, сладкий досуг словесного творчества не жалует урывок. Не ропщу на вас и не хотел заирать вас моими строками, отнимать хоть минуту у труда вашего, сладостного и дельного. Но теперь — другое дело. Отношусь к вам, как проситель покорный, униженный, но жалобно-горячий. У вас, верно, есть фотографические карточки ваши и Михаила Михайловича. Пришлите мне по одной похожей и, если можно, в виде самом простом. Продажных переснимков мне бы не хотелось. Ведь вы не можете не верить моей любви к вам обоим; отдайте ж мне мое, как божие богови, как кесарево — кесареву. Пожалуйста! Дело невеликое и нетрудное! <...> Не откажите душе моей!

Не забыл я песнь заветную,

Песню дружбы юных дней!..»

(Авт. ЛБ, ф. 93. 11.9.143а).

Анонимный агент доносил в III Отделение 13 июля 1864 г.:

«На похоронах бывшего редактора журнала „Эпоха“ М. Достоевского не произошло ничего особенного. На кладбище покойного сопровождали литераторы: Милюков, Полонский, Зотов, Майков и Миллер. Посторонних лиц было очень мало. Надгробной речи никто не говорил. — Достоевский похоронен в Павловске» (Авт. ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 72).

² Александр Устинович Порецкий (1819—1879) — публицист, сотрудник и официальный редактор „Эпохи“.

³ Статья Милюкова «Вопрос о малороссийской литературе» в № 4 «Эпохи» (ц. р. 3 июня 1864 г.). В том же номере журнала были помещены заметки Милюкова «Листки из памятной книжки».

⁴ Милюков пародирует известное выражение «быть крепким земле», т. е. быть крепостным. *Почва* — символическое определение основного направления «Эпохи».

53. Я. П. ПОЛОНСКИЙ — Н. Н. СТРАХОВУ

9 декабря 1864 г.

И я благодарю вас, милый Николай Николаевич, за воспоминания об А. А. Григорьеве — и за помещение его писем ¹. Благодарю вас — *во-первых*, за то, что статья ваша как нельзя лучше напомнила мне мои первые, юношеские отношения к покойному Аполлону Александровичу — мою веру в его гениальные способности, — в его призвание быть критиком или замечательным мыслителем. Вы кончили тем, с чего я начал, но гораздо меня счастливее... никогда не кончите тем, чем я кончил...

Во-вторых, статья ваша, т. е. письма Григорьева, — вероятно заставит меня опять приняться за «Свежее преданье» и продолжать его ²...

В-третьих, письма, вами напечатанные, утвердили меня в том мнении, какое в последнее время я составил себе об Аполлоне Григорьеве.

Если оно и несправедливо — то да не убоюсь я вам его высказать — моя несправедливость не оскорбит и не обидит мертвого, тогда как его несправедливость или ваша может еще обидеть меня как живого. Впрочем, на святой Руси принято за правило: обижай человека пока он жив — т. е. пока он это чувствует и понимает; а когда умрет, — тогда не смей! Тогда воздай ему все то, чего ты лишал его при жизни, — ибо мертвый этого не почувствует.

Не менее вас я жалею о кончине вашего друга ³, — он верил во многое, во что и я сохранил еще веру. — Он не принадлежал к числу тех, к которым я когда-то обратился с следующими стихами:

Остановись! ужель намердн,
Безумец, не заметил ты,
Что потушил огонь последний
И смял последние цветы...

Григорьев был человек замечательный — был одарен несомненно громадными способностями, и если б *ум его не был подвержен беспрестанным разного рода галлюцинациям*, — он не остался бы непонятым и, быть может, был бы единственным критиком нашего времени...

Призраки беспрестанно мешали ему: истины он не видал, — он иногда только ее вдохновенно угадывал — он верил там, где надо мыслить, и мыслил там, где надо верить. Рутинa была ему невыносима; он искал нового пути — быть может, даже не раз находил его, но ни сам не мог хорошо разглядеть его, ни другим указать...

Конечно, не он был виноват — виновата природа, или сущность его личности. Он был человек двуличный — двуличный не в пошлом смысле слова, но двуличный, как Янус, — глядел назад — глядел вперед — и это мешало ходить ему — спутывало иногда в мозгу его все эти в одно и то же время воспринятые и *задние и передние* впечатления.

Двойственное человека трудно было найти. В одно и то же время он совмещал в себе и попа и скомороха, и Дон-Кихота и Гамлета...

Если б Григорьев родился в XVII столетии — он надел бы на себя вериги и босой, с посохом, ходил бы по городам и селам, вдохновенно проповедуя пост и молитву, и заходил бы в святые обители для того, чтоб бражничать и развратничать с толстобрюхими монахами — и, быть может, вместе с ними глумиться и над постом и над молитвою...

В наше время Григорьев упивался православными проповедями — уединенным мышлением Киреевского, погодинскими письмами, и в то же время переводил Байрона... В 1856 году говорил мне в Москве, что *целует конец кнута*, и наизусть читал патриотические стихотворения Майкова; а в 1860 году клал на музыку и пел известное стихотворение:

Долго нас помещики душили

и окрашивался в красный цвет на студенческих попойках того времени.

Конечно, для человека, который не более, как *веянье* ⁴, — все простиительно. Кто спросит, где зарождается ветер и куда он будет дуть через полчаса времени?..

Никто так страстно не искал популярности, как Григорьев, — и пишет, что не сходится с Погодиным, потому что тот ищет популярности ⁵... Сам называет Тургенева — поэтической ж... ⁶ и находит неприличными слова мои, что

суждено ему недаром
Ходить с большою головой ⁷.

Совершенно неумышленно раза два в жизнь мою я оскорбил самолюбие Григорьева — и этого он никогда мне простить не мог...

Глядя на все в жизни — на литературные же произведения в особенности — то в увеличительные, то в уменьшительные стекла, — он не только на меня, он и на Гоголя в последнее время стал глядеть в уменьшительное стеклышко, — и не заметил, что *последствие Гоголя* — вовсе не *Гончаров* и не *Писемский* ⁸ — а скорей *Островский*. — Будь жив Гоголь, он пришел бы в умиление от Кузьмы Минина Островского — увидел бы в нем плоть от плоти своей — а что значит этот самый Минин для Гончарова и для Писемского?.. В Гоголе были *те же веянья, какие и в Григорьеве*, — и этого он не заметил! Вообще Григорьев менее всего способен был иногда угадывать тех, которые были по духу, стремлению и складу своей натуры — родня ему.

К приговору друга вашего о моем романе «Свежее преданье» ⁹ я разве только потому равнодушен, что вижу в нем одну только тайную интригу против меня, как против человека, который, чего доброго, будет иметь какой-нибудь голос в редакции «Времени» и который в то же время перестал быть его страстным поклонником...

Интрига эта ему удалась — так же, как и у Кушелева... ¹⁰ Вы не могли не поверить великому критику...

На его замечания или приговор я отвечаю вам следующее:

1. Кружок *зеленого наблюдателя* ¹¹ был в то время самый живой — свежий и увлекательный кружок. Этот орган был единственным в то время поклонником того же кумира, которому *поклонялся Григорьев* — а именно *Мочалова*. Этот орган был колыбелью Белинского... и, подобно «Москвитяину», не остался гласом, вопиющим в пустыне. Влияние Ключникова ¹² было на многом заметно. Его знала вся образованная часть московского общества — *об Огареве же не было еще ни слуху, ни духу* — сам Григорьев не имел об нем ни малейшего понятия ¹³.

2. Рисуя Камкова, я не хотел его идеализировать — напротив, сам смотрел на него как на лицо, уже отошедшее — и ненужное. Моя героиня только что еще появлялась в романе — именно *княжна* — и почему Григорьев догадался, что Камкова я срисовал с Ключникова? — я никогда ему этого не говорил. — Видно, портрет верен!

3. Перечел стихи Огарева — про ту, которая шла

Как Норма, вся в одежде белой ¹⁴,

и скажу только одно — что под этими водяными стихами я не захотел бы видеть своей фамилии. Прочтите их сами на странице 158 сочинений Огарева...

Плохой был судья Григорьев, когда пристрастие заменяло ему вкус.

4. Откуда я взял, что такие фигуры, как Камков, могут попасть в *острое*?¹⁵ Оттого, что в прошлое царствование много таких фигур пропадало (могу привести факты). Герой мой не был героем Дела, но героем Слова мог быть — а, стало быть, и мог и пострадать в такое время, когда из столиц высылали вон за нескромное слово о полиции¹⁶... (!)

Если б Григорьев не сквозь стекла с фантастическими отражениями глядел на жизнь — а просто, как и аз грешный, то не упрекнул бы меня в тупоумии...

5. Какой такой особенный характер видел Григорьев в Случевском?¹⁷ Он рассмешался от одной насмешки «Искры» — а я не рассмешался и от насмешки Белинского¹⁸, в которого верил — и которому когда-то поклонялся. Орленок Случевский не мог не сделаться орлом, если он был орленок, — отчего же он им не сделался?..

6. Григорьев пишет, что я только и жил в салонах московских бар, — это самое обидное и самое несправедливое обвинение!.. — Григорьев был студентом, во всем обеспеченным, ездил в своем экипаже, на своих лошадях — был маменькин сынок и нигде не смел засиживаться позднее девяти часов вечера — я же жил без всяких средств, часто не знал, где преклонить свою голову, — ночевал беспрестанно в чужих домах, и если посещал салоны, то именно те самые, где было *веянье той могучей мысли*, о которой пишет Григорьев. Меня влекло туда любопытство — жажда послушать, о чем беседуют *глубокие мыслители*.

У кого я бывал в салонах? — У Чаадаева, у Хомякова, у Киреевского, у Аксакова, даже раза два был у Герцена. Но туда ходил я не танцевать и не волочиться. Чем же я виноват, что глубокие мыслители Москвы только и жили, что в салонах — только салоны и наполняли своими речами и спорами. Если б они пошли на площадь, или в кабак, или за Москву-реку — и я тогда пошел бы за ними, ибо в них была вся тогдашняя умственная жизнь Москвы...

Остальная жизнь или дух Москвы ничего не давал нам, кроме самодуров + взяточников + приказных — да еще поклонниц сумасшедшего Ивана Яковлевича¹⁹... Григорьев, как Дон-Кихот, не одну московскую Дульцинею мог принять за высокое идеальное создание [Он и не знал реальной Москвы — он то обожал ее бессознательно, то она становилась ему противна] — и наоборот — встретить идеал и оплевать его — или отнести к нему с гамлетовским недоверием. Вот *пока* все, что могу я вам написать, — знаю, что это с моей стороны, быть может, дерзость непростительная, но то, что я писал к вам, — не новость... Если я был несправедлив к Григорьеву — то и он платил мне такую же несправедливостью... Так, например, в одной из статей своих он намекает, что мой *идеал* — *ложь, которая ходит в виде женщины*²⁰, — он сказал это по поводу стихотворения «Иногда»:

Ложь иногда ходит в виде

Женщины милой и скромной.

Какой, дескать, легкий, пустой идеал у этого Полонского!

Не говоря уже о том, что все стихотворение не понято, — Григорьев как критик мог бы хоть вспомнить мою Аспазию — мой действительный идеал — Гражданку, не потерявшую женственность — окруженную изяществом и в то же время демократку по духу²¹...

Но довольно! — Повторяю, письмо мое Григорьева обидеть не может. Он уже вне всякой обиды... Если же оно вас обидит за него, то простите меня великодушно²²...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.17906. Черновик и перебеленная копия — ИРЛИ 11769.XVII1616.

Яков Петрович Полонский (1819—1898) — поэт, сотрудник «Эпохи».

¹ В № 9 «Эпохи» (ц. р. 22 ноября 1864 г.) Достоевский поместил (со своим обширным «Примечанием») статью Страхова «Воспоминания об Аполлоне Александровиче Григорьеве». Страхов ввел в свою статью адресованные ему Григорьевым письма, которые и цитируются ниже по этой публикации во «Времени».

² См. примеч. 3 к п. 30.

³ Из статьи Страхова: «Теперь, когда его нет с нами, когда вдруг мы почувствовали пустоту, оставленную по себе этим глубоким человеком, этим *вечным*, как он сам любил называть себя, на нас невольно нападает тяжелое раздумье <...> Теперь, когда его нет с нами, мы невольно отдаемся печальной отраде воспоминаний, невольно вдумываемся в урок, завещанный нам его совершившеюся жизнью».

⁴ См. примеч. 3. «*Вечье*» принадлежало к числу любимых и часто повторяемых Григорьевым слов.

⁵ Намек на следующее выражение из письма Григорьева (18 июля 1861 г.): «Погондин — единственный мой политический вождь — так падок до популярности, что из рук вон».

⁶ 19 октября 1861 г. Григорьев писал: «От „Отцов и детей“ не жду я многого в отношении к содержанию. Тургенев *весь* сказался, и больше сказать ему, право, нечего. Мы ведь ни балуемся, балуемся его поэтической струей... Действительно, самая поэтическая..., какую я знаю, но ...!»

⁷ 12 августа Григорьев писал по поводу «Свежего преданья» Полонского: «Место о Тургеневе просто непристойно, — кроме того уж, что фигура Тургенева, если бы она попала в расписание о Камкове, убила бы эту несчастную фигуру...» *Камков* — герой поэмы Полонского «Свежее преданье».

⁸ Из письма Григорьева, датированного 19 октября 1861 г.: «Не многого (кроме разъяснения) жду я и от новооткрытых сочинений Гоголя <...> Ведь прямое, хоть несколько грубое последствие Гоголя — Писемский, а косвенное — Гончаров».

⁹ «Роман Полонского, — писал Григорьев 12 августа 1861 г., — прозвезд на меня приятное впечатление, — не только приятное, и это скверно. Во-первых, это не роман, а рассказ, повесть <...> Ни в герое, ни в круге жизни „Свежего преданья“ нет типического захвата <...> Ты найдешь мой взгляд, может быть, слишком строгим, но ведь вспомни, что „Время“ заявило об этом манкированном кузнечике, как о *событии*». Сам Страхов отмечал в своей статье: «Прав был Григорьев, говоря, что роман Полонского „Свежее преданье“ не составляет события в русской литературе».

¹⁰ В ноябре 1858 г. Полонский принял предложение гр. Г. А. Куселева-Безбородко стать соредактором нового петербургского журнала «Русское слово». «Григорьева я когда-то разыскал во Флоренции и привел его к графу Куселеву-Безбородко, с тем, чтобы тот пригласил его в сотрудники „Русского слова“ <...>», — писал Полонский впоследствии (14 августа 1889 г.) А. А. Фету. — Затем он прибыл в Петербург и, сделавшись присяжным критиком „Русского слова“, вытеснил меня из редакции...» См. ниже статью И. С. Зильберштейна «Аполлон Григорьев и попытка возродить „Москвитянин“».

¹¹ Имеется в виду журнал «Московский наблюдатель», выходивший в 1838—1839 гг. под фактической редакцией Белинского. Вокруг журнала в это время группировался кружок передовой молодежи. «Московский наблюдатель» выходил тогда в зеленой обложке.

¹² Поэт и беллетрист Иван Петрович Ключников (1811—1895) — деятельный сотрудник «Московского наблюдателя».

¹³ «Жизнь той, т. е. нашей с Полонским, эпохи, далеко не исчерпывал кружок зеленого наблюдателя <...>» — писал Григорьев Страхову 12 августа того же года. — Герой той эпохи — покрунее Камкова. Герой той эпохи даже не Рудин, по крайней мере не двойственный тургеневский Рудин. Герой той эпохи, герой вполне, т. е. тип наилучший — в лице Н. П. Огарева». — Прототипом Камкова в поэме Полонского являлся И. П. Ключников.

¹⁴ Из поэмы Н. П. Огарева «Зимний путь», процитированной Григорьевым.

¹⁵ См. письмо Григорьева (12 августа): «И откуда взял наш милый кузнечик, что такие фигуры, как его Камков, могут попасть в *острое*? Разве из того, в сущности, комического факта, что «Н. Ф.» П(авло) в в острог попал?»

¹⁶ Намек на Герцена, высланного в 1841 г. из Петербурга за упоминание в письме, подвергшемся перлюстрации, об убийствах, совершенных каким-то петербургским будочником (полицейским солдатом).

¹⁷ Григорьев замечал в письме от 12 августа: «Ты, может быть, даже попрекнешь меня, что я, когда-то так *наивный* в отношении к Случевскому, так строг по отношению к человеку, бесспорно талантливому?.. Увы! там — опять повторю, — была оригинальная натура, *характер*, особенность... Впрочем, и хорошо, коли мой молодой орден не сделает ничего, *ровно ничего*. Это ведь лучше, чем сделаться В... К...» <?>

¹⁸ Имеется в виду отзыв Белинского на книжку Полонского «Стихотворения 1845 года». В Полонском Белинский увидел «ни с чем не связанный, чисто внешний талант»,

который «можно рассмотреть и заметить только через микроскоп — так миниатюрен он...» («Отеч. записки», 1846, № 4). В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IX. М., 1955, стр. 598.

¹⁹ Известный в свое время юридивый Иван Яковлевич *Корейша* (1780—1861).

²⁰ В статье «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа „Дворянское гнездо“ («Русское слово», 1859, № 8) Григорьев писал: «Самые лирики наши в этом отношении то причудливо капризничают, как Фет <...>, то — как Полонский — туманно любят „ложь в виде женщины милой“...» и т. д.

²¹ Стихотворение «У Аспазии», впервые напечатанное в «Современнике», 1855, № 2, под заглавием «Аспазия».

²² Ответ Страхова остается неизвестным. См. ниже, на стр. 554 еще одно письмо Полонского Страхову о Достоевском. Ср. письмо Полонского к А. Н. Островскому (3 апреля 1876 г.) — «Неизданные письма к А. Н. Островскому». М.—Л., 1932, стр. 454—456 и 716.

54. И. А. ШЕСТАКОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

⟨С.-Петербург⟩ 2 июня ⟨1865 г.⟩

Поездка моя в Воронеж, кажется, состоится; но я поеду 15 июня, а возвращусь 5 июля — как видите, время очень короткое. Поэтому я бы просил вас, если можно, устроить дело насчет сына Федора Михайловича в мою пользу. Мне кажется, что те три недели, которые я не буду в Петербурге, молодой человек, живя у нас, будет отдыхать, а там, когда я возвращусь, примется за дело. По словам вашим, за юношею не требуется такого надзора, чтобы он ходил со двора с провожатым; следовательно, он может жить у нас некоторое время и без меня. Впрочем, представляю усмотрению Федора Михайловича, но скажу, однако ж, что мне желательно было бы не упустить случая приобрести что-нибудь — в моем положении всякое подспорье — много значит¹...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.18770.

¹ В связи с предстоящим отъездом за границу Достоевский, как видно из этого письма, собирался устроить своего пасынка П. А. Исаева на полный пансион к какому-нибудь педагогу, чтобы обеспечить ему не только надлежащий уход, но и продолжение образования. Вероятно, предложение Шестакова по каким-то причинам не было принято Достоевским.

55. Э. Ф. ДОСТОЕВСКАЯ — А. П. ИВАНОВУ

⟨С.-Петербург. Август — сентябрь 1865 г.⟩

Ваше письмо¹ ужасно беспокоило меня, потому что при теперешних наших обстоятельствеях именно только в некоторой мере несправедливых упреков со стороны людей, которых я издавна привыкла любить и уважать, я была бы в отчаянии, если б не могла объяснить их вашей отеческой заботливостью о своих детях, которые совершенно безвинно должны отчасти перенести постигнувшее нас несчастье. Мне, может быть, самой также не легка мысль, что мы послужили причиной такого несчастного события. Я уверена, что вы сами этому поверите, когда пройдет первая вспышка негодования на нас: ибо, по крайней мере, до сих пор я ничего не сделала, что могло бы заставить вас сомневаться в чести, совести и долге, к которым вы обращаетесь в своем письме ко мне². Вероятно вы, как и многие, думаете, что у меня есть еще средства, скрытые мною от всех, по всей вероятности, — честнейшим и благороднейшим словом, что *никаких* средств нет, и если б Маша³ не давала теперь уроков в институте, нам было бы нечего есть. Я это говорю вам для того, чтоб не было сомнения, что я, имея возможность выкупить акции, берегу свои средства и заставляю вас лишиться денег. При всем моем желании, чтобы родные не были вовлечены в наше горе, я, к несчастью, ничем не могу *предотвратить* того. Мне остается,

правда, слишком небольшое утешение, что в этом несчастном деле я вовсе не так виновата, как вы думаете. Еще покойному мужу я советовала вернуть как можно скорей ваши акции, лишь только узнала, что они взяты у вас: я узнала об них гораздо позже, чем когда они были заложены, и потому что Михаил Михайлович в последнее время почти ничего не говорил мне ни о своих планах, ни о средствах к их выполнению. Когда, по смерти его, акции были свободны, я никак не хотела пускать их в дело. Но так как все дела были <в> распоряжении у Федора Михайловича и все делалось по его внушениям и желанию, то и акции были снова заложены⁴. Тут я ничего не могла сделать: потому что, доверившись ему, я почти никогда не вмешивалась в его распоряжения. Конечно, ответственность и на меня я этого не отвергаю, — но падает потому только, что журнал был собственностью нашего семейства. И я величайшим счастьем почитала бы для себя, если бы могла как-нибудь расквитаться с вами. Но у меня ничего нет. Могу ли я считать себя нравственно чистой в этом горестном событии, — решите сами.

О самом же деле я должна вам сказать, что если перезаложить акции, то это будет стоить денег, которых у меня теперь решительно нет. Если же денег не платить, то на акциях будут только накапливаться деньги, которые, пожалуй, покроют самый капитал. О Федоре же Михайловиче ни слуху, ни духу. Обещал писать письмо к 10-му числу, но до сих пор никаких известий нет от него⁵.

Автограф. ЛБ, ф. 93.III.12.13. Письмо написано на бланке журнала «Эпоха». Адресат установлен мною.

¹ Это письмо А. П. Иванова неизвестно.

² 23 апреля 1864 г. Достоевский сообщил брату Михаилу из Москвы, что А. П. Иванов «вполне из радущия и родственного участия» предлагает ему приобрести (для поправления его дел) сорок акций Московско-Ярославской железной дороги, на общую сумму 6000 руб., приносящие его дочерям Маше и Соне, которым они предназначаются в приданое, по восемь рублей в год на акцию. «Процентами они платят за уроки на фортепьяно и одеваются» («Письма», I, стр. 374). Как видно из публикуемого письма, эта сделка состоялась, но денег от М. М. Достоевского Иванов не успел получить.

³ Мария Михайловна Достоевская, в замужестве Владиславлева, дочь М. М. Достоевского.

⁴ В письме проявляется обычная тенденция Эмилии Федоровны — исподтишка натравливать на Достоевского его родных. Ненависть, которую она испытывала к Достоевскому, ей удалось привить своим детям: они считали Достоевского виновником разорения отца и находили, что он не оказывает им достаточной материальной помощи. «Враг мой исконный (не знаю, за что)», — говорил Достоевский об Эмилии Федоровне («Письма», II, стр. 152).

⁵ Достоевский находился в это время в Висбадене.

Н. М. Достоевский сообщал своему брату Андрею 10 октября 1865 г.: «Брат Федор до сих пор не приезжал из-за границы, и никаких писем от него нет...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 75).

56. Н. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург> 25 марта 1867 г.

... Брат Федор Михайлович женился. Свадьба была 15 февраля. Жена его двадцати лет, очень миленькая, отлично образованна и, главное, бесконечно добрая. Брат Федор принял на себя все долги покойного брата да, кроме того, один содержит семейство покойного. Вот почему я не могу обращаться к нему о помощи.

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 75.

57. А. Н. МАЙКОВ — М. П. ПОГОДИНУ

«С.-Петербург. 30 марта 1867 г.»

Вы объявили в газете, чтобы вас не беспокоили знакомые, но вот, почтеннейший Михаил Петрович, поехал в Москву Федор Михайлович Достоевский¹ с желанием вас посетить и просил меня предупредить вас и просить, чтоб вы его приняли; пожалуйста, не откажите, это человек сочувственный, до страсти русский и очень вас уважающий. Увидите сами. Не обращайтесь внимания на некоторые странности его, а только поймите их <...>

(Вот с ним бы вы отправили мне историю-то, хоть в листах².)

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 220. Дата почтового штемпеля.

Об отношениях М. П. Погодина с Достоевским см. в публикации Л. Е. Барсуковой «Переписка Ф. М. Достоевского с М. П. Погодиным». — «Звенья», VI, стр. 439—454.

¹ Достоевский с женой Анной Григорьевной приехал в Москву 30 марта 1867 г. и пробыл там до 8 апреля («Жизнь и труды Достоевского», стр. 164—165).

Возможно, к этому времени относится письмо И. С. Аксакова к А. Н. Плещееву, без даты:

«Любезнейший Алексей Николаевич!

Я изъездил всю Старую Басманную, отыскивая Достоевского, но нигде дома Бело-негркина или Безнегркина не нашел. Не можете ли вы мне описать точнее местность, где стоит сей дом? Или, может быть, я переправил адрес? Или ошибся сам Достоевский? До свидания, надеюсь.

Ваш Ив. Аксаков. Четверг ночью» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.1.24). На Старой Басманной жила сестра Достоевского — В. М. Иванова.

² Речь идет об «Историко-критических отрывках» Погодина, кн. 2-я. М., 1867 (кн. 1-я вышла в свет еще в 1846 г.).

53. А. Н. МАЙКОВ — М. П. ПОГОДИНУ

«С.-Петербург. Март 1867 г.»

... Вчера забыл отправить письмо и вдруг получаю от вас. Действительно, плохи сотрудники — кому я ни говорил, все одобряют, да языком, не подвигнутся. Дело в том, что у нас как-то разделился люд пишущий — на художников и журналистов или сотрудников. Даже враждебно смотрят друг на друга. Кто виноват? Конечно, последние, ибо сотворили из своего дела ремесло. В нашем скептическом Петербурге я не ожидаю вам большого успеха в публике. Это только мы с Достоевским разом в голос сказали — что ноты, которая слышится в вашем «Русском», недоставало в хоре нашей журналистики. Притом, погодите, надо время¹. Петербург вдруг не устанавливает мнения и приговоры. Его надо завоевать. Довольно про него сказать, что вообще он много обрусел в последние годы...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 220. Дата поставлена рукой М. П. Погодина.

¹ Отклик на просьбу Погодина привлечь петербургских литераторов к участию в издаваемой им с 1867 г. еженедельной «газете политической и литературной» — «Русский».

Характерна оценка газеты Погодина, данная издателем «Русского архива» П. И. Бартевым в письме к своему племяннику, будущему биографу Погодина Н. П. Барсукову, 1 октября 1868 г.:

«Газета „Русский“ — это, прежде всего, старческая забава для Погодина и дает ему возможность бесконтрольно помещать все, что ему взбредет в голову. В другие издания его не принимают с разными выходками...» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 65, л. 1607а об.).

59. М. П. ПОГОДИН — А. Н. МАЙКОВУ

〈Москва. 1 апреля 1867 г.〉

... Достоевский до сих пор не был ¹. Я спрашивал об нем кое-кого, но никто не мог сказать мне ничего. Очень рад бы я был с ним познакомиться, особенно после вашего свидетельства. Праздник весь буду сидеть дома ²...

Автограф. ЛБ.М.9515.9.

¹ 5 апреля Майков осведомлялся у Погодина: «Был ли у вас Достоевский? Напоминаю об истории».

² Достоевский так и не побывал у Погодина. См. след. письмо.

60. А. Н. МАЙКОВ — М. П. ПОГОДИНУ

〈С.-Петербург. 25 апреля 1867 г.〉

... Достоевский не успел к вам заглянуть, ибо случился с ним в ассигнованный для того день припадок падучей <...〉 Роман Тургенева ¹ носит на себе печать отсутствия автора несколько лет из России. Дыхания жизни, черноземной силы уже нет. Выработалось много нового, можно сказать — новый период начался в жизни общества, он его не понял и едва заметил. Он является брюзгливым западником, для которого цель только цивилизация, а народов нет. Грустно и противно читать, особенно когда он учит, с каким благоговением нам, ученикам, должно смотреть на Запад и когда видеть недостатки его, то делать вид, что не замечаешь, молчать и, подобно Ноевым благонравным сынам, прикрыть наготу и стыд родителя, а не смеяться, как Хам. Ну уж как хотите, тут лучше поступать по-хамовски: пусть старый батюка проклинает. Если Запад — отец и его должно уважать, то за что матери-то (России) подымать подол и срамине ее зло радоваться? Нет, Иван Сергееч, забыли другую басню — об Антее, которого сила в стоянии на земле. Это миф, более всего годный помнить поэтам ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 220.

¹ «Дым» (1867).

61. А. М. БУХАРЕВ — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈Ростов-Ярославский〉 28 июня 1867 г.

... Препровождая к вам две мои статьи, покорнейше прошу не отказать поместить их в вашем журнале — в заботливом внимании к важности настоящей минуты в ходе дела русской мысли и жизни ¹. Вам легко удостовериться, что мои статьи не лишни в вашем издании и после помещенных уже в нем критических статей о последних произведениях Тургенева и Достоевского ², — напротив, нужны по своему направлению к тому, чтобы журналистика не пустилась опять по прежней дороге эгоистической poleмики, ровно ничего не выяснившей нашему обществу. Такие честные дельцы мысли, как г. Страхов, стоят лучшего дела, чем бороться против своих, как и «Отечественные записки» заслуживают того, чтобы не было на них пятна — ратовать против таких писателей, которые навсегда останутся честью для нашего отечества. Не говорю уж об общей задаче журнала помогать русской мысли и жизни выходить из всяческой умственной и нравственной путаницы на настоящее русское дело. — Духу же вашего журнала, судя по «Чающим движения воды» ³ и историческому роману о женихе Ксении Годуновой ⁴ и по самым статьям г. Страхова, мои статьи не противны ⁵ <...〉

Статьи писаны мною так, чтобы избежать надобности посылать их в духовную цензуру. На случай, однако, если вы сочли бы нужным обратиться к ней, благоволите обозначить на самых статьях — что в статье о «Преступлении и наказании» может подлежать духовной цензуре — разв. стр. 29—30, а в статье о тургеневской повести — стр. 1, 19 и 23.

Автограф. ЦНБ АН УССР. III. 16944.

Александр Матвеевич *Бухарев* (в монашестве Феодор, 1824—1871) — бывший профессор Московской и Казанской духовных академий, автор исследования об Апокалипсисе и ряда других сочинений, в том числе «Трех писем к Н. В. Гоголю, писанных в 1848 году» (СПб., 1861). Летом 1863 г. расстригся из монахов и целиком отдался литературной деятельности.

¹ Посланные Краевскому статьи Бухарева (среди них была статья о «Преступлении и наказании») в «Отечественных записках» не появились.

² Имеются в виду статьи Н. Н. Страхова о Достоевском «Наша изящная словесность». — «Отеч. записки», 1867, январь, кн. 2-я; март, кн. 2-я; апрель, кн. 1-я, и «Новая повесть Тургенева» (о «Дыме»), май, кн. 1-я.

³ «Романтическая хроника» М. Стебницкого (Лескова) «Чающие движения воды» в № 3 «Отеч. записок» 1867 г.

⁴ «Приключения королевича Густава Ириковича, жениха царевны Ксении Годуновой» — исторический роман Ел. Вельтман, напечатан в № 1—3 «Отеч. записок» 1867 г.

⁵ Рукописи этих статей Бухарева, по-видимому, не сохранились.

22 января 1870 г. Бухарев писал Погодину: «...Если же вы все-таки не удовлетворяетесь моим общим объяснением отчуждения от меня светских и духовных в деле мысли и слова, то благоволите принять к сведению, что, кроме „Русских ведомостей“ и „Современных известий“, я обращался во все московские редакции, и без успеха<...> В Петербурге я относился в „Отечественные записки“ при прежней редакции, по-видимому, склонявшейся к русским воззрениям (с критическими статьями о романах „Преступление и наказание“ г. Достоевского и „Дым“ г. Тургенева) <...> — мои статьи были возвращены мне. Случалось мне развивать свой образ мыслей пред кое-кем из деятелей других петербургских изданий: мне изъявляли только (уважительное, пожалуй) участие, но о моем сотрудничестве не заикались <...> По всему-то этому я и находил достаточным указать вам вообще на мое совершенное одиночество в нашей литературе...» (Авт. ЛБ, ф. 231. II. 6.5).

62. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. И. МАЙКОВОЙ

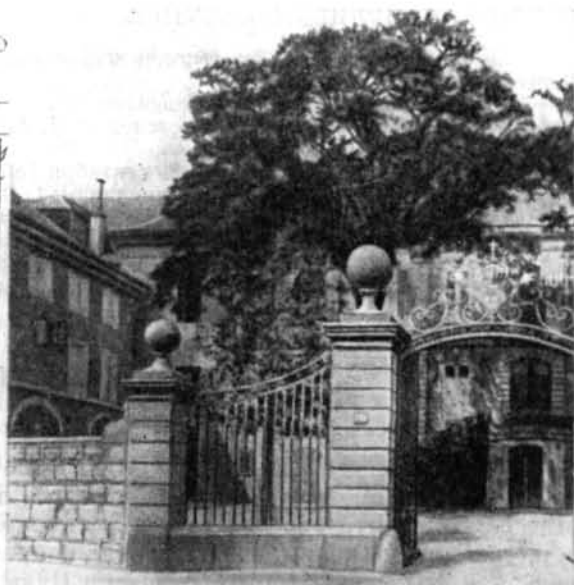
Женева. Октябрь 1867 г.

Давно хотела написать я вам, многоуважаемая Анна Ивановна, но, право, все не было материалу: описывать вам заграничную жизнь — дело лишнее; вы здесь сами живали и, вероятно, лучше меня ее знаете, рассказывать же наши заграничные похождения и маленькие несчастья было <бы> слишком долго да и как-то тяжело. Вы не можете себе представить, как я вам благодарна за ваш радушный прием моей матушке. Моей милой, доброй старушке, постоянно жившей в семье ¹, так скучно и тяжело жить одной, что доброе, ласковое слово для нее теперь особенно дорого. Она мне с восторгом писала о вас и вашем семействе ², и, поверьте, мне это доставило много радости <...> Вы, вероятно, знаете от моей матушки о моем положении; я, слава богу, здорова, выношу все легко, разве только стала несколько впечатлительнее и ближе все принимаю к сердцу. Женева — место невеселое, и бедный Федор Михайлович просто пропадает здесь без людей от скуки. Для меня же все равно. Я как-то удивительно скоро привыкаю к месту и всегда найду, чем занять себя, чтобы не скучать. Правда, я иногда очень сильно тоскую по семье, от которой мне ни разу в жизни не приходилось уезжать так надолго. Но представьте себе: о возвращении в Петербург я думаю просто с ужасом: я здесь так счастлива, мы так спокойно, мирно и дружно живем, что я боюсь, что в Петербурге все это кончится: наши кредиторы, родственники с своими нуждами и Павел Александрович с своими вечными придирками и объяснениями решительно расст-

CARTE P

POSTKARTE —

La cour aux Chantres
находился наискось
вороты дома, где
мы жили с Фео-
дором Михайлови-
чем в 1868 г. Ф.
М. чрезвычайно пра-
вились деревья э-
го сада.

3407 Phototypie Co., Neuchâtel.

Vevey - La Cour au

ВЕВЕ. УЛИЦА, НА КОТОРОЙ ЖИЛИ ДОСТОЕВСКИЕ

Почтовая открытка с надписью А. Г. Достоевской: «La cour aux Chantres находился наискось ворот дома, где мы жили с Феодором Михайловичем в 1868 г. Ф. М. чрезвычайно нравились деревья этого сада».

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

роют нашу славную, дорогую мне жизнь³. Федор Михайлович здесь несравненно спокойнее, раздражительности прежней и следа нет, исключая, правда, того времени, как мы живем в Женеве. Здешний климат ему положительно вреден, припадки бывают чуть ли не каждую неделю, и вы не поверите, как меня это мучит и беспокоит. Но, может быть, нам удастся куда-нибудь переехать, как вы нам советовали, и здоровье его несколько поправится. Поблагодарите Аполлона Николаевича за его манеру выдавать Павлу Александровичу деньги; вот именно так-то и следует делать; вот в каких руках надо ему было бы быть⁴. Этот малый положительно делать ничего не желает. Матушка и сестра достали ему два места по двадцати пяти рублей в месяц; он пишет, что «это заставило его призадуматься», но еще не взял место; решительно, он метит в министры. Человек, чуть ли не безграмотный, пишущий к нам с такими ошибками, что за него совестно, еще затрудняется, взять ли ему место в такую ничтожную для него сумму. Нет, если б ему пришлось, как другим, самому себе отыскивать места, ходить по целым месяцам, просить, кланяться и все-таки не получить, тогда бы он был рад и не двадцати пяти, а десяти, пятнадцати рублям. А то ведь гораздо легче и приятнее сидеть на чужой шее и ничего не делать, чем за что-нибудь приняться за дельное. Стенография, я полагаю, ему не далась, так мне писали, тут все-таки надо трудиться, а трудиться ему лень. Право, даже и подумать об этих вещах больно. Простите, добрая Анна Ивановна, что я вам надоедаю своими рассказами (...)

Если б вы попросили Аполлона Николаевича писать Федору Михайловичу почаще; ведь его письма — просто клад для нас на чужой стороне (...)

Извините за нескладицу письма, решительно не умею писать да и по-русски говорить разучилась совсем.

Автограф. ИРЛИ. 30154.с.СХ1162.

¹ Об А. Н. Сниткиной см. выше, в публикации «Расшифрованный дневник А. Г. Достоевской».

² Это письмо А. Н. Сниткиной неизвестно.

³ Об отношениях А. Г. Достоевской и П. А. Исаева см. в ее «Воспоминаниях», стр. 116—123.

⁴ Майков писал Достоевскому 20 сентября 1867 г.: «25 р., назначенные Паше, все еще у меня <...> Не дал я ему по 2-м причинам: 1) Ваша belle-mère * сказала мне, чтобы я не давал, так как он от нее получил по 25 сентября все ему следующее <...> 2) На мои вопросы, на что ему деньги? он говорил такой вздор, что уши вянут <...> [Вообще вижу, что это для вас обуза самая печальная. Упрям, ленив, а вкусил жизни, не искусясь наукой]» («Достоевский. Статьи и материалы». Сб. 2. Л., 1925, стр. 340).

63. М. П. ПОГОДИН — А. Н. МАЙКОВУ

«Москва. 27 ноября 1867 г.»

«Русский» возобновляется ¹: ему нужно на зубок что-нибудь! Да потолкуйте об нем хорошенько с знакомыми, принимающими живое участие. Мне одному нести эту ношу, я вижу теперь, тяжело, потому что у меня есть еще другие ноши: Историю надо непременно кончить хоть на Святой неделе — до татар ². А там мерещится Иван Васильевич ³. Если б нашлись мне помощники для «Русского», которые содействовали б к разнообразию, то число читателей увеличилось бы, без сомнения. Условия пусть предлагают какие угодно. Поговорите же с кем заблагорассудите. Например, рецензии примечатель<ных> книг, беспристрастные и в нашем духе, было бы очень полезно ввести. Не примет ли участия г. Достоевский, которого все-таки до сих пор не видал. Как его здоровье?..⁴

Автограф. ЛБ. М9515.9.

¹ В заявлении «От редактора», напечатанном в № 1-2 «Русского» 1 января 1868 г., Погодин писал: «Извиняясь перед читателями в замедлении издания, которое случилось совершенно нечаянно, по причине моего заграничного путешествия (других причин, повторяю, не было никаких), я могу обещать в нынешнем году большую исправность». В 1867 г. вышло 26 номеров «Русского» вместо 52-х.

² Исследование Погодина «Древняя русская история до монгольского ига», над которым он работал, вышло в свет только в 1872 г.

³ Исследование о царе Иване III.

⁴ Достоевский, находившийся в это время за границей, в «Русском» не сотрудничал. В письме из Женевы, датированном 21/9 октября, он осведомлялся у Майкова — «издается ли „Русский“?» («Письма», II, стр. 48).

64. К. И. БАБИКОВ — А. Н. МАЙКОВУ

Москва. 31 декабря 1867 г.

... Еще просьба: я не знаю адреса Федора Михайловича и никого из старых моих знакомых, а потому обращаюсь к вам как к единственному человеку, адрес которого мне известен, с самую покорнейшею просьбою передать сию записку г. Достоевскому, за что я вам буду глубоко признателен ¹.

Автограф. ИРЛИ. 16714. с.VII 69.

Константин Иванович Бабинов (1841—1873) — московский беллетрист, сотрудник «Времени» и «Эпохи». См. ниже п. 67.

¹ См. письмо Бабинова к Достоевскому, датированное 31 декабря, в нашей статье «Утраченные письма Достоевского». — «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 201: ср. настоящ. том, стр. 286.

* теща (франц.).

II

ЖИЗНЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ. — ОПЯТЬ В ПЕТЕРБУРГЕ. — «ГРАЖДАНИН»
(1868—1874)

65. Н. П. БАРСУКОВ — П. И. БАРТЕНЕВУ

Черновое

Петербург. 19 января 1868 г.

... Из кружка тургеневских друзей до А. Н. Майкова домчался слух, что будто бы Достоевский прислал вам свои воззрения на Тургенева с тем, чтобы вы напечатали их лет через двадцать в «Русском архиве» и что будто бы вы эти воззрения отправили на проверку Тургеневу. Тургенев написал вам [свое оправдательное] по этому поводу письмо, которое, говорят, ходит по рукам в Петербурге. Майков [подозревает, незлобиво обличая меня] догадался, что это есть не что иное, как выдержки из письма к нему Достоевского, и незлобиво обличил меня в доставлении оных вам. Сперва это его немножко покорило, а потом я его успокоил тем, что это общая участь всех писем подобного рода¹ [и что Достоевский, вероятно]

[Если последнее предположение справедливо и если упомянутый слух верен, то Майков вот о чем вас просит, чтобы вы выгородили из одного Достоевского, [ибо молва приписывает ему доставление этих мыслей вам], т. е., если можно, написали бы к Тургеневу письмо [что-де до вас дошел слух, что будто в Петербурге приписывают], в котором его уверили бы, что отзыв о нем вы получили не от Достоевского, а случайно выдержку из одного его частного письма²...

Черновой автограф. ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 65 (чистовой автограф: ЦГАЛИ, ф. 46, оп. 1, ед. хр. 76).

Николай Платонович Барсуков (1838—1906) — историк, впоследствии автор двадцатидвухтомного (не завершенного) труда «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888—1910).

Петр Иванович Бартенева (1829—1912) — редактор-издатель журнала «Русский архив» и хранитель Чертковской библиотеки в Москве.

¹ Достоевский в письме к А. Н. Майкову, датированном 28/16 августа 1867 г., подробно описал свое посещение И. С. Тургенева в Баден-Бадене, приписав ему резкие выпады против России и всего русского («Письма», II, стр. 30—32). Как вскоре стало известно Тургеневу от П. В. Анненкова, это письмо (вернее, выписка из письма), касающееся визита Достоевского, было доставлено Бартенева для обнародования в 1890 г. В полной уверенности, что этот компрометирующий документ был послан Бартенева самим Достоевским, Тургенев 3 января 1868 г. /22 декабря 1867 г. обратился к издателю «Русского архива» с письмом, в котором категорически заявлял, что своими взглядами на Россию с Достоевским он не делился, видя в нем человека, «не вполне обладающего собственными умственными способностями», и протестовал против искажения его образа мыслей (И. С. Тургенев. Письма, т. VII. М. — Л., 1964, стр. 17—18). Письмо это было послано через Анненкова. См. публикацию материалов, относящихся к этому конфликту, в работе И. С. Зильберштейна «Встреча Достоевского с Тургеневым в Бадене в 1867 году» («Ф. М. Достоевский и И. С. Тургенев. Переписка». М. — Л., 1928, стр. 141—187).

Из публикуемого письма Барсукова явствует, что именно он переправил выписку своему дяде — Бартенева (ранее это известно не было). 31 декабря 1867 г. П. В. Анненков писал В. П. Боткину: «Покамест для развлечения вашего прилагаю копию с письма Тургенева к Бартенева в Москву, по поводу наветов Достоевского. Оно, конечно, пустое, да неприятное дело» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 54, оп. 2, ед. хр. 1).

² В ответном письме, датированном 22 января, Бартенева сообщал: «Тургеневу я на днях пишу, что никогда Достоевский ничего не присылал на хранение, а что действительно получена мною выписка из частного письма об их разговоре в Бадене. Ты будь покоен. Никогда не позволю себе показать не только Тургеневу, но и кому бы то ни было эти выписки. Читали только я, жена моя и Чертков как владелец» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 87, оп. 1, ед. хр. 65).

66. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Vevey. Сентябрь 1868 г.

... Вы не поверите, как мне тяжело и совестно вспомнить, что я обещала вам писать и до сих пор не исполнила еще своего слова. Мне часто приходит в голову, что вы на меня сердитесь и перестали считать своим другом, и эта мысль меня очень мучит. Я много раз принималась вам писать, но все по разным причинам не удалось послать. Сколько времени мы с вами не видались, Николай Михайлович! Вот уже полтора года, как мы из России; поехали на четыре месяца, а остались на два года; да и сами еще <не> знаем, когда нам удастся вернуться домой. Скажите, как вы провели этот год, здоровы ли вы, что поделяваете? Вы не знаете, как я буду рада что-нибудь узнать о вас! У нас же было много счастья, но было и ужасное горе, т. е. смерть Сони ¹. Ведь вы знаете, что у нас была маленькая дочка, Соня, милая, хорошенькая девочка, как две капли воды похожая на Федора Михайловича ². Я всегда думала, что если мы приедем в Россию, то вы непременно полюбили бы ее, а она бы наверно вас тоже любила, вы ведь такой добрый и простой человек. Как мы были счастливы в эти три месяца, пока у нас жила Соня; это была такая полная жизнь, что я ничего не желала больше. Какая милая, тихая девочка была моя Соня; она нас уже узнавала, смеялась нам и ужасно любила, когда Федор Михайлович ей пел. Федор Михайлович любил ее больше всего на свете и говорил, что никогда он еще не был так счастлив, как при Соне. Бедный, он так теперь горюет, что и сказать нельзя, и только тем себя утешает, что у нас другая будет. Я знаю, Николай Михайлович, вы очень добры, вы, вероятно, нас от души пожалеете и пожелаете нам такого же счастья.

Мы живем теперь, как вы знаете, в Вевее, на берегу Женевского озера; местность здесь до того хороша, что и во сне такой не увидишь; живем мы здесь три месяца, но вывели заключение, что воздух здесь положительно не годится для таких нервных, как мы с Федором Михайловичем. Поэтому мы хотим, если только удастся, непременно уехать, хотя еще и сами не знаем, куда; но вообще думаем в Италию, т. е. в Милан или во Флоренцию. А как бы мне хотелось вернуться в Россию, но покамест это решительно невозможно. Дела наши ужасно как плохи, долги не уменьшаются, а только нарастают, и приехать в Петербург — значит прямо сесть в долговое отделение. Несмотря на нашу чересчур скромную жизнь, нам часто приходится нуждаться и закладывать вещи. Федор Михайлович по целым дням без устали работает и ужасно измучился; здоровье его за границей несравненно лучше, и припадки не бывают недель по шести, по семи. Живем мы с ним очень ладно, и я чрезвычайно счастлива; он такой добрый, прекрасный и любящий человек, что, право, невозможно его не любить и не быть с ним вечно счастливой ³.

В Швейцарии мы прожили больше года и, право, с такой радостью хотим ее бросить!..

Автограф. ИРЛИ. 30413.с.СХIII69.

¹ Соня Достоевская умерла в трехмесячном возрасте 12 мая 1868 г. (см. «Жизнь и труды Достоевского», стр. 178).

² Достоевский 20 марта /7 апреля 1868 г. шуточно писал А. Н. Майкову о живой еще тогда Соне: «Ребенку только что месяц, а совершенно даже мое выражение лица, полная моя физиономия, до морщин на лбу, — лежит — точно роман сочиняет!» («Письма», II, стр. 97).

³ «Анна Григорьевна — моя истинная помощница и утешительница, — писал в это время Достоевский Майкову. — Любовь ее ко мне беспредельна, хотя, конечно, есть много различного в наших характерах» («Письма», II, стр. 63).

67. К. И. БАБИКОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

Москва. 10 ноября 1868 г.

... Пишу я вам вот по какому поводу: в сентябре нынешнего года я дал два рекомендательных письма: к вам и к Аверкиеву — одному моему знакомому, г. Коврейну¹, и в то же время просил его узнать нечто о Ф. М. Достоевском, который поступил со мной весьма не деликатно, и до сих пор не выслав статьи, за которую почти два года назад получил вперед деньги², и этой своей неаккуратностью совершенно уничтожил возможность выхода предполагавшегося сборника. Коврейн был у Аверкиева (не знаю, был ли он у вас) и писал мне, что редакция (тогда еще только предполагавшегося) журнала «Заря» (да сияет она немеркнущим светом!) готова перекупить у меня статью Федора Михайловича под названием: «Мое знакомство с Белинским». Я, с своей стороны, буду очень рад, если дело устроится таким образом, то есть если вы и Федор Михайлович придете к соглашению, ибо, с одной стороны, я вовсе не желаю терять еще двухсот рублей, выданных вперед за статью, а с другой — мне было бы неприятно иметь хоть малейшее столкновение с Федором Михайловичем.

Итак, если вы изъявите желание приобрести, а Федор Михайлович — уступить вам предназначавшуюся статью для нашего сборника (вечная ему память!), то это будет лучшая комбинация, какую только возможно измыслить (...)

При сем прилагаю, если для вас может понадобиться, письмо к Федору Михайловичу³...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.16882.

¹ Эти письма Бабикова неизвестны; не установлена и личность Коврейна.

² 15 сентября 1867 г. Достоевский писал А. Н. Майкову по поводу своей статьи о Белинском: «Перешлите, родной мой, статью мою Бабикову в Москву, вместе с письмом, которое тут же прилагаю незапечатанное (...) У меня совесть нечиста по поводу этой статьи» («Письма», II, стр. 37). Письмо Достоевского к Бабикову неизвестно. Из того, что Бабиков через год считает нужным жаловаться на неполучение статьи, можно сделать вывод, что она так до него и не дошла и застряла у книгопродавца Соловьева, которому ее переслал А. Н. Майков, или же что Бабиков возвратил ее Достоевскому для перделки и вторично уже не получил.

³ Приводим текст письма Бабикова к Достоевскому, сохранившегося в бумагах Страхова:

«Москва. Ноября 10 дня 1868 года

Милостивый государь Федор Михайлович!

Сборник, для которого когда-то предназначалась обещанная вами статья „Мое знакомство с Белинским“ — в настоящее время состояться не может. Редакция журнала „Заря“ изъявила желание приобрести эту статью; на это желание я изъявляю полное согласие, а потому, если с вашей стороны не последует никакого препятствия относительно этого соглашения, то, полагаю, это будет лучшее средство для устранения всяческих недоразумений. Впрочем, я согласен буду и на то, чтоб вы сами возвратили мне взятые вами у меня двести рублей серебром. Предоставляю вам полное право на окончание этого дела по вашему выбору, я позволяю надеяться себе, что вы почтете меня ответом.

Искренно уважающий вас, готовый к услугам К. Б а б и к о в.

Р. С. Адрес: Москва, Большая Дмитровка, д. Ладыженского, в книжную торговлю „Комиссионер“ для передачи К. Ив. Бабикову (ЦНБ АН УССР. III.16883).

В архиве Достоевского сохранилось следующее письмо к нему московского книгопродавца И. Желтова на бланке книжной торговли «Комиссионер», датированное 29 января 1873 г.:

«... На письмо, посланное вам, я не удостоился ответа. Посланному моему отвечали, что вы меня не знаете, — но переписитесь с Бабиковым по поводу выданной ему записки в получении денег 200 рублей серебром за статью „Мое знакомство с Белинским“. Рассчитывая на вашу высокую честность, я возвращаю вашу расписку на невыполненное обязательство и надеюсь, что вы или пришлете мне деньги, или на эту сумму за известной уступкой нового вашего романа „Бесы“. После столь долгого ожидания смею думать, что вы чем-нибудь развяжете этот узел и удостоите своим ответом владельца значащейся здесь фирмы, вашего покорного слугу И. Ж е л т о в а (Авт. ИРЛИ. 29642. с. CXI62).

63. Н. В. ХАНЫКОВ — В. П. БОТКИНУ

Париж. 5 мая 1869 г.

... Я получил извещение от И. С. Тургенева.

Тургенев ни на волос не переменялся, он столько же завиардован, как и прежде ¹, и трепетал 18 апреля, дня, где оперетка m-me Viardot должна была быть дана на Веймарском театре ². Я предсказывал ему полный успех, и предсказание мое сбылось, но я нисколько не горжусь этим предвидением <...> Между тем последняя повесть его носит явные следы отчуждения от России; типы ее, полинявшие очерки виденного когда-то и не раз переданного гораздо рельефнее, так что, прочтя эту повесть, я невольно повторял за автором: «Несчастливая! Несчастливая!» ³. Воспоминания о Белинском очень водянисты и поправляются только концом ⁴. Читали ли вы «Обрыв» Гончарова ⁵ и «Идиота» Достоевского? ⁶ Н. А. Милютин сделал видимые успехи после того, как вы его видели ⁷ <...> Внутренняя обстановка в его семействе тоже тускнеет. Марья Аггеевна ⁸ видимо изнемогает под крестом, она становится все раздражительнее и желчнее; нередко плачет, чего прежде с нею не было; с Марьей Алексеевной они на ножах, и я очень рад, что та уезжает в Одессу. Она женщина добрая, сердечная, прямая, но не без русской распушенности и в особенности не без той привычки всегда и черт знает о чем волноваться, привычки, так рельефно обрисовываемой Достоевским в героинях его романов. Это какое-то душевное пьянство, принимаемое нашими дамами за страстность!..

Автограф. Архив Л. Н. Толстого (Москва), ф. В. П. Боткина, ед. хр. 84.

Николай Владимирович Ханьков (1822—1878) — известный ученый-востоковед, брат петрашевца А. В. Ханькова. В течение долгих лет он поддерживал приятельские отношения с Тургеневым, Герценом, Салтыковым-Щедриным и другими видными деятелями русской литературы.

¹ Ср. письмо Ханькова к Герцену, датированное 22 сентября 1868 г. («Лит. наследство», т. 62, стр. 699—701).

² Премьера оперетты Полины Виардо на текст Тургенева «Последний колдун» состоялась в Веймарском театре 27 марта (8 апреля) 1869 г. Тургенев писал Ю. Шмидту 4/16 апреля 1869 г.: «Я провел в Веймаре неделю. Оперетку г-жи Виардо „Последний колдун“ ставили с большим успехом. Музыка, действительно, очаровательна, и — чего я, откровенно говоря, сильно боялся — либретто не производит впечатления чересчур большой наивности. Все было весело и привлекательно. Исполнение тоже по большей части отличное» (И. С. Тургенев. Письма, т. VIII. М. — Л., 1964, стр. 9). См. статью Тургенева «Первое представление оперы г-жи Виардо в Веймаре». — И. С. Тургенев. Полн. собр. соч., т. XIV. М. — Л., 1967, стр. 286—296 и «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, 1964, стр. 177—224.

³ Повесть Тургенева «Несчастливая» появилась в «Русском вестнике», 1869, № 1.

⁴ «Воспоминания о Белинском» Тургенева были напечатаны в № 4 «Вестника Европы» 1869 г. Резко отрицательно отнесся к ним и Герцен (см. Герцен, т. XXX, стр. 101 и 120).

⁵ К этому времени в «Вестнике Европы» появилось пять частей «Обрыва» (№ 1—5).

⁶ «Идиот» печатался в «Русском вестнике», 1868, январь — декабрь. Главы VIII—XII четвертой части романа были выпущены в феврале 1869 г. как приложение к «Русскому вестнику».

⁷ Николай Алексеевич Милютин (1818—1872) — один из виднейших деятелей крестьянской реформы — был в это время тяжело болен.

⁸ Марья Аггеевна Милютина (рожд. Абаза, 1834—1903) — жена Н. А. Милютина.

69. М. Н. СТОЮНИНА — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<С.-Петербург. Весна 1869 г.>

... Голубка моя дорогая, не откладывайте своего приезда в Петербург до осени. Приезжайте хоть в конце мая или в июне, чтобы ты здесь родила, а не там, а то если ты там родишь в сентябре, то как же ты повезешь такого маленького ребенка в холодную осень, ведь это значит наверное просту-

ВЕВЕ. НА ЭТОЙ УЛИЦЕ НАХОДИЛСЯ ДОМ
В КОТОРОМ ДОСТОЕВСКИЙ ЖИЛ В 1867 г.

Почтовая открытка

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

дить ребенка <...> Поверь мне, Неточка, что и для Федора Михайловича переход из хорошего климата в наш не будет так резок летом, как осенью. Ах, если б мои увещеванья, т. е. доводы, на вас подействовали! ¹...

Автограф. ИРЛИ. 30282.с.СХII 66.

О М. Н. Стоюниной см. на стр. 289 настоящ. тома.

¹ Достоевские возвратились в Россию только в 1871 г.

70. А. М. ДОСТОЕВСКИЙ — Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 29 ноября 1869 г.

... Вчера я узнал, между прочим, почему сестры так дуются и недовольны Веселовским ¹. Дело в том, что брат Федор Михайлович вместе с письмом к Веселовскому (которое он, т. е. Веселовский, переслал мне) ² писал такое же письмо и к Сонечке Ивановой, в котором говорит, что ему передали Кашперов и Майков, что Веселовский готов по протекции кого-либо из наследников руководить в иске об уничтожении духовного завещания как составленного не при здравом смысле завещательницы ³. Ясно, что письмо это брат Федор Михайлович написал с тех же верных переданных известий, как и письмо к Веселовскому, в котором говорится о смерти тетушки, об опеке над семейством брата Михаила Михайловича и прочих нелепых слухов. — Когда я сам показал письмо брата Федора Михайловича Веселовскому и мой ответ к брату и объяснил им, что ежели Веселовский захотел бы действительно хлопотать о уничтожении духовного завещания, то он не пересылал бы мне письма брата, а сам вошел бы с ним в сношения ... то сестры, кажется, немного поуспокоились ... Но, впрочем, я заранее объяснил им, что я вовсе не хочу стоять и быть защитником

перед ними за Веселовского; что они сами выбрали его опекуном, я же только познакомил его с ними в критическое время смерти Александра Павловича ⁴.

Автограф. ЛБ, ф.93.III.10.7.

¹ Владимир Иванович *Веселовский* — адвокат, член Московского окружного суда, с 1868 г. официальный опекун (совместно с А. М. Достоевским) над впавшей в детство теткой Достоевского А. Ф. Куманиной. См. о нем подробно в «Воспоминаниях Андрея Михайловича Достоевского», стр. 318—319.

² См. письмо Достоевского к Веселовскому, под датой 14 (26) августа 1869 г. («Письма», IV, стр. 286—288; ср. II, стр. 241—242).

³ Письмо Достоевского к племяннице Софье Александровне Ивановой (Хмыровой), датированное 29 августа /10 сентября 1869 г. — «Письма», II, стр. 204—210.

⁴ См. письмо Достоевского к брату Андрею Михайловичу из Дрездена (16/28 декабря 1869 г.) с подробным изложением всей истории, связанной с завещанием Куманиной и попыткой его оспорить («Письма», IV, стр. 288—293). Подробно об этом эпизоде см. также в «Воспоминаниях Андрея Михайловича Достоевского», стр. 326—351.

71. А. Г. ДОСТОВЕВСКАЯ — А. Н. МАЙКОВУ

Дрезден. 17/29 октября 1870 г.

Не посетуйте на меня, многоуважаемый Аполлон Николаевич, что я решаюсь беспокоить вас одною очень важною для меня просьбою, за исполнение которой я буду вам чрезвычайно благодарна. Вы были так обязательны, что доставили Павлу Александровичу Исаеву работу по составлению статистических списков г. Петербурга; он, кажется, надеется получить по вашему ходатайству такую же работу и в Москве в нынешнем декабре месяце. Я хотела просить вас, многоуважаемый Аполлон Николаевич, если только это возможно, доставить это занятие и моему брату Ивану Григорьевичу Сниткину ¹ <...> Но, пожалуйста, Аполлон Николаевич, если моя просьба хоть немного может затруднить вас, не исполняйте ее. Я ни за что в мире не захочу поставить вас в неприятное положение. Если же просьбу исполнить легко, то будьте столь обязательны, известите меня в письме к Федору Михайловичу или напишите два слова к моему брату в Москву <...>

Как ваше здоровье? Как здоровье милой и доброй Анны Ивановны? Передайте ей мой поклон и мое горячее желание поскорее ее вновь увидеть. Я редко встречала такое прекрасное и доброе существо, как Анна Ивановна. Мое знакомство с нею навсегда останется для меня одним из лучших воспоминаний в жизни. Мы очень часто вспоминаем ваше семейство с матушкой и Федором Михайловичем. Как поживают ваши дети? Как, я думаю, они выросли! Прилагаю карточку вашей крестницы и буду очень счастлива, если моя Люба вам понравится. Ей уже более году; у нее десять зубков, она уже умеет немного говорить и ходит, хотя не очень твердо. Здоровья она довольно крепкого и бодро вынесла зубки и неважные детские болезни. Мы все ее очень любим; она же, кажется, больше всех любит Федора Михайловича, который ее чрезвычайно балует и ни в чем ей не отказывает; я волей-неволей должна играть роль строгой матери, иначе с нею сладу не будет.

Ах, Аполлон Николаевич, как нам хочется воротиться в Россию, какая ужасная тоска здесь ², особенно теперь, когда, после побед, немцы стали еще грубей и наглей. Как мне наскучили эти вечные переезды, неименно своего, постоянного угла. А еще находятся люди, которые тоскуют, что не могут век жить за границей, я здесь встречала таких. Когда мне удастся, наконец, воротиться домой и устроиться, тогда, мне кажется, меня никакими калачами, никакими заграницами из России не выманишь. Но пока возвращение — прекрасная мечта, которая неизвестно когда осуществ-

вится. Наши кредиторы непременно засадят Федора Михайловича в долговое. Вот если б они согласились меня посадить вместо Федора Михайловича, то я бы ни минуты здесь более не осталась. Вся надежда на работу Федора Михайловича, а тут в последнее время у него начались довольно частые и сильные припадки, что очень останавливает работу. Мы живем очень дружно и счастливо, и я считала бы себя счастливее всех в мире, если б не эта вечная тоска по России <...> Моя матушка и Федор Михайлович просят меня передать вам и доброй Анне Ивановне их низкий поклон. Пишите почаще, вы не знаете, что значит получить письмо с родины; мы оживаем, читая ваши письма ...

Автограф. ИРЛИ.16643. с.VII166.

¹ Об Иване Григорьевиче *Сниткине*, брате А. Г. Достоевской, см. на стр. 285 настоящ. тома.

² «А мне Россия нужна, для моего писания и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни, да и как еще! Точно рыба без воды; сил и средств лишаешься)», — писал в это время Достоевский («Письма», II, стр. 25).

72. П. Д. ГОЛОХВАСТОВ — С. А. ЮРЬЕВУ

С. Рубцово. 7 декабря 1870 г.

... Если вы успели узнать наверное, где живет Достоевский, в Швейцарии ли и в каком именно месте, то напишите мне ¹ <...> К празднику буду писать отцу Петрову ², напишу кстати и про Достоевского ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 192.

Павел Дмитриевич *Голохвастов* (1839—1892) — историк и литератор, сын двоюродного брата Герцена.

Сергей Андреевич *Юрьев* (1821—1888) — критик, переводчик и драматург, впоследствии редактор журнала «Русская мысль», один из организаторов пушкинских торжеств 1880 г.

¹ Местопребывание Достоевского (находившегося тогда в Дрездене) интересовало Юрьева в связи с предпринятым им изданием журнала «Беседа», к авторскому участию в котором он хотел привлечь Достоевского. С аналогичным запросом Юрьев обратился к известному публицисту, сотруднику «Эпохи» Алексею Адриановичу *Головачеву* (1819—1903), ответившему ему 10 декабря 1870 г.: «Сейчас получил вашу записку, мой многоуважаемый Сергей Андреевич, сию же минуту навел справки и посылаю вам адрес Ф. Достоевского: Dresde. Poste restante...» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 636, оп. 1, ед. хр. 191).

² Женевский священник Афанасий Константинович *Петров*, по убеждению Достоевского, — агент русской тайной полиции (см. «Письма», II, стр. 411).

73. А. А. ИВАНОВ — В. М. ИВАНОВОЙ

<С.-Петербург> 20 февраля 1872 г.

... В четверг я был зван к Федору Михайловичу дяде на именины ¹. Провел там вечер, наблюдая во все глаза и уши наружность и нравы литераторов. Удостоился лицезреть следующих представителей этой породы людей: Полонского, двух Ламанских ², Всеволода Крестовского, Страхова, Кашпирева ³, Майкова, Владиславлева ⁴ и еще какого-то старичка привлекательной наружности, имени которого я не узнал. Если хотите, то вот вам маленькая опись этих представителей.

Полонский — высокого роста, болезненного вида, ходит прихрамывая, находит непонятным содержание стихотворения Фета «Мороз на стекле», помещенного в № 1 «Зари». Старший Ламанский — низенький, толстый, совсем седой, большую часть вечера горячился насчет спиритизма и рассказывал о сеансах Юма, на которых присутствовал.

Младший Ламанский, филолог, сухощавый человек, совсем черноволосый, с орлиным носом, меланхолической наружностью, относился с недоверием к рассказу своего брата, а потом толковал втихомолку со Страховым о дарвинизме.

Крестовский — среднего роста, уланский офицер в усах и бакенбардах и с своим неизменным стеклышком, болтающимся на шнурке, — бойкий человек. Рассказывал много жидовских сцен очень забавно.

Страхов — среднего роста, довольно полный, розовый, волосы с проседью. Голос тоненький и очень гибкий. Держит себя необыкновенно деликатно, так что напоминает собою чичиковское «Вы изволили пойти с валаета, я имею честь покрыть вашу двойку»⁵...

Кашпирев, злополучный издатель угасающей «Зари», — наружность артиста, волосы в длинных завитках, ниспадающих на плечи, небрежный костюм. Средних лет, краснощекий, очень смеялся рассказам Крестовского. Кажется, добродушный человек.

Майков — наружность артиста, т. е. длинные волосы. В жестах его и речи видно что-то юношеское.

Владиславлева вы уже несколько знаете, так что я его не описываю.

Вечер закончился обильным ужином, за которым литераторы вспоминали старые времена русской литературы.

Тут же виделся с Иваном Григорьевичем, которого привела его жена, у которой он, кажется, совсем под башмаком⁶...

Федор Михайлович и Анна Григорьевна просили меня напомнить вам о даче и что им надо знать на верное еще в апреле, будут или нет они жить в Монагорове.

Автограф. ЛБ, ф. 93. III. 12. 27. Письмо опубликовано на немецком языке в газ. «Moskauer Rundschau», 1931, № 17, 22 марта.

Александр Александрович *Иванов* (1850—1894) — племянник Достоевского, инженер-путеец. Письмо адресовано его матери — сестре Достоевского.

¹ Именины Достоевского отмечались 17 февраля. Накануне, 16 февраля, он писал Я. П. Полонскому: «Не посетите ли вы меня завтра (в четверг, 17 февраля) вечером по поводу Федора Тирона, чем сделаете мне великую честь и чрезвычайное удовольствие. У меня будут только близкие, всем вам известные» («Письма», III, стр. 24).

² Евгений Иванович *Ламанский* (1825—1902) — видный экономист. Достоевский с ним познакомился еще в 1840-х годах на собраниях у Петрашевского. Его младший брат — Владимир Иванович (1833—1914) — известный ученый-славист, впоследствии академик.

³ Василий Владимирович *Кашпирев* (1836—1875) — петербургский литератор, издатель журнала «Заря».

⁴ Муж племянницы Достоевского, проф. Михаил Иванович *Владиславлев*. А. Г. Достоевская указывает, что Достоевский встречался у Владиславлева «со многими лицами из ученого мира» («Воспоминания», стр. 219).

23 ноября 1871 г. Владиславлев писал Достоевскому: «Не соберетесь ли, достоуважаемый Федор Михайлович, к нам в четверг 25 числа? У нас будет Владимир Иванович Ламанский, не из едва неизвестных вам, наши молодые профессора, из которых один — большой почитатель вашего таланта. Если вы можете располагать этим вечером и решитесь мужественно преодолеть расстояние, то вы доставили бы тем всем нам большое удовольствие» (Автог. ЛБ, ф. 93. II. 2. 43). 12 февраля 1872 г. Владиславлев снова писал Достоевскому: «Позвольте просить вас, достоуважаемый Федор Михайлович, пожаловать к нам вместе с Анною Григорьевною в среду 16 февраля вечером. Я говорил уже вам, что на этом вечере (В. В.) Григорьев хотел поближе познакомиться с вами. Он будет непременно у нас, и вам нужно уж как-нибудь собраться...» Будет у нас Майков, Ламанские и некоторые из профессоров. Приезжайте, дядя, пожалуйста» (там же). А. Г. Достоевская отмечает в своих воспоминаниях, что Достоевский в этот вечер беседовал с В. В. Григорьевым «с особенным удовольствием» (стр. 219).

⁵ Ср. записи о Н. Н. Страхове в «Записных тетрадях» Достоевского 1870-х годов: «Неискренность в общественных схождениях (Страхов у меня на вечере)»; «Он сидит на мягком, кушать любит индеек, и не своих, а за чужим столом», и др. («Лит. наследство», т. 83, стр. 466 и 619).

⁶ И. Г. Сниткин со своей молодой женой Ольгой Кирилловной незадолго до того переехал в Петербург из Москвы.

74. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. Н. СТРАХОВУ

«С.-Петербург» 9 июня 1872 г.)

... Как вы распорядились с вашим летом, Николай Николаевич? Если вы еще ничего не решили, то не забудьте нашего общего с Федором Михайловичем приглашения и приезжайте к нам погостить в Старую Руссу¹. У нас есть две свободные комнаты, где вы можете отлично работать; нас вы стеснить ничем не можете, а для Федора Михайловича вы будете сущим кладом². Он и теперь начал тосковать, и я без ужаса не могу подумать, что с ним будет дальше³. Знакомств у нас там никаких, да и вообще с новыми лицами Федор Михайлович трудно сходитя, так что ваш приезд будет для него благодеянием. Уезжая, он просил меня передать вам его приглашение. Федор Михайлович здоров, но в ужасном, тревожном состоянии: скучает и беспокоится о нас, то умоляет воротиться, не сняв перевязки с ручки, то просит прожить здесь целый месяц; работа у него не идет; вообще мы ужасно плохо начали лето⁴...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, ед. хр. 6.

¹ В конце апреля 1872 г. Достоевские отправились в Старую Руссу, где намерены были провести все лето. На следующий день после приезда их малолетняя дочь Люба (Лилия) сломала себе руку. Вскоре выяснилось, что кость у девочки срослась неправильно. Достоевский с женой повезли ее в Петербург, где около 20 мая врачом И. М. Барчем произведена была операция. Достоевский вскоре возвратился в Старую Руссу, а Анна Григорьевна вынуждена была еще долго оставаться с больной Любой в Петербурге («Воспоминания», стр. 227—229).

² Как отмечал впоследствии Страхов, в периоды «невыносимо тяжелого настроения», когда Достоевского все «раздражало и пугало и он тяготился присутствием самых близких людей», брат его и жена посылали за Страховым — «со мной ему было легко, и он по-немножку оправлялся» («Биография...», стр. 225).

³ «Кроме боязни за Лилию, — писала в своих воспоминаниях Анна Григорьевна, — у меня не выходила из головы мысль о том, что-то теперь с моим мужем, не случилось ли с ним припадка? Из его писем я видела, что он тоскует и беспокоится о нас, а я ничем не могла ему помочь» («Воспоминания», стр. 231).

«Мне нестерпимо скучно жить, — писал Достоевский в это время жене. — Если б не Федя, то, может быть, я бы помешался...» («Письма», III, стр. 37).

1 июня 1872 г. А. Г. Достоевская писала мужу:

«Желаю тебе заниматься с успехом, приготовь побольше, и за раз побольше продиктуешь, я берусь очень скоро переписать. Не вздумай сам переписывать, это меня огорчит, лучше пиши и готовь побольше к моему приезду...» (Авт. ЛБ, ф. 93. II.3.35).

⁴ Страхов, вероятно, по каким-то причинам приглашения не принял и в Старую Руссу не поехал.

75. Н. А. ЛЮБИМОВ — Н. С. ЛЕСКОВУ

«Москва» 22 октября 1872 г.

... Рукопись вашу получил и очень благодарю. Относительно порядка помещения вот мои соображения. Имея в виду ваше желание чтоб рождественский рассказ был помещен в декабре, я в уме положил, что «Монашеские острова» лучше перенести в следующий год с января, чтоб и их поприбережь — то, что предполагалось поместить в нынешнем году (а сего немало), успеем действительно поместить. Теперь вы находите, согласно моему первому мнению, что рассказ удобнее включить в январскую книжку. Не рассечь ли узел, перенеся то и другое на следующий год? Удобно ли, во всяком случае, начать «Остров» в декабре и переносить на другой год¹ — в номер уже очень много набрано, к тому же Достоевский просит пустить «Бесов» возможно больше², чтоб в декабре кончить³...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 275, оп. 1, ед. хр. 256.

Николай Алексеевич Любимов (1830—1897) — профессор Московского университета, редактор беллетристической части «Русского вестника». См. о нем в воспоминаниях его внука Льва Любимова «На чужбине». М., 1963.

¹ «Монашеские острова» Лескова в «Русском вестнике» не появились.

² 9 октября 1872 г. Достоевский писал жене из Москвы о публикации «Бесов»: «С Любимовым по виду все улажено, печатать в ноябре и декабре, но удивились и морщатся, что еще не кончено». В ноябре было напечатано четыре главы третьей части, в декабре — остальные шесть («Письма», II, стр. 45).

³ Историк литературы, один из первых биографов Лермонтова профессор Павел Александрович *Висковатов* (1842—1905) писал Достоевскому 6 марта 1871 г. из Петербурга:

«Не могу не написать вам своей горячей благодарности за то удовольствие, которое вы дали мне вкусить при чтении вашего нового романа „Бесы“. Я сказал удовольствие — этого мало, потому что чтение это натолкнуло меня на много серьезных дум. История развития нашего общества за последние десятилетия вами ясно рисуется, и к счастливому выражению А. Н. Майкова, что вы представили конец тургеневских героев, я прибавлю свою надежду, что вы похороните и еще некоторых героев, обесмертив в то же время их тип. Один в своей комнате я страшно хохотал, читая о Степане Трофимовиче и людях, с которыми он проводит время и встречается. Публика наша очень капризна. Не знаю, как она примет ваше превосходное произведение, но все мыслящие и искренние люди с интересом и нетерпением будут следить за дальнейшим развитием романа. Я знаю, что Степан Трофимович не может быть одною из главных личностей романа, тут выйдут на сцену другие; может быть, не последнюю роль будет играть Шатов, хотя главная, конечно, будет принадлежать не ему...» (Авт. ЛБ, ф. 93. II.2.38).

76. А. Н. МАЙКОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

⟨С.-Петербург⟩ 12 декабря 1872 г.

... Мещерский ¹ назначил по вторникам обеды у себя для Федора Михайловича, Филиппова ² и меня; вы должны бы были замыкать квинтет, если бы были налицо. Цель — после обеда прослушать готовящуюся для следующего номера его статью и ругать ее до тех пор, пока он ее не выработает. Плодом этого всего можете считать его статью о женском вопросе в одном из последних номеров «Гражданина» ³. Три раза он ее переделывал, и статья-то вышла недурна. Вы были бы тут очень нужны, вас часто поминем <...>

17 декабря

Я забыл отослать письмо когда следует, — и вышло, что могу сообщить вам новость, которая и до вас касается, ибо требует от вас скорейшего возвращения: Градовский ⁴ вышел из редакции «Гражданина». Место его занимает Ф. М. Достоевский. По представлении о нем в III отделение граф Шувалов ⁵ на письме Мещерского надписал: «Отвечать, что с его стороны согласие», — так что завтра или послезавтра дело обформится и может быть объявлено ⁶. Разумеется, рассчитывается на вас, а именно под вашим главенством устроить библиографию, что, при месте, если вы его не прогуляете ⁷, вам будет очень с руки. Тогда и я, пожалуй, попрошусь к вам в сотрудники, т. е. для краткого изложения содержания книг и замечательных статей. Вот вам новость ⁸.

Автограф. ГПБ, ф. 747, ед. хр. 21.

¹ Князь Владимир Петрович *Мещерский* (1840—1914) — издатель еженедельной «газеты-журнала» «Гражданин», выходившей с января 1872 г.

² Тертий Иванович *Филиппов* (1825—1899) — один из видных идеологов славянофильства, член редакции «Гражданина», крупный правительственный чиновник. См. его письма к Достоевскому: «Лит. наследство», т. 15, 1934, стр. 149—156.

³ Имеется в виду статья Мещерского «К делу! Ответ русской женщине», помещенная в № 31 «Гражданина» 4 декабря 1872 г. вслед за открытым «Письмом русской женщины за женский вопрос», подписанным *К. Соколовская*.

⁴ Григорий Константинович *Градовский* (1842—1915) — журналист; был редактором «Гражданина» с января 1872 г.

⁵ Граф Петр Андреевич *Шувалов* (1827—1889) — шеф жандармов с 1866 по 1874 г.

⁶ См. «Лит. наследство», т. 83, стр. 51—52, 325—342.

ся в Руссе детях и не зная ничего о Федоре Михайловиче. Не поехать же в Эмс я не могла: я бы здесь измучилась и захворала, зная, что он, бедный, там страдает и может умереть, оставленный всеми, на руках квартирной хозяйки. Слава богу, что все это скоро разъяснилось, а то бы могло выйти много беспокойств и хлопот. В настоящее время Федор Михайлович у нас в Руссе, приехал всего неделю назад. Он остановился было в Петербурге, чтобы отыскать нам зимнюю квартиру, но вдруг заболел холериной и, боясь расхвораться окончательно, поспешил домой, пробыв в Петербурге всего полтора дня. Таким образом, он не имел ни малейшей возможности увидеться с кем-нибудь из родных. Все мы собираемся в конце этого месяца (если не случится непредвиденного обстоятельства) приехать в Петербург, остановившись в меблированных комнатах, отыскать себе удобную квартиру.

Вы пишете, что дело о наследстве туго подвигается вперед. Но ведь это следовало ожидать, тем более, что у всех наследников мало средств, чтобы подвинуть дело. Наш поверенный часто нас извещает, как много он хлопочет, но до сих пор из его хлопот не вышло никакого результата. Вообще, по моему мнению, трудно ожидать чего-нибудь в близком будущем. Из вашего письма мы с удовольствием узнали о свадьбе Александры Михайловны и от души желаем ей полного счастья³.

Федор Михайлович хотел приписать вам несколько строк, но я не решаюсь его ждать, так как и без того запоздала с ответом на ваше письмо. Федор Михайлович очень вам кланяется, а детки крепко вас целуют. Вы Федю не узнаете, до того он вырос ...

Автограф. ИРЛИ. 30413. с. CXIII69. — Ответ на письмо от 9 июля (Авт. ИРЛИ. 30361. с. CXIII62).

¹ 20 июня 1875 г. в хронике № 159 «С.-Петербургских ведомостей» появилось краткое сообщение: «Мы слышали, что наш известный писатель Ф. М. Достоевский серьезно захворал». Это известие о Достоевском, находившемся в Эмсе, сильно встревожило его родных, в особенности жену. Вскоре ей, однако, стало известно, что слух о болезни Достоевского был газетной уткой. См. след. письмо.

23 июня/5 июля Достоевский писал жене из Эмса: «Сегодня, в час пополудни, получил от тебя телеграмму. Она меня очень удивила и измучила. С чего ты взяла, что я болен? Значит, ты совсем перестала получать мои письма, т. е. пропало одно письмо<...> Поверь, бесценный друг мой, что со мной ровно ничего не может случиться<...> Я ответил тебе сейчас же телеграммой, которая пошла во 2-м часу <...> Я написал в телеграмме „Ich bin gesund“ («Письма», III, стр. 190—191). Подлинник телеграммы Достоевского не сохранился.

² Анна Григорьевна ожидала в это время ребенка.

³ Сестра Достоевского Александра Михайловна Голеновская, вторично вышедшая замуж — за Владимира Васильевича *Шевякова* (? — 1889). Она не сочла нужным сообщить о своем замужестве Достоевским, к которым питала самые недружелюбные чувства. «В кого она так грубо развита?» — писал Достоевский о сестре еще в 1857 г. («Письма», II, стр. 581).

Рельефно характеризуют личность Александры Михайловны следующие строки из ее письма к брату Андрею Михайловичу и его жене (октябрь 1852 г.): «Представьте себе мое горе: я уже больше не помещица, мне совсем не жалко деревни, но жалко как-то расставаться с титулом помещицы, и я уже теперь вполнину унизилась, как потеряла столь дорогое для меня имечко...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 51).

106. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург> 22 сентября 1875 г.

... Мы приехали в Петербург и очень будем рады, если вы нас посетите. Живем мы по Греческому проспекту (Пески), рядом с Греческим садом, в доме Струдинского, квартира № 6, в третьем этаже. Федор Михайлович просит передать вам его низкий поклон, дети целуют вас <...>

P. S. Кстати, не знает ли добрая Наталья *хорошей* няньки для моих

⁷ Страхов собирался поступить на службу в Публичную библиотеку.

⁸ Согласие Достоевского принять на себя обязанности официального и фактического редактора «Гражданина» чрезвычайно обрадовало Мецкерского. «Жизнь глядит светлее с тех пор, что вы были так добры предложить себя в хозяева „Гражданина“», — писал он Достоевскому 15 ноября 1872 г. («Письма», III, стр. 301).

14 января 1873 г. Страхов отвечал Майкову:

«...Я давно уже послал письмо к Федору Михайловичу и очень усердно вам кланялся в этом письме. Но он не отвечает — и теперь я понимаю, почему (если даже письмо мое не пропало). Я надеялся, впрочем, если не на его письмо, то, по крайней мере, на получение „Гражданина“; но и его не получаю, а теперь уже готов просить, чтобы ничего не посылали — так вы меня напугали... Да, очень я обрадовался вашему письму, но — злодей вы! — вы совсем разрушили мое спокойствие. Я тут было расположился читать, работать — как будто буду жить здесь без конца, а с вашего письма мне все грезится телеграмма, и я чувствую себя в положении человека не на месте, которому нельзя ни за что приняться, потому что его завтра же позовут.

Мои беды начались, впрочем, еще раньше. В „Московских ведомостях“ я прочитал объявление о *главном сотрудничестве* Федора Михайловича и сейчас же понял, в чем дело: то есть, что мне следует садиться за стол и писать статью. Я даже хотел в точности исполнить столь ясное требование долга, но... приехала бабушка с дочкой, и начались святки <...>

Будьте уверены, что я буду ревностным сотрудником „Гражданина“. Федор Михайлович — истинное счастье для этого журнала. Можно будет начать непрерывный ряд статей под заглавием „Летопись книг и журналов“ с эпиграфом из Пушкина:

«Не бойтесь! Мы не будем слишком строги!..»

Можно будет... Нет, нет и нет! Знаете ли, дорогой Аполлон Николаевич, что я нахожусь в истинном затруднении. Я было решил: 1) не иметь никакой срочной журнальной работы; 2) Не заводить никогда полемики; заниматься философскими вопросами <...> Вы с Федором Михайловичем можете отдыхать на лаврах (какая жалость, что я не могу здесь перечесть вашего „Деция“! Но я уж рад и тому, что мог дочитать „Бесов“. Смерть Кириллова — поразительна, и то место, которое мне читал в Петербурге Федор Михайлович, не потеряло своей страшной силы и при чтении. Как хороша смерть Лизы! Степан Трофимыч с книгоношею и весь его конец — очарование. Я удивляюсь теперь цельности этого романа. Николай Ставрогин, очевидно, вставное лицо, как и Свидригайлов в „Преступлении и наказании“, но не лишнее, а как будто из другой картины, писанной в том же тоне, но еще страшнее и печальнее. С нетерпением буду ждать отдельного и полного издания).

Итак, вы видите, в чем дело. Место в Библиотеке мне уже кажется благополучием великим; оно делает меня свободным. Но, с другой стороны, я все-таки журналист по привычкам и по некоторой страстишке к этому делу. Если притом такие чудесные люди, как вы и Федор Михайлович, очень усердно будут заняты „Гражданином“, то я не потерплю и примусь строчить, пожалуй, не хуже прежнего <...>

<Н. Я.> Данилевский в настоящую минуту уехал по службе, а то он, без сомнения, велел бы усердно кланяться вам и Федору Михайловичу; узнав о редакторстве Федора Михайловича, он сказал: „Теперь я охотно бы напечатал в „Гражданине“, если бы что-нибудь написал“. Увы! Он ничего не напишет! <...>

Анне Ивановне мое усердное почтение. И Федору Михайловичу...» (Авт. ИРЛИ. 16947.с.VIII66).

6 февраля Страхов писал ему же:

«А ваше второе письмо возбудило во мне много мыслей — горьких — о нашей любезной литературе; но теперь некогда их расписывать. Так и быть — опять придется окунуться в эту грязь — и охота была Федору Михайловичу добровольно связываться со стаею прогресса! Скажите ему, что он все еще слишком много важности придает этой стае...» (там же).

77. Вс. С. СОЛОВЬЕВ — П. В. СОЛОВЬЕВОЙ

<С.-Петербург. 1 января 1873 г.>

Дорогая моя, я бесконечно счастлив в эту минуту, — я только что вернулся домой; двенадцать часов ночи; на столе я видел вашу телеграмму, твое письмо и визитную карточку, обратная сторона которой вся исписана. А взглянул на карточку — и мое сердце так задрожало, что я едва не упал; я прочел, что на ней написано, и с горячими слезами благодарил бога, услышавшего мою молитву. Еще никогда я не был так счастлив — на карточке стоит имя человека, которого я признаю гениальным, перед которым я благоговею, о знакомстве, о дружбе которого я несколько лет мечтал, как о недостижимом счастье. На карточке стоит: *Федор Михайлович*

Достоевский. Его рукою, написавшею столько дивных произведений, которыми я зачитывался и заплакивался, написано следующее:

«Любезнейший Всеволод Сергеевич, я все хотел вам написать, но откладывал, не зная моего времени. С утра до ночи был занят. Теперь заезжаю и не застаю вас, к величайшему сожалению. Я дома бываю около восьми часов вечера, но не всегда. И так у меня спутано теперь все по поводу новой должности моей, что не знаю сам, когда бы мог вам назначить совершенно безошибочно. Крепко жму вам руку. Ваш Ф. Достоевский»¹.

О!! Как я счастлив — другие не поймут этого; но ты должна понять, потому я сейчас же сел и пишу тебе. Это случилось вот как: я узнал, что он здесь, и, сам не знаю как, решился — написал ему большое письмо, где вылил всю душу, потому что знал, что он поймет меня. Я слишком хорошо его сам понимаю. Я не ошибся в человеке — он не знает, какой роскошный подарок сделал он мне в день моего рождения. Вчера мы смеялись, что в «Voix prophétiques»* мне вышло сердце с надписью «Свидание». Гаданье оправдалось. Постоянная греза моя сбывается. Ты не знаешь, какой я дурак, — меня считают холодным и благоразумным, неувлекательным, а у меня совсем мокрые глаза²...

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 1120, ед. хр. 97.

Всеволод Сергеевич Соловьев (1849—1903) сын историка С. М. Соловьева, беллетрист, критик и поэт, автор мемуаров о Достоевском и ряда критических статей о нем, появившихся еще при жизни писателя.

Полина Владимировна Соловьева — его мать.

¹ 1 января 1873 г. Соловьев сделал в дневнике следующую запись:

«Вернулся домой в четверть первого. На столе поздравительная телеграмма отца с матерью, ее письмо, дорогое письмо, какое только она написать может „своему дорогому, родному волчонку“ <...> У меня посветлело на сердце от этих родных приветов. Но тут же, на столе лежала визитная карточка, оборотная сторона которой вся исписана. Я взглянул: „Федор Михайлович Достоевский“. У меня сильно забилося сердце. Я стал читать следующее... Приведа текст письма Достоевского, Соловьев продолжает: «Я благодарил бога за то, что одно из горячих желаний моих исполнено, я испытал минуты счастья и взял перо, чтоб поделиться с лучшим, не изменяющим другом — мамой — этими минутами счастья. А поговорил с ней и успокоился. Прочел первый номер „Гражданина“, подписанный Достоевским, прочел в нем начало его „Дневника“. Вернулись дед и Вадим, поговорили, дед сел ужинать, я лег спать, было три часа, я не мог заснуть.

Первый день моего нового года, начавшийся так тоскливо, закончился хорошей улыбкой, а я давненько не видал этой улыбки. Привет Достоевского — это залог многого нового в моей жизни. Я, наконец, нашел человека: он имел на меня огромное влияние своими творениями, он будет иметь на меня великое влияние своей личностью. Несколько дней тому назад, когда я узнал, что он делается редактором „Гражданина“ и что, стало быть, находится в Петербурге, я, как сумасшедший, кинулся подписаться на „Гражданин“ и узнать его адрес. Я сел и писал всю ночь человеку, которого не знаю; вот что, между прочим, писал я ему; помню, кажется, слово в слово эту часть письма моего...» Далее следует большой отрывок из письма Соловьева к Достоевскому, датированного 28 декабря 1872 г. (опубликовано в примечаниях к письмам Достоевского. — «Письма», III, стр. 299—300). Соловьев завершает свою запись словами: «Написал я это письмо и послал, и жутко мне стало — я так часто ошибался, так часто ожидал от людей того, что они не могли мне дать, и получал от них то, чего они не должны были давать мне. Прошел день, другой, третий — и он сам приехал ко мне. Я в нем не обманулся. Это одна из немногих удач моих. Много значит для меня привет его — да пошлет ему бог счастья! Вперед! Вперед! Что-то начинает светлеться...» (Авт. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 87).

² См. об этом эпизоде в «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском» Вс. Соловьева: «В то время Достоевский имел на меня решительное влияние, и я придавал большое значение почти каждому сказанному мне им слову. Поэтому я имел обычай тогда же записывать многие наши разговоры, его рассказы и по преимуществу рассказы о себе самом. Я храню некоторые его интересные письма <...> Мне только жаль, что я не могу в настоящее время рассказать всего, что у меня записано и что я помню, — я не хочу обвинений в нескромности, не хочу много говорить о живых еще людях...» («Исторический вестник», 1881, № 3, стр. 603).

* «Пророческих голосах» (франц.).

78. Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ — А. С. СУВОРИНУ

<С.-Петербург. 1/13 января 1873 г.>

... Я положительно готов ждать вашего возвращения и поступлю так: сперва дам вам прочесть третью часть романа, и, если вы ее найдете достаточно обработанною, уполномочу вас окончательно переговорить со Стасюлевицем, и если он скажет, что дает, в случае одобрения, 200 рублей серебром с листа (но непременно вперед пусть скажет вам это: «в случае, если потом одобрят»), я немедленно вручу вам три части разом для его просмотра и решения ¹ ...

Господа «Русского вестника», не зная о наших переговорах (прошу их держать между нами, пока дело не кончится), — считают, что только и света, что в их окне. Прилагаю сегодняшнюю тираду из передовой статьи «Русского мира» ². Не правда ли, в хорошее соседство меня садят? А поневоле придется туда отдать вещь свою, в случае, если Стасюлевич не даст более ста пятидесяти рублей с листа, уже получаемых мною и Достоевским у Каткова. Иначе не будет предлога оставить этих господ. Да, я нахожу, что плата 150 рублей за вещь, обработанную и с любовью, — недостаточна ³ ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 1154.

¹ Речь идет о романе Данилевского «Девятый вал».² В № 1 газеты «Русский мир» от 1 января 1873 г. была помещена редакционная заметка о предстоящем выходе в свет первой книжки «Русского вестника» с «Запечатленным ангелом» Лескова и романом Б. Маркевича «Марина из Алого рога». «В дальнейших книжках „Русского вестника“, — сообщалось далее, — появятся романы г. Крестовского <...>, г. Лескова <...> Г-н Данилевский, как мы слышали, занят окончательной обработкой чрезвычайно интересного романа „Девятый вал“ и, кроме того, трудится над материалами для другого исторического романа, из времени императора Петра III. Оба эти произведения, вероятно, найдут место также в „Русском вестнике“».³ 15 мая 1873 г., пересылая Каткову выписку из этого письма Данилевского и вставив имя Достоевского рядом с именами Лескова и Крестовского, Маркевич писал из Петербурга:

«Посылаю вам ходящее здесь по рукам письмо Гришки Данилевского к Суворину, переданное сим последним в Париже, где оно было им получено, мужу Лавровской — князю Цертелеву, который и сообщает его кому угодно. Из него вы увидите, почему этот негодяй и пролаз не прислал своего романа в „Русский вестник“ и как мнит он, подличая пред Сувориным, попасть к Стасюлутину в милость. Что всего курioзнее это то, что статья в „Русском мире“, писанная Лесковым и весьма разумно доказывавшая, что в лагере либералов нет талантов, между тем как вокруг „Русского вестника“ группируются даровитые люди, — что эта статья главнейшим образом писана по инициативе и настоянию самого Данилевского. И против этой статьи он якобы „хотел протестовать!“ Эка шушера подлая! А Стасюлутин, действительно, по признанию Суворина, потерял в этом году более тысячи подписчиков. Беллетристики у него в запасе никакой, и он, по рассказам, заказал Хвощинской (Крестовскому) роман за большую плату вперед, — только напиши! Суворин забегает к Лескову — я сам его там встретил, — предлагает свести с Михаилом Матвеевичем...» (Авт. ЛБ, ф. 120.8.3). Стасюлутин — Маркевич называет редактора «Вестника Европы» М. М. Стасюлевича, женатого на дочери петербургского богача И. О. Утина.

79. ИЗ ДНЕВНИКА ВС. С. СОЛОВЬЕВА

<С.-Петербург> 2 января 1873 г.

... Я поехал обедать к Александру Николаевичу Попову ¹ <...> Я поделился с ним моей радостью, которую он принял очень к сердцу. Я прочел ему многое из первого номера «Гражданина» и, разумеется, прежде всего «Дневник писателя». Он остался очень довольным, но согласился со мною, что Достоевскому не следовало начинать с фарса, с Китая. Вторая же главка произвела на него впечатление, и он сказал, что Достоевский

верно понял Герцена и прекрасно объяснил ему Белинского, которого он до сих пор не мог совсем понять ни по личным воспоминаниям, ни из «Воспоминаний» Тургенева <...>

В начале восьмого я простился и поехал к Достоевскому. Он живет далеко: в Измайловском полку во 2-й роте. Я нашел дом № 14, прошел в ворота на большой двор и спросил — мне указали отдельный флигелек. Я позвонил, сейчас же отворила горничная. «Дома Федор Михайлович?» — «Дома-с». — Я вошел по небольшой лестнице и сложил свое платье на какой-то сундук в передней. Просторно и чисто, но обстановка почти бедная. «Да вот и они сами», — сказала горничная. Передо мною стоял Достоевский. Я назвал себя. Он сжал мне руку и посадил к своему столу, сказавши: «Ну, поговорим». Передо мною был человек небольшого роста, скорее плотный, чем худощавый, казавшийся моложе своих пятидесяти лет, с довольно длинною русою бородою, с большим лбом, у которого сильно поредело, но не поседели мягкие, тонкие волосы, с маленькими, светлыми карими глазами, с неправильной и совершенно простой физиономией, с тонкой, похожей несколько на восковую кожей, с почти постоянной добродушной улыбкой. Странное дело — но он живо напомнил мне лица, мелькнувшие передо мною во время осмотра моего тюремных заведений, лица сектантов, лица скопцов. Решительно то же впечатление! В его лице столько простоты и добродушия, он так хорошо сказал мне: «Ну, поговорим», что моей постоянной конфузливости, смущения как не бывало. Я просидел у него два часа, говорили много — и я, и он. Началось невольно с «Гражданина»; он хвалил Мещерского и находил в нем талант — не может этот человек говорить не по убеждению... увидим. Он сказал, между прочим, что у него есть сюжет для повести, что он передал его Мещерскому и тот умоляет его написать для «Гражданина», но в таком случае это помешает «Дневнику» — он сам не знает, на что решиться, и «продумает об этом всю ночь». Я отстаивал «Дневник», насколько такт допустил это. Боюсь я, боюсь страшно — а вдруг он не выдержит с «Гражданином», вдруг ругань подлых газет раззадорит его, вызовет на полемику, доведет до болезненного состояния и т. д. А он наверное из таких, из раздражающихся, из порывистых. По поводу «Дневника» он заговорил о Белинском и сказал, что хотел побольше написать об нем, привести его собственные слова, но что не сделал этого <...>

Я пробовал защитить Белинского, упирая на то, что от слова до дела очень далеко, что у каждого человека бывают иногда быстролетные, самые чудовищные мысли, которые неизвестно как являются и сейчас же исчезают, и никогда не могут пройти в жизнь, и что есть такие люди, которые с напускным цинизмом любят похвастаться подобной дикой мыслью. Но Достоевский убежден, что Белинский, если сказал, то мог и сделать, что это была натура простая, цельная, несоставная, у которой слово и дело вместе. Он говорит, что теперь, в последнее время, много развелось подобных натур; сказал — и сделал, застрелюсь — и застрелился. Упаси господи от такой цельности! Трудно передать разговор наш — как он переходил от одного к другому, касался многого и постоянно прерывался вопросами и ответами о нас самих. Когда он спросил меня, сколько мне лет и я ответил, что вчера исполнилось двадцать четыре года, он задумался: «Значит, вы родились 1 января 1849 года — где я был тогда... В Перми... мы шли в Сибирь... да, это в Перми было»². Он рассказал, между прочим, об одном человеке, о *большом* для него человеке, в котором мирилась бездна противуречий, громадный ум и талант, не выразившийся ни одним писаным словом, умерший вместе с ним, кутеж и пьянство и пострижение в монахи; умирая, он сделал бог знает что; он был тоже в Сибири, на каторге; когда его выпустили, то из железа своих кандал он сделал себе кольцо, носил его постоянно и, умирая, *проглотил его*... —

Черта интересная. Тоже цельная натура ³. Достоевский почувствовал первый припадок падучей болезни на каторге (было от чего ⁴); все, что с ним случилось, все читанное, слышанное, до мельчайших подробностей, до первого припадка он помнит, а затем стал забывать многое, иногда забывает людей, которых знал хорошо, забывает физиономии («Вот ваше лицо я не забуду», — сказал он; я сразу заметил, что он изучает мою физиономию); забыл все свои сочиненья, написанные после каторги; когда дописывал «Бесы», то должен был перечитать все с начала, потому что перезабыл даже имена действующих лиц. Он провел четыре года за границей, недавно женат, двое маленьких детей, я их слышал, но не видел, жена уехала в театр. Прошное лето он провел в Старой Руссе. Он сразу увидел, что это название произвело на меня какое-то впечатление — он просто спросил, и я просто ответил, сжавши как можно сильнее мой рассказ. «Да, да, я хорошо понимаю», — сказал он; мы говорили о женитьбе, он испытывал меня на некоторых пунктах. «Хорошо, что так кончилось», — говорил он, — потому что вы не любили ее; вы могли рассуждать, а кто любит, тот не рассуждает; знаете ли, как любят? — говорил он тихим, дрогнувшим голосом. — Если вы любите чисто и любите в женщине чистоту ее и вдруг убедитесь, что она публичная женщина, — вы полюбите в ней ее публичность, эту гадость, вам омерзительную, вы будете любить в ней, — вот какая бывает любовь». Я сказал, что понимаю это, но никогда не испытал вполне... Да... один раз... но это забытые воспоминания.

А он прав — я не любил Лидию <...>

Достоевский рассказал мне, между прочим, следующий психологический случай. В Киеве (или возле Киева — не помню) есть монах, известный своей жизнью, к которому со всех концов России идут исповедоваться в таких грехах, признаться в которых не смеют священнику. «Привык я ко всему, — говорил этот монах, — слышал я такие грехи, которые трудно даже представить себе, видел страшные, гнойные раны души человеческой, но все же иногда услышишь такое, что сердце перевернется и духу не хватит дать молитву и допустить человека до причастия. Раз ко мне *ползком* *приполз* один крестьянин, и вот в чем признался: был у них на маслянице праздник, народ гулял; собрались они, три или четыре человека, и стали предлагать, чтоб кто-нибудь из них на спор решился сделать такую дерзость, такое святотатство, чтоб хуже и придумать нельзя было. И взялся за это дело кающийся крестьянин. Он должен был всю первую неделю поста проговеть, аккуратно ходить в церковь, исповедаться и, причащаясь, удерживать во рту причастие и вынести его из церкви, затем с товарищами пойти в поле, положить причастие на известное место, зарядить ружье и в него выстрелить. (Дойти до подобной мысли! — просто писать невыносимо.) Крестьянин отговел, удержал во рту причастие, собрал товарищей, выложил причастие, зарядил ружье, прицелился и в ту секунду, когда хотел спустить курок, совершенно спокойно и весело, вдруг ясно, отчетливо увидел, что целится в распятого Спасителя. Ружье выпало из рук, и он упал без чувств». Мы долго говорили по поводу этого случая, но приводить наш спор я не имею времени ⁵.

Под конец мы говорили о самолюбии и о конфузливости как об одном из проявлений самолюбия. Достоевский сказал, что я, должно быть, очень самолюбив! Он высказал одну мысль, которая мне очень понравилась: «Вы боитесь впечатления, производимого вами на незнакомого человека; вы разбираете ваши слова, движения, упрекаете себя в бестактности некоторых слов, воображаете себе то впечатление, которое произведено вами, и — непременно ошибаетесь; впечатление, произведенное вами, непременно другое, а все это потому, что вы себе представляете людей гораздо крупнее, чем они есть, — люди несравненно мельче, проще, чем вы себе представляете».

Я собрался. Он сказал, чтоб я приезжал к нему через неделю в среду и что мы вместе поедem к князю Мещерскому, у которого собираются по средам.

Новый кружок, новые люди, новая струя свежего воздуха в моей душевой атмосфере, которая меня совсем было морить стала.

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 87. См. выше запись от 1 января 1873 г. Эта дневниковая запись частично использована автором в его «Воспоминаниях о Ф. М. Достоевском». — «Исторический вестник», 1881, № 3, стр. 602—616 и № 4, стр. 839—853.

31 января 1873 г. Достоевский писал своей племяннице С. А. Ивановой о Соловьеве: «Я с ним недавно познакомился и при таких особенных обстоятельствах, что не мог не полюбить его сразу<...> Он довольно теплая душа» («Письма», III, стр. 48—49).

¹ Александр Николаевич Попов (1821—1877) — историк и археолог.

² Ошибка Достоевского: 1 января 1849 г. он еще жил на свободе в Петербурге.

³ В своих воспоминаниях Соловьев пояснил, что речь идет об И. Н. Шидловском. См. примеч. 5 к п. 3.

⁴ См. примеч. к п. 261.

⁵ Рассказанный Соловьеву случай лег в основу очерка Достоевского «Влас», напечатанного в «Гражданине», 1873, № 4, 22 января.]

80. В. П. МЕЩЕРСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

〈С.-Петербург. Начало января 1873 г.〉

... Сделайте великую милость — потерпите без гнева и злобы на нас, грешных, еще недельки две — относительно находящихся в редакции «Гражданина» статей ваших, ибо прошло три недели пока вступил новый редактор, человек пожилой и больной, к которому — потому что он Достоевский — я не могу относиться иначе как с величайшей деликатностью¹. Ваши статьи задержались в беспорядке прежней редакции, и г. Достоевский взял их и прочтет ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 235.

¹ См. п. 76.

81. М. П. ПОГОДИН — Н. П. БАРСУКОВУ

〈Москва〉 11 января 〈1873 г.〉

... Что говорят о «Гражданине»? Достоевского вещи прекрасные¹. Надобно поддержать газету всеми силами², но жаль, что попадаютя вещи нехорошие, например, насмешки над профессором Градовским, о котором я слышал очень много хорошего³...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 87, ед. хр. 66.

¹ Погодин пишет под впечатлением от двух первых номеров «Гражданина» 1873 г. (1 и 8 января). В них напечатаны под рубрикой «Дневник писателя» статьи Достоевского «Вступление», «Старые люди» и «Нечто личное». Об участии Погодина в «Гражданине» см. «Лит. наследство», т. 83, стр. 328—329.

В связи с изданием «Гражданина» Погодин отправил Достоевскому ряд одобрителных писем. «Жму вам крепко руку, — писал он в одном из них. — Надо работать всеми силами против легиона. Я, хоть на старости, буду присылать ко всякому номеру» («Звенья», VI, 1936, стр. 445).

² В июне 1873 г. Погодин писал Т. И. Филиппову: «... Его („Гражданина“) надо поддерживать. Соберитесь все, господа, кто принимает к сердцу, т. е. кому противны нынешние оргии...» («Лит. наследство», т. 15, стр. 151—152).

³ В № 2 «Гражданина» опубликована в разделе «Ералаш» ироническая заметка о «писателе передовых статей, Голоса» — бывшем редакторе «Гражданина» Г. К. Градовском, будто бы явившемся на юбилейный обед по случаю десятилетия газеты, держа под мышкой что-то «вроде простыни». Это был текст его речи. По просьбе испуган-

А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ

Фотография 1870-х годов

С надписью на обороте неизвестной рукой: «Из медальона в Дрездене 1870 г. В. Н.»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

ного редактора «Голоса» А. А. Краевского речь эта не была произнесена; автор должен был переделать ее в серию передовых статей. В письме без даты Погодин писал Достоевскому по поводу этой заметки: «Но напрасно „Гражданин“ против „Голоса“ <...> О пр<офессоре> Градовском я слышал только хорошее» («Звенья», VI, стр. 445).

Высказывалось предположение, что Достоевский — автор этой заметки или, во всяком случае, в ней видно его «редакторское вмешательство» (см. В. В. Виноградов. Достоевский и А. А. Краевский. Сб. «Достоевский и его время». Л., 1971, стр. 26—28).

82. М. П. ПОГОДИН — Н. П. БАРСУКОВУ

«Москва» 20 января <1873 г.>

...Статьи г. Достоевского представляют много любопытных разоблачений. Как приняты они в Петербурге? ¹

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 97, ед. хр. 66.

¹ Погодин, по-видимому, ознакомился уже с третьим номером «Гражданина», в котором Достоевским помещена была под рубрикой «Дневник писателя» статья «Нечто личное». В ней он подробно говорил о своих отношениях с Чернышевским и обличал «окололитературных и литературных» сплетников.

83. А. Н. МАЙКОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

«С.-Петербург» 20 января 1873 г.

... Ввиду того, что скоро увидимся, я и писать вам ничего не буду. Не могу только не сказать, что, кроме Бычкова ¹, вас поджидает Федор Михайлович Достоевский, на которого теперь залаяла вся свора прогресса. Господи, как ругаются! Но ругательства бы еще ничего: как клеветуют! ² Этого я не понимаю. А полемике публика верит. Отсутствие серьезного отношения к жизни ужасно ...

Автограф. ГПБ, ф. 747, ед. хр. 21.

¹ Афанасий Федорович *Бычков* (1818—1899) — историк и археолог, автор ряда крупных археографических трудов.

² Резкие нападки на Достоевского, появившиеся в это время в революционно-демократической и либеральной печати, были вызваны выходом в свет отдельного издания «Бесов», а также тем, что Достоевский стал редактором такого обскурантистского издания, как «Гражданин».

84. А. А. ШКЛЯРЕВСКИЙ — А. С. СУВОРИНУ

«С.-Петербург» 23 февраля 1873 г.

Итак, в конце концов выходит, что мне нельзя в данный час выбраться из Петербурга, невозможно и остаться; затем один исход: лечь в больницу. Его требует не только одна болезнь, но и другие расчеты, так как больница может поставить меня и в очень хорошее денежное положение. У меня есть несколько начатых рассказов, из которых один особенно удачен и почти готов. Я предполагаю его сдать в «СПб. ведомости»; для того, чтобы его закончить и поправить, нужно не более четырех дней усилившей работы, но, верите, вовсе не от лени; напротив, я теперь постоянно работаю, — я в продолжение трех или четырех недель не могу взяться за это: так сложились обстоятельства. Сначала черт поднес Траншеля ¹ с предложением продать все томы сочинений новой редакции и состав статей (которые я приготовил Турбе ²) — Печаткину ³. Печаткин проводил меня недели полторы, я ходил к нему каждый день, и дело не то чтобы разошлось, но и не сошлось, потому что Печаткин отложил до удобного для него времени. Затем тот же Траншель, в типографии которого печатается «Гражданин», передал мне, что Достоевский говорил ему, будто бы он с удовольствием принял бы от меня рассказ. Вследствие сего, польстившись на гонорар от восьми до десяти копеек строка, я дня в три из бывшего у меня напечатанного рассказа сделал новый, лучше сказать, не рассказ, а размышление присяжного поверенного, и отдал ему для передачи Достоевскому, с тем условием чтобы мне получить ответ *на днях* ⁴. Между тем, вот уже три недели я не добьюсь никакого толка, а я Мещерского никогда не застаю дома, на письма не отвечают и рукопись не возвращается, несмотря на неоднократные требования. Будь же она у меня, Маркс ⁵ и Ключников ⁶ взяли бы ее с удовольствием и сейчас бы выдали гонорар вперед ⁷ ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4764.

Александр Андреевич *Шкляревский* (1837—1883) — беллетрист, автор нескольких «уголовных» романов. О его встрече с Достоевским рассказывает со слов последнего в своих воспоминаниях В. В. Тимофеева (О. Починковская) — «Год работы со знаменитым писателем». — «Исторический вестник», 1904, № 2, стр. 523—525. См. также «Лит. наследство», т. 83, стр. 344—345.

¹ А. И. *Траншель* — петербургский издатель и владелец типографии.

² Василий Петрович *Турба* (1849—1888) — в это время издатель журнала «Сияние».

³ Вячеслав Петрович *Печаткин* (1819—1898) — бумажный фабрикант, книгопро-
давец и издатель.

⁴ Рассказ «Накануне защиты преступника (из записок присяжного поверенного)» появился в № 12 «Гражданина» 19 марта 1873 г.

⁵ Адольф Федорович Маркс (1838—1904) — издатель еженедельного иллюстрированного журнала «Нива».

⁶ Виктор Петрович Ключников (1841—1892) — беллетрист, автор «антинигилистического» романа «Марев» в 1870—1876 гг. — редактор «Нивы».

⁷ В архиве Достоевского (ЛБ) сохранилось семь писем к нему Шкляревского 1873—1874 гг. Первое из них, датированное 8 марта 1873 г., непосредственно связано с публикуемым письмом. Оно раскрывает и содержание первого, не дошедшего до нас письма Шкляревского и ответа Достоевского. Привожу текст этого письма с небольшими сокращениями:

«Я так нездоров и расстроен своею болезнью <!>, что написать связно письмо для меня, в настоящую минуту, составляет нелегкий труд, который вызвало лишь мое глубокое уважение к вам, чувствуемое не на одних словах. Поэтому вы извините нескладичу этого письма ради моей болезни. Мое первое письмо, к сожалению, вами не вполне понято; сетуя, может быть, как больной, и в резких выражениях о длинной процедуре получения ответа о своей статье, весьма понятно, я вовсе не считал вас виновником, тем более, что, как справедливо и вы сами замечаете, я не вам передавал статью. Отвечая на письмо мое к вам, кн. Мещерский благодарит меня за него и называет его *любезным* в отношении к себе. С своей стороны и я посылаю свое согласие на помещение статьи в „Гражданин“, сожалея только о происшедших между нами недоразумениях. Кроме того, нравственно я несколько не виноват перед вами за недоставку своей статьи вам, потому что, во-первых, *я отдал ее г. Траншелю для передачи именно вам*... Следовательно, я не особенно повинен, что г. Траншель самопроизвольно вместо вас передал рукопись кн. Мещерскому; а вследствие такой передачи я уже и не смел обращаться к вам до тех пор пока у меня не лопнуло всякое терпение мирным путем, хотя бы получить статью обратно... Главная причина недоразумения произошла чрез болезнь мою, помешавшую мне представиться вам лично: путем разговора мы бы, конечно, прекратили их, если бы мне удалось застать вас дома. К сожалению, и после моего письма к вам произошло два новых недоразумения: 1) не получая от вас ответа до 4 марта, я поручил, из своей квартиры, сходить к вам за ним, на другой день, 5-го числа, что и было исполнено утром этого же дня; между тем, когда посланная ходила к вам, я в то же время получил в клинике письмо кн. Мещерского, уведоившего меня, что рукопись моя будет напечатана в 11 № „Гражданина“, на что я тотчас же и послал свое согласие; 2) заключается в разносодержании писем вашего и кн. Мещерского. Он пишет мне, что ответ мне не последовал потому, что рукопись моя была отдана вам на прочтение, вы же уведомляете, что „никогда не видели ее в глаза и понятия о ней не имеете...“ Недоумеваю!.. Но, как бы то ни было, дело о рукописи уже кончено, и я бы искренно желал, чтобы оно не только осталось между нами, так как оно никому не известно, но чтобы и предано было всецело забвению. Теперь мне более всего важно то, что, судя по вашему письму, вы считаете себя как бы обиженным. Серьезно, мне это больно, и я далек был от такой мысли, очень хорошо, даже, может быть, более других, понимая, что редактору недельного издания нет никакой надобности корпеть в редакции, а особенно человеку с вашим талантом. Кое-что вы еще можете прочесть и между строк моего письма...

Что же касается до моих чувств к вам, выраженных в конце предыдущего письма, то это не слова, а полнейшая правда, так как всему кругу моих знакомых известно, что я принадлежу к числу самых жарких поклонников ваших сочинений за их глубокий психологический анализ, какого ни у кого нет из наших современных писателей... Это полное мое убеждение... Если я кому и подражаю из писателей, то вам... Ваше влияние слишком ясно даже отразилось в одном моем рассказе „Отчего он убил их? (рассказ Следователя)“ — „СПб. ведомости“ за 1871 год, где я не удержался, чтобы не упомянуть вашу фамилию. Следовательно, обвинение ваше очень мне тяжело. Мое письмо к вам написано было, может быть, неудачно, но в смысле скорей жалобы, чем чего другого» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.9.146. Ср. «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 211—212).

29 марта Шкляревский известил своего корреспондента, что выслал ему для публикации в «Гражданине» свою статью «Сосновая школа».

11 сентября 1873 г. Шкляревский отправил Достоевскому свой рассказ «Чрез преграды» с просьбой напечатать его в «Гражданине» и выдать аванс. В постскриптуме к письму он добавил: «Рассказу моему можете переменить заглавие по своему усмотрению. Вообще как хотите, так и поступайте с ним, потому что я вам беспредельно верю».

Из дальнейших писем, в которых также говорится о посылаемых Достоевскому произведениях Шкляревского, видно, что оба писателя неоднократно встречались и вели устные переговоры.

В письмах Шкляревского к Суворину 1873 г. также находим упоминания о Достоевском. 6 мая: «Я лишь сейчас уселся за рассказ „Телеграмма“, который отдам либо Достоевскому, либо Турбе»; 8 августа: «Дела мои стоят в скверном положении: рассчитывал на Достоевского и Турбу, но у первого денег нет, а второй и вовсе закрыл свой журнал на время» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4764).

85. И. А. ШЕСТАКОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

Петрозаводск. 10 мая 1873 г.

... Только из прочитанной вчера газеты я заключил, что вы здоровы: это отзыв о вашей работе в «Гражданине»¹. Итак, вы опять примкнули к княжескому журналу. Верно, Федор Михайлович втянул; что до меня, я об этом сожалею. Впрочем, вам лучше знать вещи. Я знаю «Гражданина» только по отзывам газет и, говоря по правде, сильно негодную против него²...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III. 18726.

Об И. А. Шестакове см. в п. 34.

¹ О какой газетной заметке говорит здесь Шестаков — не выяснено. Об участии Достоевского в «Гражданине» сообщали в это время многие газеты.

² В июне 1873 г. Страхов писал Н. Я. Данилевскому: «Мещерский тоже уехал, к моему удовольствию. Достоевский один заправляет делом, и, кажется, много ему выпадет на долю неприятностей. Охота была соваться в такое дело! Судя по рассказам, он принял на себя редакторство впопыхах, не подумавши, а мысль об этом подал Майков. Ну, счастье Мещерскому! Понять невозможно, чем он мог заслужить такое большое усердие» («Русский вестник», 1901, № 1, стр. 130).

86. И. И. РУМЯНЦЕВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«Старая Русса» 25 мая 1873 г.

... Прежде всего усердно прошу вас засвидетельствовать мою искреннейшую глубокую благодарность доброму Федору Михайловичу за его благорасположение ко мне, которое я могу только чувствовать, но за которое я ничем не могу платить <...> Федору Михайловичу дай бог добрый успех в его трудах...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 208.

Иван Иванович Румянцев (? — 1904) — священник в Старой Руссе, у которого Достоевский снял дачу. «Батюшка Румянцев есть мой давний и истинный друг, достойнейший из достойнейших священников, каких только я когда-нибудь знал», — писал о нем Достоевский («Письма», IV, стр. 187). См. «Исторический вестник», 1895, № 4, стр. 135—136. По отзыву знавшего его актера П. П. Гайдебурова, Румянцев «был человеком незаурядным. Вступив давно когда-то в управление Егорьевским приходом, он не продвинулся ни на шаг по пути духовной карьеры, за всю свою жизнь не заслужил ни одного знака отличия <...> Ум у отца Ивана был светлый и острый, а язык — и того острее. Немало соли сыпал этот язык на головы духовенства, доставалось и обывателям, не спускал он и начальству» (см. Н. Ф. Скарская и П. П. Гайдебуров. На сцене и в жизни. Страницы автобиографии. М., 1959, стр. 255—256).

87. В. М. КАРЕПИНА — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«Москва» 28 мая 1873 г.

... 19 мая меня не было дома; по возвращении моем прислуга моя говорит, что без меня были какие-то двое господ из Петербурга, один из них раза три наведывался, не воротилась ли я, а другой дознался, что я у Машеньки¹, и прибыл к ней, чтоб переговорить со мной. Оказалось, что это оба поверенные и адвокаты братьев: Федора Михайловича и племянников-сыновей покойного брата — и Николая Михайловича². Братья, узнав, что Шер так распорядились с наследством, решились, как более близкие родственники, отбить наследство от Шер в свою пользу³. 20 мая вслед за своим адвокатом приехал и Федор Михайлович⁴; от Веселовского⁵ они узнали, что Шер подали уже от себя заявление в Тульский окрестный суд еще в марте месяце; каковы хитрые, если б не Казанские⁶,

3. Отделение**ДОСТОЕВСКОГО****ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЩЕ****КАНЦЕЛЯРИИ**

Диспешция.

Петербург

Декабрь 1872.

С. С. Соловьев

На прош.

В Главное Управление по
делам печати.

Ваше письмо от 16го Декабря
за № 5587, мною было уло-
влено, что со стороны
III Отделения Восточ-
ной Его Величества
Канцелярии не возмаш-
ся препятствия к
утверждению редак-
торского журнала „Граж-
данина“ отпавшая под
поручика Федора Ми-
хайловича Достоевского.
Но III Отделение не при-
нимает на себя от-
ветственности за бу-
дущую деятельность
этого лица в качестве
редактора.

Управляющий III Отделением А. М. Мухоморов

ОТВЕТ III ОТДЕЛЕНИЯ НА ЗАПРОС ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПО ДЕЛАМ ПЕЧАТИ О ВОЗМОЖНОСТИ УТВЕРЖДЕНИЯ
ДОСТОЕВСКОГО РЕДАКТОРОМ „ГРАЖДАНИНА“, 18 ДЕКАБРЯ 1872 г.

Центральный государственный архив Октябрьской революции
Москва

которые из злорадства разболтали об этом Александре Михайловне⁷, никто ничего бы и не знал, а Тульский окружной суд решил бы в их пользу. Веселовский, как заметил брат, был против того, чтоб они отбили в свою пользу, и говорил, что они проиграют, но они твердо решились начать дело, а брат Федор Михайлович тем более, что его расписка сохраняется⁸, и в случае, если Шер выиграют, то они по своему грабительству могут требовать с него эти деньги, то он хочет начать дело, будучи убежден, что получит более десяти тысяч. Адвокат Николая Михайловича ленивее, все время пребывания в Москве собирал повсюду справки; из Консistorии ему хотели прислать свидетельство о рождении и браке нашей маменьки, чрез десять дней хотел приехать опять, собравши справки, и подать просьбу, также, кажется, в Тульский окружной суд; они заметили, что Веселовский покровительствует Шер. Они читали копию бумаги, ко-

торую подали Шер в Тульский окружной суд, там просят они разделить наследство на три части: Шер, Ставровским и Достоевскому Андрею Михайловичу; о Николае же Михайловиче они ничего не упомянули. Федор Михайлович говорил: отчего ты не написал ему ничего об этом? ⁹ Чем-то все это кончится? Федор Михайлович, бывши у Веселовского, как я слышала, негодовал, что сестры ограблены, и будто бы начинает это дело, чтоб помочь сестрам, на деле же, я думаю, совсем не то. Что-то, милый брат, когда вы выиграете, дадите ли вы нам хотя четырнадцатую часть? — помнишь, ты говорил, что четырнадцатую часть мы должны получить; уж хоть ради сирот-то не лишайте нас этой части. Как-то ты теперь будешь действовать, заодно ли с братьями, или будешь ждать? Они говорят, что у тебя есть также поверенный, какой-то г. Смирнов. Брат Федор негодовал, что расписка его сохранена, и говорит, что ей скоро пройдет десятилетняя давность. Вообще он очень опечалился, узнав, что расписка цела. Но ты не мог же скрыть эту расписку, о которой все знали; уничтожить ее мог только Александр Павлович ¹⁰ с согласия тетушки. Они были несколько раз в опеке и разбирали все дела. Вообще это наследство такое несчастное, что все перессорится из-за него. Такие эти гадкие Шер, если б не они, то ведь разделили бы как-нибудь по духовному завещанию. Если Шер проиграют, то будут справедливо наказаны. Милый брат, пожалуйста, отвечай мне поскорее на это письмо. От души желаю тебе всего хорошего, потому что из всех братьев ты да покойный брат Михаил Михайлович были в отношении ко мне гораздо лучше и добрее прочих и родственнее...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 81.

¹ Мария Петровна *Смирнова* (1842—19?) — дочь Варвары Михайловны Карепиной.

² Борис Борисович *Поляков* (? — 1884) — адвокат, поверенный Достоевских, по характеристике писателя, «мерзавец», нередко проявлявший к нему «тупое высокомерие» («Письма», III, стр. 19, 56 и 123) и Евгений Валентинович *Корш* — поверенный Н. М. Достоевского. 13 июня 1873 г. Достоевский, его брат Николай Михайлович и племянник Федор Михайлович заключили с Поляковым договор, уполномочивший его предъявить их законные права к наследству, оставшемуся после Куманиной. Они обязывались при этом уплатить ему 15% из полученной суммы (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 121).

³ Завещание Куманиной оспаривалось Достоевскими по той причине, что ее наследники Шеры и Ставровские являлись единокровными, а не единоутробными родственниками покойной.

Из сохранившегося в том же архивном деле проекта письма Достоевских к Полякову (б/д) уясняются подробности продолжительной тяжбы, в которую втянут был Достоевский:

«Случайно узнали мы, что после родной сестры покойной матери нашей, а нам родной тетки Александры Федоровны Куманиной, умершей в 1871 году, остались в разных губерниях недвижимые имения и капиталы, к которым мы по закону состоим единственными наследниками, так как после смерти тетки нашей не осталось нисходящего потомства, почему уполномачиваем вас предъявить в надлежащем судебном месте наши законные права на наследство...»

В проекте доверенности Полякову от тех же лиц говорится:

«Известно вам как поверенному нашему, что к недвижимому благоприобретенному имению, оставшемуся после смерти вдовы дворянки Александры Федоровны Куманиной, уроденной Нечаевой, Тульским окружным судом утверждены в правах наследства в порядке охранительного судопроизводства вдова коллежского секретаря Ольга Федоровна Шер, в 1/3 части, поручик Федор и студент Михаил Дмитриевич Ставровские, каждый в 1/6 части, я, отставной подпоручик Федор, братья мои статский советник Андрей, коллежский ассессор Николай — каждый в 1/12 части, и мы, дворяне Федор и Михаил как законные дети умершего отца нашего Михаила Достоевского, каждый в 1/24 части, почему уполномачиваем вас получить из Тульского окружного суда исполнительные листы и ввести нас во владение присужденными частями в недвижимых имениях умершей дворянки Куманиной и к соглашению с прочими наследниками находящийся каменный дом в г. Туле и 2 части с принадлежащего к нему землю и имение Тульской губернии <...> и пр. <...> и продать за цену, какую вы найдете для нас выгодною <...> Равномерно уполномачиваем вас на продажу и прочих доставшихся нам частей в имениях Куманиной Смоленской губернии и Рязанской губернии...» (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 121).

⁴ Свое пребывание в Москве и хлопоты, связанные с делом по наследству, Достоевский подробно описал в письме к жене 20 мая 1873 г. («Письма», III, стр. 52—54).

⁵ О В. И. Веселовском см. в примеч. 1 к п. 70.

⁶ *Казанские* — родственники Достоевского со стороны матери.

⁷ Младшая сестра Достоевского.

⁸ Расписка или, вернее, векселя на общую сумму 10 000 руб., которые в мае 1864 г. Достоевский дал своей тетке А. Ф. Куманиной, предоставившей ему вперед эту сумму для издания «Эпохи» как полагавшуюся ему часть ее наследства.

⁹ А. М. Достоевский был одним из душеприказчиков А. Ф. Куманиной.

¹⁰ Об А. П. Иванове см. на стр. 287.

88. А. Н. МАЙКОВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

С.-Петербург. Конец января или середина августа 1873 г.)

... Не забудьте сказать Федору Михайловичу, чтобы остановились печатать ту стихотворную воду, которая разлилась на 4-х страницах последнего «Гражданина»¹. Это невозможно!..

Копия рукой А. Г. Достоевской. ЛБ, ф. 93. II. 6. 46. Годовая дата указана ею. Черновик: ИРЛИ, 16641.сVII 66.

¹ Имеется в виду либо стихотворение П. А. Козлова «Май», напечатанное на пяти колонках № 5 «Гражданина», 29 января, либо стихотворение В. Н.-Д. (Вас. Немировича-Данченко) «Капуцин (с итальянского)», занимающее в № 33 (13 августа) четыре колонки. Этим определяется условная датировка письма. Других длинных стихотворных произведений в «Гражданине» за время редактирования его Достоевским не появилось.

89. Вс. С. СОЛОВЬЕВ — П. В. СОЛОВЬЕВОЙ

С.-Петербург. 3 ноября 1873 г.

... Мое дело с редакцией не выгорает за положительной невозможностью найти новое удобное помещение для редакции. — Достоевский из себя выходит, да делать нечего. Пока помещаю кой-что, за что приходится мне семь или девять <рублей> в неделю¹. И за то спасибо — на обеды хватает ...

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 88.

¹ За подписью Вс. С. — в «Гражданине» 1878 г. напечатано только несколько стихотворений: «Зимнее утро» (№ 46), «Поблуднели уж краски заката», «Старый домик под сенью берез», «Разбиты старые кумиры» (№ 51). Остальные сочинения его печатались анонимно.

О редакторском вмешательстве Достоевского в эти публикации см. «Лит. наследство», т. 83, стр. 336.

90. Вс. С. СОЛОВЬЕВ — П. В. СОЛОВЬЕВОЙ

С.-Петербург. 10 ноября 1873 г.

... Я действительно поместил в «Гражданине» несколько маленьких смешных рассказцев, и «Воспоминания студента» также принадлежат мне¹; меня уговорил их написать Достоевский по одному случаю. Я не вижу в этом ничего предосудительного: пошлость — всегда пошлость, и пошлость некоторых наших преподавателей вредно отзывалась на нашем образовании — так неужели мы не имеем права откровенно посмеяться над нею?! Эти господа охлаждали наш юный пыл и веру в значение Университета, и я рад возможности пустить в них моим маленьким смехом. Долго ли мы будем бояться публичного суда, долго ли будем скрывать грязь и вину только потому, что, по неизбежным обстоятельствам, имели несчастье прийти

с нею в невольное соприкосновение?! Пошлость отдельного человека не марает целого учреждения, и я не вижу в моих словах ничего обидного для папá ². Впрочем, во всяком случае, я теперь о профессорах кончил и в следующем номере перейду к студентам. В следующем номере будет также мое стихотворение ³ <...>

Познакомился с володиной статьею ⁴ и ловко обратил на нее внимание кого следует. Буду радоваться его успехам, но нахожу выступление его в печати в такой форме — преждевременным и именно по твоему выражению относительно пера и топора. Зачем также он не подписал *Вл.*, а просто *В.* — нас уже начали смешивать, а я вовсе не хочу отнимать у него его философии, ни богословия; не хочу также отдавать ему моих распускающихся цветов, моих слез и моего смеху — завидовать друг другу мы не можем, потому что наши дороги так различны — это две очень трудные дороги; но нету времени распространяться... Что-то будет с нами? Достигнем ли мы своих целей? Я начинаю много работать и скажу тебе по секрету, что забавлять читателей и заставлять их задумываться — вовсе не так легко, как кажется, — одного дару мало — нужно много учиться, много всматриваться и думать и переиспытать многое — без этого зазвучат фальшивые ноты. У меня чуткость слуха только теперь развивается под строгим влиянием моего замечательного, но, к несчастью, часто раздраженного учителя ⁵. Моя школа подчас мне трудно дается, но я не унываю ...

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 88.

¹ Почти в каждом номере «Гражданина» публиковались мелкие юмористические заметки под общей рубрикой «Последняя страничка». Здесь, по-видимому, Соловьев и печатался преимущественно. Его заметки «Из воспоминаний студента» опубликованы в этом же разделе, № 44—45, 29 октября — 5 ноября 1873 г. В них приводились смешные казусы из преподавательской практики старых профессоров, читавших лекции в Московском университете, в частности ряд анекдотов о законоводе С. И. Баршеве. Хотя имена профессоров Соловьевым не были названы, их нетрудно было угадать.

В № 47, 19 ноября, появилось продолжение «Из воспоминаний студента». В нем изображались характерные «ископаемые» из студенческой среды.

² Как известно, отец Соловьева, знаменитый историк С. М. Соловьев, также читал курс лекций в Московском университете.

³ См. примеч. к предыдущему письму.

⁴ Соловьев говорит о статье своего брата Владимира (1853—1900) — впоследствии известного философа-богослова и поэта (ею он дебютировал в печати): «Мифологический процесс в древнем язычестве» («Православное обозрение», 1873, № 11, стр. 635—665).

⁵ Имеется в виду Достоевский.

91. П. Н. СТРАХОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

<Конец ноября 1873 г. (?)>

... Возвращая тебе часть журнала «Гражданин», я считаю долгом предупредить тебя и Федора Михайловича, что неприятно было не только мне, и, я полагаю, другим, не находить недельного политического обозрения, а напротив, весьма много о духовном просвещении ¹. Докажи Федору Михайловичу, что симония в сем обществе так искусно и многообразно действует, запутывая других и ссылая архиереев в Сибирь и Архангельск, что надуть его, Федора Михайловича, весьма может, как до тонкости не изучившего фактов церковной истории ...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.18580.

¹ Статьи о церковных вопросах занимают значительное место на страницах «Гражданина» 1873 г. Возможно, что П. Н. Страхов откликается на статью Х... «По вопросу об устранении церкви от народного образования» («Гражданин», № 47, 19 ноября).

92. В. П. МЕЩЕРСКИЙ — М. П. ПОГОДИНУ

<С.-Петербург> 9 декабря 1873 г.

... В Петербурге с вчерашнего дня зародилась мысль в кружке литераторов издать под названием «Кру́жка» *сборник* с участием всех представителей литературы, живописи и музыки, *сборник* оригинальных вещей в пользу голодающих ¹. Участвуют пока: Достоевский, Кохановская, Лесков, Майков Ап. Ник., Б. Маркевич, ваш слуга, Некрасов, Победоносцев, Погосский и Щедрин (Салтыков), подписка продолжается ² <...>

Без вас русское доброе дело затевать грешно. Хотите ли участвовать? *Пришлите ответ по телеграфу* ³. Николаевская, 6. Дело не терпит отлагательства, произведение должно доставить к 25 января.

Позвольте крепко пожать вам руку. Дело пока не оглашается ⁴ ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 373, оп. 1, ед. хр. 235.

¹ Окончательное название сборника, выпущенного в Петербурге в 1874 г.: «Складчина. Литературный сборник, составленный из трудов русских литераторов в пользу пострадавших от голода в Самарской губернии».

² В «Складчине» приняло участие около пятидесяти литераторов, среди них Гончаров, Тургенев, бр. Курочкины, Островский, Плещеев, А. К. Толстой. Достоевский напечатал в сборнике «Маленькие картинки (В дороге)». Из писателей, перечисленных Мещерским, на страницах «Складчины» не появились только Лесков и Б. Маркевич.

³ Погодин поместил в «Складчине» статью «Кто первый в России имел мысль об освобождении крестьян с земельным наделом (воспоминания о князе Василии Васильевиче Голицыне, русском государственном деятеле XVII столетия)».

⁴ Н. Н. Страхов писал 6 января 1874 г. Н. Я. Данилевскому: «Кн. Мещерский пожинает лавры. Везет ему удивительно. Мало того, что Майков в него влюбился, и Достоевский пошел к нему в работники. Теперь ему удался сборник „Складчина“, в пользу самарцев. Это его затея. Он снаскока успел соединить литераторов и сам попал не только в их избранную компанию, но и выбран *казначеем*» («Русский вестник», 1901, № 1, стр. 132).

93. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург. 1873 г.>

... Простите великодушно, что я распечатала и прочла ваше письмо ¹; Федора Михайловича нет дома, а он поручил мне распечатывать приходящие на его имя письма. Прилагаю при сем пять рублей и прошу извинения, что не могу прислать более. Если вы этими деньгами не обойдетесь, то будьте добры, напишите нам по почте, и мы как-нибудь достанем еще. Ужасно жалею, что вы не поправляетесь. Увидеть вас очень бы хотелось, да я теперь арестована: очень много пишу для Федора Михайловича, поправляю корректуры и езжу по его поручениям. Он же решительно не имеет минуты свободной, так сильно занят в редакции ². До свиданья, многоуважаемый Николай Михайлович, еще раз прошу извинить, что посылаю так мало ...

Автограф. ИРЛИ. 30413.с.СХIII69.

¹ Одно из многочисленных писем Н. М. Достоевского к брату с просьбой о материальной помощи.

«Сильная нужда заставляет меня, несмотря на твое запрещение, опять обращаться к тебе, — писал Н. М. Достоевский в недатированном письме к брату. — Третий день формально я не имею крохи во рту. *Черного* хлеба и то не было. Про чай и сахар и говорить нечего. Перебрался в одну комнату, и то нетопленную. Задолжал всем кухаркам в доме. Положим, долг небольшой — «около» трех рублей, но для меня <...> это слишком большая сумма <...> Не знаю, лихорадка ли или просто от холода, но я дрожу немилосердно. Пишу это письмо, лежа в постели, и с пяти часов не могу согреться» (Авт. ИРЛИ. 29701.с.СХI64).

² 16 августа 1873 г. Анна Григорьевна писала Достоевскому: «Я стала просто ненавидеть „Гражданин“ за то, что он требует так много работы. Эх, лучше бы от него отвязаться!..» (Авт. ЛБ, ф. 293.II.3.35).

III

«ПОДРОСТОК». — «КУМАНИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО». — «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ». — ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ. — В СТАРОЙ РУССЕ. — РАБОТА НАД «БРАТЬЯМИ КАРАМАЗОВЫМИ». — ПОПУЛЯРНОСТЬ ДОСТОЕВСКОГО (1874—1879)

94. Н. Н. СТРАХОВ — Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР

〈С.-Петербург〉 19 февраля 1874 г.

От меня требуют «Пугачевцев»¹, Елена Андреевна. Что делать — книга чужая. А если вы хотите сделать при этом величайшее одолжение мне, то, прошу вас, отошлите их завтра же, даже утром, даже сейчас же в редакцию «Гражданина» (на углу Итальянской и Надеждинской, д. № 21), а еще лучше и ближе к вам — к Ф. М. Достоевскому (на углу Лиговки и Гусева переулка, дом по Гусеву № 8).² ...

Автограф. ИРЛИ. РIII, оп. 2, ед. хр. 2050.

Елена Андреевна *Штакеншнейдер* (1836—1897) — петербургская знакомая Достоевских, автор известных мемуаров и дневника, в которых заметное место занимает Достоевский. «В 1873 году Федор Михайлович возобновил старинное знакомство с семейством Штакеншнейдер, центром которого была Елена Андреевна, дочь знаменитого архитектора. Она была умна и литературно образованна и соединяла у себя по воскресеньям общество литераторов и художников. Она была всегда чрезвычайно добра к Федору Михайловичу и ко мне, и мы очень сошлись» (А. Г. Достоевская. Воспоминания, стр. 256).

¹ «Пугачевцы» — исторический роман Е. А. Салиаса (СПб., 1874).

Страхов писал Достоевскому в неизданном письме 30 января 1874 г.: «И сегодня мне не удастся увидеть вас, многоуважаемый Федор Михайлович! Может быть, вовсе не выйду, так как я опять и упал и простудился (...) Если выйду, то нужно будет хоть на полчаса навестить Кашпирева — он именинник. Да и не с чем мне явиться в редакцию — я сегодня только отнес свою статью „Заметки о Пушкине“ в „Складчину“. Писанье статьи меня убедило, что писатель я плохой и что моя служба — большая помеха. Все это я веду к тому, чтобы сказать вам, что мое усердие по „Гражданину“ (которого вы редактор) никак не ослабело, что я только был очень затормошен. В следующую среду постараюсь явиться со статьей. Но „Гражданин“, кажется, мало нуждается; он выпускает номера один интереснее другого. О двух последних номерах сужу по заглавиям — еще не успел ничего прочесть.

Читали ли вы у Некрасова, как анатомируют ребенка, которого заели свиньи? Это в январской книжке <«Отечественных записок»>. Скажу вам, что, перечитывая Пушкина, я исполнился злобы к Некрасову и Щедрину. Бессильная злоба! Потому что я ведь и высказать ее не сумею, как следует. И „Пугачевцы“ — воля ваша — по прочтении оставляют некоторую пустоту в голове. Обо всем этом очень хотелось бы поговорить с вами. Во всяком случае, не вздумайте винить меня в лености, бессердечии, апатии и неблагодарности; право, я стараюсь вести себя хорошо...» (Авт. ЦНБ АН УССР. III. 19007).

² В недатированном письме к А. Г. Достоевской, относящемся приблизительно к этому времени, Штакеншнейдер писала:

«Отчего вы с детками не приехали? Алеша при каждом звонке все бежит в переднюю и кричит: „Достоевские!“ Каждый раз еще. — Не приехал ли Федор Михайлович? В таком случае прощаю и радуюсь (...) Есть у меня и просьба к вам: если можно, пришлите тот номер „Гражданина“, где статья Федора Михайловича, потом еще Тэна — его последнее произведение, а главное — скажите, отчего не были?...» (Авт. ИРЛИ. 29907.с.СХ1613).

6 января Страхов писал Н. Я. Данилевскому: «... несчастный Достоевский совсем измучился. Я его очень ценю и многое ему прощаю, но при теперешней его раздражительности просто избегаю с ним видиться» («Русский вестник», 1901, № 1, стр. 131—132).

95. П. А. РОВИНСКИЙ — А. А. КРАЕВСКОМУ

〈С.-Петербург〉 28 марта 1874 г.

Честь имею представить почтенной редакции статью «По поводу чтений О. Миллера» и просить, если она найдет возможным, напечатать ее в редактируемой ею газете «Голос»¹. При этом считаю необходимым сделать

следующее пояснение: не придавая никакого значения лекциям г. Миллера, слишком бессодержательным, лишенным всякой критики и живой мысли², не надо отнестись к ним равнодушно из уважения к той многочисленной публике, которая так жадно слушает их; предлагаемая статья относится к двум лекциям о Достоевском и указывает на ту реальную, имеющую практическое значение сторону сочинений Достоевского, которая лучше всего выражается в «Записках из Мертвого дома» и которая профессором совершенно игнорирована. Этим, по моему мнению, для публики осмысливается сюжет чтения и во всей наготе обнаруживается их бессодержательность, и цель достигается таким образом без всяких резких выходов против личности профессора, который как человек заслуживает всякого уважения, но как профессор относится к своей задаче односторонне и отчасти легкомысленно относится к слушающей его публике.

Насчет гонорария предоставляю решить самой редакции по ее усмотрению, а в случае непринятия статьи, прошу переслать в ту же контору для передачи мне по требованию ...

Автограф. ГПБ, ф. 391, ед. хр. 666.

Павел Аполлонович Ровинский (1831—1916) — ученый-славист, член «Земли и воли». Был близок к Чернышевскому и его семье; сделал безуспешную попытку тайно увезти его из ссылки. См. заметку Л. Ф. Пантелеева «К биографии П. А. Ровинского» в его кн. «Воспоминания». М., 1958, стр. 557—559.

¹ Статья Ровинского в «Голосе» помещена не была. Ср.: Вл. О. Михневич. Пятнадцатилетие газеты «Голос» (1863—1877). СПб., 1878.

² Цикл публичных лекций О. Ф. Миллера «Русская литература после Гоголя» был издан в Петербурге в 1874 г. и неоднократно переиздавался. Лекции III и IV были посвящены Достоевскому.

96. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург. Середина апреля 1874 г.〉

... Я все поджидала, когда вы захотите прийти к нам, чтобы дать мне обещанную вами бумагу, так как я знала, что вы здоровы и что вас встречают на улице. На случай, если вы не отдумали дать бумагу, пишу вам проект ее:

«1874 года, апреля дня, я, нижеподписавшийся, дал сию расписку отставному подпоручику Ф. М. Достоевскому в том, что по выданным им двум векселям от 1864 г. дворянке Александре Федоровне Куманиной суммою в десять тысяч рублей, я как наследник никакой претензии по этим векселям к нему, Достоевскому, иметь не буду, а равно не стану возбуждать никакого дела. — Николай Достоевский».

Эту бумагу надо засвидетельствовать у нотариуса. Успокойте меня, Николай Михайлович, напишите эту бумагу и докажите, что вы от вашего слова не отказываетесь¹.

Автограф. ИРЛИ.30413.с.СХIII69.

¹ См. примеч. 8 к п. 87 и п. 99.

97. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург. Не позже 24 апреля 1874 г.〉

... Сегодня мы были с Федором Михайловичем на Васильевском и заходили к Баранову¹. Оказалось, что Губин² сошел с ума и лежит в больнице; значит, теперь заходить к Башмакову³ незачем. К Унковскому⁴ тоже не надо ходить, потому что Федор Михайлович хочет к нему поехать

сам, узнать, где находятся бумаги Губина. Поэтому, многоуважаемый Николай Михайлович, ждите моего извещения о том, где вам узнавать о Губине, а пока приходите к нам почаще <...>

Простите, что пишу на клочке; нечего сказать, хороша редакция, бумаги нет ни листочка!

Автограф. ИРЛИ.304.с.СХIII69. Письмо датируется условно — по упоминанию о «редакции», т. е. редакции «Гражданина», возглавлявшейся Достоевским до 24 апреля 1874 г.

¹ Баранов — по-видимому, адвокат.

² Василий Иванович Губин — адвокат, член С.-Петербургского славянского благотворительного комитета; ему адресовано письмо Достоевского, датированное 8/20 мая 1871 г. и связанное с предстоящим судебным процессом Достоевского против издателя Стелловского. Поверенным Достоевского по этому делу был Губин. Несколько не дошедших до нас писем к Губину упоминается в ответах последнего, хранящихся в ИРЛИ (см. статью «Утраченные письма Достоевского». — «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 203). Участие Губина в распри со Стелловским Достоевский резюмировал следующим образом: «Губин все погубил» («Письма», III, стр. 123).

³ По-видимому, Александр Дмитриевич Башмаков — гофмейстер двора, чиновник министерства внутренних дел.

⁴ Алексей Михайлович Унковский (1828—1893) — присяжный поверенный, один из близких друзей Салтыкова-Щедрина.

98. А. С. БУХАРЕВА — М. П. ПОГОДИНУ

1 мая 1874 г.

... Не умею как и выразить вам, как глубоко я вам благодарна за Воспоминания и как до глубины души вы меня обрадовали, прислав их мне. От всего сердца благодарю вас, Михаил Петрович! Награди вас бог!

Очень сожалеею, что отзвув, послуживший поводом к вашему прекрасному и благородному ответу, напечатан был именно в «Гражданине»¹. Г-н Достоевский сам, еще во время издания «Эпохи», сочувственно отзывался об Александре Матвеевиче и с укором относился к другим за враждебное к нему отношение. Я это попомнила и сохраняла в душе уважение и признательность к г. Достоевскому — и мне всего более грустно, что выражение пренебрежения к Александру Матвеевичу нашло себе место именно в его журнале ...

Автограф. ЛБ, ф. 231.П.6.7.

Анна Сергеевна Бухарева — вдова А. М. Бухарева. См. п. 61.

¹ Статья М. П. Погодина «Воспоминание об Александре Матвеевиче Бухареве (Архимандрит Феодор)» напечатана в «Московских ведомостях», № 84, 7 апреля 1874 г. Погодин оспаривал в этой статье суждения о Бухареве, появившиеся еще в 1872 г. в № 12 «Гражданина», в статье «Духовная литература и церковная проповедь». Вдова Бухарева, которую Погодин характеризовал в «Московских ведомостях» как «ревностную ученицу» покойного, «слушательницу, разделявшую все его убеждения, проникнутую его духом, благоговевшую к его памяти, смотревшую на него, как на идеал», ошибочно считала Достоевского виновным в помещении статьи, направленной против Бухарева: в 1872 г. он еще не был редактором «Гражданина».

99. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург> 5 мая 1874 г.

... Вот уже прошло три недели, как я послала вам через Наталью Ивановну¹ письмо², и я все еще не получила от вас ответа. Не знаю, что тут и думать. Вы дали мне честное слово при Полякове³, что отказываетесь от своей части по векселям Федора Михайловича⁴. Неужели вы захотите отказать от вашего слова? Теперь у нас дело идет о перемирии, и нам согласны возвратить векселя; остановка за вами: нужно, чтобы вы подписа-

С. Д. ЯНОВСКИЙ

Фотография 1872 г. с дарственной
надписью: «Ф. М. и А. Г. Достоев-
ским от искренно и неизменно
любящего их и преданного
им С. Яновского»

$\frac{2}{14}$ 72. Киев»

Музей-квартира Ф. М. Достоев-
ского, Москва

*Ф. М. и А. Г. Достоевским
от искренно и неизменно любя-
щего их и преданного им
С. Яновского.
 $\frac{2}{14}$ 72. Киев.*

лись, что отказывается получить ту часть, которая вам придется из вексе-
ля, т. е. около восьмисот рублей. Если вы не подпишется, то перемирие
не состоится, и с нас станут взыскивать десять тысяч. Если вы любите ва-
шего брата и не хотите причинить ему много горя, приезжайте завтра с
Михаилом Михайловичем ⁵ к нам. У нас будет Корш ⁶, и мы подпишем пе-
ремирие. Вы, вероятно, не так слабы, чтоб не приехать. Приезжайте не-
пременно. Вы понимаете, что дело иначе не может идти. Если вы не прие-
дете завтра с Михаилом Михайловичем, я приеду к вам сама ⁷...

Автограф. ИРЛИ. 30413.с.СХIII69.

¹ Наталья Ивановна — прислуга Н. М. Достоевского.

² См. п. 96.

³ О Б. Б. Полякове см. в примеч. 2 к п. 87.

⁴ См. примеч. 8 к п. 87.

⁵ Племянник Достоевского. См. о нем на стр. 290.

⁶ Евгений Валентинович Корш — адвокат Н. М. Достоевского.

⁷ 9 февраля Достоевский сообщал брату Николаю: «Завтра (наверно) воротится из
Москвы Корш и привезет тебе часть твою за проданный в Туле дом и сообщит тебе все
счета (...) Получить приходится всем до безобразия мало, за огромными расходами и
вносами казне и проч.» («Письма», III, стр. 91).

⁸ К этому письму Достоевский сделал приписку, в которой настаивал, чтобы брат
к нему зашел («Письма», III, стр. 96).

На следующий день, 6 мая, Н. М. Достоевский писал брату:

«...Я сам не могу сегодня быть; но завтра, как бы ни был болен, буду непременно.
Этим письмом я утверждаю в том: что я никогда не буду «иметь» претензий о взыскании
по векселям как твоим, так и брата покойного, Михаила Михайловича, претензий не
имею — и все, что может по этим векселям, выданным дворянке Александре Федоровне
Куманиной, произойти, — я отказываюсь. Остаюсь уважающий тебя брат Н. Д о с т о-
е в с к и й» (Авт. ИРЛИ. 29701.с.СХI64).

100. М. М. ЧЕРЕНИН — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 18 мая 1874 г.

... Имею честь уведомить вас, что я получил письмо ваше от 15 мая и квитанцию Российского общества на посланные вами в комиссию книги: романа «Бесы» соч. Ф. М. Достоевского. Хотя я еще и не получил книг из конторы, но спешу послать вам комиссионную квитанцию нашего магазина и при этом выразить вам полнейшую благодарность за ваше доверие.

Позвольте вас просить (если вы родственница или супруга Федора Михайловича Достоевского) передать ему мое глубочайшее почтение, так как я лично знал его в Твери в 1859 году, потом в Москве нередко беседовал с ним; но они, вероятно, не помнят меня... все-таки я считаю долгом еще благодарить их за то удовольствие, которое я получал при чтении всех его романов ¹...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 9. 119.

Михаил Михайлович Черенин — московский книгопродавец. Письмо написано на бланке его магазина.

¹ В переписке Достоевского встречаются отдельные упоминания о встречах с Черениным, бравшим на комиссию его сочинения. 19 декабря 1874 г. Достоевский писал жене: «Я послал тебе вчера письмо Черенина. Неважно спрашивает: 5 экземпляров! Все они боятся отдавать должные деньги, и наверное у него не 6 экземпляров „Бесов“, а больше, так что он, чтоб только деньги не отдавать, и не спросит еще „Бесов“» («Письма», III, стр. 144). В тексте опечатка: Черепина.

101. Б. Б. ПОЛЯКОВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 19 января 1875 г.

... Г-ну Пантелееву ¹ я доставил все нужные сведения по продаже рызанского имения, но желающих купить, как оказывается, ныне у него нет.

Г-н Пантелеев положительно отказался доставить мне сто рублей, и я жду их от вас. На приезд Федора Михайловича рассчитывать также трудно, он, конечно, не приедет ранее, покуда новый роман его не будет кончен ². Деньги я брал на срок, и я прошу вас, будьте столь добры возвратить их к 29 или 30 числу настоящего месяца (<...> Федору Михайловичу прошу передать мое уважение ³.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 206.

¹ Возможно, Петр Фомич Пантелеев — владелец типографии, в которой было напечатано первое отдельное издание «Записок из Мертвого дома». О встрече с ним Достоевского см. «Письма», III, стр. 157—158.

² Достоевский в это время работал в Старой Руссе над «Подростком».

22 июня 1874 г. Анна Григорьевна писала Достоевскому:

«...Милый и дорогой мой Федочка, вот что я скажу тебе насчет твоей работы: прошу тебя, не торопись начинать работы, лучше дай пройти несколько времени, план сам явится; торопливость только помешает. Я помню как было с „Идиотом“ и „Бесами“. Ты долго мучился над планом романа, а когда он у тебя составил, работа пошла очень быстро. Пред тобою времени много. Если бы только в сентябре в Петербурге ты сел за работу, то и тогда ты успел бы много наработать. А то с торопливостью можно испортить дело, придется переделывать план, а это помешает художественности. Прости меня, голубчик мой, что я даю тебе советы, но я делаю это от чистого сердца и как твоя большая почитательница, которой было бы больно, если бы роман не удался. Что же касается до того, что ты будто бы потерял от падучей воображение, то это наверно не так, я верю, что у тебя все тот же великий талант и что ты ничего не утратил(<...> Дорогой ты мой, я тебя очень сильно люблю, ценю тебя и уважаю; я знаю, что ни с кем я не была бы так счастлива, как с тобою; знаю, что ты лучший в мире человек...»

В постскриптуме Анна Григорьевна добавляла: «Мне вовсе не нравится твоя подпись: „Твой вечный муж Достоевский“. Какой ты „вечный муж“? Ты мой милый муж навеки, а не вечный муж!» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 3. 35).

³ Подобного рода приветия встречаются почти в каждом из сорокачетырех сохранившихся писем.

10 февраля 1875 г. Поляков писал: «Федор Михайлович был у меня вчерашний день и отдал мне последние 50 рублей, за что вас и благодарю <...> Федор Михайлович был у меня вчера вечером, и я забыл спросить его, где он остановился» (там же). См. упоминание о встрече с Поляковым в письме Достоевского к жене от того же числа («Письма», II, стр. 153—154).

102. К. М. СТАНИУКОВИЧ — Л. Н. СТАНИУКОВИЧ

«С.-Петербург. 17 февраля 1875 г.»

... Читала «Подростка»? Не правда ли, чудо что такое! Здесь все говорят (все, т. е. Чуйко¹, газеты, и Юрковский², и Мартьянов³) об «Анне Карениной» Толстого⁴ как о чудо-романе⁵...

Автограф. ГИБ, ф. 736, ед. хр. 40.

Константин Михайлович Станюкович (1843—1903) — писатель.

Любовь Николаевна Станюкович (1845—1907) — его жена.

¹ Владимир Викторович Чуйко (1839—1899) — литературный критик, автор книг о Шекспире и Данте.

² Возможно, Федор Николаевич Юрковский (1851—1896), революционер-народник, впоследствии автор романа «Булгаков».

³ Петр Кузьмич Мартьянов (1827—1899) — второстепенный литератор, прозаик и стихотворец, автор воспоминаний о Достоевском.

⁴ «Анна Каренина» печаталась в это время на страницах «Русского вестника».

⁵ Отметим следующие два упоминания о «Подростке» в письмах А. Г. Достоевской к мужу.

10 февраля 1875 г. она писала:

«Я очень рада, что ты дружески встретился с Некрасовым и что ему роман понравился; а каков прием Майкова и Страхова! Каковы люди!!! Мы с тобой и прежде это угадали!»

Из письма, датированного 12 февраля:

«Вчера я получила твое письмо от 9 февраля, мой дорогой и золотой Федичка, и очень рада, что ты здоров. Но всего более ты меня обрадовал, описав свидание с Некрасовым и его восторг по поводу „Подростка“. По-моему, это было непременно искренно с его стороны, ибо зачем ему льстить тебе, когда он тебя уже имеет. Я ужасно счастлива, что ему понравился роман и особенно рассказ матери. Позвольте вам заметить, милостивый государь, что это я первая назвала рассказ матери „верхом совершенства“, а не Некрасов...» (Авт. ИРЛИ. Р1, оп. 6, № 169).

103. Ф. Н. КИТАЕВ — Е. С. НЕКРАСОВОЙ

Веселовка. 18 мая 1875 г.

... «Подросток» Достоевского я не мог понудить себя прочесть; это каша хуже «Бесов», весь рассказ переполнен какими-то старческими субъективными рассуждениями. В «Отечественных записках», кроме английского романа¹ и статей Щедрина и Демерта, читать нечего. Вообще из журналов последнего времени мне только и понравились романы Эмиля Золя ...

Автограф. ЛБ, ф. 196. 14.2.

Федор Николаевич Китаев — многолетний корреспондент Е. С. Некрасовой, ученик ее сестры — Марии Степановны. «Не кончил в университете <...>, женился на крестьянке и живет себе честно, благородно около земли» (из пояснительной заметки Некрасовой. — ЛБ, ф. 196.14.1). О литературных симпатиях этого демократически настроенного «шестидесятника» можно судить по выдержкам из других его писем к Некрасовой (см., например, п. 184).

Екатерина Степановна Некрасова (1847—1905) — историк литературы, впоследствии сотрудница Румянцевского музея в Москве, создательница «Комнаты 1840-х годов», усердная собирательница и публикатор творческого и эпистолярного наследия Герцена и Огарева.

¹ В приложении к «Отечественным запискам» в это время печатался роман Э. Линтон «Патриция Кембаль».

104. А. И. ЭРТЕЛЬ — М. И. ФЕДОТОВОЙ

(Не позже весны 1875 г.)

... Наш истинный бог — проклятый случай — сумел распорядиться так, что я принужден покинуть Усманский уезд, а вместе с тем и отрешиться от моего величайшего утешения в моей прозябательной жизни в этом затхлом угле Всезатхлой Российской империи — это быть подписчиком вашей библиотеки. Да! я, несмотря на мою полнейшую неспособность к благодарным излияниям, принужден, в отношении вас, сделать это в высшей степени, потому что вы сделали в моей темной, пошлой жизни то, что не смогли сделать в ней ни жалкая среда, окружающая меня, ни пошлые традиции семейства, в котором я вырос тем нравственным уродом, тем духовным недорослем, которых, благодарение богу, так много на Руси <...> Я начал в вашей библиотеке самым пошлым выбором <...> Но вот на первых строках привезенного журнала я нахожу имя Писарева, хотя я положительно до тех пор не слыхал ничего о нем, но вспомнил, что Богомоллов ¹ говорил мне, что-де Дмитрий Иванович Писарев — великий человек, но, как теперь помню, имя его сделало на меня удивительное, магнетическое впечатление, я бросил все мои погони за веселыми рассказами и начал читать с страстным нетерпением его сочинения, с каждой страницей, с каждой строкой этого гения я чувствовал, что идеалы мои прежние, буржуазные идеалы, улечучиваются, как мыльные пузыри. Его статьи о Пушкине разбили мои любезные авторитеты, а вместе с ними и мои наивные эстетические верования. Его статья о «Мертвом доме» Достоевского и о сочинениях Помяловского ² показала мне всю безвыходную подлость современного общества ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 576, оп. 1, ед. хр. 17.

Александр Иванович Эртель (1855—1908) — писатель.

Мария Ивановна Федотова — библиотекарша, вскоре ставшая женой Эртеля.

¹ И. И. Богомоллов — купец, снабжавший Эртеля книгами.² Статья Д. И. Писарева «Погибшие и погибающие» (о «Записках из Мертвого дома» и «Очерках бурсы»), впервые напечатанная в сб. «Луч» (СПб., 1866). Ср. «Письма А. И. Эртеля». М., 1909, стр. 11.

105. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Старая Русса. 16 июля 1875 г.

От души благодарю вас, многоуважаемый и милый брат Николай Михайлович, за ваше доброе письмо и за участие, которое вы в нем выказали. Вы упоминаете о болезни Федора Михайловича. Вероятно, вы о ней узнали из газет. Но, к счастью, это было только недоразумение, Федор же Михайлович все лето чувствовал себя как нельзя более здоровым. Я сама, прочитав в «С.-Петербургских ведомостях» извещение о *серьезной* болезни Федора Михайловича, была ужасно поражена и испугана; хоть я и получала очень часто письма, но со времени последнего письма с Федором Михайловичем могло произойти что-нибудь серьезное, вроде сильного и продолжительного припадка; мне не могло прийти в голову, чтоб газетное извещение не имело положительно никакого основания. Я тотчас отправила в Эмс телеграмму, а сама решила, в случае неполучения ответа или в случае подтверждения слуха о серьезной болезни Федора Михайловича, отправиться на следующий день к нему и даже достала все необходимые для отъезда бумаги. Но, к счастью, телеграмма из Эмса, хотя сильно перевернутая, пришла в тот же вечер и совершенно меня успокоила; из нее я узнала, что Федор Михайлович совершенно здоров и ничем не был болен ¹. Вы можете себе представить, что бы могло произойти, если б я в теперешнем моем положении ² поехала к Федору Михайловичу, беспокоясь об оставших-

ся в Руссе детях и не зная ничего о Федоре Михайловиче. Не поехать же в Эмс я не могла: я бы здесь измучилась и захворала, зная, что он, бедный, там страдает и может умереть, оставленный всеми, на руках квартирной хозяйки. Слава богу, что все это скоро разъяснилось, а то бы могло выйти много беспокойств и хлопот. В настоящее время Федор Михайлович у нас в Руссе, приехал всего неделю назад. Он остановился было в Петербурге, чтобы отыскать нам зимнюю квартиру, но вдруг заболел холериной и, боясь расхвораться окончательно, поспешил домой, пробыв в Петербурге всего полтора дня. Таким образом, он не имел ни малейшей возможности увидеться с кем-нибудь из родных. Все мы собираемся в конце этого месяца (если не случится непредвиденного обстоятельства) приехать в Петербург, остановившись в меблированных комнатах, отыскать себе удобную квартиру.

Вы пишете, что дело о наследстве туго подвигается вперед. Но ведь это-го следовало ожидать, тем более, что у всех наследников мало средств, чтобы подвинуть дело. Наш поверенный часто нас извещает, как много он хлопочет, но до сих пор из его хлопот не вышло никакого результата. Вообще, по моему мнению, трудно ожидать чего-нибудь в близком будущем. Из вашего письма мы с удовольствием узнали о свадьбе Александры Михайловны и от души желаем ей полного счастья³.

Федор Михайлович хотел приписать вам несколько строк, но я не решаюсь его ждать, так как и без того запоздала с ответом на ваше письмо. Федор Михайлович очень вам кланяется, а детки крепко вас целуют. Вы Федю не узнаете, до того он вырос ...

Автограф. ИРЛИ. 30413. с. CXIII69. — Ответ на письмо от 9 июля (Авт. ИРЛИ. 30361. с. CXIII62).

¹ 20 июня 1875 г. в хронике № 159 «С.-Петербургских ведомостей» появилось краткое сообщение: «Мы слышали, что наш известный писатель Ф. М. Достоевский серьезно захворал». Это известие о Достоевском, находившемся в Эмсе, сильно встревожило его родных, в особенности жену. Вскоре ей, однако, стало известно, что слух о болезни Достоевского был газетной уткой. См. след. письмо.

23 июня/5 июля Достоевский писал жене из Эмса: «Сегодня, в час пополудни, получил от тебя телеграмму. Она меня очень удивила и измучила. С чего ты взяла, что я болен? Значит, ты совсем перестала получать мои письма, т. е. пропало одно письмо<...> Поверь, беспечный друг мой, что со мной ровно ничего не может случиться<...> Я ответил тебе сейчас же телеграммой, которая пошла во 2-м часу<...> Я написал в телеграмме „Ich bin gesund“ («Письма», III, стр. 190—191). Подлинник телеграммы Достоевского не сохранился.

² Анна Григорьевна ожидала в это время ребенка.

³ Сестра Достоевского Александра Михайловна Голеновская, вторично вышедшая замуж — за Владимира Васильевича *Шевякова* (? — 1889). Она не сочла нужным сообщить о своем замужестве Достоевским, к которым питала самые недружелюбные чувства. «В кого она так грубо развита?» — писал Достоевский о сестре еще в 1857 г. («Письма», II, стр. 581).

Рельефно характеризуют личность Александры Михайловны следующие строки из ее письма к брату Андрею Михайловичу и его жене (октябрь 1852 г.): «Представьте себе мое горе: я уже больше не помещица, мне совсем не жалко деревни, но жалко как-то расставаться с титулом помещицы, и я уже теперь вполтину унизилась, как потеряла столь дорогое для меня имечко...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 51).

106. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург> 22 сентября 1875 г.

... Мы приехали в Петербург и очень будем рады, если вы нас посетите. Живем мы по Греческому проспекту (Пески), рядом с Греческим садом, в доме Струдинского, квартира № 6, в третьем этаже. Федор Михайлович просит передать вам его низкий поклон, дети целуют вас<...>

P. S. Кстати, не знает ли добрая Наталья *хорошей* няньки для моих

двух шалунов; если у ней есть такая в виду, попросите ее к нам прислать; мы сидим теперь без няньки.

Автограф. ИРЛИ. 30413.с.СХIII69.

107. Н. П. ВАГНЕР — Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

«С.-Петербург» 2 февраля <1876 г.»

... Будьте столь любезны — привезите с собой сегодня В. В. Крестовского. — Мне было бы весьма желательно, чтобы световые явления получили определенный характер, чтобы можно было приступить к фотографии. Я звал также сегодня Достоевского, обещал быть¹.

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 96.

Николай Петрович Вагнер (1829—1907) — зоолог и беллетрист, писавший под псевдонимом *Кот Мурлыка*. Вагнер был увлеченным спиритом. Он настойчиво старался убедить Достоевского в научном характере связей с «пустосторонним миром». Вскоре после смерти Достоевского Вагнер вознамерился вызвать «с того света» его дух, чтоб узнать «изменились ли его взгляды там, в той стране, где утоляется жажда истины», и «смотрит ли он на дело спиритизма так же, как здесь». Анна Григорьевна, к которой Вагнер обратился с просьбой разрешить ему этот «научный» эксперимент, ответила решительным отказом (Авт. ЛБ, ф.93.II.2.4).

¹ Присутствовал ли Достоевский на этом спиритическом сеансе — не установлено. 14 февраля он был вместе с Лесковым, Боборыкиным, Вагнером, Бутлеровым и др. на сеансе у спирита А. Н. Аксакова (см. «Жизнь и труды Достоевского», стр. 245).

27 июня 1875 г. Анна Григорьевна сообщила Достоевскому: «В прошлую субботу относил сама тебе письмо и узнала на почте, что меня или тебя спрашивал какой-то господин, именно твой адрес. Я решила, что это кто-нибудь из твоих знакомых, и принялась ждать. Во вторник господин этот явился с письмом от Я. П. Полонского. Это оказался профессор зоологии при Медицинской академии Николай Петрович Вагнер (спирит, отличившийся в эту зиму, его статья в „Вестнике Европы“ и споры с Марковым), он же автор сказок Кота Мурлыки. Полонский рекомендует и просит его полюбить, говорит, что нуждается в беседе с людьми. Он, кажется, очень возжелал с тобою познакомиться, ибо только что приехал как разыскал тебя. На вид это человек с женским визгливым голоском, с огромным соломенным пастушескою шляпою и с огромнейшим плодом в руках. Просидел он у меня три четверти часа и все расспрашивал о подробностях жизни в Старой Руссе <...> По-видимому, очень простой, хотя несколько смешной человек. На другой день я видела его в парке на скамье читающим письмо (вероятно от кого-либо с того света) и до того погруженного в чтение, что никого не видел (меня тоже не видел). Затем вскочил и три раза пробежал взад и вперед по длинной аллее, а затем пропал. Вообще, в этот раз имел вид полусумасшедшего человека (как и следует спириту). Если увидишь его, то об этом напиши» (Авт. ИРЛИ. Р1, оп. 6, № 169).

108. ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ Е. С. НЕКРАСОВОЙ

«Москва» 10 февраля 1876 г.

Сейчас пересмотрела № 1 «Дневника писателя» Достоевского. Видно, что автор — очень больной человек: он останавливается только на болезненных явлениях. Несмотря на все его желание быть комичным в некоторых местах и посмешить публику — ему это вовсе не удастся. Те прыжки, которые делает автор от одной мысли к другой, вполне изобличают в нем психически больного человека; эти скачки не все преднамерены автором. Рассказ его о Христовой елке хорош по мысли, его проникающей, выполнен же он плохо, как бы новичком в деле писательства. Заметка о спиритизме выдает, что автор уж порядком устал: он хочет донести читателю и убедить, что он не верит в чертей?!!!¹

Автограф. ЛБ, ф.196.7.4.

О Е. С. Некрасовой см. в примеч. к п. 103.

¹ Некрасова имеет в виду «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» в главе третьей «Дневника писателя», 1876, январь. Как видно из дальнейших писем, Некрасова вскоре стала восторженной почитательницей Достоевского и его творчества.

ЦЕНЗУРНЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР
КОМЕДИИ Л. Н. АНТРОПОВА
«ОЧАРОВАТЕЛЬНЫЙ СОН»,
1878

Достоинство цензуры 6 № 8-е сентября 1878г.

Написана по роману Достоевского
«Дядюшкин сон»

Титульный лист

Государственная центральная
театральная библиотека, Москва

Очаровательный сон
Комедия в трех действиях
Л. Н. Антропова

109. Н. К. ЗЕМАЦКИЙ — А. СТРАВИНСКОМУ

Перевод с польского

С.-Петербург. 20 февраля 1876 г.

... Расскажу тебе о событии, которому в нашем студенческом быту я придаю некоторую важность: говорю о студенческом бале! Важность тут, собственно, не в самом бале, не в увеселениях, а в результате, возникшем из приготовлений к балу, то есть в спорах по поводу приготовлений.

Каждый курс представил своих депутатов; их всех собралось человек с лишком пятьдесят, которые составили комиссию, решавшую спорные вопросы большинством голосов. Нужно было слышать громкие речи господ юристов (считавших себя чуть ли не Цицеронами и Демосфенами), произнесенные ими в разъяснение вопроса: следует ли взимать за бутылку пива 15 или 20 копеек, за бутерброд 5 или 10 копеек?

Несравненно сильнее, однако, вышли прения и столкновения, когда коснулись выборов почетных гостей, которым студенты в знак особенной к ним симпатии решили послать печатные пригласительные билеты.

Первый единогласный выбор пал на Некрасова, известного либерала, поэта-писателя. Спасовича¹ сначала выбрали тоже большинством голосов, но после защиты им Кронеберга, нанесшего безмилосердно побои тринадцатилетней своей дочери, он всех нас вооружил против себя, так что никто и слышать о нем не хотел².

Более же всего шума произошло по поводу выборов двух личностей, как мне, так и тебе едва ли известных. Первая из них — адвокат Боровиковский³, а вторая — писатель Достоевский. Боровиковского хотели избрать за пожертвование им в пользу студентов 1000 рублей, но тут востала партия, выразившая мнение, что студентов деньгами не подкупить. Против Достоевского мы, с своей стороны, протестовали, так как он изменил первоначальному своему либерализму; итак, Достоевского тоже не избрали...

Перлюстрационная копия. ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, ед. хр. 1546. — Перевод перлюстратора. Наверху помета: *Получено от его величества 25 февраля 1876 г.*

И. К. Земацкий — студент С.-Петербургского университета. Письмо адресовано его приятелю, виленскому гимназисту 5 класса *А. Стравинскому*.

¹ Владимир Данилович *Спасович* (1829—1906) — известный адвокат, автор ряда теоретических работ по юридическим вопросам.

² О судебном процессе над банкиром Кроненбергом (у Достоевского — Кроненбергом), обвинявшимся в истязании своей малолетней дочери, см. в гл. II «Дневника писателя», 1876, февраль. Достоевский также был возмущен оправдательным приговором суда, являвшимся следствием красноречивой защиты Спасовичем своего клиента Кроненберга.

³ Александр Львович *Боровиковский* (1844—1905) — юрист, публицист, стихотворец.

110. Ф. В. ЧИЖОВ — Г. П. ГАЛАГАНУ

Москва. 4 марта 1876 г.

... Не знаю, знаешь ли ты, и особенно моя милая Правда ¹, о периодическом издании Достоевского «Дневник писателя» — я его прочитываю, чтобы видеть, как один человек сладит с годовым изданием.

Вчера попалося мне одно место, очень существенное: «Юношество наше ищет подвигов и жертв. Современный юноша, о котором так много говорят в разном смысле, часто обожает самый простодушный парадокс и жертвует для него всем на свете, судьбою и жизнью; но ведь все это единственно потому, что считает свой парадокс за истину» ².

Не могу я безусловно бранить современное юношество; знаю, что в мое юношество не было и помину об идеале общественном, не было и тени протеста против страданий крепостного произвола. Положим, мы не были виноваты сознательно; мы принимали по преданиям личные и всего более сердечные идеалы наших отцов; не могу и бросать грязью в эту молодежь, которая идет в ссылку единственно потому, что стремится осуществить свой общественный идеал. Положим, в нем много общественной уродливости, много крайне перевернутых утопий, закон не может не карать их, но сердце человека не может не сочувствовать увлечению, в котором нет и тени личных выгод. Разумеется, я как наблюдатель шестидесятишестилетний дал бы побольше рассудительности, — да что делать? На что же и молодость, как не на то, чтоб быть безрассудною ...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.704.

Федор Васильевич *Чижов* (1811—1877) — писатель-славянофил, финансист и железнодорожный деятель. См. о нем: «Лит. наследство», т. 58, 1952, стр. 776—785.

Григорий Павлович *Галаган* (1819—1888) — украинский общественный деятель, в прошлом — воспитанник Чижова.

¹ По-видимому, обращение к жене Галагана.

² Из статьи Достоевского «О том, что мы все хорошие люди. Сходство русского общества с маршалом Мак-Магоном» в «Дневнике писателя», 1876, февраль.

111. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 11 марта 1876 г.

Давно собиралась я писать вам, многоуважаемый брат Андрей Михайлович, но все ждала выхода «Подростка», чтоб иметь возможность исполнить мое обещание: послать его вам. Вы не поверите, как я жалею, что моя несносная болезнь лишила меня случая познакомиться с вашей глубокоуважаемою супругою. Это для меня такая потеря! <...>

Мы все, слава богу, теперь здоровы, деточки поправляются, и у нас начинает возобновляться прежний порядок. Но зато теперь мы завалены делами: «Дневник» пошел сильно в ход ¹; кроме годовых подписчиков (их

у нас до полутора тысяч), у нас отлично идет розничная продажа; мы издаем «Дневник» в шести тысячах и почти все продаем. Но, не довольствуясь тем, что «Дневник» расходуется в Петербурге и в Москве, я распространяю его в провинции и разослала знакомым книгопродавцам в Киеве, Одессе, Харькове и Казани. Оттуда приходят ко мне добрые вести: например, в Казани Дубровин в несколько дней продал 125 экземпляров по номеру и просил высылать ему по сто экземпляров ежемесячно, в других городах продажа идет тоже очень успешно. Но зато хлопот страх как много, и, к моему сожалению, я не могу подыскать себе хорошего помощника. Но со временем все это уладится и, вероятно, хлопот будет меньше. Да и поработать не жаль, лишь бы были хорошие результаты, по началу на это можно надеяться.

У милой Евгении Андреевны мы были на масляной. Какая у вас престелная внучка! Я редко видела такого здорового и красивого ребенка. Федор Михайлович сошелся с Михаилом Александровичем и был рад в нем встретить человека с таким серьезным умом и характером². Евгения Андреевна была у нас на днях, и мы тоже собираемся поехать к ним провести вечерок. Жаль, что мы живем от них так далеко; это нас лишает возможности видиться с ними чаще <...>

Федор Михайлович пишет особо, и вы, вероятно, уже получили его письмо³.

Кстати: исправно ли вы получаете «Дневник»? Пожалуйста, в случае неполучения какого-либо номера, дайте знать об этом.

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 56.

¹ «Дневник писателя» начал выходить с января 1876 г.

² Евгения Андреевна Рыкачева (1852—1919) — дочь А. М. и Д. И. Достоевских. 8 декабря 1875 г. она писала Достоевскому:

«... Недавно только я узнала, что вы поселились на зиму в Петербурге; имея сильное желание повидаться с вами, решаюсь писать вам, чтобы узнать, когда и в какое время вас можно застать дома. В последний раз мы виделись с вами, когда я была еще двенадцатилетнею девочкою, — теперь же я уже мать семейства; впрочем, я думаю, вы имеете уже сведения об нас из письма папы, который недавно писал вам из Ярославля. Полтора года тому назад я вышла замуж за Михаила Александровича Рыкачева, служащего в Главной физической обсерватории, — и с тех пор мы поселились в Петербурге. Уже давно хотелось мне повидаться с вами и с вашей дорогою супругою — моею тетушкой. Но я не могла узнать вашего адреса, теперь же он мне известен, и потому я решаюсь писать вам...» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.8.55). К этому письму сделал приписку М. А. Рыкачев. Ответ Достоевского от 9 декабря — «Письма», IV, стр. 307.

³ Письмо Достоевского под датой 10 марта 1876 г. — «Письма», III, стр. 204—205. Одновременно Достоевским была послана брату «весьма беспорядочно изданная книгопродавцем Кехрибарджи книга» — «Подросток».

112. Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<С.-Петербург. 1 июня 1876 г.>

... Говоря вам, что я буду у вас во вторник в три часа, я совсем не сообщила, что, уезжая в шесть, невозможно быть в три, так много предстоит всегда хлопот перед дорогой, поэтому позвольте искренно, сердечно благодарить вас заочно за тот радужный прием, которого я так боялась не встретить. Воспоминания о нашей встрече останутся навсегда самыми дорогими в моей жизни, а моею любимую мечтою будет увидеть вас у нас в Харькове¹ <...>

Благодарю вас за «Дневник писателя». Прочла. Плакала над Каировой, плакала над Писаревой, плакала над Воспитательным домом — удивительно, как может один человек вмещать в себе столько теплоты и чувства, что стало бы, кажется, на тысячу². Вот за что только, я уверена, его будет осуждать молодое поколение — это стр. 145: «Дай пожелать твоей душе воскресения в такую жизнь, где бы ты уже не соскучилась»³.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 166. Дата уточняется по содержанию (см. ниже) и по указанию, что письмо написано во вторник, приходившийся на 1 июня.

Христина Даниловна Алчевская (1843—1918) — активная деятельница в области народного образования. Переписывалась и встречалась с Достоевским, охарактеризовавшим ее как «редкое, доброе и умное существо» («Письма», III, стр. 211). «Мы оба, я и жена, редко кого так полюбили и оценили, как вас, и любим вас искренно», — писал Достоевский Алчевской 1 июня 1879 г. («Письма», IV, стр. 309). Перу Алчевской принадлежат мемуары «Передумное и пережитое. Дневники, письма, воспоминания». М., 1912. Алчевская была автором двух корреспонденций, напечатанных в «Колоколе» Герцена в 1859 и 1863 гг. под псевдонимом *Украинка* (см. Н. Я. Фридыева. Жизнь для просвещения народа. М., 1963, стр. 11—13 и 20—21).

¹ Алчевская приехала в Петербург 19 мая 1876 г. Целью ее поездки было свидание с Достоевским, подробно описанное затем в ее мемуарах.

10 марта 1876 г. она сообщала Достоевскому из Харькова:

«...Отправляя к вам свои несколько строк, я и не мечтала об ответе. Я чувствовала только непреодолимое желание высказать вам свой привет и не находила причин отказать себе в этом. При чтении 2-го № „Дневника писателя“ я не без грустного раздумья остановилась на строках „Хорошо или не хорошо, что я всем угодил?“ Сказать правду, я приняла это немножко на свой счет. Тем понятнее станет для вас та радость, которую доставило мне ваше письмо. Нам, провинциалам, каждый писатель представляется чем-то чуть не мифическим, недостижимым, неслыханным и невиданным. Нам доступно читать его, и только! Видеть, слышать, переписываться — мы лишены возможности. И в самом деле, что сталось бы с писателем, если бы провинциалам вздумалось атаковать его своей перепиской?! Какой-то острак уверял, что будто бы Писарев утонул не в реке, а в море писем, получаемых им из провинций.

Я сказала: *каждый писатель* — и спешу оговориться: „каждый соответствующий заданным нами в жизни идеалам и проповедующий их“. У меня два таких кумира: вы как человек талантливый, честный, независимых убеждений, с той „искрой божией“, которую не в силах потушить ни рудники, ни невзгоды жизни, ни время, и Лев Толстой, в котором, кроме его оригинального языка и оригинального таланта, я признаю глубокую и неподдельную любовь к народу, которую и сама я заражена немножко <...>

Февральский номер понравился нашему кружку еще более первого, особенно дело „Кронеберга“. Что же касается лично до меня, то, отдавая ему полную справедливость, я, тем не менее, остаюсь верна рассказу „Мальчик у Христа на елке“ и признаю его *chef d'œuvre* „Дневника писателя“. Впрочем, и „Мужик Марей“ мне очень, очень нравится, и, говорят, что и то и другое я прочла с большим пониманием и увлечением на наших литературных вечерах. Самое приятное для меня одобрение моему чтению было старушки Ишимовай, которая теперь в Харькове и была у нас на последнем вечере <...> Приходилось мне еще слышать и такое мнение относительно вашего издания „Дневник писателя“: „Что, если Достоевский, вместо того, чтобы создать вновь что-либо цельное, грандиозное, разменяется на мелочи, на обзор текущих событий, маленькие рассказы — и только!“

Мне лично такое мнение кажется до крайности странным: как жизнь со всеми ее разнообразными явлениями отнеси в разряд мелочей и как художественность и силу рассказа мерить величиной?! — Нет, я присоединяюсь к той части публики, которая с энтузиазмом встретила вашу мысль об издании „Дневника“. Перед нами ряд ваших художественных рассказов и романов, которыми гордится каждый любящий русскую литературу, но нам не менее дороги ваши взгляды на текущие события, ваша личная жизнь, которая так или иначе выглядывает на страницах „Дневника“. Мы желаем знать о вас как о дорогом и любимом нашем писателе от вас самих, а не от каких-нибудь спекулянтов в литературе, вроде составителя вашей биографии В. Зотова <...>, которому вы делаете поправки в № 1 вашего „Дневника“.

Что касается того, что „писателю всегда милее и важнее услышать доброе и ободряющее слово прямо от сочувствующего ему читателя, чем прочесть какие угодно себе похвалы в печати“ — то это понятно, мне часто из-за пространных фельетонов разных „Заурядных читателей“ мерещатся пятачки, получаемые ими от строчки <...> Впрочем, бог с ними. Ваше „первое предостережение за мое многословие может быть выражено и словами и молчанием. И то и другое признаю вполне основательным“ (Авт. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 56). *Заурядный читатель* — псевдоним А. М. Скабичевского.

² Отклик на содержание майской книжки „Дневника“.

³ Из главы второй „Дневника писателя“, 1876, май — «Одна несоответственная идея» — о самоубийстве молодой девушки Писаревой. Этими строками Достоевский заключает свой анализ ее предсмертного письма.

В упомянутых выше мемуарах Алчевская писала: «Достоевский всегда был одним из моих любимых писателей. Его рассказы, повести и романы производили на меня глубокое впечатление. Но когда появился в свет его „Дневник писателя“, он вдруг сделался как-то особенно близок и дорог мне. Кроме даровитого автора художественных произведений, передо мною вырос человек с чутким сердцем, с отзывчивой душой, человек, горячо откликнувшийся на все злобы дня» (стр. 63).

113. П. Н. ПОЛЕВОЙ — П. М. ТРЕТЬЯКОВУ

С. Алексеевка. 1 июня 1876 г.

... Позвольте обратиться к вам с покорнейшею просьбою следующего рода:

Приготовляя к печатанию третье издание моей «Истории литературы»¹, я вношу в него, между прочим, еще несколько биографий современных писателей. В числе их и биографию Ф. М. Достоевского. Для этой биографии мне бы очень был нужен фотографический снимок с портрета Федора Михайловича, сделанного Перовым для вашей галереи². По крайней мере, Федор Михайлович сам указал мне на этот портрет как на единственный снятый с него в течение всей его жизни. Не будете ли вы столь добры, не доставите ли вы мне фотографической копии с принадлежащего вам портрета? Вы бы меня этим крайне обязали и вывели из большого затруднения, так как Федор Михайлович ни за что не хочет вторично снимать с себя какого бы то ни было портрета, а портрет мне необходим, потому что все биографии будут снабжены портретами (кроме биографии графа Л. Толстого), и очень хорошими. Надеюсь, что вы мне дадите ответ, по возможности, в скором времени, так как рисовка и гравирование портрета возьмет, вероятно, около трех месяцев (скорее более, нежели менее этого срока)³...

Автограф. ГТГ, ф. 1, ед. хр. 2673.

Петр Николаевич Полевой (1839 — 1902) — историк литературы и беллетрист, сын Н. А. Полевого.

Павел Михайлович Третьяков (1832—1898) — основатель картинной галереи в Москве. См. о нем выше в публикации И. С. Зильберштейна «Новонайденные и забытые письма Достоевского».

¹ «История русской литературы в очерках и биографиях», сочинение П. Полевого. Третье, значительно дополненное издание. СПб., 1878.

7 июня 1876 г. Полевой писал Достоевскому: «В одном из №№ вашего „Дневника“, который я постоянно читаю с большим удовольствием, я прочел вашу записку о тех промахах и ошибках, которые вкрались в вашу биографию, помещенную в Энциклопедическом словаре Березина. При этом вы выражали вашу полную готовность сообщить каждому желающему достоверные биографические данные касательно важнейших фактов вашей жизни и литературной деятельности.

Смею надеяться, что вы не откажетесь сообщить мне эти факты для третьего издания моей „Истории русской литературы в очерках и биографиях“, которое я исподволь przygotowляю к печати, и в числе дополнений к этому третьему изданию имею в виду, на первом плане, биографию вашу и Л. Н. Толстого. Так как в книге моей (вероятно, хоть понаслышке вам известной) все биографии авторов украшены их портретами, то я был бы вам очень благодарен, если бы вы указали мне на хорошую фотографию вашу, или, если это невозможно, разрешили бы мне снять фотографию с вашего портрета в галерее П. М. Третьякова, моего хорошего знакомого.

Буду признателен вам, уважаемый Федор Михайлович, за все сведения, какие вы мне о себе доставите. Даю вам заранее слово в том, что ничего в них не изменю и не искажу» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.7.104).

Получив письмо от Достоевского (неизвестно), Полевой пишет ему снова 26 июня того же года:

«Весьма и весьма благодарен вам за скорый и любезный ответ ваш. В свою очередь спешу вас уведомить, что я никак не тороплюсь с составлением дополнений к третьему изданию „Литературы“ моей и что за обработку вашей биографии не примусь ранее первых чисел сентября. А потому, если, по обещанию, выраженному в вашем письме от 18 июня, вы доставите мне биографические данные к концу августа, — мне придется только еще раз и от души поблагодарить вас не столько от себя, но и от лица всей русской учащейся молодежи, для которой распространение вполне достоверных сведений о жизни и деятельности наших образцовых писателей так полезно и так важно <...>

Относительно портрета вашего тотчас по получении от вас письма написал я к П. М. Третьякову; с портретом медлить нельзя: пока он нарисован да выгравирован за границей — пройдет месяца три, никак не менее <...>

Р. С. На всякий случай прилагаю при настоящем письме программу важнейших данных, по которой доставлены были мне биографические сведения от Тургенева, Островского, Гончарова, Григоровича и других...» (там же). Ср. «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 208—209. Портрет Достоевского, упоминаемый в письме, был написан Перовым весной 1872 г. Находится в Государственной Третьяковской галерее.

² 2 августа 1876 г. Третьяков сообщал Полевому: «Спешу препроводить вам фотографию с портрета Ф. М. Достоевского, только что, сию минуту полученную» (Маш. копия, ГТГ, ф. 1, ед. хр. 4618).

³ Заключительный «период восьмой» третьего издания книги Полевого «От Пушкина до нашего времени» составляли главы о Пушкине, Грибоедове, Н. А. Полевом, Лермонтове, Гоголе, Белинском, С. Т. Аксакове, Кольцове и о «важнейших представителях новейшей литературной школы» — Гончарове, Тургеневе и Островском. Главы о Достоевском в книге нет.

В № 33-34 журнала «Огонек» 1879 г. Полевой напечатал обширный критико-биографический очерк о Достоевском, «стоящем совершенно особняком по своему таланту и в то же время пользующемся сильным влиянием на общество», и его портрет работы Перова.

114. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. и Д. И. ДОСТОЕВСКИМ

«С.-Петербург» 20 сентября 1876 г.

... Вчера, в воскресенье, я <...> ходил к Федору Михайловичу и провел там очень приятно время в разговорах с дядей и Анной Григорьевной. Они меня так радушно приняли, что я думаю у них часто бывать. Рассказывала мне, между прочим, Анна Григорьевна, что они это лето купили в Старой Руссе дом и заплатили за него очень дешево; именно они заплатили за двухэтажный дом с большим садом, огородом, конюшнями, коровником, банею и, одним словом, со всем скарбом, 1100 рублей. Это мне кажется удивительно дешево в таком городе, как Старая Русса, куда летом съезжается более восьмисот семейств на лечение. По совету дяди, я сегодня ходил к Эмилии Федоровне Достоевской ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 26.

115. А. Н. СНИТКИН — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 23 сентября 1876 г.

Любезнейшая Анна Григорьевна! Помогите, ради бога, совсем без денег и ничего не имею в виду, дайте мне сто рублей денег. Попросите для меня у Федора Михайловича. Поправлюсь — отдам все, а теперь надо платить за квартиру, а у меня не на что и есть.

Прости меня, что беспокою тебя, но, видит бог, обратиться не к кому. Нужда крайняя <...> Помогите, ради бога ...

Автограф. ИРЛИ.30373.с.СХIII65.

Александр Николаевич Сниткин (1842 — ?) — двоюродный брат А. Г. Достоевской. Сохранилось множество писем к ней Сниткина с описанием его горестного материального положения и с настойчивыми просьбами о помощи. См. п. 130, 138, 143.

116. А. М. ДОСТОЕВСКИЙ — Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ

С.-Петербург. 8 ноября 1876 г.

... Вчера, в воскресенье, мы до завтрака, т. е. до часу дня, провели все дома, я больше сидел с Машенькой или читал, а после завтрака мы с Сашей отправились к брату Федору Михайловичу. Доехав на тройковых санях до угла Невского, мы весь Невский и потом вплоть до квартиры брата прошли пешком. Как брата, так и Анну Григорьевну застали дома, и они оба были нам очень рады; а меня так вовсе не подозревали могущим приехать. Приняли нас очень любезно и просто заговорили; хотели было в четыре часа распрощаться с ними, но нас непременно удержали обедать, и мы пробыли у них до семи с половиной часов вечера ...

Автограф. ЛБ, ф. 93.III.10.14.

117. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. и Д. И. ДОСТОЕВСКИМ

〈С.-Петербург. 23 ноября 1876 г.〉

... На днях я на минуту заходил к Федору Михайловичу, который мне говорил об каком-то процессе, который Александра Михайловна начала против Николая Михайловича, требуя от него каких-то денег после наследства. Не знаю, знаете ли вы об этом что-нибудь. Федор Михайлович говорит, что если Шевякова выиграет дело, то очень легко может случиться, что она потом потребует денег и от него, Федора Михайловича, и от вас, а после нее и Вера Михайловна не отстанет. Не знаю, чем все это кончится...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 26.

118. Н. П. ВАГНЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

〈С.-Петербург. Декабрь 1876 г.〉

... Сообщите мне, где печатались адреса «Дневника писателя» — и что стоили... Спросите Федора Михайловича, не найдены ли в № 7 «Дневника» несколько свободных строк для извещения о выходе 1-го номера «Света», который родится, бог даст, в субботу¹.

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 2. 4.

¹ «Свет» — «орган общечеловеческого развития» — научно-художественный иллюстрированный ежемесячник, первый номер которого Вагнер готовил в это время к изданию.

24 октября 1876 г. он писал Достоевскому: «Обращаюсь к вам с низким поклоном и большой просьбой, исполнение которой для меня существенно важно. На будущей неделе я делаю публикацию об издании моего журнала, о котором мы с вами уже говорили. Для меня в высшей степени важно, чтобы эта публикация появилась также и в вашем „Дневнике“. Желательно было бы, чтобы вы пожертвовали на нее полстранички. Но если это невозможно, то отведите хотя несколько строчек, чем крайне меня обяжете» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 2. 2).

В тот же день Достоевский отвечал Вагнеру: «Непременно постараюсь отвести требуемые полстранички, а вас поздравляю с предприятием» («Советские архивы», 1969, № 2, стр. 114).

Вся последняя страница октябрьского номера «Дневника писателя» занята длинным и напыщенным объявлением о предстоящем издании «Света». В объявлении отмечалось, что в журнале примут участие Достоевский, Полонский, Менделеев, Бутлеров, Сеченов и А. Н. Бекетов.

Помещение этого объявления в органе Достоевского вызвало у многих его читателей уверенность, что писатель «переходит» в «Свет», вследствие чего он вынужден был дважды и очень резко «отмежеваться» от журнала Вагнера, заявив в «Дневнике писателя», что «ни в замысле, ни в соредактеровании его» не участвует и что он только обещал Вагнеру дать в его издание один рассказ («Дневник писателя», декабрь 1876 г. и январь 1877 г. См. также «Вопросы литературы», 1967, № 5, стр. 165—166 и 1971, № 9, стр. 190).

119. Г. П. ДАНИЛЕВСКИЙ — А. С. СУВОРИНУ

4 января 1877 г.

... Кстати, читая тургеневскую «Новь», я приятно изумился, увидев, что он так же симпатически отнесся к типу русского так называемого радикального юноши (даже буквально в том же тоне!), как и я, за три года до него, в «Девятом вале», где мною впервые, под таким углом зрения, выведен революционер Столешников. Этого смелого шага с моей стороны никто тогда не заметил в печати, где царствовали только или грубые и циничские обличения этого типа в повестях Лескова и Крестовского, или мастерские шаржи Достоевского, огульно подводившего этот тип под больнич-

ный скорбный ярлык «тронувшихся умом» или «библейских свиней»¹. Напоминаю мою повесть, собственно, для вас; мне дорого будет, если вы *про себя* сознаёте истину моего напоминания. Я твердо верил и верю, что так называемые наши радикальные, революционные юноши — явление честное, привлекательное; мы, кончающие свое человеческое поприще, потому и хороши, тогда только и хороши, если сами были когда-то такими же юношами. Сидевши некогда по делу Петрашевского в каземате², я прочел там в крепости «Неточку Незванову» Достоевского и, не зная его, страшно к нему привязался. Единственно это не охладило меня к его последним произведениям. Помните ли вы «Неточку»? Как она добыла ключ к библиотеке деспота — родича своего, прочла его книги, переродилась неожиданно для него — и предстала ему, готовая на борьбу?..

Дивная вещь! Золотые, былые годы! Докончим беседу когда-нибудь лично ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 459, ед. хр. 1154.

¹ Имеются в виду «Бесы» Достоевского с их эпиграфом из Евангелия (от Луки, VIII, 32—37) — о бесах, вселившихся в свиней.

² Весной 1849 г. Данилевский, косвенно причастный к делу Петрашевского, был арестован и заключен в Петропавловскую крепость. Через два с половиной месяца, доказав свою «благонадежность», он был освобожден, причем следственная комиссия даже сочла нужным ходатайствовать перед Николаем I, чтобы содержание в крепости «не имело никакого влияния на его будущность» («Голос минувшего», 1916, № 12, стр. 97—109). Некоторое время, впрочем, Данилевский еще находился под полицейским надзором (см. сб. «Петрашевцы», т. III, М. — Л., 1928, стр. 230).

Е. А. Штакеншнейдер замечала в своем дневнике:

«За тайну передавали, что Данилевский был замешан в деле Петрашевского и сидел в крепости. Я думаю, это придавало ему вес в его собственных глазах; я думаю, это и делало его таким радостным. Но впоследствии оказалось, что в крепость он попал нечаянно, что искали другого Данилевского. Так что, когда в 1861 году студенты в свою очередь побывали в крепости и Данилевский, еще твердо веривший в свои политические подвиги, попробовал им сказать: „Ведь это мы вам указали дорогу, ведь первые были мы“, — то в ответ ему только посмеялись» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневник и записки, стр. 42—43).

120. П. Д. ГОЛОХВASTОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

Петровское. 19 января 1877 г.

... Вы, конечно, читали уже «Новь» и «Сон»¹. Чтобы не сказали, что не может написать крупного Тургенев, он захотел доказать, что не может написать и мелкого. Будь я критиком, я бы сделал вот что: написал бы, но пресерьезно, что «Новь» — подделка, чья-то спекуляция; что Стасюлевичу стыдно давать себя так обманывать; что «Новь» — перевод с французского и написана французом, знающим Россию по книжкам да еще очень не новым, что Фомушку и Фимушку нагать мог только иностранец, читавший Афанасья Ивановича и Пульхерию Ивановну, «Плодомасовских карликов» Стебницкого² и пр. Что в России 1868 г. портреты на столе держат фотографированные, а не рисованные; фраков до пят не носят; лакеи волю турецкой выдумкой не зовут и т. п. — все это из книжек о России 30-х и 40-годов. Да и вообще: предполагать, что от старости уши нарастают чем-то, можно только про тех, кто — предположено — сальные свечи ест, и подобных чудес в «Нови» немало. Всё сплошь удивительных имен в России не дают, как известно всякому, кто жил в России. Следовательно... И подписался бы: А. Потом написал бы вторую статью: никто Стасюлевича не обманывал; если «Новь» — подделка иностранца и перевод, то и все писанное Тургеневым с тех пор, как он покинул Россию, — тоже подделка и перевод, ибо «Вешние воды» и др. — даже всякая его повесть за последние лет пятнадцать — изобилуют тем же незнанием Рос-

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К
«УНИЖЕННЫМ
И ОСКОРЕБЛЕННЫМ»

Литография с рисунка
В. Князева, 1884

Музей изобразительных искусств
им. А. С. Пушкина, Москва

сии после 19 февраля, только разве не столь явным, ибо не столь скученным воедино, как в «Нови». Подписался бы: Б. Потом, в третьей статье за подписью В., доказал бы, что и когда в России жил Тургенев, и России до 19 февраля не знал Тургенев. Не знал потому, что он не русский человек; а кто русский, да не русский — тот и не человек настоящий; у того и вообще себе мерила нет ни на русского, ни на человека; и нет этого мерила и не было никогда у Тургенева, и мужчины и женщины его, и мужики, и бары — не русские и не люди, а все куколки: мужичок, мальчик, барыня и пр. Но откуда же успех Тургенева? Это, во-первых, следствие отставки кн. Львова, цензора «Записок охотника», а во-вторых: в поле — и жук мясо; Гоголь тогда уже отписал, Достоевский — только что начинал... да и кто еще? Ведь уже к 50-м годам про Толстого еще никто и не слышал. Явились они, мы поумнели, но, народ благодарный, Тургенева, этого рака, на безрыбье бывшего рыбой, в Песках не разжаловали, и до сих пор считаем за леща с кашей, все-таки; но пора бы прозреть; а средство к тому: прочесть Пушкина, Гоголя, потом Толстого, Достоевского и потом Тургенева; вот и увидим, что он такое, что ему удавалось, да, удавалось; и что не может ему, не русскому, след., не человеку, а след., и не художнику, никогда не может удаваться. Вывод: советую не Тургеневу — не писать, этого он не может, коль уж повадился; итак, вам советую, читатели, не читать, что он пишет; вы это можете, у вас есть Достоевский, Толстой...

Автограф. ЦНБ АН УССР.Ш.17064.

¹ Роман Тургенева «Новь» напечатан в №№ 1—2 «Вестника Европы» 1877 г. Его рассказ «Сон» — в № 303—304 «Нового времени», 1—2 января того же года.

² Псевдоним Н. С. Лескова.

121. Н. П. ВАГНЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург. Январь 1877 г.»

...Посылаю Федору Михайловичу «Вестник Европы»¹. Будьте столь любезны попросите его возвратить мне книгу через два-три дня. Я сам еще почти ничего не читал в ней <...> Федору Михайловичу усердный поклон.

Автограф. ЛБ, ф.93, II.2.4.

¹ Вероятно речь идет о № 1 «Вестника Европы» 1877 г., в котором опубликована статья А. Г. В. «Четвертое измерение спиритизма». Этим определяется приблизительная дата письма. В несколько более позднее, недатированное письмо к А. Г. Достоевской Вагнер писал: «Федору Михайловичу глубокий поклон. А „Вестник Европы“ до сих пор жду» (там же).

122. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. и Д. И. ДОСТОЕВСКИМ

«С.-Петербург. 1 февраля 1877 г.»

... Вчера, в понедельник, был студенческий бал в память основания университета. Мы с Соломкой ¹ пошли туда тоже; народу было довольно много, но все не то, что было на балу у нас, медиков. Студенты делали оvationи некоторым профессорам своим: качали Бекетова — ректора ², Меншуткина ³ и др. профессоров. Потом качали Грацианского, того, который защищал участвовавших в истории у Казанского собора ⁴. Сей последний держал поэтому приличествующую случаю речь. В одной из зал я неожиданно встретил дядю Федора Михайловича. Мы с ним довольно долго разговаривали; впрочем, он уехал рано. Говорил он, между прочим, какие ему хлопоты были с январским выпуском «Дневника», который вышел сегодня. Цензурный комитет зачеркнул почти весь номер, и дяде пришлось почти весь номер написать снова в два дня. Он говорит, что перессорился со всеми цензорами. Пойду к ним я, по всем вероятностям, в один из последних дней масленицы ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 27.

¹ Вероятно, студент-медик, товарищ А. А. Достоевского.

² Андрей Николаевич Бекетов (1825—1902) — известный ботаник, ректор Петербургского университета, дед А. А. Блока.

³ Николай Александрович Меншуткин (1842—1907) — выдающийся химик, профессор Петербургского университета.

⁴ Судебный процесс над участниками революционной демонстрации в Петербурге (6 декабря 1876 г.) состоялся в январе 1877 г. Одну из групп обвиняемых защищал помощник присяжного поверенного Грацианский.

123. И. А. ШЕСТАКОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

Петрозаводск. 17 февраля 1877 г.

... Нетерпеливо буду ждать статьи вашей о «Нови», хоть, признаюсь, о ней говорить много не стоит. Не говоря уже о том, что предмет знакомый, только что и притом два раза появившийся в «Русском вестнике», я в самом исполнении не вижу прежнего Тургенева: еще вторая часть туда и сюда, читается легко, а первая так просто скучна. Да и главный герой — Нежданов — старый знакомый, это, по-моему, тот же лишний, которых выводил Тургенев прежде. Впрочем, послушаю сперва вас, а потом уж скажу. Знаете ли, Николай Николаевич, я положительно утверждаю, что у нас, кроме Толстого и Достоевского, нет писателей, по крайней мере теперь. Вы спрашиваете, читаю ли я «Каренину»? Да не только я — наши немцы и поляки и те зачитываются ею!..

Автограф. ЦНБ АН УССР. II.18757.

124. Б. Б. ПОЛЯКОВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 11 апреля 1877 г.

... Поверьте, что я всячески стараюсь скорее найти покупателя на имение и для этого, если не продается теперь, посвящаю все нынешнее лето и осень на поездки в разные губернии, где у меня есть уже в виду разные

личности с довольно обширным капиталом. Верю, что вам очень неприятно, что имение нейдет с рук ¹, но что же прикажете делать, винить меня в этом нисколько нельзя, употребив довольно уже на расходы и дав взаимно образно Федору Михайловичу более 1500 р., вся надежда моя получить удовлетворение только по продаже имения, а иначе я потерял безвозвратно. Я вас неоднократно просил и *теперь* прошу поискать расписку г. Корша или, скорее, домашнее условие о прекращении дела миром. Бумагу эту я отдал Федору Михайловичу в мае 1874 года вместе с подлинными векселями, полученными мною от Корша, и по которым ваш супруг был должен Куманиной десять тысяч рублей ². Мне необходимо знать, в чем заключается сущность домашнего условия со стороны г. Корша, и я убедительно прошу вас, нельзя ли доставить мне скорее эту бумагу ³...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 206.

¹ Речь идет о продаже одного из имений, оставленных в наследство А. Ф. Куманиной.

² См. примеч. 8 к п. 87.

³ Отметим следующие строки из письма Полякова к Анне Григорьевне, датированного 5 апреля 1878 г.:

«Все деньги, которые я получил от г. Корша по продаже имений, я доставил вашему супругу, как и прочим доверителям моим, под расписки, которые у меня сохраняются».

125. Д. И. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 14 апреля 1877 г. ¹

... Во вторник ² была отвратительная погода, ветер, хотя и не очень холодный, но пыль залепляла глаза, и мы, несмотря на это, поехали с Женей к Федору Михайловичу, там нас приняли очень радушно. Анна Григорьевна была очень любезна, обещала быть у Жени в скором времени. Федор Михайлович сказал нам новость, что Машенька Голеновская ³ вышла замуж, свадьба ее была в прошлое воскресенье; говоря об этой свадьбе, Ф. М. был очень взволнован, что его, родного дядю, не пригласили на эту свадьбу; вышла она замуж за инженера Ставрова, своего родственника, и сейчас после свадьбы уехала с ним в Тифлис ...

Автограф. ЛБ, ф. 93.III.10.32.

¹ Доменика Ивановна приехала в Петербург 7 апреля 1877 г.

² Вторник приходился на 12-е число.

³ Мария Николаевна *Голеновская* (1855—1921) — племянница Достоевского, дочь его сестры Александры Михайловны.

126. А. Н. ПЕШКОВА-ТОЛИВЕРОВА (ЯКОБИ) — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 15 мая 1877 г.

Я была у вас, чтобы сообщить вам, что я уплатила Тришину 100 рублей и проценты. Остальные 100 рублей я просила их отсрочить до августа, на что они охотно согласились. На расписке вашей и Федора Михайловича я своей рукой написала, что уплатила сто рублей и осталась должна еще *сто* ¹ <...> Будьте добры и любезны, дорогая Анна Григорьевна, попросите Федора Михайловича, чтобы он написал на клочке бумажки свое имя и фамилию, это факсимиле необходимо для его портрета, который отослан в Лейпциг ² <...> Федору Михайловичу жму от всего сердца руку ...

Автограф. ЛБ, ф. 93.II.7.80.

Александра Николаевна *Пешкова-Толиверова (Якоби)* (1842—1918) — детская писательница, издавала журнал «Игрушечка», в котором она после смерти Достоевского опубликовала свои воспоминания о писателе. Ей адресовано письмо Достоевского от февраля 1878 г. («Письма», IV, стр. 6). См. о ней «Лит. наследство», т. 51-52, стр. 558—559.

¹ Имя петербургских ростовщиков братьев Тришиных нередко упоминается в переписке Достоевского за эти годы — обычно в связи с намерением занять у них ту или иную сумму.

Несколько расписок сохранилось среди его бумаг (ср. «Лит. наследство», т. 83, стр. 365). См. ниже п. 138 и 143.

² Портрет Достоевского воспроизведен в журн. «Игрушечка», 1881, № 7. Возможно, что была и более ранняя его публикация.

127. М. А. АЛЕКСАНДРОВ — В. Ф. ПУЦЫКОВИЧУ

«С.-Петербург» 30 июня 1877 г.

... Цензор Скуратов не принимается цензурировать «Дневника писателя», не получив на то предписания от Комитета, а Комитет *не дает* этого предписания, заставляя печатать *без предварительной цензуры*, чего никак не желает Федор Михайлович из-за проволоочки восьмидневного лежания выпуска в Комиссии. Прошлый раз цензор был по его просьбе; я полагаю, что теперь его дадут *по вашей просьбе* ¹...

Автограф. ГЛМ. ОФ 5709.

Михаил Александрович Александров — метранаж в типографии Траншеля, где печатался журнал «Гражданин» в период редактирования его Достоевским, а также в типографии кн. В. В. Оболенского во время издания «Дневника писателя», который он оформлял по личной просьбе Достоевского. Достоевский высоко ценил Александрова как человека и квалифицированного специалиста. А. Г. Достоевская, под впечатлением от мемуаров Александрова, писала ему, что, по ее мнению, он чрезвычайно метко «схватил все характерные черты покойного Федора Михайловича» и обрисовал его «таким, каким он был в домашней, повседневной жизни». При этом она отнесла Александрова к числу близких Достоевскому людей (см. «Достоевский в воспоминаниях современников», кн. II, стр. 213).

Виктор Феофилович Пуцыкович (1843—1909) — сотрудник, а затем редактор «газеты-журнала» «Гражданин» (1874—1879), многолетний корреспондент Достоевского.

¹ Достоевский уехал с семьей из Петербурга 17 июля. В письмах к Александрову из имения своего шурина Малый Прикол (Курская губ.), посылая одну за другой законченные главы «Дневника писателя», он просил тщательно держать корректуру и постепенно печатать.

20 июня Достоевский выразил опасение насчет возможных осложнений с цензором: «NB как вы обойдетесь без моей подписи? Впрочем, приеду — подпишу» («Письма», III, стр. 269).

По-видимому, волнение Александрова и Пуцыковича было вызвано внезапным отъездом цензора Ратынского.

На обороте письма Пуцыкович сделал надпись, обращенную к Александрову:

«Михаил Александрович, мне Федор Михайлович ни слова не сказал о том, как быть. И я решительно не знаю, что делать! Вообще я даже не знаю, что без него будет печататься...»

128. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«Старая Русса» 1 сентября 1877 г.

Позвольте вас поблагодарить, многоуважаемый и добрый брат Николай Михайлович, за ваше милое письмо и за те известия, которые вы сообщаете ¹.

Завтра, в пятницу, 2 сентября мы выезжаем и приедем в Петербург или 4-го утром, или вечером. Поэтому желательно, чтобы ключи были к тому времени у дворника, как всегда, в запечатанном конверте. Поэтому, многоуважаемый Николай Михайлович, прошу вас, если ключи еще не доставлены, то доставьте их к 4-му числу, очень нас обяжете, а теперь до скорого свиданья ...

Автограф. ИРЛИ.30413.с.СХIII69.

¹ Письмо Н. М. Достоевского неизвестно.

129. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. и Д. И. ДОСТОЕВСКИМ

<С.-Петербург> 13 сентября 1877 г.

... В воскресенье¹ я ходил обедать к Федору Михайловичу; отправился я туда часа в три и вернулся домой часов в девять. Все они приехали в Петербург только часом позже меня; провели все лето в деревне в Курской губернии и остались в восхищении от деревенской жизни. Федор Михайлович в конце июня приезжал в Петербург издавать «Дневник», а Анна Григорьевна ездила в это время в Киев, Харьков и Полтаву. Говорил я большею частью все с Анной Григорьевной, она сообщила мне, между прочим, что, к величайшему ее сожалению, они должны будут прекратить с будущего <года> издание «Дневника», так как срочная работа ужасно тяготит Федора Михайловича, и, кроме того, его сильно волнует, что многое из написанного цензура не пропускает. Анна Григорьевна думает открыть в будущем году книжный магазин и для этого хочет в этом году слушать бухгалтерские курсы. Говорили мы и о наследстве. Анна Григорьевна сообщила мне подробно, отчего было проиграно дело Николая Михайловича. Оказывается, что всему виной Корш. Будучи поверенным Николая Михайловича, он не явился на разбирательство дела в Судебную палату; Николай Михайлович тоже не явился. В том, что дело было проиграно в Сенате, виноват тоже он, Корш, так как не подал никаких поводов к кассации. (Может быть, я выражаюсь неправильно; одним словом, он не выставил ни одного факта, по которому видно бы было, что разбирательство дела в Палате велось неправильно.) Точно такую же повестку от Самарского-Быховца², какую получили вы, получил и Федор Михайлович и так же, как и вы, не отвечал ничего. Теперь нужно предпринять следующее — это говорит Анна Григорьевна, и Федор Михайлович одобряет: до подания иска со стороны Александры Михайловны не делайте ничего; как только иск будет подан, соединиться вместе (т. е. вам и Федору Михайловичу) и пригласить Лохвицкого³, что будет стоить недорого, а как говорит Анна Григорьевна, то, может быть, и ничего, потому что она думает, что Лохвицкий не возьмет ничего с Федора Михайловича. А из этого уж и следует, что вам следует отказать Коршу и встребовать от него оставшиеся у него деньги, и не 250, а 425 рублей — столько получил Федор Михайлович, и, мне кажется, нет причины предполагать, чтобы вам осталось меньше⁴...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 27.

¹ Воскресенье приходилось на 11-е число.² Владимир Васильевич *Самарский-Быховец* (1837—1902) — юрист.³ Александр Владимирович *Лохвицкий* (1830—1894) — известный адвокат. Его перу, между прочим, принадлежат статьи о «Преступлении и наказании», напечатанные в «Судебном вестнике», 1869, № 14, 83 и 133, январь — июнь («Уголовные романы»).⁴ В недатированном письме, относящемся к 20-м числам сентября 1877 г., А. А. Достоевский сообщал родителям:

«...В воскресенье, как я уже писал, утром с Михаилом Александровичем мы были в университете, вернулись домой часу в четвертом <...>

Мы все вместе отправились по конке по направлению к Николаевскому вокзалу, они — обедать к Кошмаковым, а я к Федору Михайловичу. Там я изложил все то, что вы мне писали, дорогой папа. Анна Григорьевна говорит, что она наверно не знает, где живет Лохвицкий, — в Москве или Петербурге; она хотела узнать об этом, и тогда Федор Михайлович отправится к нему и обо всем расспросит. Впрочем, они не думают, чтобы иск был начат с вас, так как, по всем вероятностям, начнут с того ведения дела, с чем представит менее всего издержек.

Если иск начнется с вас, то придется адвокату ехать в Ярославль — лишний расход.

Таким образом, по всем вероятностям, они начнут с Федора Михайловича или Михаила Михайловича (младшего).

У Федора Михайловича я обедал и вернулся домой часов в десять» (там же).

130. А. Н. СНИТКИН — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 1 октября 1877 г.

... Редактор журнала «Детское чтение» Виктор Петрович Острогорский¹, зная, что мы с Федором Михайловичем в родстве, просил меня попросить Федора Михайловича, не будет ли он в состоянии уделить что-нибудь из его портфеля для напечатания в декабрьской книжке журнала. Это бы, сама знаешь, подняло бы журнал в глазах публики, и действительно полезное дело приняло бы широкий размер. В. П. Острогорский лично бы попросил Федора Михайловича, но ему хочется наперед знать, как бы он принял эту просьбу. Далее, очень бы хотелось редакции, если бы Федор Михайлович принял участие в редакционной комиссии на будущей неделе. Будут обсуждать вопросы о художественном чтении и музыкальном образовании. Будут: Римский-Корсаков², Соловьев³, Брянский⁴ и др. Им бы очень желалось выслушать мнение такого высокого художника, как Федор Михайлович. Не предварив его, может быть приглашение прошло бы для него бесследно. Так что поговори с мужем и сообщи мне до понедельника письмом в Лар⁵инскую гимназию, по 6-й линии, а я передам Острогорскому. Если Федор Михайлович согласится переговорить с ним, то напиши, когда его можно видеть. Вообще повлияй, это дело очень хорошее, и Острогорский — преданный делу человек⁵...

Автограф. ИРЛИ. 30373.с.СХIII165.

¹ «Детское чтение» — ежемесячный журнал для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

Виктор Петрович Острогорский (1840—1902) — известный педагог, автор многочисленных трудов по вопросам воспитания.

² Николай Андреевич Римский-Корсаков (1844—1908) — знаменитый композитор.

³ Вероятно, Всеволод Сергеевич Соловьев.

⁴ Михаил Васильевич Брянский (1831—1908) — художник.

⁵ Принял ли Достоевский участие в этом обсуждении — не установлено.

131. Д. И. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 23 октября 1877 г.

... Вчера мы сговорились с Сашей¹ быть у Федора Михайловича, и я сегодня вышла из дому в половине двенадцатого часа утра, проехала по конной до Невского, прошла пешком до Литейной, в это же время заходила в Казанский собор, по Литейной проехала до сашиной квартиры, там я отдохнула немножко, и потом мы отправились к Федору Михайловичу. От него я узнала, что он получил повестку, кажется из суда, о взыскании с него денег по куманинскому наследству; дело будет разбираться 11 ноября². Первый был вопрос Федора Михайловича: «Получили вы такую повестку, как я?» и стал мне ее читать; повестка эта общая ко всем наследникам, и ты в ней стоишь первый, потом Федор Михайлович, и так далее. Получил он эту повестку 18 октября и до сих пор еще ничего не предпринимал делать по этому делу. Но, как я заметила, что это его очень волнует. Анна Григорьевна хотела завтра написать письмо Лохвицкому³, который теперь в Москве; а мы с Сашей посоветовали послать ему еще и телеграмму, чтобы он ответил, возьмется ли за это дело. Саша хотел пойти к Федору Михайловичу дня через три, чтобы узнать о результате этого дела <...> Федор Михайлович, как видно, ничего в этом деле не понимает, говоря, что он не юрист, а боится, что оно будет проиграно, так же, как и Николай Михайловича, если не будет поверенного при разбирательстве этого дела. Он подозревает Шер⁴ в заговоре с Александрой Михайловной⁵. Это его слова. Но будет об этом. Вышли мы с Сашей от Федора Михайловича в четыре часа...

Автограф. ЛБ, ф. 93.III.10.32.

¹ А. А. Достоевский — сын Д. И. и А. М. Достоевских.

² См. п. 129.

³ Об А. В. Лохвицком см. в примеч. 3 к п.129.

⁴ Владимир Дмитриевич Шер — двоюродный брат Достоевского и его сонаследник по имению Куманиных. Достоевский в одном из своих писем охарактеризовал его как «мошенника», «надувалу», «валета» («Письма», IV, стр. 107).

⁵ Александра Михайловна — сестра писателя.

132. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург〉 23 октября 1877 г.

Сейчас вернулся, дорогой папа, от Федора Михайловича, куда мы ходили вместе с мамой. Мама, как мы условились с ней вчера, зашла за мной, и мы часа в три отправились вместе к дяде; посидели мы у него часа полтора, и так как мама не хотела оставаться обедать, то мы вышли от них часов в пять и пошли обедать в кухмистерскую <...> Не хотела остаться обедать у Федора Михайловича мама потому, что в этот день Женья не особенно хорошо себя чувствовала. У Федора Михайловича мы узнали следующее: Самарский-Быховец подал иск на всех наследников, т. е. на вас, Федора Михайловича старшего, Федора Михайловича младшего и Шер. Федор Михайлович уже получил повестку из окружного суда с приглашением явиться на 11 ноября. Я думаю, что и вы получили уж такую повестку. Федор Михайлович думает предпринять следующее: он напишет в Моксву к Лохвицкому с предложением взяться за дело; если от него получится ответ отрицательный, то он обратится к кому-нибудь из здешних хороших адвокатов ¹. Теперь дело вот в чем. Оставьте ли вы своим адвокатом Корша или хотите присоединиться к Федору Михайловичу, чтобы действовать с ним заодно? Хорошо бы было, если бы вы ответили мне сейчас же, потому что я пойду к Федору Михайловичу дней через пять, чтобы узнать о результатах письма к Лохвицкому, и сообщу при этом о вашем решении. Хотя вы и писали, что согласны действовать заодно с Федором Михайловичем, но все-таки нужно знать ваше окончательное решение²...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 27.

¹ Письмо Достоевского к Лохвицкому до нас не дошло. Ответное письмо Лохвицкого см. в примеч. к следующему письму.

² 30 октября А. А. Достоевский сообщал отцу:

«Сейчас только вернулся, дорогой папа, от Федора Михайловича. Сегодня день его рождения, и он раньше звал меня на этот день. Кроме меня, были еще Николай Михайлович и Федор Михайлович младший, который теперь совсем уже поселился в Петербурге. Анна Григорьевна сообщила мне, между прочим, что они писали Лохвицкому, но ответа еще от него нет. Федор же Михайлович младший сообщил, что он вчера был у Казанских и они ему сказали, что отказали Коршу и взяли от него обратно все доверенности и хотят пригласить Лохвицкого и присоединиться к Федору Михайловичу. Анна Григорьевна хотела мне дать знать, как только получится письмо от Лохвицкого. Таким образом, Корш совершенно отрешен от дела...»

133. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. А. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург〉 4 ноября 1877 г.

... Два дня тому назад мы получили письмо от Лохвицкого, я прилагаю при сем точную с него копию ¹. Как видите, он с удовольствием берется защищать нас, но боится, что не попадет к назначенному сроку (к 11 ноября) в Петербург. Он просит разузнать, будет ли разбираться дело по существу 11 ноября или будет назначено заседание на другое число.

Я ездила в суд, в совет присяжных поверенных, и узнала там *наверно*, что 11-го дело разбираться не будет. С своей стороны Федор Михайлович старший спрашивал совета у присяжного поверенного Гаевского (тоже знаменитость)², и тот подтвердил ему, что 11-го разбирательства дела не будет и что в этот день только назначат день заседания и ни в каком случае раньше недели. Таким образом, мы полагаем, что заседание будет после 20-го и что Лохвицкий будет нас защищать <...>

Я хотела известить вас о письме Лохвицкого тотчас, как мы получили его, но решила отложить, пока мы не спросили мнения у присяжных поверенных.

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 57.

¹ А. В. Лохвицкий писал Достоевскому 1 ноября 1877 г., в ответ на не дошедшее до нас письмо:

«Многоуважаемый Федор Михайлович! С 25 октября я был в Петербурге, сегодня возвратился и застал ваше письмо, на которое спешу отвечать.

Мне было бы *особенно* приятно помочь вам в вашем деле, но не могу вам обещать по следующей причине: 15 ноября назначено в Бирюче к слушанию уголовное дело, по которому я состою защитником; по расчислению поездов я должен выехать из Москвы 10-го и никак не позже 11 ноября. Вы видите, что я не могу быть в Петербурге 11 ноября <...> Может быть, заседание для слушания дела по существу будет назначено после 20 ноября, тогда я могу быть в Петербурге и охотно явлюсь вашим защитником. Сверх того, может быть, дело в Бирюче будет отложено (как это случилось уже два раза), — тогда я также могу приехать в Петербург к сроку. Я хорошо понимаю, что вам нельзя останавливаться на гадательных предположениях о моей явке и следует избрать себе другого поверенного, кроме того случая (маловероятного), что заседание по существу будет назначено после 20 ноября. Справьтесь об этом и уведомьте меня.

Во всяком случае, даю вам слово, если вы признаете нужным, защищать ваше дело в Судебной палате. С истинным уважением остаюсь преданный вам А. Л о х в и ц к и й (копия рукой А. Г. Достоевской. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 27).

² Виктор Павлович *Гаевский* (1826—1888) — историк литературы и юрист, один из членов-основателей Литературного фонда.

134. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург> 14 ноября 1877 г.

... В пятницу я заходил в окружной суд, где мы сговорились встретиться с Анной Григорьевной. Разбирательства дела, конечно, не было. Как вы и писали, стороны приглашались только в канцелярию для предварительных совещаний; но, кроме нас с Анной Григорьевной, никого не было; в суде нам сообщили, что ответчики имеют право просить о назначении дня для разбирательства дела только в этот день, т. е. в пятницу до трех часов дня; так как Федор Михайлович сначала не приехал, то Анна Григорьевна тотчас отправилась за ним и потом вместе они опять поехали в окружной суд; о результатах этого посещения Анна Григорьевна уведомила меня на следующий день письмом: в суде они говорили с товарищем председателя и когда просили, чтобы дело было назначено после 20 ноября, то он им ответил, что разбирательство будет не так скоро; дело в том, что один из Ставровских живет за границей, и о вызове его будут печататься в «Сенатских ведомостях» три раза объявления, а если через *шесть* месяцев он не приедет, то дело будет разбираться без него. Почти вероятно, как говорят Федор Михайлович и Анна Григорьевна, он не приедет раньше шести месяцев; если бы он был истцом — он поторопился бы приехать, а так как он в этом деле является ответчиком, то он если и узнает каким-нибудь образом о вызове в суд, то будет откладывать свой приезд или наем адвоката до последней возможности. Таким образом, как говорит и товарищ председателя, дело будет разбираться не раньше как через семь месяцев <...>

Вчера мы собирались с мамой к Федору Михайловичу, но не отправились, потому что Анна Григорьевна написала нам, что в воскресенье утром они будут в концерте¹.

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 27.

¹ В воскресенье 13 ноября в зале Дворянского собрания состоялся «последний утренний русский концерт» Д. А. Славянского («Новое время», 1877, № 615, 13 ноября).

135. Д. И. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 14 ноября 1877 г.

... <Вчера вечером> пришел Саша и предложил мне, не пойду ли я с ним завтра, т. е. в воскресенье, к Федору Михайловичу, чтобы вместе поговорить с ним о том, чтобы Лохвицкий взялся защищать твое дело; при этом Саша сказал: «Отчего бы папе самому не написать Федору Михайловичу?...» Я сказала Саше, чтобы он вел переговоры по этому делу без меня; но потом подумала и сказала, что приду к нему завтра на квартиру и там решу, пойду ли я с ним или нет? В воскресенье я пораньше собралась и вышла из дому еще до завтрака и пришла к Саше около двух часов (а мы с ним условились, чтобы он меня ждал только до трех часов). Саша очень любезно меня принял; угостил отличным кофе и сообщил, что к Федору Михайловичу идти не нужно: Анна Григорьевна предупредила его запиской, содержание которой Саша, вероятно, тебе сообщил¹. Я, разумеется, осталась довольна, что мне не нужно объясняться по этому делу с Федором Михайловичем <...>

Сейчас была Анна Григорьевна, я ей сказала о твоём желании, т. е. об Лохвицком, она сказала, что Федор Михайлович непременно ему скажет об этом. Приглашала меня обедать в следующее воскресенье, но я не обещала ей наверное, может быть, в этот день будет крестины²...

Автограф. ЛБ, ф. 93. III.10.32.

¹ См. п. 134.

² В письме, написанном 20 ноября, накануне отъезда из Петербурга, Доменика Ивановна сообщила мужу: «Саша выдержал у Грубера <...> Сегодня мы с ним обедаем у Федора Михайловича» (Авт. ЛБ, ф. 93. III.10.32).

18 ноября Е. А. Рыкачева писала отцу, А. М. Достоевскому: «...Володя немного беспокоился вчера, но ночь провел хорошо. Сегодня мы хотим его окрестить; из посторонних никого не будет, кроме дяди Федора Михайловича и Анны Григорьевны, и то мы не знаем, придет ли еще дядя; Анна же Григорьевна будет...» (Авт. ЛБ, ф. 93. III.10.32).

136. Д. Л. МОРДОВЦЕВ — В. Д. АЛЕКСАНДРОВОЙ

С.-Петербург. 21 декабря 1877 г.

... 13 декабря был второй литературный обед (сначала была повестка, что собираться в клубе, который позволили открыть, но потом, по неустройству еще в клубе, опять собрались у Палкина)¹. На этом обеде, между прочим, были: Стасюлевич, Спасович, Плещеев, Курочкин, Полетика, Бутлеров, Гайдебуров, Достоевский, проф. Андреевский, Вейнберг, Микешин, Полонский-поэт, Скабичевский, Чубинский, Максимов, Каразин и т. д., и т. д. После обеда был выбор обеденного комитета, закрытою баллотировкою. Смешной эпизод: нужно было выбрать шесть членов, и надо было шесть имен написать на карточке. Сижу и пишу, кого выбрать — Стасюлевич, Спасович, Менделеев, Бутлеров — ну и думаю, кого бы еще вписать? Вдруг подбегает ко мне молодой блондин и шепчет: «Пишите Мордовцева». — «Да я сам Мордовцев», — отвечаю ему; сконфузился, смеется. Оказалось, что это Станюкович, который не знал меня в лицо. Стали считать шары: больше всех голосов оказалось в пользу прошлых

членов комитета (бюро) — Стасюлевича, Спасовича, Бутлерова, Менделеева, Гайдебурова и Боборыкина. Когда считали шары, то мое имя часто слышалось, но потом объявили, что я потому не попал в число членов комитета, что Боборыкин превысил меня несколькими голосами. Да мне и некогда было бы исполнять эту обязанность. Еще эпизод во время счета голосов: разворачивают бумажку с именами кандидатов и читают:

Стасюлевич, Плещеев, Спасович
И Полонский Иаков Петрович,
Достоевский и Бутлеров — вот комитет,
Идеальней которого нет!

Хочот. Это Вейнберг состряпал тут же. После обеда Микешин (известный памятникомосочинитель Николая, Екатерины и пр.), Чуйко и Станюкович (сконфузившийся-то) ловят меня, увлекают в сторону и подъезжают с тем, чтобы я открыл у них в «Пчеле»² (с рисунками) ряд бесед, подобных м-ру Плюмпудингу, который производит эффект. Ну, нечего делать — обещал им давать славянские беседы от имени не Плюмпудинга³, а брата-славянина ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 320, оп. 2, ед. хр. 1.

Даниил Лукич *Мордовцев* (1830—1905) — историк и романист. Письмо адресовано его дочери Вере Даниловне.

¹ А. Г. Достоевская отмечала в «Воспоминаниях»: «Припоминаю, что в начале 1878 года Федор Михайлович бывал на обедах, которые устраивались каждый месяц Обществом литераторов в разных ресторанах: у Бореля, в „Малоярославце“ и др. Приглашения рассылались за подписью знаменитого химика Д. И. Менделеева. На этих обедах собирались исключительно литераторы самых различных партий, и здесь Федор Михайлович встречался со своими самыми заклятыми литературными врагами. За зиму (1878 года) Федор Михайлович побывал на этих обедах раза четыре и всегда возвращался с них очень возбужденный и с интересом рассказывал мне о своих неожиданных встречах и знакомствах» (стр. 326).

² Михаил Матвеевич *Стасюлевич* (1826—1911) — историк, редактор-издатель «Вестника Европы». Василий Аполлонович *Полетика* (? — 1888) — издатель «Биржевых ведомостей» и «Молвы». Александр Михайлович *Бутлеров* (1828—1886) — известный химик. Павел Александрович *Гайдебуров* (1841—1893) — редактор-издатель «Недели». Иван Ефимович *Андреевский* (1831—1891) — юрист. Петр Исаевич *Вейнберг* (1831—1908) — поэт и переводчик. Михаил Осипович *Микешин* (1836—1896) — скульптор и художник. Александр Михайлович *Скабичевский* (1838—1910) — литературный критик, сотрудник «Отечественных записок». Павел Платонович *Чубинский* (1839—1884) — этнограф и статистик. Николай Николаевич *Каразин* (1842—1908) — романист, художник, военный корреспондент «Нового времени».

³ «Пчела» — «русская иллюстрация, журнал искусства и литературы, политики и общественной жизни», выходил в Петербурге в 1875—1878 гг. (ранее этот журнал назывался «Сияние»).

³ Под псевдонимом *Джемс Плюмпудинг-асквейр* Мордовцев печатал свои фельетоны в «Новом времени».

137. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 20 февраля 1878 г.

... В пятницу, возвратившись домой с лекций, застал письмо от Анны Григорьевны Достоевской, в котором она приглашает меня прийти к ним обедать. К обеду пришли также Рыкачевы с Варей, потом Николай Михайлович, Федор Михайлович младший, родственник Анны Григорьевны Сниткин¹ с женой и, наконец, пасынок Федора Михайловича, фамилии коего не знаю². Причина такого званого обеда — именины Федора Михайловича. Обед был очень хорош — было даже шампанское. После обеда мы все отправились по домам ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 28.

¹ Об А. Н. Сниткине см. в п. 115.

² П. И. Исаев.

ПРОГРАММА ЛИТЕРАТУРНОГО
УТРА В ПОЛЬЗУ НУЖДАЮЩИХСЯ
УЧЕНИКОВ ЛАРИНСКОЙ ГИМНАЗИИ
С УЧАСТИЕМ ДОСТОЕВСКОГО
16 ДЕКАБРЯ 1879 г.

Достоевский читал рассказ «Мальчик
у Христа на елке»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского,
Москва

ВЪ ЗАЛѢ БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ

(У Подицкаго моста, д. Елисеевскі)

ИМѢТЬ БЫТЬ

Въ Воскресенье, 16-го Декабря,
въ 1 часть пополудни,

въ пользу Общества вспомошествованія нуж-
дающимся ученикамъ Ларинской гимназіи,

ЛИТЕРАТУРНОЕ УТРО,

съ участіемъ Гг. Ф. М. Достоевскаго, Д. В.
Григоровича, А. Н. Плещеева, А. А. По-
тѣхина, А. И. Пальма и П. И. Вейнберга.

ПРОГРАММА:

1-е отдѣленіе.

1. Корнелия (изъ Конне), переводъ П. И. Вейнберга
прочтеть переводчикъ
2. «Мать и дочь» Д. В. Григоровича
прочтеть авторъ.
3. Вторая картина 2-го дѣйствія комедіи
«Нашъ другъ Носкино» А. И. Пальма
прочтеть авторъ.

2-е отдѣленіе.

4. «Крестянскіе дѣти» А. А. Потѣхина
прочтеть авторъ.
5. «Мальчикъ у Христа на елкѣ» Ф. М. Достоевскаго
прочтеть авторъ.
6. Отхотѣсенія: А. Н. Плещеева
а) Дѣтство.
б) На родинѣ.
прочтеть авторъ.

138. А. Н. СНИТКИН — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 11 апреля 1878 г.

Не нахожу слов благодарить тебя за оказанное одолжение. Еще более благодарен Федору Михайловичу¹. Вчера я был у Тришина, и сверх всяких ожиданий устроилось дело без всяких солдатских рассуждений. Напротив, все точно уже было сделано и распоряжено, и Тришин оказался очень приятным человеком. Я ему заплатил 5 рублей 40, т. е. за три месяца...

Автограф. ИРЛИ. 30373.с.СХIII65.

¹ Достоевский дал ростовщикам Тришиным письменное поручительство за Сниткина. См. п. 143.

139. В. И. ПРИБЫТКОВА — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» Лесной корпус, 8 мая (1878 г.)

... Ливчаку я написала, как советовал Федор Михайлович, спрашиваю его о согласии действовать одной¹; в четверг жду ответа, по получении которого через два дня уеду в Москву² ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 7. 121. Дата уточняется по упоминанию в опускаемой части письма о предстоящем издании (с будущего года) журнала «Русская речь».

Варвара Ивановна *Прибыткова* — петербургская спиритка, с которой Достоевский, по его собственным словам, был знаком «лишь самым отдаленным образом» («Письма», IV, стр. 22). В своих позднейших «Воспоминаниях о Достоевском», напечатанных в «еженедельном загадочном» спиритском журнале «Ребус», она замечала по поводу отношения писателя к спиритизму: «Действительно, Федор Михайлович не любил его, не раз уговаривал он меня оставить эти занятия, по его мнению, вредные во всех отношениях, но, несмотря на такой взгляд, что-то тянуло его к нелюбимому вопросу, которому он, несомненно, придавал значение, очень серьезное, и резко осуждал существовавшее в то время почти поголовное над ним глумление. Очень часто, если не всякий раз, при наших встречах, он сам заговаривал о спиритизме, не обращая внимания на мою неохоту вступать в прения, обыкновенно кончавшиеся ничем» («Ребус», 1885, № 25, стр. 230). Неизданное письмо Прибытковой к Достоевскому (26 октября 1873 г.) хранится в ИРЛИ. Ср. «Письма», IV, стр. 349—350.

¹ В начале мая 1878 г. Прибыткова явилась к Достоевскому «со странным предложением» — вскрыть какой-то ящик и пакет, которые должны были прибыть на его имя от спирита И. Н. Ливчака, «чтоб быть каким-то свидетелем чего-то и почему-то». Полученное затем письмо от Ливчака из Вильны, датированное 2 мая, разъяснило дело. Оказалось, что Ливчак поручал Достоевскому «продвинуть» в «высших сферах» какой-то его «военно-технический проект». Письмо это начиналось словами: «По стечению обстоятельств, известных нашей достоуважаемой Варваре Ивановне Прибытковой, мне приходится обратиться к вам с некоторою оригинальной просьбой» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 6. 26).

6 мая в ответном письме Достоевский наотрез отказался от выполнения этого поручения («Письма», IV, стр. 21—23). Он, вероятно, посоветовал Прибытковой сообщить Ливчаку, что она сама берет на себя это дело.

² К своему письму Прибыткова приложила автографы В. В. и Т. П. Пассеков для коллекции А. Г. Достоевской.

140. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈Старая Русса. 17 июля 1878 г.〉

... Я очень сердита на вас за то, что вы не подаете о себе вести, а вы сами знаете, что мы интересуемся всем, что до вас относится. Мы, слава богу, здоровы, за исключением меня; я слабею все более и более и не думаю, что могу поправиться здесь. Лето это самое тоскливое, какое я когда-либо проводила: все вспоминаешь бедного милого Лешу, и так жалко, больно, что его уже нет. Я жду — не дождусь осени; авось при моей всегдашней беготне я не буду так чувствовать нашу потерю. Федор Михайлович ездил в Москву и в Оптину Пустынь, проездил две недели и вернулся очень оживленный ¹. Теперь он засядет за работу и проработает до глубокой осени. У него теперь Федор Михайлович ², и сегодня его концерт, который, вероятно, удастся. К нашей досаде, здесь очень дурная погода и почти каждый день дождь. Это заставляет сидеть дома и ужасно расстраивает нервы. У нас была жена моего брата ³ и оставила здесь своего сына, мальчика лет пяти, лечиться ваннами. Они ему очень помогли, и мальчик поздоровел. Не знаю, когда мы вернемся в город, сколько придется вынести суетни при приезде в город и найме квартиры, страшно подумать! <...〉

Мама и дети велели передать поклон; Федор Михайлович сам будет писать вам <...〉

18 июля 1878 г.

С Федором Михайловичем в эту ночь был сильный припадок, и он не в состоянии писать вам. Он поручил мне передать вам, что у Федора Михайловича младшего находятся для вас десять рублей. Федор Михайлович жалеет, что не может прислать больше. Не будете ли вы как-нибудь в городе и не зайдете ли в суд узнать о нашем деле? Очень бы обязали <...〉

Концерт имел значительный успех.

Автограф. ИРЛИ. 20413.с.СХIII69.

¹ Трехлетний сын Достоевского Алеша умер от эпилептического припадка 16 мая 1878 г.

«Федор Михайлович был страшно поражен этой смертью, — писала А. Г. Достоевская в своих воспоминаниях. — Он как-то особенно любил Лешу почти болезненно любовью, точно предчувствуя, что его скоро лишится <...> Чтобы хоть несколько успокоить Федора Михайловича и отвлечь его от грустных дум, я упросила Вл. С. Соловьева, посещавшего нас в эти дни нашей скорби, уговорить Федора Михайловича поехать с ним в Оптину Пустынь, куда Соловьев собирался ехать этим летом. Посещение Оптиной Пустыни было давнишнею мечтою Федора Михайловича» (стр. 322). Поездка эта, отразившаяся в ряде глав «Братьев Карамазовых», состоялась в конце июня 1878 г.

² Племянник Достоевского.

³ Ольга Кирилловна Сниткина.

141. В. М. КАРЕПИНА — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«Москва» 5 августа <1878 г.>

... Милая сестра Анна Григорьевна, обращаюсь и к вам с моею покорнейшею просьбою: попросите брата Федора Михайловича написать кому он сочтет лучше и попросить о покровительстве. Не смею очень надоедать вам, но вы можете судить, какое большое одолжение вы сделали бы для меня, если б напомнили брату о моей просьбе ¹ ...

Автограф. ИРЛИ. 29736.с.СХI66.

¹ В том же письме, обращаясь к Достоевскому, В. М. Карепина просила оказать содействие ее тяжело больному сыну, военному врачу А. П. Карепину, находящемуся на фронте, — в скорейшем получении очередного чина и ордена Станислава 2-й степени:

«Милый брат, так как, по совету твоему, я тогда писала А. П. о твоём знакомстве с Радецким и Главнокомандующим, то А. П. и просит, нельзя ли написать кому-нибудь из этих высокопоставленных особ и попросить о покровительстве, покуда еще все они находятся на театре войны. Милый брат, я уверена, что если б ты написал к Главнокомандующему, то ради тебя он сделал бы что-нибудь для А. П. Голубчик мой, не откажи в нижайшей моей просьбе. Ты уж знаешь, как написать, стоит тебе только пожелать сделать для меня эту милость».

142. В. Д. ШЕР — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Москва. 14 октября 1878 г.

... Получил я письмо от вашего брата Федора Михайловича, в котором он изъявляет согласие на продажу семидесяти десятин ¹, но, во-первых, клочок этот не обмерен, и нет на него плана; может быть, в нем будет больше, может быть меньше; во-вторых, не имея доверенностей от всех вас, Достоевских, я не могу взять задатка; поверенного своего ни племянники ваши, ни Федор Михайлович присылать не хотят. Если вы желаете, чтоб эта продажа состоялась, чего очень желают мамаша и Ставропские, то, пожалуйста, сообщите всем вашим, что необходимо им прислать их поверенного, или же выслать мне доверенность. Очень жаль, если продажа эта не состоится, мы замучаем покупателей нашим несогласием <...> Непременно нужно, чтобы Федор Михайлович дал доверенность <...> Будьте так добры, сообщите мне адрес вашего брата Федора Михайловича и Полякова Бориса Борисовича ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 312, ед. хр. 218.

¹ Письмо Достоевского, датированное 11 октября 1878 г. («Письма», IV, стр. 37).

143. А. Н. СНИТКИН — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

〈С.-Петербург〉 15 октября 〈1878 г.〉

Добрейшая Анна Григорьевна, сегодня получил твое письмо, в котором ты меня упрекаешь в бесестном поступке в отношении тебя по неуплате долгу Тришину¹. Конечно, с первого разу нет ему и извинения, но разбери строго, и тогда ты не будешь так неумолима ко мне. Во-первых, часто, как ты сама знаешь, самый честнейший человек делает бесчестный поступок от безвыходного положения. Он бы и рад быть образцом честности, да трудно перенести голод и всяческие лишения своей семьи <...〉 Когда я был последний раз у Тришина и отдавал ему двадцать рублей, он выражал готовность и отсрочить при условии платежа процентов <...〉 Перед отъездом я послал ему сказать, что Анна Григорьевна заплатит ему, по приезде, рассчитывая, что я тебе вышлю к этому времени, но не удалось <...〉 Ты, намекая мне на требования чести, сама хочешь сделать поступок неблагородный в отношении ничем не повинной моей жены. Она даже и не знает про Тришина <...〉, а ты хочешь в день отъезда на всю дорогу дать мучений, приехав с нею объясняться по поводу этого дела. Но что тебе это поможет, — кроме того, что даст мне новые муки, которые не заплатят тебе долга? Вместе с твоим письмом получил от нее, где она пишет, что «еду прощаться с Нюшей и Федором Михайловичем». Хороша она поедет от вас?..

Автограф. ИРЛИ. 30373.с.СХШ65.

¹ Это письмо А. Г. Достоевской не сохранилось.

30 августа, откликаясь на неизвестное письмо Достоевского, И. Тришин писал: «Письмо ваше от 27 августа я получил 28 числа и спешу отвечать вам, что Сниткин был у нас того же числа вечером и отдал только 20 рублей и уплатил проценты, а остальные сорок рублей он обещал отдать 8 сентября, ибо он тогда получит прогонные деньги. Насчет тридцати рублей он сказал, что не должен их вам, а когда мы показали ему ваше вышеупомянутое письмо, тогда он сказал, что сам будет писать вам об них» (Авт. ИРЛИ. 29873.с.СХ1612). Как явствует из публикуемого письма, Сниткин снова отказался уплатить Тришину, и долг таким образом пал на его поручителя — Достоевского. Этим и было вызвано негодующее письмо Анны Григорьевны.

144. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург. 16 ноября 1878 г.〉

... Вы, вероятно, уже знаете из письма Евгении Андреевны, что заседание по нашему делу назначено 23 сего ноября. К нашему большому горю, Лохвицкий не может вести нашего дела, так как исключен из состава присяжных поверенных. Сегодня Федор Михайлович был у другой здешней знаменитости, Гаевского, юрисконсульта Государственного банка. Хотя Гаевский и очень хорош с Федором Михайловичем, но не взялся вести дело, так как кончает свою карьеру. Он рекомендовал Федору Михайловичу очень добросовестного адвоката Вильгельма Осиповича Люстига¹ и, кроме того, обещал вместе с Люстигом просмотреть наше дело и дать нужные советы. Завтра Федор Михайлович увидится с Люстигом, и решится вопрос, будет ли он вести дело. Так как нужна от вас доверенность, то в случае благоприятного ответа от Люстига, мы будем вам телеграфировать, прося вас выслать доверенность на имя присяжного поверенного Вильгельма Осиповича Люстига <...〉

Федор Михайлович просит передать вам и многоуважаемой Доменике Ивановне его уважение. Федор Михайлович недавно вернулся из Москвы и не совсем хорошо себя чувствует, а потому и поручил мне написать вам <...〉

Веселовского ² мы решили *не брать*, по причинам, о которых трудно в письме рассказывать ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 56.

¹ Вильгельм Иосифович Люстих (1844—1915) — адвокат, член Совета присяжных поверенных, защитник крестьянки Корниловой на судебном процессе, освещавшемся в «Дневнике писателя».

² О Веселовском см. в примеч. 1 к п. 70.

145. Н. Н. СТРАХОВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 16 ноября 1878 г.

... Случилось что-то необыкновенное. Мой начальник Иван Давыдович Делянов ¹ позвал меня сегодня. Поэтому позвольте мне обедать у вас завтра, в пятницу, если это возможно. Вчера я надеялся видеть Федора Михайловича у Мещерского и ждал его там до одиннадцати часов. Потом, вообразивши, что, может быть, его увлекли Штакеншнейдеры, я поехал к ним и очень их удивил, — словом, я там накушался, как только возможно. Усердно прошу вас извинить меня, что не извещил вас раньше, теперь пишу к вам, потому что вы, верно, уж встали, а Федор Михайлович — еще нет ² ...

Автограф. ИРЛИ. 30283. с.СХII66.

¹ Граф Иван Давыдович Делянов (1818—1897) — попечитель Петербургского учебного округа; в 1882—1887 гг. — министр народного просвещения.

² Достоевский, как известно, работал ночами и поэтому нередко вставал очень поздно.

146. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 19 ноября 1878 г.

... Сейчас я вернулась от Люстиха и по совету мужа пишу вам. Люстих, как вы знаете из вчерашней телеграммы ¹, взялся вести дело и просил, чтобы вы выслали ему доверенность. Но, рассмотрев дело, он пришел к убеждению, что мы *проиграем наверно* «...» Люстих советует нам покориться и согласиться уплатить Александре Михайловне 1157 рублей «...» Мы, т. е. муж и я, еще не решили окончательно, помириться или нет, но считаем долгом представить вам это обстоятельство на вид, чтобы после не было каких недоразумений «...» Ужасно нас волнует это проклятое дело «...» Советовать вам что-либо в этом деле мы ничего не можем, потому что сами еще не решили, как мы поступим; но уведомить вас, *во всяком случае*, Федор Михайлович счел необходимым ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 56.

¹ Эта телеграмма неизвестна.

147. И. Ф. ЗОЛОТАРЕВ — А. Н. МАЙКОВУ

«С.-Петербург» 19 ноября «1878 г.»

... Совет нашего Славянского общества дает послезавтра, *во вторник, в ресторане Демута скромный и недорогой обед* приехавшему сюда министру народного просвещения в Сербии Василéвичу, которого и Москва чествовала трапезою как патриота, преданного нам и искренне любящего Россию ¹. Мне поручено убедительнейше просить вас, а через вас и

Ф. М. Достоевского² принять участие в этом обеде. Будет до тридцати человек. Хотим быть во фраках. Обед в шесть часов. Не откажите ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 6. 44.

Иван Федорович Золотарев (1813—1881) — чиновник Министерства внутренних дел, член Русского географического общества, делегат, как и Достоевский, от Славянского благотворительного общества на Пушкинских торжествах 1880 г.

¹ 23 ноября 1878 г. в «С.-Петербургских ведомостях», № 323 сообщалось:

«На днях приехал в Петербург министр народного просвещения и духовных дел Сербии Алимпий Васильевич.

Приезд дорогого сербского гостя особенно потому был приятен для России и русского общества, что сербское правительство решило ввести преподавание русского языка как главного предмета во все школы Сербии, и начало это введение с великой школы, семинарий и учительских семинарий. Алимпий Васильевич, по положению своему, призван привести эту меру к осуществлению. Благодаря этой мере, весь сербский грамотный и интеллигентный люд сольется в одно умственное целое с громадною массою русского населения. В Петербурге Алимпий Васильевич был принят всеми с чрезвычайным радушием и вниманием».

На обеде, состоявшемся 21 ноября, Достоевский, по-видимому, не присутствовал (см. перечисление «друзей славянства», участвовавших в этом обеде — среди них был Майков, и текст речей, в той же газете, № 324, 24 ноября. Ср. «Новости», № 302, 25 ноября).

² На автографе публикуемого письма Майков вечером 20 ноября сделал следующую надпись:

«Пересылаю вам, любезнейший Федор Михайлович, это письмо. Автора его — Золотарева, кажется, вы знаете; если ж нет, то из почерка увидите, какой это почтенный человек».

143. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 30 ноября 1878 г.

Позвольте вас поздравить, многоуважаемый брат Андрей Михайлович, с днем вашего ангела и от души пожелать вам здоровья, счастья и всякого благополучия. Федор Михайлович просит передать вам его поздравления и пожелания всего лучшего. Простите меня, что я замедлила сообщить о результате заседания. Я была в суде, и дело, по просьбе Люстиха, было отложено на неопределенное время в виду того обстоятельства, что Люстиху не была представлена вовремя копия с решения Сената по делу Николая Михайловича. На суде был приехавший из Москвы собственнo на это заседание поверенный госпожи Шер, присяжный поверенный Попов. Он настаивал, чтоб дело было выслушано, но суд все-таки отложил заседание. До заседания Люстих долго разговаривал с Поповым, и тут вдруг выяснилось одно странное обстоятельство, а именно: Попов утверждает, что госпожа Шер хочет отказаться от наследства, так как оно будто бы слишком малоценно, и хочет предоставить его наследникам *по завещанию*, то есть чтобы каждый наследник *по завещанию* вступил в общее владение. Может случиться такая вещь, что Федор Михайлович не будет иметь никаких прав на это имение, так как он наследник *по закону*, а не *по завещанию*. Каким же образом Федор Михайлович может заключить перемирие с Александрой Михайловной? Он обяжется выплатить ей в определенный срок 1157 рублей, а сам будет лишен своей части в наследстве. Нам в таком случае будет выгоднее вовсе отказаться от наследства, чтоб не пришлось приплачивать из своих собственных денег. Вообще мы теперь находимся в самом неопределенном положении. Мы решили дожидаться вашего приезда в Петербург для того, чтоб, собравшись вместе, решить, как нам теперь поступить¹...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 56.

¹ См. п. 144.

*Владимиру К. сн.
Савостьяно
отъ любящего
Федора*

ДОСТОЕВСКИЙ

Фотография К. Шапиро, Петербург, 1879

С дарственной надписью Достоевского мужу его племянницы В. А. Савостьяновой (дочери А. М. Достоевского): «Владимиру Константиновичу Савостьянову от любящего его Федора Дост(оевского)»

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

149. В. Д. ШЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 3 декабря 1878 г.

Спешу вас уведомить, что мои доверители согласны на раздел и даже предлагают приступить к разделу по планам специального размежевания. Потрудитесь согласить всех ваших, Николая Михайловича и племянников (...). Продажа Шейной, кажется, не состоится вследствие вашего несогласия; пока я вел с вами переговоры, купец, который желал купить, уже передумал, предлагает теперь другие условия, на которые я не могу согласиться. Так как я получил от Федора Михайловича письменное согласие

на продажу¹, то я пригласил землемера. План сделан, затрачены на него деньги, а продажа не состоялась.хлопоты мои пропали даром. Чем платить теперь недоимки? ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, ед. хр. 218.

¹ Это письмо Достоевского к Шеру неизвестно.

150. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург〉 9 декабря 1878 г.

... В среду¹ был у Федора Михайловича. У них обедал и просидел часов до восьми. Федор Михайлович теперь сильно занят своим романом, который появится в январской книжке «Русского вестника». Роман носит название «Братья Карамазовы». Анна Григорьевна с нетерпением ждет вашего приезда, чтобы, как она говорит, всем Достоевским на чем-нибудь остановиться относительно дела ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 28.

¹ Среда приходилась на 6 декабря.

151. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург〉 29 декабря 1878 г.

Приезжайте к нам завтра, 30 декабря, в субботу, в два часа непременно. Не захватите ли с собою книжку за октябрь «Отечественных записок», столь часто забываемую¹?

Автограф. ИРЛИ.30413.с.СХIII69. Почтовая открытка.

¹ В этой книжке «Отеч. записок» напечатан очерк Н. А. Белоголового «Болезнь Николая Алексеевича Некрасова» с подробностями о болезни поэта, его лечении и обстоятельствах смерти.

15 февраля 1879 г. А. Г. Достоевская писала Н. М. Достоевскому: «Что это значит, многоуважаемый Николай Михайлович, что вы у нас так давно не были? Здоровы ли вы? Уж не сердиты ли вы на нас? Это было бы очень жаль. После-завтра Федор Михайлович и Федя — именинники; приходите, пожалуйста, обедать. Очень будем рады. Федор Михайлович начал беспокоиться, что вы так давно не были <...> Мы, слава богу, здоровы, но ужасно боимся чумы...» (Авт. ИРЛИ. 30413.с. СХIII69).

152. А. М. ДОСТОЕВСКИЙ — Л. Н. ТРЕФОЛЕВУ

С.-Петербург. 1 января 1879 г.

... Изредка, но, впрочем, не изредка, а довольно часто, я бываю у брата Федора Михайловича, который, впрочем, теперь сильно занят печатанием в «Русском вестнике» своего нового романа («Братья Карамазовы»). Сегодня у него семейный обед, и вся моя семья из четырех отдельных домов будет у него обедать как у старшего в роде Достоевских, кроме, впрочем, Вари¹, которая, увы, и до сих пор еще в ожидании прибавления семейства² ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 507, оп. 1, ед. хр. 159.

Леонид Николаевич *Трефолов* (1839—1905) — поэт, историк Ярославского края, поддерживал многолетние дружеские отношения с А. М. Достоевским и его семьей, постоянно жившими, как и Трефолов, в Ярославле.

¹ Дочь А. М. Достоевского — Варвара Андреевна *Савостьянова* (1858 — после 1933).

² Этим днем датирована записка Достоевского к брату Николаю, в которой писатель жаловался на нездоровье и безденежье («Письма», IV, стр. 45).

153. Вс. С. СОЛОВЬЕВ — К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

Царское Село. 6 января 1879 г.

... С вашим мнением о романе Маркевича я не совсем согласен, — не смотря на некоторые его достоинства, в общем он мне кажется изрядно скучным¹, и, право, я прочел с гораздо большим интересом «Скрежет зубовный» Авсеенки². Но и то и другое — не бог весть что: совсем у нас мало истинных талантов. Вот теперь жду — не дожидусь нового романа Достоевского — он в последние годы страдает художественной лихорадкой и пишет так: удачная вещь, потом неудачная, потом опять удачная. Теперь очередь за *удачным* романом — авось так оно и будет. Когда же вы подарите нам что-нибудь из русской жизни? — ведь хоть и Козельск, хоть и Оптина Пустынь — но все же и там русским духом пахнет, даже, конечно, гораздо больше, чем в нашем Петербурге. Вот Достоевский так нарочно ездил в Оптину Пустынь прошлым летом для первых глав своего романа...

Автограф. ГЛМ. ОФ. 5040.3.

Константин Николаевич Леонтьев (1831—1891) — романист, публицист и критик, один из видных представителей позднего славянофильства, автор ряда статей о Достоевском. Письмо его, на которое отвечает Соловьев, неизвестно. См. п. 158.

¹ Роман Б. М. Маркевича «Четверть века назад», печатавшийся в 1878 г. в «Русском вестнике».

² В «Скрежете зубовном» Василия Григорьевича Авсеенко (1842—1913) описывалось великосветское общество и высшее чиновничество.

154. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 16 января 1879 г.

... Напишите два словечка о здоровье Федора Михайловича и о том, дошли ли корректуры до места своего назначения¹. Посылаю книги, которые Федор Михайлович желал, и прошу, если можно, возвратить мне Золя «Assommoir», он лежит у Федора Михайловича на письменном столе². И еще, если бы возможность была дать мне «Русскую речь»³, то очень бы одолжили...

Автограф. ИРЛИ. 30335.с.СХII169.

¹ Вероятно А. Г. Достоевская или сам Достоевский дали Штакеншнейдер для прочтения верстку «Братьев Карамазовых», печатавшихся в это время в «Русском вестнике».

² В переписке Достоевского откликов на «Западню» Золя нет.

В его библиотеке находилось пять романов Золя на французском языке: «Завоевание Плассана», «Добыча», «Карьера Ругонов», «Проступок аббата Муре», и «Чрево Парижа» (см. Леонид Г р о с с м а н. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, стр. 141).

³ «Русская речь» — ежемесячный петербургский «журнал литературы, политики и науки». Выходил в 1879—1882 гг. под редакцией А. А. Навроцкого. Отдел «Критические беседы» в нем вел Е. Л. Марков.

155. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 29 января 1879 г.

... А как вы с Федором Михайловичем меня вчера разогорчили, никогда не забуду. Мама тоже ахнула о потерянном, когда я ей рассказала, в чем дело, и говорит: «Разве смели его просить?» Видите, что не все так умны и храбры, как ваши учителя, которые будут ставить (от чего боже упаси) единицы вашим детям, и как критики, которых Федор Михайлович велит уважать¹.

Еще забыла, все из-за того же, спросить у вас «Revue des Deux Mondes», если она больше не нужна Федору Михайловичу². Фельетон Загуляева посылаю³.

Автограф. ИРЛИ.30335.с.СХII59.

¹ По-видимому, Достоевские были накануне у Штакеншнейдеров. В чем суть эпизода, о котором идет речь в письме, — не выяснено.

² Вероятно Достоевский взял у Штакеншнейдер первую книжку парижского журнала «Revue des Deux Mondes» за 1879 г. Работая в это время над «Братьями Карамазовыми», он мог особенно заинтересоваться статьей Поля Жана «Del' instruction primaire au point de vue de Psychologie» («О первоначальном образовании с точки зрения психологии»).

В другой, недатированной записке Штакеншнейдер писала в это время Анна Григорьевна: «Не прочитал ли Федор Михайлович „Revue des Deux Mondes“? Если не прочитал, то я пришлю ему другой экземпляр завтра, а этот чужой, и надо его возвратить. Что делаете Федор Михайлович и вы? Надеюсь, что в будущую субботу вы будете у нас» (там же).

³ Михаил Андреевич Загуляев (1834—1900) — публицист и беллетрист, редактор внутреннего отдела «Journal de St. Pétersbourg», постоянный посетитель салона Штакеншнейдеров. О каком его фельетоне идет речь — не установлено. Загуляев посвятил Достоевскому свою повесть «Скороспелки» («Огонек», 1880, №№ 46—52).

156. И. И. РУМЯНЦЕВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Старая Русса. 31 января <1879 г.>

... Очень дурные вести привозит к нам об вас Ал. Ал. Рудин¹. Говорил, что Федор Михайлович плохо поправляется и у вас глаз болит. Ужели вся зима для вас будет такая неприятная? Сохрани вас господа! Особенно жаль, что болезнь, часто повторяющаяся, отнимает у Федора Михайловича много времени и мы не увидим ныне его «Дневника». Постарайтесь устроить, чтобы наступающее лето принесло вам больше пользы <...>

На ваше доброе участие ко мне могу отозваться теперь с одной довольно подходящей стороны <...> Но, добрая Анна Григорьевна, не тревожьте и Федора Михайловича с этим смыслом, а так, когда придется кстати, а не придется — то оставьте без внимания. — Я уповаю больше на милости от бога² ...

Автограф. ИРЛИ.30241.с.СХII65.

¹ Александр Александрович Рудин — знакомый Достоевских. См. о нем в «Письмах», IV, стр. 364.

² Румянцев рассчитывал, что Достоевский найдет возможность обратить внимание архиерея на его девятилетнюю безвозмездную службу при духовном училище, которая давала ему право на вознаграждение.

157. Н. А. СОЛОВЬЕВ-НЕСМЕЛОВ — И. З. СУРИКОВУ

<С.-Петербург> 23 февраля 1879 г.

Вчера <...> прошел я к А. Н. Якоби¹. Там узнал, что 9 марта будет литературный вечер в пользу Литературного фонда, где будут читать И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, Ф. М. Достоевский, М. Е. Щедрин, Я. П. Полонский, А. Н. Плещеев и еще кто-то² ... Просил достать и мне билет в один рубль — к А. Н. Плещееву уже было поздно тащиться ради разыскивания билета. Да и на душе было очень скверно, тем более, что здесь пришлось услышать о разных пошлостях людей, именующих себя литераторами молодых побегов, — пишущих стихи и т. п. Погрустили мы с А. Н. об измелечании и фатстве людей, играющих печатным словом, и я уехал домой ...

Автограф. ЛБ, ф.295.5336.29.

Николай Александрович Соловьев-Несмелов (1848—1901) — детский писатель, друг, корреспондент и биограф поэта Ивана Захаровича Сурикова (1841—1880).

¹ Об А. Н. Пешковой-Толигеровой (Якоби) см. в п. 126.

² В «Голосе», № 70, 11 марта 1879 г. сообщалось:

«*Литературный вечер*, состоявшийся вчера, 9 марта, в зале Благородного собрания, надолго останется в памяти тех, кому удалось присутствовать на нем. В нашей вялой форменной жизни так редки выражения общественных чувств и общественной мысли, что те овации, которые происходили вчера на этом вечере, казались чем-то необычайным. Они производили освежающее впечатление <...> Взрыв долго не умолкавших рукоплесканий встретил М. Е. Салтыкова. Талантливый сатирик выбрал для прочтения отрывок из „Современной идиллии“ <...> Вторая часть вечера открылась чтением Ф. М. Достоевского. Несколько секунд рукоплескания не давали Ф. М. Достоевскому начать чтение. Чрезвычайно удачный выбор отрывка из романа „Братья Карамазовы“ — „Рассказ по секрету“ — признанья Дмитрия Карамазова младшему брату своему Алексею, — в котором отразились все особенности дарования и манеры автора, и прочитывавное чтение произвели сильное впечатление. В одном месте даже наша публика, холодная и щепетильная, не выдержала и прервала чтение взрывом рукоплесканий». Описав далее триумф Тургенева на этом вечере, репортер замечает: «Счастливы писатели, на чью долю выпадают такие искренние, такие всеобщие знаки глубокого уважения и любви, и еще более должны быть они счастливы сознанием, что все это ими заслужено честным служением родине».

10 марта 1879 г. Ольга Алексеевна Новикова (Киреева, 1840—1925) — известная публицистка славянофильской ориентации, автор книг и статей, посвященных англо-русским отношениям, писала Достоевскому: «...Я чуть не плачу: отчего вы ко мне не вошли? Карточку вашу мне отдали, но ведь я дома была и ждала вас, ждала, не могла дожидаться. Просто горе! А вчера как вы читали великолепно: сердце радовалось. Но как это не нашлось доброго человека, чтоб посоветовать Салтыкову прочесть что-нибудь другое: все было бы лучше! Не смею просить вас к себе, но скажу вам по секрету, что если вы выберете минутку во вторник утром и мне его назначите, я буду дома и снова поджидать вас» (Авт. ЛБ, ф. 93. П.7.26).

В ИРЛИ хранится другое письмо Новиковой к Достоевскому (без даты):

«Дорогой Федор Михайлович. Вот руководящая статья Каткова, которая неясна без моей: прилагаю обе к записке и пользуюсь случаем душевно поблагодарить за посещение. Как ни коротко оно было, все же от него как-то на душе теплее. Спасибо вам» (29791.с.СХ168).

158. К. Н. ЛЕОНТЬЕВ — Вс. С. СОЛОВЬЕВУ

Оптина Пустынь. 1 марта 1879 г.

... Право, хорошо бы нам с вами затем побеседовать обо многом, сидя на широких пнях в здешнем бору. Вы, мне кажется, немножко меньше стали бы нападать на *монахов и попов*. Верьте человеку, который родился в 31 году, а в детство, как вы видите, еще не впал, что для нас, русских, *это самый существенный вопрос*. Православие — это нервная система нашего славянского организма, а как хранить и лелеять художеством красоту и государственную силу этого организма, если мы нашим либеральным, *общевропейским* отчуждением будем ослаблять постепенно эту *нервную жизнь*, эти органически духовные токи?

Достоевский, ваш любимец, понял это ¹ ...

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 98.

¹ Леонтьев имеет в виду основную мысль, которую Достоевский намерен был положить в основу «Братьев Карамазовых»: «Христианство есть единственное убежище Русской земли от всех ее зол» («Письма», IV, стр. 59).

В двух письмах Леонтьева к Соловьеву, относящихся к этому времени, встречаются следующие упоминания о Достоевском:

«...Пришлите мне также — очень, очень прошу вас — оттиск той <вашей> *польской повести*, который мне попался в „Ниве“ случайно — один только отрывок — он восхитил меня, особенно тем, что в нем язык такой простой и благородный, чуждый всех тех юмористических грубостей, от которых избавиться не может ни Тургенев, ни Достоевский, ни даже Толстой...» (15 января 1877 г.).

«...В моих первых повестях из русской жизни — замыслы были оригинальны и серьезны, — форма испорчена <...> А в „В своем краю“ выбор лиц хорош, но и в языке, и в подробностях те же отвратительные грубости и *ненужные реальности*, которые я ненавижу и у Тургенева, и у Некрасова, и у Достоевского и которые недурны только у Щедрина и Писемского...» (из посланной Соловьеву памятной записки «Для биографии К. Н. Леонтьева»).

159. Ю. Д. ЗАСЕЦКАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<С.-Петербург. 13 марта 1879 г.>

Премного благодарю, уважаемая Анна Григорьевна, сожалею только, что вы прислали один билет, а не два ¹. При сем прилагаю четыре рубля и первую часть «Русского вестника» ².

Надеюсь, что вы скоро поправитесь, при такой погоде трудно быть здоровой. Каково, что выстрелили вчера на Дрентеля два раза, разбили окна его кареты, но, слава богу, он остался невредим. Убийца скрылся, как всегда ³.

Мой душевный поклон Феодору Михайловичу. Не знаю, в котором часу чтение!..

Автограф. ИРЛИ. 30080.с.СХ1619.

Юлия Денисовна *Засецкая* (? — 1882) — дочь поэта-партизана Д. В. Давыдова, переводчица, автор книги «Часы досуга»; основательница и патронесса первого в России ночлежного приюта.

¹ По-видимому, речь идет о билете на публичное чтение с участием Достоевского 16 марта 1879 г.

² С января 1879 г. в «Русском вестнике» начали печататься «Братья Карамазовы».

³ Александр Романович *Дрентельн* (1820—1888) — начальник III Отделения и шеф жандармов. Покушение на него было совершено Леоном Филипповичем *Мирским* (ок. 1859 — ок. 1920), которому удалось скрыться. Через несколько месяцев, однако, он был арестован в Таганроге и предан суду.

160. Н. А. СОЛОВЬЕВ-НЕСМЕЛОВ — И. З. СУРИКОВУ

<С.-Петербург> 13 марта 1879 г.

... Бывшие у меня рассказывали, с какими оvationами встретили 9 марта на чтении литературном Тургенева, хотели было после чтения носить его на руках, но он, узнав об этом, боковыми дверями скрылся из собрания. Много сравнительно с другими рукоплескали затем Ф. М. Достоевскому, читавшему, говорят, прекрасно отрывок целостный еще не печатный из своего нового романа «Братья Карамазовы» ¹. С Ф. М. Достоевским, как мне вчера бывший у меня часов в десять вечера один из сотрудников газеты «С.-Петербургские ведомости» говорил, третьего дня случилась оказия, в которой чуть было трагически не погиб наш крупный романист. Дело было так: Ф. М. Достоевский отправился на Петербургскую сторону — это за Невой, где знаменитый домик Петра и где живет теперь по преимуществу петербургская беднота — непроходная; был ли он там у кого в гостях или собирал, как я выражаюсь, жанры для своих литературных эскизов, — пока неизвестно, только он возвращался оттуда поздним вечером, как на него напали проходимцы с целью ограбления и принялись было бить его, и только благодаря какому-то случайно будто бы проезжавшему он спасся. Человек он физически щедушный, больной и нервный — так что при подобной катастрофе мог потерять жизнь. Будто бы слег от этой оказии ².

В пятницу 16 марта предполагается второе литературное чтение с Тургеневым, но без Достоевского и Щедрина, — не знаю, попаду ли и на это, хотя вчера и послал деньги на билет, — достанут ли только ³?..

Автограф. ЛБ, ф.295.5366.2.9.

¹ Племянник Достоевского А. А. Достоевский сообщал родителям 12 марта: «В последнее время я нигде не был в театре; хотел было попасть на литературный вечер, но билетов достать не было никакой возможности. Говорят, скоро будет второй

подобный вечер, думаю на него непременно сходить. Прошлый вечер был ряд оваций Щедрину, Федору Михайловичу, а в особенности Тургеневу, который, говорят, неподражаемо хорошо прочел „Бурмистра“ из „Записок охотника“. Следующий вечер будет замечателен тем, что Тургенев вместе с Савиной прочтет несколько сцен из своего драматического произведения „Провинциалка...“ (Авт. ИРЛИ, ф. 569, ед. хр. 56).

² В газете «Новости», № 63, 11 марта 1879 г. сообщалось под заголовком «Нападение злоумышленника на Ф. М. Достоевского»: «Нам рассказывали о неприятном случае, происшедшем на днях с одним из наших известных писателей, Ф. М. Достоевским. Дело в том, что Федор Михайлович, возвращаясь домой по одной из улиц на Петербургской стороне, подвергся нападению неизвестного человека и только благодаря вовремя подоспевшей помощи был избавлен от рук злоумышленника, который, по словам некоторых лиц, был схвачен и немедленно арестован. Если верить слухам, то нападение сделано с целью грабежа».

Об этом «неприятном случае», происшедшем, по-видимому, в начале марта, А. Г. Достоевская рассказывает в «Воспоминаниях», ошибочно относя его к дате «около двадцатых чисел марта» (стр. 332—333).

Среди бумаг Достоевского сохранилось письмо к нему петербургского градоначальника А. Е. Зурова, датированное 5 марта 1879 г. и, возможно, связанное с этим инцидентом: «...Имею честь уведомить вас, что о случае, изложенном в заявлении вашем от 3 сего марта, составлен местною полицией протокол, который 1 сего марта передан мировому судье; ввиду этого с моей стороны не может быть сделано никаких дальнейших распоряжений по предмету вашего заявления» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.5.25). Заявление Достоевского, о котором здесь идет речь, — неизвестно.

³ См. п. 162.

161. ИЗ ДНЕВНИКА А. А. КИРЕЕВА

С.-Петербург. 18 (марта 1879 г.)

На днях на большом обеде, данном Тургеневу представителями литературы, он произнес тост за те идеалы, которым сочувствует молодое поколение; Достоевский к нему обратился с вопросом: «Что это за идеалы?» Присутствовавшие не дали Тургеневу ответить: «Мы знаем, мы! понимаем...» Потом Тургенев сказал Достоевскому, что дело шло о конституции¹...!!

Автограф. ЛБ. ф. 126.2.8.

Александр Алексеевич *Киреев* (1833—1910) — генерал-лейтенант, член Славянского благотворительного общества. На его визитной карточке обозначено (как должностное): «Состоящий при его императорском высочестве великом князе Константиине Николаевиче». В обширном дневнике Киреева, цитируемом здесь и ниже, встречается ряд упоминаний о Достоевском. Киреев характеризовал Достоевского как писателя, «очень *близкого*» ему «по убеждениям и чувствам» и очень дорогого ему человека (Авт. ЛБ, ф. 93. П.5.70. — Письмо к Ильзе Ивановне Мещериной, 1881).

В архиве Достоевского сохранилось несколько адресованных ему писем Киреева. В одном из них он просит прислать ему, «если можно, на несколько часов», январскую книгу «Русского вестника» (с последней частью «Карамазовых»); в другом Киреев рекомендует писателю «очень хорошего и интересного человека. Он тип, достойный вашего внимания, — это близкий родственник Алеше Карамазову; в третьем — посылает Достоевскому билет (на концерт), взятый для него по просьбе С. П. Хитрово (Авт. ЛБ, ф. 93.П.5.69).

¹ Этот обмен репликами имел место на обеде в честь Тургенева 13 марта 1879 г. Ср. «Вестник Европы», 1879, № 4, стр. 822.

8 июня того же года Киреев записал в дневнике: «Вечером еду с Ольгой к Аксаковым. Доктор прав М-лле Евреинова и ее спор с Иваном Сергеевичем о конституции. Конечно, Аксаков против всякой конституции. Он говорит, что никакая конституция у нас нежелательна и невозможна, читает письмо Ю. Самарина в подтверждение сего. Аксаков говорит, как и Достоевский, что ежели оппонентам не будут давать возможности свободно говорить, то и нам говорить не должно и нельзя?» (Авт. ЛБ, ф. 126.2.8). *Ольга* — О. А. Новикова (см. примеч. 2 к п. 157) — сестра Киреева.

162. Н. А. СОЛОВЬЕВ-НЕСМЕЛОВ — И. З. СУРИКОВУ

<С.-Петербург> 21 марта 1879 г.

... В пятницу, 16 марта, был на *втором* литературном чтении в пользу Литературного фонда. Зал был полон и сидящими и стоящими; но не в этом, как мне казалось, особенность этого вечера-чтения. Чтения бывали и в прежние годы, и на тех публики бывало много. Публика последних чтений, как это проявилось в ее неудержимых аплодисментах, в поднесении венков и букетов, представила из себя редкое единство чисто русского теплого чувства, доходящего до энтузиазма высокого уважения к своим беллетристическим талантам, каковы И. С. Тургенев и Ф. М. Достоевский. Овации, венки, букеты и продолжительные рукоплескания, вызовы, взгляды, полные восторга, от появления на помосте самых физиономий, — все это обращено было на этих двух представителей русского романа, русско-го литературного художества.

Простота, мягкость движений, доброта, убеленная сединой, доходящей до снежного блеска, голова автора высокопоэтических «Записок охотника» как бы разом своим появлением во весь стройный, хотя несколько сутуловатый рост на помосте на всю публику навевали русский дух, русскую жизнь, от которой *volens-nolens* оторвалась столица в своих суетах, гадливостях, поеданиях друг друга, дня и часа. И вот художественный представитель во всей своей чистоте и силе и как человек обаятельно оживил публику, — она заколыхалась и ожила не громом только рукоплесканий, но и того чуткого понимания того, что может сделать крупного сила истинного таланта, дышащего простотой от своих внешних манер до его созданий включительно <...>

Первым во втором отделении этого вечера вышел другой художник, другая сила русской беллетристики — автор «Бедных людей», «Записок из Мертвого дома» — автор *Униженных*, тонкий аналитик человеческого духа. Это другой тип и человека и писателя, потрясающего душу своих читателей и слушателей.

Он до крайности нервен, как нервные его герои. Природа и обстановка в его произведениях почти отсутствуют, — они ему как будто не нужны, ему нужен один человек с его страстями, болезнями духа, — в манерах и движениях и его самого виден человек, уходящий вглубь себя. И вот нервы и его и публики от начала самого чтения, вполне законченного, целостного эпизода «*По секрету!*...» (главы из нового романа — «Братья Карамазовы») постепенно натягиваются, голос чтеца-создателя идет, так вот и кажется, вместе со всей болезненной силой из самых сокровенных тайников его души наружу. Исповедь старшего брата — офицера Мити со всей ширью его опять-таки русско-офицерской натуры, с пеленок запущенной, оскорбляемой, унижаемой от колыбели, исповедь эта изливается *за коньячком* младшему брату Алексею — этой целостной, чистой, нетронутой «насекомыми сладострастия» натуре — в какой-то мрачной, развалившейся беседке, о которой упоминается вскользь только как о пункте места отправления исповеди стихийного, униженного жизнью, людьми и собой человека, который все-таки имел единственную хорошую минуту просветления благодаря девушке. Это было, когда он, Дмитрий Карамазов, величающий сам себя подлецом и насекомым, весь пламенел и прососался подлостью и для подлости — и вдруг он неожиданно сам для себя в один момент вырос в чистого человека и настолько нравственно рослого, насколько до той минуты он был до болезненности низок, мал и гадок. И ко всему тому он как будто стыдится даже заявлять об этом, боясь впасть в рисовку и тем, так сказать, умалить это величие своей человеческой натуры, — а потому и заканчивает свою исповедь, полную тонкого анализа и драматизма: «*Об этом, брат Алексей, я никому, никому и никогда не говорил и не ска-*

ПРОГРАММА ПУБЛИЧНОГО
ЧТЕНИЯ В ПОЛЬЗУ
ЛИТЕРАТУРНОГО ФОНДА
21 НОЯБРЯ 1880 г.

ПРИ УЧАСТИИ ДОСТОЕВСКОГО

Достоевский читал стихотворение Некрасова
«Когда из мрака заблуждений» и отрывок
из 1-й части «Мертвых душ» Гоголя

Музей-квартира Ф. М. Достоевского,
Москва

1880

ОБЩЕСТВО
ДЛЯ ПОСОБІЯ НУЖДАЮЩИМСЯ
ЛИТЕРАТОРАМЪ И УЧЕНЫМЪ

Сегодня, 21-го Ноября, въ 8 часовъ вечера,

ВЪ ЗАЛЪ
БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ,

чтеніе произведеній:

Гоголя, Кольцова, Крылова, Лермонтова, Мея,
Некрасова, Пушкина, гр. А. Толстаго и Тютчева.

ПРОГРАММА:

1. Басня Крылова
«Ворона и Лисица» { прочтеть Ф. Ф. Фельд Министр.
«Волкъ и Ягненокъ» } гр. А. А. Толстаго-
Кутузова.
2. Письма Кольцова «Лісь»
3. Стихотворенія Лермонтова:
«Поэтъ» { А. Н. Паничевъ.
«Выхожу одинъ я на дорогу» }
4. Баллада Мея «Хозяинъ»
5. Письма гр. А. Толстаго «Ой, кабы Волга
матушка» { К. К. Случевскій
6. Изъ стихотворенія Лермонтова «Мцыри» { А. А. Петровский.
7. Изъ разсказа Гоголя «Колѣска» { Д. В. Григорьевъ.
8. Баллада гр. А. Толстаго «Илья Муромецъ» { О. М. Достоевскій.
9. Стихотвореніе Некрасова «Когда изъ
мрака заблуждений» }
10 минутъ антракта
9. Стихотворенія:
Тютчева «Пошли, Господи, свою
отраду» { А. Н. Паничевъ.
Некрасова «Винилъ укасалъ войны» }
10. Отрывокъ изъ 1-й части поэмы Гоголя
«Мертвыя души» { О. М. Достоевскій.
11. Стихотвореніе Пушкина «Жилъ на свѣ-
тѣ рыцарь бѣдный» { А. П. Паниковъ.
12. Отрывокъ изъ 2-й части поэмы Гоголя
«Мертвыя души» { А. А. Петровский.
13. Изъ стихотворенія Некрасова «Дядушка
Мазай и зайцы» { К. К. Случевскій.
14. Стихотвореніе Пушкина «Личаръ» { Ф. Ф. Фельд Министр.
15. Стихотвореніе Пушкина «Тусаръ» { К. Ф. Гербель.

Билеты на билеты 17-го декабря 1880 г. в С.-П.б. Трехмиллеровъ, Голубовъ, Казанъ, Рязань,
Томскъ, Иркутскъ, Омскъ, Тобольскъ, Тюмень, Челябинскъ, Пермь, 20 1/2

жу, — сказал только тебе да брату Ивану!..» Зал покрылся дружными немолчаемыми аплодисментами, какими и встречен был при выходе на помост Ф. М. Раз двенадцать вызывали его, и одна из студенток поднесла ему громадный букет, увенченный полотенцем с вышивками в русском вкусе. Ф. М. взял букет как-то нервно, не глядя, разом, и сунул куда-то за занавес, как будто бы прогнал мешающий ему предмет или отстранил от себя что-либо мешающее ему наблюдать, анализировать, работать. И тут, конечно, сказалась своеобразная нервная натура. Читал он лучше всех, читал прекрасно, сердечно, читал от души <...>

Я. П. Полонский во втором отделении читал своего «Казимира Великого» крайне плохо, напыщенно, манерно <...> В заключение И. С. Тургенев читал два явления из своей пьесы «Провинциалка» с М. Г. Савиной. Голос в этот вечер у И. С. был хриплый, ослабший (в чем он даже извинялся перед публикой) <...>

В заключение вызвали вместе И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского, и они на эстраде крепко пожали друг другу руки. Вечером этим я был очень доволен — и субъективно и объективно: думалось, все-таки есть капли единства человеческого и у пишущего мира и у публики с оным¹ ...

Автограф. ЛБ, ф.295.5366.2.9.

¹ См. описание этого вечера в сб. «Тургенев и Савина» под ред. А. Ф. Кони. Пг., 1918, стр. 68—69.

163. Х. Д. АЛЧЕВСКАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«Харьков. Март 1879 г.»

... Искренно благодарю вас за то, что вспомнили о моей просьбе и прислали мне желанную карточку. Я не подошла к вам по окончании вечера, чувствуя себя больною под давящей силой впечатления, которое произвел на меня «Рассказ по секрету» (бесспорно, самое художественное и совершенное из всего прочитанного в тот вечер). Мне не хотелось в ту минуту ни говорить, ни хвалить, настолько то, что я чувствовала, было выше всего этого. Я недоумевала, откуда этот громкий, сильный голос, эта безграничная энергия, потрясающая нервы слушателя; неужели этот бледный, болезненный, слабый человек, которого я видела вчера, и неужели сила духа может творить подобные чудеса? ¹...

Итак, еще раз благодарю вас за память; но вот что случилось: вы прислали мне такую превосходную карточку, так живо напоминающую мне творца «Рассказа по секрету», что я не в силах расстаться с нею и не нахожу в себе довольно великодушия, чтобы отправить ее моей знакомой. У меня была карточка Федора Михайловича, но такая плохая, что невозможно сравнивать с этою; поэтому я и придумала устроить вот что: просить вас прислать мне еще одну такую карточку, если возможно, с надписью Федора Михайловича, тогда я полученную отправлю моей знакомой; если же почему-нибудь вам нельзя прислать мне вторую, то я оставлю у себя первую, а худшую, имеющуюся у меня, отошлю моей знакомой <...>

Федору Михайловичу прошу передать мое величайшее уважение <...>

Новый роман Федора Михайловича ² читается у нас с величайшим интересом — не успеваю удовлетворять просьбам моих знакомых — выдать «Русский вестник» из моей библиотеки ³ ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 166. Приблизительная дата устанавливается по содержанию.

¹ Алчевская присутствовала на одном из вечеров в пользу Литературного фонда в зале петербургского Дворянского собрания — 9 или 16 марта 1879 г. А. Г. Достоевская пишет в своих воспоминаниях о первом из них: «Федор Михайлович выбрал для чтения „Рассказ по секрету“ из „Братьев Карамазовых“, прочел превосходно и своим чтением вызвал шумные овации. Успех литературного вечера был так велик, что решили повторить его 16 марта» («Воспоминания», стр. 332). С. А. Венгеров следующим образом охарактеризовал одно из этих чтений: «Когда читал Достоевский, слушатель, как и читатель кошмарно-гениальных романов его, совершенно терял свое „я“, и весь был в гипнотизирующей власти этого изможденного, невзрачного старичка, с пронзительным взглядом беспредметно уходивших куда-то глаз, горевших мистическим огнем, вероятно, того же блеска, который некогда горел в глазах протопопа Аввакума» («Речь», 1915, № 114, 27 апреля).

В своих воспоминаниях Алчевская не упоминает о том, что присутствовала на публичном чтении Достоевского.

² Речь идет о «Братьях Карамазовых».

³ О популярности Достоевского в среде демократической интеллигенции говорят многие адресованные ему письма читателей и слушателей. Приводим здесь характерное письмо к Достоевскому, датированное 6 апреля 1879 г. и подписанное: *Один из многочисленных ваших читателей и почитателей*:

«Федор Михайлович,

Без всякого прибавления: Федор Михайлович, — без „Милостивый государь“, без „Многоуважаемый“ и проч. Просто — Федор Михайлович! Так лучше, проще. Мне и хотелось бы, чтобы письмо мое было лучше и проще. Если бы я подписал внизу свою фамилию, так тогда бы, может, и наверху я написал <бы> „Милостивый государь“. Но письмо анонимное, и хоть вы раз, в „Дневнике“, и выбрали анонимные письма, а я все-таки пишу анонимное, потому — удобнее, откровеннее могу высказать вам то, что хотелось бы высказать.

А высказать мне хотелось только то, что я вас очень уважаю. Я и на вечер вчера пришел только для того, чтобы посмотреть на вас. Я ведь никогда до вчерашнего вас не видал. Не один я так. Нас много так пришло. И все очень были рады, что вы так любовно были приняты. Именно любовно, а не как-нибудь там иным образом. Вон Тур-

генева тоже принимали хорошо, может быть, с большим блеском, но именно с блеском. Души-то там вряд ли много было. Он ведь больше уму говорит. Потому так его и принимали — с уважением, потому нельзя — талант. Вас же просто, любовно, сердечно, потому что талант вы такой простой, сердечный. И к вам иначе и относиться нельзя, как все вам рассказать, что есть на душе... От этого и вечер вчера был такой простой, хороший, праздничный, светлый. В этом, впрочем, и сами курсистки виноваты: они все смотрят такими хорошими, добрыми, простыми <...> Право, Федор Михайлович! Вот только что встал с постели, вспоминаю вчерашнее — и как все хорошо, впечатление осталось приятное. И рубля не жалко, право! А для меня рубль много значит. Вон в театр пойдешь. Пока сидишь там, ничего, хорошо. Как вышел, вспомнишь, что полтинника-то нет в кармане, и немножко неловко станет, неловко оттого, что, может, завтра или вовсе не будешь обедать, или скверно пообедаешь. Вчера же — не то... Да не об этом я и говорить хотел. Мне хотелось бы рассказать вам много-много хорошего, да вот — бумага проклятая: не укладывается на ней как-то, перо-то плохо умею держать в руке. На словах я бы лучше вам сказал. Впрочем, нет; пожалуй, ничего бы не сказал. Как вчера, — хотелось пожать вашу руку, да так с одним желанием и остался: вышло бы, пожалуй, уж очень заметно и торжественно....

Федор Михайлович! Вот вы написали теперь новый роман, его все читают: в библиотеках теперь „Русского вестника“ не найдешь, нарасхват... Когда же Дневник-то? Будете ли вы издавать его? Хоть не в определенные сроки, а по мере возможности? Сколько бы у вас читателей было! Ведь у вас и тогда было достаточно, а теперь еще больше. И все между молодежью. Старые-то почему-то не очень вас понимают. Да и из молодых — те, что похожи на старых, тоже как-то чудно понимают, или, вернее сказать, не понимают. Но все-таки и они читают, потому что подчас заставляют и их читать: у кого сын, у кого дочь, у кого брат или сестра... Начните, Федор Михайлович, писать Дневник и издавать хоть раза три-четыре в год. Объявите только подписку, смотрите сколько народу подпишется!..» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 107).

До какой степени экзальтации доходили после публичных чтений Достоевского слушатели (и особенно слушательницы) можно судить и по следующему анонимному письму, датированному 6 апреля 1879 г.:

«Батюшка любимый мой, голубчик, вам нельзя читать! Вот если б вас слушать можно было, стоя на коленях, да за каждое ваше гениальное слово можно было бы отдавать свою душу, тогда еще вам простительно читать, а то подумайте, какое мучение человеку слушать вас, чувствовать просто какую-то боль от восторга, и знать, что нет никаких сил, никакой возможности выразить всего, что чувствуешь, — это ужас как больно! Кроме того, вам самому нельзя слышать и видеть благоговения перед собой: вам ужасно вредно волноваться (а вы ведь тогда волновались, когда читали, я уж не знаю, как и назвать тот отрывок из „Братьев Карамазовых“ про Илюшечку!). Если можно, примите мой совет от одного восторга и любви к вам — не читайте больше, не то помогите найти возможность отдавать вам всю душу» (Авт. ИРЛИ. 29953.с. СХ1615). На конверте автор письма пометил: «Очень нужное».

164. А. И. ТОЛСТАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<С.-Петербург> 13 апреля 1879 г.

... Посылаю вам «Русский вестник», за одолжение которого приношу вам сердечную благодарность. Извините, что долго задержала его. Вы сами знаете, что произведения Федора Михайловича нельзя читать скоро, тут что ни страница, то мысль, над которой задумаешься, да и долго, долго думаешь, да и чего-то не передумаешь. Передумаешь и о том, о чем прежде не доводилось еще думать¹.

Благодарю вас, моя дорогая, милая, многоуважаемая Анна Григорьевна. Да благословит бог ваш путь и наше знакомство. Мой дружеский привет и признательность Федору Михайловичу ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 9. 51.

Графиня Анастасия Ивановна Толстая (1817—1889) — вдова президента Академии художеств Ф. П. Толстого, «большая любительница литературы и искусства» (Е. А. Штакеншнейдер. Дневники и записки, стр. 31), приятельница Шевченко.

26 ноября 1878 г. Вл. С. Соловьев писал Достоевскому: «1) Один молодой и весьма достойный офицер алчет и жаждет познакомиться с вами; 2) В таком же положении находится одна пожилая и во всех отношениях приятная дама. Фамилия офицера — Саломон, дама же есть графиня Толстая. Так, если вы позволите, завтра, в воскресенье вечером, я приеду к вам с Саломоном и, побеседовав малое время, отпустим его с ми-

ром и затем поедет к Толстой, которая живет недалеко от вас» (Авт. ЛБ, ф. 93. П. 8. 1206). По-видимому, речь идет здесь о гр. А. И. Толстой.

¹ Вероятно, первая или вторая книжка журнала «Русский вестник» 1879 г. с началом «Братьев Карамазовых».

165. П. Д. ГОЛОХВАСТОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

14 апреля 1879 г.

... Очень бы любопытно мне знать, о какой вашей книге говорите вы в письме; коль не прочтете чего-нибудь из нее, — по крайней мере, надеюсь, расскажете ¹ <...> Вы, перечисляя жемчужины, не упоминаете о романе Ф. М. Достоевского ²; я, чтобы прочесть его, жду конца. Дай же бог успеха Л. Н. Толстому; это, стало, о декабристах? ³ ...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.17068.

О П. Д. Голохвастове см. в п. 72.

¹ Вероятно книга Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе. Исторические и критические очерки» (кн. I вышла в свет в 1882 г., II — в 1883, III — в 1896).

² Имеются в виду «Братья Карамазовы».

³ Впоследствии Голохвастов резко изменил свое отношение к Толстому и грубейшим образом осудил его нравственные и творческие искания. «Нигилизм стремится рушить всё. Но всё — абсурд=абсурд=нуль, — писал он Страхову 12 декабря 1886 г. — Толстой хочет и, конечно, не может рушить Церковь — нерушимую; но может мешать ей укрепиться, и мешает там, где она и без того слаба, — в обществе. Народа он, надеюсь, не развратит, но общество — развратит окончательно, втерев ему в рот змею за рыбу и камень за хлеб. Дорого обойдется России его вторая знаменитость. Не жалеючи губит нас, себя ради, махровый эгоист — Лев Николаевич <...> Берлинский мир — единственное явление, равное Толстому. 1-е марта — невинное их: тут, в самом деле, не ведали, что творили <...> Погонится ли Толстой за еще вяжущою знаменитостью, заинтересуется ли еще эффектной главою своей будущей биографии: кинет ли писать (кстати же, дочиста выписавшись), не начнет ли действовать?.. Не просто печки класть перед газетной публикой, а пред очень большой публикой большущей Алкиадовой собаке хвост оттипать. Выдумать такую собаку — на это у него и теперь еще, я думаю, хватит творчества. Больше-то уж ни на что, конечно. Губя нас, загубил и себя» (там же, III.17062). Как мы видим, Голохвастов в этом письме предвосхищает и аргументы, и лексику, и тон нападок черносотенцев на великого писателя.

166. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<Старая Русса> 25 апреля 1879 г.

Простите меня, многоуважаемый Николай Михайлович, что я до сих пор вам не написала, все не могли устроиться, и времени не было. Мы уехали не 15-го, а 17 апреля, так как 16 апреля Федор Михайлович был на обеде у великого князя Сергея Александровича ¹. Я вас попрошу сходить через недели полторы или две к нашим жильцам ² <...> Кладовая заперта на два замка, один с ключом. а другой — с секретом без ключа. Он бронзовый, и, чтоб его открыть, надо составить слово «Тула» <...> Постарайтесь увидеть, не очень ли они испортили мебель, главное шкафы, и висят ли у них стенные часы, картина и образ в Федора Михайловича комнате. Когда у них побываете, отпишите мне. Если вам удастся псбывать в кладовой, то попросите у самой Кранихфельд Федора Михайловича зимние калоши и еще что-нибудь, чтоб спрятать в кладовую <...>

Мы, слава богу, здоровы. Федор Михайлович работает. Погода здесь отличная. Детки вам кланяются, равно и Федор Михайлович ...

Автограф. ИРЛИ.30413.с.СХII169.

¹ Великий князь *Сергей Александрович* (1857—1905) — сын Александра II, впоследствии московский генерал-губернатор. Присутствие писателя у него на обеде в «Жизни и трудах Достоевского» не зафиксировано.

² Уезжая на лето в Старую Руссу, Достоевские сдали, неким Кранихфельдам свою петербургскую квартиру.

167. А. П. САЗАНОВИЧ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва, 7 мая 1879 г.

... Сестры Бестужева прислали мне вчера три письма своего брата М. А. Бестужева¹. Я хотела переслать их Федору Михайловичу, но если вы выехали из Петербурга, то они потеряются, а мне будет совестно вторично беспокоить маленьких, древних-преддревних старушек Бестужевых. Они высохли, как щепки, и никуда не выходят. Я была у них в первый раз, они производят чрезвычайно приятное впечатление, такие добродушные, такие выхоленные, так тщательно причесаны и одеты, даже припудрены <...>

Как здоровье Федора Михайловича и всех вас? <...>

Матвей Иванович благодарит за память Федора Михайловича. Он очень скорбит обо всех безумных действиях нашей молодежи ...

Автограф. ИРЛИ.30254.с.СХІІ66.

Августа Павловна Сазанович (Созонович) — московская знакомая Достоевских, воспитанница и друг декабриста Матвея Ивановича *Муравьева-Апостола* (1793—1886), автор воспоминаний и публикаций о декабристах. Она снабжала Анну Григорьевну, коллекционировавшую автографы, подлинными письмами деятелей 14 декабря.

В ИРЛИ хранится письмо Сазанович к Достоевскому (без даты), в котором она выражает желание встретиться с писателем и попросить у него «совета в одном деле». В Записной тетради Достоевского 1875—1876 гг. отмечено, что он собирается навестить Сазанович («Лит. наследство», т. 83, стр. 467—468).

¹ Декабрист Михаил Александрович Бестужев (1800—1871).

168. А. КРАНИХФЕЛЬД — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

С.-Петербург. 8 мая 1879 г.

... Писем на ваше имя не было, кроме одного, приносимого какой-то женщиной на имя Федора Михайловича, но которое она сама не пожелала оставить¹. «Огонек» получено три номера² и апрельская книга «Русского вестника». Каюсь, что разрежала «Братьев Карамазовых» — уж много соблазну было держать книгу и не прочесть. Простите за смелость, многоуважаемая Анна Григорьевна <...> Мебель ваша будет в сохранности <...>

Передайте мое искреннее почтение Федору Михайловичу <...>

Ко мне приходила какая-то дама от вас с запиской, в которой я должна передать ей майскую книгу «Русская речь», но я ее не получала еще до сих пор.

Автограф. ИРЛИ.30122.с.СХІ620.

А. Кранихфельд — жилища, семье которой Достоевские сдали свою квартиру на лето. См. п. 166.

¹ О ком идет речь — не установлено.

² «Огонек» — иллюстрированный еженедельный «журнал литературы, науки и искусства», выходивший с 1879 г. в Петербурге под редакцией Н. П. Аловерта.

12 марта Аловерт писал Достоевскому:

«... Редакция журнала „Огонек“, желая выразить вам свое глубокое уважение как писателю, так много трудившемуся для славы и пользы родной словесности, просит позволить ей высылать вам один экземпляр своего журнала. Позволяя себе надеяться, что предложение это будет принято так же искренно, как оно сделано, я пользуюсь случаем выразить свое искреннее уважение» (Авт. ЛБ, ф. 93. II.1.32).

169. А. И. МАЙКОВА — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

〈С.-Петербург〉 13 мая 1879 г.

... Вы себе представить не можете, голубушка Анна Григорьевна, как я вам благодарна за ваше участие ко мне и как мне совестно, что вы, при всех собственных хлопотах и заботах, еще по поводу меня потеряли столько времени <...>

Очень благодарна вам за любезное предложение остановиться у вас, но не позволю себе им воспользоваться особенно в этом *периоде творчества* Федора Михайловича, когда для него бывают все минуты дороги. А как приеду, вот тогда ваша помощь будет драгоценна, и я надеюсь, что вы не откажете со мной постранствовать по Старой Руссе. Аполлон очень любит квартал, что находится между улицей, где живет батюшка, и наверх в гору, где есть живописная старая церковь, улицы, поросшие травой, и т. д. Впрочем, обо всем лучше поговорим при свидании, а пока позвольте вас поцеловать и попросить передать мой привет Федору Михайловичу ...

Приписка А. Н. Майкова:

И мой поклон и привет вам обоим!..¹

Автограф. ЛБ, ф.93.II.6.37.

¹ К этому письму А. Г. Достоевская сделала следующее примечание:

«В 1879 году Майковы во второй раз должны были поехать в Старую Руссу для пользования ваннами их младшего сына Аполлона, тогда двенадцатилетнего мальчика. Приехала с ним только мать Анна Ивановна Майкова и остановилась до прискания квартиры у нас. К несчастью оказалось, что Аполлоша приехал с сильным кашлем, вернее, больной коклюшем, и дети наши, проведя с ним целых два дня, заразились от него этою болезнью и прохворали все лето. Федор Михайлович был страшно огорчен и сам не бывал у Анны Ивановны, а мне позволял говорить с нею только стоя на улице пред ее домом, в открытое окно» (Авт. ЛБ, ф. 93.II.6.37).

170. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈Старая Русса〉 19 мая 1879 г.

Я очень беспокоюсь, многоуважаемый Николай Михайлович, не получая ответа на мое письмо, посланное почти месяц назад. Не больны ли вы? <...> Когда будете у жильцов, то зайдите к управляющему дома, не скажет ли он вам чего насчет наших жильцов, т. е. нет ли на них какого взыскания, например? <...> Мне очень совестно напоминать вам, многоуважаемый Николай Михайлович, но вы сами знаете, каково было бы нам потерять нашу мебель или деньги за нашу квартиру¹ <...> У нас хворал маленький Федя, но теперь поправился. Мы ужасно спешим работать; недавно у Федора Михайловича был сильный припадок от усиленной работы, и от припадка он не может еще поправиться <...> Федор Михайлович вам низко кланяется, а детки целуют ...

Автограф. ИРЛИ.30413.с.СХIII69.

¹ См. п. 166, 168 и 172.

171. А. Н. МАЙКОВ — А. И. МАЙКОВОЙ

26 мая 1879 г.

... Анна Григорьевна, я думаю, рада тебе помочь и похлопотать, но Федор Михайлович все это готов *в идее* сделать, а на практике и оскорбит, и обидит, и рассердит, это уж такой человек. Он в вечной лихорадке и сам нуждается в уходе за собой от всех близких ему людей, которые в состоя-

нии оценить и высоту его понятий, и высоту его таланта. Это уж я тебе много раз говорил, и опять напоминаю на случай, если выйдет вдруг такая минута ¹...

Автограф. ИРЛИ.16998.с.VIII67.

¹ 19 июня Майков просил жену узнать у Достоевского, «сколько времени Пуцкович издавал „Гражданин“ и какая была подписная цена» — в связи с намерением демонстративно возвратить Пуцковичу деньги за бесплатно высылавшуюся ему газету (там же).

172. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«Старая Русса» 5 июня 1879 г.

Что это значит, многоуважаемый Николай Михайлович, что вы мне не пишете? Обещались написать через три дня, когда побываете у жильцов, и вот уже десять дней, а от вас письма нет <...> Федор Михайлович пугает меня тем, что жильцы, не видя надзора за квартирой, позаложат часть мебели и, кроме того, ничего не заплатят ¹<...>

Федор Михайлович вам кланяется...

Автограф. ИРЛИ. 30413.с.CXIII69.

¹ См. п. 166, 168 и 170.

173. Вс. С. СОЛОВЬЕВ — К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

Царское Село. 12 июня 1879 г.

... Итак, вы недовольны моей статейкой, она не удовлетворила вашего самолюбия, потому что я выделил Толстого, а *главное* Достоевского и поставил их выше остальных наших *теперешних* писателей и в том числе выше вас!.. ¹ Когда я помещал мою статью в популярной и имеющей огромный круг читателей «Ниве», я, клянусь вам, очень много думал о вашем самолюбии, потому что иначе мне пришлось бы начать с того факта, что вы давно и много пишете, в произведениях ваших проявляется крупный и серьезный талант, вы печатаете их в солидном и многочитаемом журнале ², — а все же русская публика к вам весьма неблагодарна. Я опустил этот факт, потому что он произвел бы неприятное и нежелательное впечатление; но теперь, вызванный выражением вашим в письме к Бергу ³, я поговорю об этом факте с вами и именно потому, что ценю ваш талант и желаю его видеть ничем не омраченным и признанным не маленьким кружком друзей-литераторов, а всеми вообще умными и обладающими вкусом читателями. Вы сами виноваты в том, что вас не читают. В произведениях ваших, несмотря на все их не раз указанные мною достоинства, нет одной очень существенной вещи, — нет того, что называется цельностью или, вернее, *чувством меры*... Возьмем «Одиссея Полихрониадеса» ⁴. Что это такое? Роман? Этнографические, политические и т. д. очерки?! Все вместе, все перепутано, нагромождено одно на другое. Вы подавлены вашими воспоминаниями, любимыми мыслями и выводами; на вас наплывают разом все года, проведенные на Востоке, и вы спешите сразу все это перелить на бумагу. Чудесный язык, тонкое наблюдение, художественная сценка; умный, мыслящий человек и художник виден повсюду, — но этот человек будто десять лет осужден был на немоту и вдруг встретился с людьми, способными понимать его наречие, и за все десять лет вздумал наговориться обо всем сразу <...>

О Достоевском два слова: его в настоящее время на руках носят, хотя талант его, судя по последнему роману ⁵, в большом упадке. Но ведь он теперь представитель того мирозерцания, которое сделалось симпатичным многим русским людям, и к тому же автор «Преступления и наказания» и «Записок из Мертвого дома», как бы затем ни исказился — уже этими двумя творениями стал наряду с величайшими творцами-художниками XIX века ⁶.

Я сказал, — и на сердце у меня стало спокойней, и я буду ждать, что выйдет из этой моей исповеди, единственная цель которой постараться открыть глаза писателю, много могущему, но находящемуся на ложной дороге — ложной и мучительной для его самолюбия. Если же самолюбие этого писателя не вынесет правдивого и дружеского слова, — я обведу черной каемкой страничку в моих воспоминаниях — это будет уже не первая страничка.

Любопытно — получу ли я через неделю ваш ответ или мы с вами уже простились?.. ⁷

Автограф. ГЛМ. ОФ.5040. Черновик хранится в ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 89.

¹ Соловьев напечатал в № 20 «Нивы» (14 мая 1879 г.) статью «Константин Николаевич Леонтьев». Он отнес в ней Леонтьева к писателям, «далеко не лишенным дарования, но не имеющим возможности надлежащим образом осветить туман переходного времени, в котором мы живем». При этом он отмечал: «Какие произведения из современной жизни, из жизни, нас окружающей, обратили и обращают на себя в последнее время всеобщее внимание? Только произведения графа Толстого и Достоевского, двух наших талантливейших писателей. Остальные попытки в этом роде проходят более или менее незамеченными, возбуждают интерес весьма слабый, так как задача оказывается почти всегда не по силам исполнителей, и в их произведениях звучат ложь и деланность, далекие от трудно улавливаемой действительности». — Эта статья Соловьева не отмечена в библиографии Достоевского.

² Имеется в виду «Русский вестник».

³ Это письмо Леонтьева к редактору «Нивы» Федору Николаевичу Бергу (1840—1909) неизвестно.

⁴ Роман Леонтьева «Воспоминания Одиссея Полихрониадеса, загорского грека». Продолжением его явился роман «Камень Сизифа».

⁵ Вероятно речь идет о «Подростке».

⁶ 18 июня Леонтьев писал Соловьеву: «А насчет „Мертвого дома“ и „Преступления и наказания“ опять согласен. Это в своем роде превосходно. — Впрочем, это в письме моем Бергу — есть» (Авт. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 98).

⁷ Леонтьев писал 22 июля 1879 г.: «Вы мне не пишете, Всеволод Сергеевич? Неужели вы не получили моего *Предисловия* на четырех листках? <...> Заказное письмо мое было, сказал я, вроде *Предисловия* к чему-то, подобному литературной исповеди, — общий смысл которой должен быть таков: „Если Всеволод Соловьев вполне прав, то *мне-то* от этого не легче. Если его взгляды на мои произведения не удовлетворяют меня и не соответствуют моим *претензиям*, — он не виноват, и я его за это люблю и уважаю никак не менее. У меня есть очень близкие друзья, которые любят меня, даже и внимания не обращают на мои писания и никогда не читают моих повестей и статей <...> Соловьев и Евг. Марков, оба хорошие, серьезные критики, говорят обо обо мне почти односторонне и то же, т. е. ставят меня наравне с Сальясом или еще и похуже иногда (Марков), выделяя из толпы людей, *бессильных изобразить современную Россию*, только Льва Толстого и Достоевского <...> Независимо от мнения обо мне Всеволода Соловьева, он сам мне понравился, и я с тем его люблю <...> Из того, что я желал бы слышать от него похвалы, более резкие, не следует заключить, что я недоволен им...“» (ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 98).

174. А. П. САЗАНОВИЧ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 16 июня 1879 г.

... Радуюсь за вас обоих, что вы в продолжение лета до некоторой степени отдохнете. Вы, как видно, неутомимая женщина, если при умственной работе успеваете в короткое время справиться столько необходимых дел в домашнем обиходе. Вы мне такую показались с первого раза, я вижу, что моя наблюдательность меня не обманывает.

Мы ¹ ждем с нетерпением продолжения «Карамазовых» и «Дневника». Последний особенно был бы полезен в данное время. Мы глубоко уважаем Федора Михайловича за его определенность и честность убеждений ² ...

Матвей Иванович, Марья Константиновна и я шлем свое глубокое почтение вам и Феодору Михайловичу с желанием здоровья ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 8. 65.

¹ Сазанович имеет в виду себя и декабриста М. И. Муравьева-Апостола (см. п. 167).

² О получении этого письма Достоевский 19 июня сообщил из Старой Руссы своей жене, незадолго до того уехавшей в Петербург: «Пришли газеты и одно письмо от Сазанович из Москвы. Ничего особенного, но присылает несколько автографов. Пишет тебе, конечно» («Письма», IV, стр. 64).

К публикуемому письму Сазанович приложила автографы писем декабриста М. А. Фонвизина к жене.

175. А. Н. МАЙКОВ — А. И. МАЙКОВОЙ

〈После 22 июня 1879 г.〉

... Что же это такое, наконец, что тебе говорила Анна Григорьевна, что ты писать не хочешь? Что муж ее мучителен, в этом нет сомнения, — невозможностью своего характера, — это не новое, грубым проявлением любви, ревности, всяческих требований, смотря по минутной фантазии, — все это не ново. Что же так могло тебя поразить и потрясти? Не могу понять, хотя, признаюсь, часто у меня вопрос рождался, что они оба не по себе, т. е. не в своем уме, и где у них действительность, где фантазия — отличить трудно. Федор Михайлович, например, такие исторические факты приводит иногда, что ясно, что он их разве что видел во сне — например, что Петр Великий сам выкалывал глаза младенцам. Это он говорит или говорил серьезно, может быть, после и забыл. Насчет расточаемого им титула дураков — ключ вот какой: все, что не есть крайний славянофил, тот дурак. Словом, он в своей логике такой же абстракт, как и все *головые* натуры, как и нигилисты, такой же беспощадный деспот, судящий не по разуму жизни, а в силу отвлеченного понятия. С твоим мнением о «Карамазовых» согласен вполне. Но что такое говорила Анна Григорьевна? ¹ — Какой я любопытный ...

Автограф. ИРЛИ. 16998. с. VIII. Первые строки приведены в комментариях к «Письмам», IV, стр. 390—391. Дата проставлена карандашом.

¹ Письмо А. И. Майковой неизвестно. По поводу какого-то ее намек на Достоевских Майков писал и в одном из следующих писем, желая узнать «интрижка ли это» или же «ревность <...> Анны Григорьевны, создающая фантомы» (там же).

18 июня Майков писал жене о «Братьях Карамазовых»: «Насчет романа Федора Михайловича и я согласен с тобою. Не знаю, куда все приведет, но пока ни зги впопыхах не видно...» (там же).

176. А. Н. МАЙКОВ — А. И. МАЙКОВОЙ

28 июня 1879 г.

... Жаль, что ты не видишь «Московских ведомостей». Достань или у Достоевского или в курзале вчерашний номер, *четверг 27 июня*, и прочти передовую статью о литературном процессе Николадзе в Тифлисе. Прелесть что <за> статья! Вот храбрость-то со стороны Каткова ¹ <...> А Федор Михайлович в самом деле в претензии на тебя за коклюш? ² Или это твоя подозрительность? Впрочем, все может быть. Кляняйся ему, однако ...

Автограф. ИРЛИ. 1698. с. VIII.

¹ Передовая статья № 163 «Московских ведомостей» 27 июня 1879 г. посвящена судебному процессу над редактором тифлисской газеты «Обзор» — Н. Я. Николадзе, известным грузинским публицистом-революционером. Выступление Николадзе на суде о произволе и самоуправстве цензурных органов вызвало одобрительную оценку фельетониста газеты «Голос». Катков воспользовался этим в своей передовой статье как поводом для очередного доноса, заявив, что пафос сотрудника «Голоса» напоминает «восторги по поводу осуждения генерала Трепова в деле Веры Ивановны Засулич». «Слабейшая сторона гордо поднимает голову, держит громкую и твердую речь, вконец загоняет противника и выходит, увенчанная победой, — писал далее Катков. — А власть, о силе и произволе которой от господина же Николадзе можно было услышать столько ужасов, как-то жалобно присела, запутавшись в собственном вооружении».

Как отнесся Достоевский к этому выступлению Каткова, не установлено. Вряд ли он присоединился к восторженной оценке Майкова. 30 июня Майков снова осведомлялся у жены: «Интересно, что говорит Федор Михайлович о статье Каткова, о которой я тебе писал (по поводу суда в Тифлисе)? Одобряет или нет? По-моему, это верх доблести со стороны Каткова, ибо — что же? — он защищает цензуру» (там же).

² См. примеч. к п. 169.

177. Д. ТИТОВ — А. С. СУВОРИНУ

С.-Петербург. 1 июля 1879 г.

... Быть может, вы припомните, как года три тому назад (когда еще ваша редакция только что переводилась на Знаменскую ул.) к вам явился мальчуган с странным заявлением о своем влечении к литературным занятиям. Тогда вы определили эту глупость стихами Лермонтова, что — «то кровь кипит, то сил избыток», и, между прочим, посоветовали мне обратиться в Литературный фонд, председателем которого состоял в то время добрейший В. П. Гаевский. С тех пор много воды утекло; я поступил работать в типографию Стасюлевича, где нахожусь по настоящее время, и мои претензии получить образование (при содействии посторонней помощи) отошли на задний план. Стал заниматься чтением, насколько позволяла возможность, изредка ходил к К. Д. Кавелину и Ф. М. Достоевскому¹, а теперь надумал послать вам свое маленькое стихотворение с просьбой напечатать в еженедельнике «Новое время»² ...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 4233.

Дмитрий Титов — молодой наборщик, поэт-самоучка.

¹ В ИРЛИ хранится два письма Титова к Достоевскому 1876 г. См. «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 206—207.

² В перечне стихотворений, посвященных Достоевскому, А. Г. Достоевская указала стихотворение Титова «Ф. М. Достоевскому. 12 февраля 1878 г.», без указания места публикации («Библиографический указатель...», стр. 294).

178. Ф. М. ТОЛСТОЙ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

Перевод с французского

Форестье. 17 июля 1879 г.

... Ваше письмо от 27 июня — это не просто «расписка в получении», а красноречивая защитительная речь и в то же время почти обвинительный акт, которым вы мне даете знать, что я ложно понял и вынес легкомысленный приговор личности и творчеству вашего литературного идола¹. Вы говорите мне, что Достоевский в совершенстве владеет тремя иностранными языками, что он много читал, что он даже эрудит. Я вполне верю вам и чувствую, что совершил непростительный грех, не заметив всего этого при чтении его сочинения.

Судя по вашим словам, совершенно очевидно, что он что-то тщательно образом скрывает, ибо иначе нельзя было бы объяснить некоторые его умолчания ...

В одном из своих сочинений (если не ошибаюсь, в «Идиоте») он, например, излагает систему или, вернее, принципы Лассалья — и ни разу не ссылается на произведения сего последнего ² ...

Ну что ж! Мною допущена ошибка, и я бесконечно благодарен вам, милостивый государь, за разъяснения, которые вам благоугодно было мне дать...

Теперь — последнее слово. Совершенно очевидно, что «человек с содранной кожей» Достоевского в духе Микеланджело радует ваш взгляд. Вы хотели бы повесить этот анатомический шедевр, эту окровавленную плоть, над своим письменным столом, чтобы досыта наслаждаться ее созерцанием. Я же восхищаюсь им как добросовестным и даже ученым, с точки зрения анатомии, трудом, но мне хотелось бы, чтобы сей труд находился подальше от моих глаз. Вот и вся разница между нашей манерой писать о великом таланте Достоевского.

Но поверьте, милостивый государь, что я не совсем лишен способности понимать и ценить ваши исполненные ума воззрения ³ ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 9. 98. Авторство Толстого установлено мною (в архиве письмо по ошибочному указанию А. Г. Достоевской числилось как письмо «Т. Фосты»).

Феофил Матвеевич Толстой (1807—1881) внук М. И. Кутузова, музыкальный критик, композитор-дилетант и беллетрист, крупный чиновник цензурного ведомства. См. его заостренно-публицистическую характеристику в статье К. И. Чуковского «Ф. М. Толстой и его письма к Некрасову». — «Лит. наследство», т. 51-52, 1949, стр. 569—620. Среди бумаг Достоевского сохранилось несколько писем к нему Толстого. Отрывки из них приведены в моей статье «Утраченные письма Достоевского». — «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 209—210.

Орест Федорович Миллер (1833—1889) — историк литературы, публицист умеренно славянофильского направления, профессор Петербургского университета. В изданных «Воспоминаниях и признаниях (1833—1886)» Миллер отмечал: «С Достоевским под конец его жизни сблизило меня Славянское общество, которого был он товарищем председателя, и совместное участие с ним в публичных чтениях, на которых доставались ему именно со стороны молодежи самые восторженные овации. Это, как и посещения его молодежью и письма от нее с разных сторон, окончательно сделали для меня Достоевского примером победоносного *поглаживания не по шерстке*» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 1380, оп. 1, ед. хр. 11).

¹ Это письмо Миллера к Толстому о Достоевском и «Братьях Карамазовых» остается неизвестным.

² Вероятно, имеется в виду теория права Лассалья, отклики на которую см. в гл. X части второй романа «Идиот».

Отметим, что в личной библиотеке Достоевского находился первый том собрания сочинений Ф. Лассалья в переводе В. Зайцева. СПб., 1870 (см. Л. Гроссман. Библиотека Достоевского, стр. 147).

³ См. ниже панегирик Достоевскому в письме Ф. М. Толстого (п. 179), полностью пересмотревшего свой взгляд на «Братьев Карамазовых».

179. Ф. М. ТОЛСТОЙ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

Перевод с французского

14 августа 1879 г.

Если у вас хватит терпения разобрать мои каракули — вы изрядно посмеетесь! «Валаамская ослица заговорила» *, скажете вы, быть может, читая мою исповедь. — Дело в том, что ваше письмо от 27 июня явилось для моей старой башки совершеннейшей новостью — скажу даже больше: откровением ¹ ...

Ваша глубокая уверенность в справедливости своей оценки поколебала мои убеждения, — и я принялся внимательнейшим образом перечитывать

* Выражение *Валаамская ослица заговорила* в подлиннике написано по-русски. — Л. Л.

роман — предмет вашего культа. — Итак, я не только должен торжественно покаяться, но и возопить из сокровенных глубин своей души: *mea culpa, mea maxima culpa* *. Последний роман Достоевского действительно, как вы это говорите, — идеальное произведение, и все наши беллетристы-психологи — со Львом Толстым во главе — не больше чем детишки в сравнении с этим суровым и глубоким мыслителем. Перебирая в уме чудовищные бессмыслицы, которые я позволил себе высказать в своем первом письме ², я *краснею от стыда*, и только одну фразу я считаю возможным отстаивать и теперь — это параллель между «Человеком с содранной кожей» Микеланджело и некоторыми местами в творениях Достоевского, но с той, однако, разницей, что произведение Микеланджело — это анатомический этюд, а произведение Достоевского — это этюд психологический, или, вернее, *viviseкция*, производимая над живым человеком. Те, кто присутствует при этом эксперименте *in anima vili* **, видят, как трепещут мускулы, течет ручьем кровь, и — что еще ужасней — они видят себя отраженными в глазах, «этом зеркале души», и в мыслях человека, вскрытие которого производит автор.

Сцена опьянения старого распутника, сцена с офицером и исповедь Ивана — это также *мастерски произведенные вскрытия*.

Поэма, которая складывалась в голове Ивана, полна подавляющего величия.

Если б можно было воскресить Лермонтова, он сумел бы сделать из этого *pendant* или, скорее, продолжение своего «Демона».

Инквизитор — это воплощение Люцифера, облаченного в пурпур и увенчанного папской тиарой. А в личности Христа, в его взгляде, преисполненном благодушия, которым освещено лицо Инквизитора, я вижу, мнится мне, вижу облик автора романа. — Да! вы тысячу раз правы — «Достоевский — это *Weltschmerz****, и его нельзя сравнивать с эгоистом Жан-Жаком ³.

Если бы Лермонтову — единственному из наших поэтов, который мог бы позволить себе изложить стихами речь Ивана, — посчастливилось напасть на подобный сюжет, из-под его пера вышло бы произведение, еще более грандиозное, чем его «Демон». Стремления *Люцифера в тиаре* бесконечно шире, ибо любовь какой-нибудь Тамары, разумеется, гораздо ниже любви или признательности всего человечества.

Вы спросите, быть может, с какой целью пишу я вам эти строки? Достоевский сумел бы объяснить вам это — я же не в состоянии это сделать. Здесь желание сознаться в том, что я *побежден* и — как ни странно — у меня совсем нет ощущения, что я унижен, — я чувствую себя выросшим в собственных глазах тем признанием, которое только что вам сделал. На одно мгновение я словно облачился в рясу смиренного Алеши, а вы появились передо мной в моральном одеянии симпатичнейшего отца Зосимы.

Примите же эти строки как мою исповедь вслух...

Вы не станете упрекать меня — я не заслуживаю этого — вы уже дали мне, впрочем, кое-что понять, отобрав у меня книжки журнала, — а найдете средство дать мне знать, что исповедь *Валаамской ослицы* благополучно дошла по назначению.

Тысяча и тысяча благодарностей за то, что вы открыли мне глаза <...>

P. S. Протестуйте же снова хоть сто раз против приемов, применяемых Катковым. Никто не насмехается так над публикой, как он, заставляя ожидать, затаив дыхание, все интеллигентное население России ⁴.

* моя вина, моя громадная вина! (лат.).

** на живом существе (лат.).

*** выразитель мировой скорби (нем.).

Автограф. ЛБ, ф. 93.II.9.58.

¹ Письмо Миллера, на которое отвечает Толстой, неизвестно.

² См. п. 178.

³ Руссо.

⁴ Вероятно, негодование Толстого объясняется тем, что в июльской книжке «Русского вестника» не появились очередные главы «Братьев Карамазовых» (публикация романа началась в январе 1879 г.). Перерыв этот был вызван не злой волей редактора, а просьбой самого Достоевского («Письма», IV, стр. 64—66).

180. А. Г. ДОСТОВЕСКАЯ — А. А. ДОСТОВЕСКОМУ

«С.-Петербург. 17 сентября 1879 г.»

... Брат мой ¹, побывав в имении, *положительно* отказался выбрать для Достоевских часть по многим причинам, о которых в письме не написать. Да оно и лучше, что отклонил ответственность, так как его и меня всю жизнь бы бранил Николай Михайлович за выбранную для него «тундру». Дело, таким образом, остановилось, и мы решили вот на чем: мы приезжаем 25 сентября в Петербург и устроим от 25—30 у нас совещание, на котором и решим всё <...> Но беда вот в чем: мой Федор Михайлович ни за что не хочет выделяться с Николаем Михайловичем и объявляет, что готов взять болото, но лишь бы быть совершенно отдельно ² ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 151.

¹ Иван Григорьевич *Сниткин*.

² 20 ноября 1879 г. А. А. Достоевский сообщал родителям:

«... После вашего последнего письма с договоренностью я скоро пошел к Анне Григорьевне, и там мы втроем, т. е. я, Федор Михайлович и Анна Григорьевна, сочинили бумагу, заключающуюся в том, что мы относительно имения согласны на те условия, которые предлагает нам Шер. Это бумагу должны подписать еще другие сонаследники, потом она отошлется Шеру...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 30).

181. Е. Ф. ТЮТЧЕВА — К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВУ

«Москва» 4 октября 1879 г.

... Мы прочли последнюю часть «Братьев Карамазовых». Достоевский взялся за слишком трудное дело, желая совместить в своем романе, изобразить *словом* то, что одна жизнь может *совокупить*, — и сильный человеческий дух, просвещаемый и наставляемый свыше, *примирить*, т. е. соблазн внешней веры, малодушия и малоумия верующего — с беспредельною гармониею Истины. Есть глубокие ключи, которых не может, не должно касаться человеческое слово. Не словопрениями изгоняется сей темный дух соблазна и самовольного сомнения — но токмо молитвою и постом. Разоблачать язву, выставлять ее напоказ — можно, но кто ее исцелит?..

Автограф. ЛБ, ф. 230.4406.9.

Екатерина Федоровна *Тютчева* (1835—1882) — дочь поэта Ф. И. Тютчева от первого брака, фрейлина императрицы Марии Александровны, автор «Рассказов из священной истории Ветхого и Нового завета»; перевела на английский язык избранные проповеди митрополита Филарета (London, 1873).

182. И. С. АКСАКОВ — А. Ф. БЛАГОНРАВОВУ

Москва. 20 октября 1879 г.

Я ужасно виноват пред вами, многоуважаемый Александр Федорович, что до сих пор не отвечал вам на ваше письмо ¹. Прочитав его, я решил в уме, что необходимо *выждать* окончательного результата оценки, о чем и хотел вам писать. Но тут случились разные обстоятельства, совершенно

отвлекающие мое внимание. *Выждать* — я и теперь стою на этом. Еще неизвестно, какой отзыв дадут Гончаров и Достоевский. Если даже ваша сказка не получит премии, то все же будет иметь значение всякий похвальный отзыв о ней таких авторитетных писателей. Попросите секретаря, г. Рогова, чтоб непременно сообщил их отзыв, каков бы он ни был <...>

Я очень охотно представляю ваш рассказ в Общество распространения полезных книг. Комитет же грамотности находится в Петербурге. Если вы не получите Фребелевской премии², то прежде всего нужно напечатать и затем экземпляр представить в Комитет ...

Автограф. ЦГЛМ. ОФ. 3985.

Александр Федорович *Благодрагов* — провинциальный врач. Ему адресовано письмо Достоевского, датированное 19 декабря 1880 г. («Письма», IV, стр. 220—221).

¹ Среди бумаг Достоевского сохранилось письмо Благодрагова из Юрьева-Польского (10 декабря 1880 г.):

«... Из того, что ваш последний роман „Братья Карамазовы“, захватывающий в себя, предпрещающий глубину вопросов, в нем поставленных, читается многими в нашей глухой провинции, хотя и под руководством лиц, более способных понимать наше художественное создание, вы можете заключить, что живущая в провинции молодежь (я разумею чиновников и молодое купеческое поколение, воспитываемое на пустых романах) перестает коснеть в невежестве и мало-помалу умственно развивается, — идет вперед.

Едва ли кому-либо, кроме вас, суждено так ярко и так глубоко анализировать душу человека во время различных ее состояний, — изображение же галлюцинации, происшедшей с И. Ф. Карамазовым вследствие сильной душевной напряженности (я пока остановился на этой главе, читая ваш роман по-немногу), создано так естественно, так поразительно верно, что, перечитывая несколько раз это место вашего романа, приходишь в восхищение. Об этом обстоятельстве я могу судить поболее других, потому что я медик. Описать форму душевной болезни, известную в науке под именем галлюцинаций, так натурально и вместе так художественно, навряд ли бы сумели наши корифеи психиатрии: Гринингеры, Крафт-Эбинги, Лораны, Сенкеи и т. п., наблюдавшие множество субъектов, страдавших нарушенным психическим строем...» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 1. 96).

² Летом 1871 г. в России было организовано Фребелевское общество (Ф. Фребель — известный немецкий педагог, создатель «детских садов»). Начиная с 1878 г. Совет Общества проводил конкурсы на лучшие рассказы для детей младшего возраста. В «Отчете Совета С.-Петербургского Фребелевского общества 1871—1896» (СПб., 1897) отмечается: «Совет не может не вспомнить с благодарностью и Федора Михайловича Достоевского, сочувствовавшего целям Общества и являвшегося всегда на помощь, когда обращались к его содействию. Он принимал участие в детских праздниках и в комиссии о присуждении премий» (стр. 25).

В число членов комитета по присуждению премий входили также Гончаров, Плещев и др.

В перечне лиц, получивших фребелевские премии за 1878—1895 гг. (стр. 58—59), имя Благодрагова не названо.

183. ИЗ ДНЕВНИКА А. А. КИРЕЕВА

«С.-Петербург» 5 ноября 1879 г.

Я в восторге от «Карамазовых». Его определение вечных мук ада — глубоко философское: невозможность любить и жертвовать собою и страдать за других. Едва ли когда-либо в русской *беллетристике* появлялось что-либо более глубокое!!

Автограф. ЛБ, ф. 126. 2. 8.

184. Ф. Н. КИТАЕВ — Е. С. НЕКРАСОВОЙ

«Новочеркутино, Тамбовской губ.» 21 ноября 1879 г.

... Как вы, бывало, не могли слышать о Чернышевском¹, так и я теперь о Достоевском. С большим удовольствием я читал когда-то его «Мертвый дом», затем с меньшим уже удовольствием то, что следовало

Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР

Фотография. Петербург. 1870-е годы

Омский краеведческий музей

за ним, а когда появился «Идиот», то я его читал положительно без всякого удовольствия, я даже не дочитал его, такое неприятно тяжелое впечатление он производил на меня. Такая манера писать, это удовольствие находить наслаждения в ковырянии ран, и без того больных и трудно заживающих, — мне не по вкусу. Такое отношение к явлениям обыденной физической и психической жизни человека напоминает мне тех нищих калек, с голыми обезображенными частями тела, покрытыми язвами, которые с искусственно жалобными воплями разъезжают на клячах по деревенским базарам и всячески стараются привлечь к себе внимание и симпатию публики.

Достоевский — тот же калека. Я помню, что дети находят большое удовольствие ковырять или беречь свои болячки, не понимая, что этим они только замедляют ход заживления. Помню, что за это, если они не слушаются, не отстают от своей дурной привычки, их бьют по рукам. Достоевский — такое же дитя, с тою только разницею, что он старик-дитя. Я не удивляюсь, однако, что Достоевский находит себе поклонников, которые им восторгаются, во-первых, потому, что я признаю, что такого рода ковыряние в своей собственной душе свойственно каждому человеку в известном фазисе его развития, а во-вторых, потому, что знаю еще и таких людей, которые до того любят ковыряться в своей душе, что это занятие у них вошло в привычку, и на всякую попытку остановить их, показать всю иррациональность их самодеятельности, на потерю времени, на скуку, ложь и проч., — они вправе отвечать, как отвечал умный мальчик Ваня, когда сестра его спросила, зачем он все ковыряет в носу: «Не в твоём носу ковыряю».

Сколько я могу судить по выдержкам, появившимся в газетах из романа Достоевского, прочитать «Братьев Карамазовых» меня несколько не тянет, и если я когда возьмусь за них, то никак не ради удовольствия, ко-

торое они могут мне доставить, а просто из одной любознательности, нужно же знать последнее слово отживающего писателя. Простите, что я выражаюсь так резко и отношусь так холодно к тому, чем вы увлекаетесь; все мои рассуждения вас совершенно обходят, и даже я полагаю, ввиду этого, я все-таки должен буду прочитать «Карамазовых», чтобы иметь основание говорить с вами о Достоевском подробнее и определеннее...

Автограф. ЛБ, ф. 196.14.3.

¹ 5 июля 1866 г. Китаев писал Некрасовой: «На днях я прочел с большим удовольствием „Что делать?“ и увлекся им так, как не увлекался еще никаким другим романом, между тем как в то время, когда он только что появился, я не мог осилить и первой части его. Я объясню себе это так: в то время я требовал от романа (конечно, бессознательно), чтобы он удовлетворял моему воображению или, лучше, чтобы действовал на мою фантазию; теперь мне понравился этот роман, потому что действовал больше на рассудок, чем на воображение. Прочтя его, я согласился, что все лица романа — действительно счастливые люди. Каждый из них позитивист, у него на первом плане вопрос *почему идешь?* а *куда идешь?* — уже на втором плане; эти люди смотрят на труд и любовь как на необходимость, чтобы жить счастливо; а так как каждый хочет жить счастливо, то труд у них не принужденный, а свободный. Из этого следует, что все они эгоисты, и, наконец, так как они эгоисты, то и гуманны. Любовь их основывается на взаимной деликатности, следовательно, их любовь — самая естественная. И является втихомолку вопрос: отчего и тебе не сделаться счастливым человеком? а в голове уж готов ответ: отчаиваться нечего, стоит только трудиться да быть слугой своего рассудка, а не тела. Первое легко, ну а чтобы достигнуть второго нужно еще побороться» (Авт. ЛБ, ф. 196.14.1). Роману «Что делать?» посвящено и следующее его письмо к Некрасовой (28 июля того же года).

185. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. и Д. И. ДОСТОЕВСКИМ

«С.-Петербург» 13 декабря 1879 г.

... Сейчас только вернулся от Федора Михайловича. Он был очень мил и любезен. Такую же бумагу, как и вы, относительно денег получил и он, и от того же числа. Федор Михайлович деньги хочет уплатить и на днях отплет их в канцелярию Окружного суда <... > Завтра я иду на вечер, который дается в Благородном собрании в пользу студенток Бестужевских курсов; вечер будет литературно-музыкальный <... > Я очень доволен, что сегодня сходил к Федору Михайловичу. Анна Григорьевна была так любезна, что оставила для меня билет на вечер: в нем, между прочим, будет читать и Федор Михайлович рассказ Нелли из «Униженных и оскорбленных». Билеты все уже распроданы, и, кроме Анны Григорьевны, я не мог нигде достать ¹.

Федор Михайлович приказал мне написать вам всего хорошего и сказать вам, что он вас «очень любит и уважает». Это были первые слова, которыми он меня встретил. Между прочим, он подарил мне новое издание книги «Униженные и оскорбленные» ² ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 29.

¹ 16 декабря 1879 г. в «Новом времени» (№ 1366) сообщалось: «В пятницу, 14 декабря, в зале Благородного собрания был дан художественно-литературный вечер в пользу слушательниц Высших бестужевских курсов. Вечер носил чисто семейный характер и распадался на два отделения». Охарактеризовав выступления А. Н. Плещеева, пианистки г-жи Малявко, проф. Н. П. Вагнера, скрипача Дегтерева, певицы Клебек, писателя Потехина, певцов Скальковской и Ильинского, хроникер продолжал: «Г-н Достоевский прочел отрывок из романа „Униженные и оскорбленные“ в виде рассказа двенадцатилетней девочки. Правдивость, простота, безыскусственность речи, самое мирозерцание ребенка были до того живо переданы автором, что у многих из присутствующих навертывались слезы. Надо отдать справедливость автору, что он сумел вполне воспроизвести действительность, и довольно было закрыть глаза, чтобы

поверить, что перед вами лепечет подросток-девочка». Автор заметки отмечал, что «все исполнители были встречены очень радушно. Многих встречали оглушительным взрыв аплодисментов, вызовом не было конца!».

² Пятое издание «Униженных и оскорбленных» вышло в свет 10 ноября 1879 г. («Жизнь и труды Достоевского», стр. 291). В ЛБ сохранился экземпляр романа с пометами Достоевского, сделанными для публичного чтения.

186. О. Ф. МИЛЛЕР — В. П. ГАЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 31 декабря 1879 г.

... Спешу извиниться перед вами в том, что вы обеспокоены были присылкой к вам с посыльным билета на литературное утро в пользу студентов¹.

Распорядители сделали это по моему указанию тех лиц (весьма немногих), которым, как мне казалось, могли быть посланы билеты. Я сам так привык их получать с разных сторон, что дело это представляется мне чем-то совершенно обыкновенным. Впрочем, всякие усиленные меры относительно вчерашнего утра оказались совершенно излишними. Как ни поздно вышла наша афиша (вследствие многих помех), имя Федора Михайловича Достоевского успело привлечь, и в самое короткое время, весьма многочисленную публику, так что при сравнительной умеренности наших цен мы получили свыше 1200 рублей.

Автограф. ГПБ, ф. 171, ед. хр. 188.

¹ Литературное утро в пользу студентов состоялось 30 декабря 1879 г. См. сообщение в № 1376 «Нового времени» 28 декабря: «В этом утре примут участие: В. В. Самойлов прочтет „Мальчик у Христа на елке“ из „Дневника писателя“ Достоевского; А. А. Потехин — отрывок из своей повести „Хворая“; Д. В. Григорович — свой рассказ „Бобыль“; Ф. М. Достоевский — главу „Великий инквизитор“ из своего романа „Братья Карамазовы“. Кроме того, примут участие Я. П. Полонский, П. И. Вейнберг и Н. А. Вроцкий».

В недатированном письме к Достоевскому, относящемся к этому времени, Миллер сообщал:

«...Доставляю вам афишу — пока глухую, так как у певцов все еще толком не добьешься, что они споют. На перемену дня (воскресенье, 30-го) вы изъявили студентам ваше согласие. Поместим вас, как вы любите, в начале второго отделения <...> Завтра и послезавтра будет объявлено в газетах. Билет *именной* будет доставлен особ» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.6.85).

26 декабря А. И. Толстая писала А. Г. Достоевской:

«... Во-первых, поздравляю вас и Федора Михайловича с праздником и прошу вас убедительно три билета на чтение 30 числа, если только у вас есть, а нет — то я возьму у Краевского сегодня же. Хотела сама быть у вас сегодня, да все задерживали визиты» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 215).

187. З. Ю. ЯКОВЛЕВА — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург. 1879 г.»

... Целую вас, если позволите, и постараюсь <не> надоесть вам после театра своим присутствием; боюсь, что кончится тем, что Федор Михайлович прогонит упрямую женщину ...

Автограф. ЛБ, ф. 93.П.10.23.

Зоя Юлиановна Яковлева — петербургская знакомая Достоевских, «общественная деятельница, устраивавшая благотворительные спектакли в пользу Выспих женских курсов» (примечание А. Г. Достоевской, отнесшей это письмо к 1879 г.).

IV

ПУБЛИЧНЫЕ ЧТЕНИЯ. — ПУШКИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ. — ТРИУМФ ДОСТОЕВСКОГО. — ДОСТОЕВСКИЙ И ТУРГЕНЕВ. — ПОЛЕМИКА В ПЕЧАТИ И В ПЕРЕПИСКЕ СОВРЕМЕННИКОВ. — ПРОДОЛЖЕНИЕ БОРЬБЫ ЗА «КУМАНИНСКОЕ НАСЛЕДСТВО». — ПОСЛЕДНИЙ ВЫПУСК «ДНЕВНИКА ПИСАТЕЛЯ». — ПРЕДСМЕРТНАЯ БОЛЕЗНЬ. — СМЕРТЬ. — ПОХОРОНЫ. — ОТКЛИКИ ДРУЗЕЙ, ЗНАКОМЫХ, ЧИТАТЕЛЕЙ. — «ИСПОВЕДЬ» А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ
(1880—1881)

188. Н. А. СОЛОВЬЕВ-НЕСМЕЛОВ — И. З. СУРИКОВУ

С.-Петербург. 1 января 1880 г.

... М. К. Цебрикову давно не видел, кажется более месяца, хотя она и убедительно просила бывать у ней по пятницам, когда кое-кто у ней бывает, — но я в эту осень и зиму ни разу не попал, хотя она живет теперь от моей квартиры на расстоянии пяти минут тихого хода; все крайне недосужно, и вечерами я работаю, и в праздники часто ¹. У А. Н. Плещеева я обещал обедать праздниками, но пока это не удалось, — увижусь, передам от тебя поклон <...>

У нас с новым годом грызня в литературе и помойизливание не умячились.

Нынче ел (т. е. обедал) в трактире с двумя пишущими, из которых один сообщает другому ²: «Вчера, говорит, был у М. Е. Щедрина — вот и великий талант; как человек, к прискорбю, разлагается, целый вечер все ругал то Тургенева, то Достоевского. Тургенева называл французиком из Бордо и собирается его, говорит, продернуть в сатире; Н. Михайловский и Елисеев тут сидели и только ему поддакивали, считая это разумным. Сообщил нам, благодаря кому были овации Тургеневу в С.-Петербурге, — Стасюлевич, говорит, объездил всех дам и подбил на эти овации, а этот наш офранцузившийся росс вообразил и невесть что, — и пошел, и пошел... Достоевского поносил и блаженненьким и юродивым, и так, говорю, целый вечер ... Тяжело было слушать». И мне сделалось скверно на душе, слушая это, и я не доел обеда своего, и ушел, купил по дороге новогодний номер «Нового времени», пришел, читаю поэму в стихах Буренина, ругает поголовно всех поэтов и поэтиков — и Полонского, и Майкова и т. д., ругает до цинизма ³, — не дочитал, стало тошно и весь вечер ничего не мог делать.

Вот тебе, мой милый, какая картинка с натуры нашего поистине литературного современного прозябания. Но делать нужно и необходимо каждому по силам — и крупному и малому, иначе вконец затянет зелень и плесень болота ...

Автограф. ЛБ, ф. 295.5.336.2.10.

¹ Мария Константиновна Цебрикова (1835—1917) — публицистка и беллетристка — сотрудница «Отечественных записок» и других демократических и прогрессивных изданий; поддерживала дружеские связи с «поэтами-самоучками» суриковского кружка, оказывая им деятельную помощь. Ее перу принадлежала статья «Подпольный мир о <в> романах Достоевского», по поводу которой она писала М. М. Стасюлевичу в феврале 1872 г.: «Оставя в стороне его тенденции „Русского вестника“, нельзя не признать значения общественного психиатра, хотя чуть дело дойдет до исследования причин болезни, он превращается в знахаря, который приписывает ее злomu духу; но диагноз его хорош» (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. V. СПб., 1913, стр. 154—155). В февральской книжке журнала «Слово» 1880 г. напечатана статья Цебриковой о «Братьях Карамазовых»: «Двойственное творчество».

² Кто были эти литераторы, не установлено.

³ Фельетон Буренина в № 1380 «Нового времени» — «Визит музы. Новогодняя поэма».

189. ИЗ ДНЕВНИКА А. А. КИРЕЕВА

«С.-Петербург» 9 января 1880 г.

Достоевский очень хвалит мою записку государю, но говорит, что нигилизм родился ранее 48 года; причину его Достоевский видит в оторванности нашей от почвы с Петром Великим. Говорит, что она и *очень* хорошо написана ¹ ...

Автограф. ЛБ, ф.126.2.8.

¹ Имеется в виду брошюра Киреева «Избавимся ли мы от нигилизма? (Записка, представленная в 1879 году)». Ее печатный текст вклеен в дневник Киреева (лл. 35—50). Эта брошюра вышла в свет только в 1882 г. под инициалами А. К. и с предисловием, датированным 28 марта 1881 г. Как средство против нигилизма Киреев предлагал «удержание высокого уровня образования в наших гимназиях и университетах» и рекомендовал «опору на церковь» — «вернейшую опору, или, лучше, основу семьи и государства».

190. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. А. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 10 января 1880 г.

... Я мой Новый год начала очень плохо: лежу с 4 января в постели и, кажется, пролежу еще дня четыре. У меня бронхит, был сильный жар и бред и начиналось воспаление легкого. Теперь мне значительно лучше, но из постели не выпускают <...> Поляков писал нам, будто Моншеров (то есть не *mon cher** Шер, а настоящий Моншеров) нашел покупателя на имение, и покупатель дает сто тысяч. Федор Михайлович ответил, что за сто тысяч отдать не согласится, а хочет получить натурою ¹ <...>

Пишу нарочно на бланке ², а то вы не поверите, что я книжница. А я имела уж заказ в 50 рублей и заработала 4 рубля 80 копеек. Каково!

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 151.

¹ Это письмо Достоевского к Б. Б. Полякову неизвестно.

² Письмо написано на бланке: «Книжная торговля Ф. М. Достоевского (исключительно для иногородних). С.-Петербург. Кузнечный переулоч, д. 5, кв. 10».

191. И. И. РУМЯНЦЕВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«Старая Русса» 14 января 1880 г.

С истинным удовлетворением прочитал я еще раз «Униженных и оскорбленных». Дай бог здоровья Федору Михайловичу. Право же, нет даже и подходящего сколько-нибудь человека, который бы мог его заменить, хоть отчасти. Особенно он дорог в настоящее смутное время, которое вряд ли кто изображает вернее ¹.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 209.

¹ Вероятно, Достоевский прислал Румянцеву последнее прижизненное издание «Униженных и оскорбленных» (СПб., 1879).

192. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. и Д. И. ДОСТОЕВСКИМ

«С.-Петербург» 18 февраля 1880 г.

... Недели полторы тому назад я был в театре на «Русалке» <...> Около того же времени я заходил вечером к дяде Федору Михайловичу, которого дома не застал <...> Вчера утром до двух часов я пробыл в Академии, а за-

* мой дорогой (франц.).

тем отправился к Федору Михайловичу, поздравить его с именинами. При мне он получил письмо от вас и видимо был очень доволен этим и все твердил, что ему надо вам нечто сообщить. Часа в три приехали Рыкачевы и Владимир Константинович¹. Просидели мы с час, а затем распрощались, причем с меня взяли слово, что я приду обедать. Часу в седьмом я пошел к ним опять. Кроме меня, обедал еще Николай Николаевич Страхов, который, между прочим, говорил, что знаком с вами, и расспрашивал про вас ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 30.

¹ Владимир Константинович *Савостьянов* (1853—1899) — муж племянницы Достоевского, Варвары Андреевны.

193. А. И. ТОЛСТАЯ — Е. Ф. ЮНГЕ

〈С.-Петербург〉 24 февраля 〈1880 г.〉

Сейчас возвратилась я от Достоевских — я нашла его чем-то расстроенным, больным, донельзя бледным. На него сильно подействовала (как на зрителя) казнь преступника 20 февраля¹. Недаром мне хотелось прочесть Достоевскому твое письмо; по мере того, как жена его читала (читает она превосходно и с большою осмысленностью и чувством), лицо его прояснялось, покрылось жизненной краской, глаза блестели удовольствием, часто блестели слезами. По прочтении письма мне казалось, что он вдруг помолодел². Он спросил, пишешь ли ты; на отрицательный ответ сказал: «Судя по ее письму, она так же может писать, как и я». Когда я уходила, он просил меня передать тебе его глубокую признательность за твою оценку к его труду, прибавив, что в письме твоём полная научная критика, и лучшая какая-либо была и будет и которая доставила ему невыразимое удовольствие. Это уж я сама видела. Все время покуда я одевалась в передней, он только и твердил, чтобы я не забыла передать тебе его благодарность за то, что так глубоко разбираешь его роман «Карамазовых», и сказать тебе, что никто так еще осмысленно его не читал. Ты сама бы порадовалась, увидев, какое наслаждение доставило твое письмо писателю, благородному труженику <...〉

Если когда-нибудь увидишься с Достоевским, то, ради бога, скажи ему, что я исполнила его желание <...〉

Что же касается до того, что ты пишешь о своей конфузливости, то он это находит ненатуральным и не твоим по слогу твоего ума и чувства; что это чужое, привитое к тебе, которое со временем пройдет и непременно пройдет <...〉³ Достоевский говорит, что его брат был <бы> очень рад получить от тебя письмо, но просить об этом не может, чтобы не было чего-нибудь затруднительного для тебя и малообязательного⁴.

Автограф. ГИМ, ф. 344, ед. хр. 43. Частично опубликовано в предисловии А. Новичко к книге Е. Ф. Юнге «Воспоминания (1843—1860 гг.)». М. 〈1914〉, стр. VII—VIII.

Екатерина Федоровна Юнге (1843—1913) — художница и мемуаристка. См. о ней в моих публикациях: «Лит. наследство», т. 75, кн. 2-я, стр. 535—541 и «Лит. газета», 1971, № 33, 11 августа.

¹ 22 февраля 1880 г. был казнен по приговору военного суда народоволец И. О. Млодецкий, стрелявший двумя днями ранее в М. Т. Лорис-Меликова — главного начальника Верховной распорядительной комиссии по охранению порядка и общественного спокойствия. Д. Н. Садовников в своем дневнике, озаглавленном «Встречи с И. С. Тургеневым. — Пятницы у поэта Я. П. Полонского в 1880 году», отмечает под датой 22 февраля: «Разговор заходит о Млодецком, который казнен сегодня утром. Достоевский был на казни». Далее он приводит слова Достоевского: «... Я был свидетелем казни. Народу собралось до 50 000 человек». «Самое появление его на месте казни, —

замечает Садовников, — объясняю как желание извлечь нечто для своих патологических сочинений последнего времени» (Сб. «Русское прошлое», № 3. Пг. 1923, стр. 102—103. См. стр. 137—139 настоящего тома). Еще до этого события, 20 февраля, у Достоевского был припадок эпилепсии; после припадков он обычно в течение нескольких дней плохо себя чувствовал.

² Речь идет о письме Юнге к матери (без даты), в котором она писала о «Братьях Карамазовых»:

«Эта вещь совсем разбередила меня, в ночи я не могла спать и горячие слезы проливалась; но это наслаждение — проливать слезы над произведением искусства <...> Если бы знал Достоевский, сколько он мне доставил этих слез и сколько утешения своими произведениями, ему бы, верно, было приятно. Еще во время войны, когда бывало на душе так тяжело, что сил нет, один „Дневник писателя“ утешал меня. Бывало, читаешь и думаешь: утопия все это, а между тем в душу входит что-то утешающе-сладкое, потому что видно там любящее сердце, душу, понимающую все, понимающую и веру <...> Мне тогда много раз хотелось поехать к нему, написать ему; но, конечно, при моей застенчивости, не сделала. Думала, посмеется только человек надо мной, что ему за дело до моих восторгов и мнений? Если бы все его поклонники со всей России стали бы ездить к нему с выражением чувств?! Но теперь, если бы я была в Петербурге, я бы пошла к нему, и он уже сам был бы виноват. Разве не описал он, как было приятно старцу Зосиме, когда к нему пришла простая русская глупая баба со своим русским простым спасибо?! И я бы пришла и сказала „спасибо“, — спасибо, что он думал и высказал вещи, которые без слов наполняли душу и мучили меня; спасибо, что он не гнушается войти в скверное, преступное сердце и выкопать там нечто и прекрасное, за то, что любит деток, за художественное наслаждение его образами, за слезы, за то, что с ним я забыла ежедневные заботы и мелочи жизни и как-то вознеслась над ними. Невольно сравниваешь Достоевского с европейскими романистами — я беру лучших из них — французов: Золя, Гонкур и Доде, — они все честные, желают лучшего; но, боже мой, как мелко плавают! А этот ... и реалист, такой реалист, как никто из них! Его лица — совсем живые люди! Вам кажется, будто вы знавали их или видели где-то, будто вы знаете тембр их голоса. Еще более реальности придает этим людям высокохудожественный прием — не описывать их, а давать читателю знакомиться с ними постепенно, как это бывает в жизни. Наблюдатель Достоевский такой тонкий и глубокий, что можно только поражаться, — это, конечно, не новость. И, вместе с этим крайним реализмом, можно ли на свете найти еще такого поэта и идеалиста?! Ведь это почти достижение идеала искусства, — человек, который реалист, точный исследователь, психолог, идеалист и философ. Да, он еще и философ, — у него совсем философский ум, а между тем он, вероятно, не получил философского образования; видно, философы бывают врожденные, как гении. Говорить ли тебе, что я ревела, читая рассказ бабы об умершем ребенке?! И как он так знает женское сердце?! Должно быть, и это врожденное: сила его любви дала ему понять женское и детское сердце. А какое впечатление всего хода романа! Как черед грозой, собираются, собираются тучи, и ты видишь — неминуема уже гроза, — так и тут: собираются события, воздух становится все гуще и невыносимее, и так сильно впечатление, что хочется, чтоб уж он убил его поскорее, чтобы уже было кончено. Прочла я вчера вечером об «истязании» детей и Великого инквизитора, не могла больше читать, да и провалилась до утра, думая об этом всем и сочиняя письмо к Достоевскому. Мне так вдруг захотелось исповедоваться ему и услышать от него какое-нибудь нужное мне слово! Захотела исповедоваться ему потому именно, что он все поймет и никем не гнушается. Я бы, может быть, была действительно способна это сделать, если бы он позволил. Право, я какая-то сумасшедшая! Все-таки, если увидишь его, передай ему мое спасибо» (Е. Ф. Ю н г е. Воспоминания (1843—1860 гг.), стр. V—VII).

³ Из письма Юнге к Достоевскому: «Вы позволили мне писать вам, многоуважаемый Федор Михайлович, как же противостоять такому искушению? <...> Не могу выразить вам, как сильно я ценю вас как писателя и мыслителя <...> Вот почему в год войны я часто была на пороге, чтобы идти к вам, но никогда не могла решиться и просто мучилась этим, особенно в то время, когда вы прекратили „Дневник“, — мне так хотелось упросить вас продолжать нам это утешение. Вы посвятили свое время не менее прекрасному труду. Много бы хотелось сказать про „Карамазовых“, много мыслей и чувств пробудила во мне эта чудесная повесть, но боюсь надоесть вам <...> С одной стороны, я теперь рада, что моей мамаше вздумалось показать вам мое письмо. Вы, вероятно, увидели из него, что оно не предназначалось для ваших ушей, и это гораздо лучше. Если б я прямо написала вам, я, конечно, не высказалась бы так откровенно, искала бы фраз, и выглядело бы не то. Моя мама передала мне, что вы гово-или, что я могла бы писать, и хвалили мое письмо <...> Вы, вероятно <...>, поняли самое главное, что я бесконечно благодарна вам вообще всегда и в частности теперь, когда вы отнеслись ко мне ласково, и что я была бы счастлива, если б я, может быть, глупые, но искренние, правдивые слова доставили вам самое малейшее удовольствие» («Письма», IV, стр. 408—410). На это послание Достоевский ответил Юнге 11 апреля обширным письмом («Письма», IV, стр. 135—137).

⁴ А. М. Достоевский, вероятно, нуждавшийся в протекции.

В записке, относящейся к этому времени и датированной «вторник», гр. А. И. Толстая писала: «Простите, дорогая Анна Григорьевна, мою докучливость насчет „Карамазовых“, хочется доставить удовольствие Кате к празднику. Родная, скажите, неужели Федор Михайлович намерен хоть когда-нибудь написать к Кате? Да наградит его бог за такое доброе дело...» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 212, оп.1, ед. хр. 215).

194. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. А. ДОСТОЕВСКОМУ

С.-Петербург. 15 марта 1880 г.

... Если найдете нужным переговорить, приходите утром: до 11 я всегда дома; вечером же никогда не свободна, так как диктую напропалую и спешим отослать в «Русский вестник» «Братьев Карамазовых». Завтра и утром не буду дома, так как завтра Алексея Божьего человека, и я поеду на Охту на лешину могилку. Если же вам очень необходимо переговорить, то можно и вечером, но на самую коротенькую минутку ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 151.

195. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. А. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» 25 марта 1880 г.

... А «мы» читали на разных чтениях, и нам аплодировали больше, чем Тургеневу, и будем читать и впредь получать аплодисменты ¹.

... Я очень хвораю нервами; целыми часами плачу от всяких пустяков <...>

Это письмо было написано 25 марта, но не удалось послать <...> В пятницу Федору Михайловичу аплодировали донельзя и вызывали девять раз и поднесли два лавровых венка ² ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 151.

¹ О публичных чтениях Достоевского см. подробно в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской, стр. 350—354.

² Речь идет о литературном вечере, состоявшемся 28 марта в зале Благородного собрания и привлечем, по словам хроникера, «громадную массу публики». Выступление Тургенева не состоялось из-за его внезапного нездоровья. После выступлений О. Ф. Миллера, прочитавшего «Люперн» Толстого, Я. П. Полонского, П. И. Вейнберга и пианистки Сергеевич, во втором отделении выступил Достоевский. «Как только <он> появился на эстраде, разразилась буря рукоплесканий. Ф. М. прочел вторую главу из своего романа „Преступление и наказание“. По окончании чтения, лектору поднесли два лавровых венка и вызывали раз семь <...> Все участвовавшие в вечере встречались и провожались самыми дружными аплодисментами, но больше всех оваций выпало на долю Ф. М. Достоевского» («Новое время», № 1468, 30 марта).

Вероятно к этому времени относится недатированная записка К. М. Станюковича к жене: «Люба, милая Люба! Сейчас узнал, что сегодня будут овации Тургеневу и Достоевскому. Готовят поднести венки им. Ступай на чтение. Будет интересно!..» (Авт. ГПБ, ф. 736, ед. хр. 43).

196. ИЗ ДНЕВНИКА А. А. КИРЕЕВА

«С.-Петербург» 7 апреля 1880 г.

Вечером был у Бестужева-Рюмина ¹, познакомился с педагогичками принца Ольденбургского ² (и, к сожалению, Осинина ³) <...> Они прямые социалистки, защищают социализм самым беззастенчивым образом. Достоевский рассказывал из дальних лет — Белинский так говорил об Иисусе Христе: «Этот подлец <...>». А мы-то кланялись в пояс Белинскому.

Автограф. ЛБ, ф. 126.28.

¹ Константин Николаевич *Бестужев-Рюмин* (1829—1897) — историк, профессор Петербургского университета, один из основателей Высших женских курсов (так называемых «Бестужевских»).

² Принц Петр Георгиевич *Ольденбургский* (1812—1881) — председатель Главного совета женских учебных заведений.

³ Иван Терентьевич *Осинин* (1835—1887) — педагог, богослов и публицист, видный деятель женского образования; директор петербургской и царскосельской женских гимназий, член комиссий по учреждению в России высших женских учебных заведений.

197. О. Ф. МИЛЛЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 25 апреля 1880 г.

... Будьте так добры сообщить Федору Михайловичу, что Кирееву¹ и Аристову² дано знать о хоре. Вручая вам билеты, я позабыл сказать, что вам и Федору Михайловичу будут доставлены особые, с правой стороны³ ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 6. 86.

¹ А. А. Киреев.

² Василий Иванович *Аристов* (1831—1903) — член С.-Петербургского Славянского благотворительного общества. См. о нем: «Знакомые. Альбом М. И. Семевского». СПб., 1888, стр. 163. Его письмо к Достоевскому, датированное 30 декабря 1880 г., с приглашением на совещание, хранится в ИРЛИ.

³ Речь идет о литературном вечере в пользу Славянского благотворительного общества 27 апреля 1880 г., на котором выступил с чтением отрывка из последней части «Братьев Карамазовых» Достоевский («Мальчики»). «Эффект, без преувеличения и похвалы, могу сказать, был чрезвычайно сильный», — писал Достоевский Н. А. Любимову 29 апреля («Письма», IV, стр. 140).

198. А. И. ТОЛСТАЯ — Е. Ф. ЮНГЕ

«С.-Петербург» 5 мая <1880 г.>

Вчера получила твое письмо¹, милая Катя, и, не медля ни минуты, отвезла твое письмо к Достоевскому; хорошо, что не отложила, — сегодня утром они уехали на дачу в Старую Руссу. Письмо твое он положил в грудной карман по причине народа, который тут толпился и суетился. Я только заметила на его лице выражение удовольствия. Во всяком случае, тебе необходимо иметь его адрес летний: в городе Старая Русса, в собственном доме. А городской — Кузнечный переулок, у Владимирской церкви, д. № 5 <...> Знаешь ли, почему ты получила письмо Достоевского заказным? Он прислал его ко мне с тем, чтобы я вложила его в свое, полагая, что оно вернее дойдет. А я, боясь, чтобы оно как-нибудь не затерялось, послала его заказным. Ведь ты не сердись на меня за это? Жаль, что не знаю содержания его письма, а так отраднo было бы знать. Будь так добра, отошли Достоевскому из «Карамазовых» то, что у тебя, т. е. последние главы, которые я тебе прислала². Ему они очень нужны. Отошли прямо в г. Старую Руссу с бандеролью³...

Автограф. ГИМ, ф. 344, ед. хр. 43.

¹ Это письмо Е. Ф. Юнге к матери неизвестно, так же, как упоминаемое ниже письмо Достоевского к Юнге.

² По-видимому, корректурные листы «Русского вестника». См. след. письмо.

³ См. выдержки из письма Юнге к Достоевскому (25—26 апреля 1880 г.) в моей статье «Доброе и ободряющее слово» — «Лит. газета», 1971, № 33, 11 августа. Автограф в ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 104.

199. А. И. ТОЛСТАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<С.-Петербург> 12 мая <1880 г.>

... Сейчас получила я от дочери последние главы «Карамазовых», спешу отправить их. Простите, что долго задержала Катя. Восторг ее от чтения «Карамазовых» и получения письма от Федора Михайловича неописуемы¹. Да благословит господь все предприятия Федора Михайловича, и да утешит его, как он утешил больную душу матери письмом к ее дочери. Да хранит вас всех святое провидение ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 9. 53.

¹ См. примеч. к предыдущему письму.

200. К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН — Л. И. ПОЛИВАНОВУ

Телеграмма

С.-Петербург. 19 мая 1880 г.

От Петербургского Славянского благотворительного общества придут депутатами Достоевский и Золотарев¹.

Председатель Б е с т у ж е в-Р ю м и н.

Подлинник. ЦГАЛИ, ф. 2191, оп. 1, ед. хр. 190.

Лев Иванович *Поливанов* (1838—1899) — московский педагог, директор гимназии, председатель комиссии по открытию памятника Пушкину.

¹ 21 января 1873 г. Достоевский был избран действительным членом С.-Петербургского Славянского благотворительного комитета; 2 декабря 1879 г. вошел в состав его Совета, а 14 апреля 1880 г. утвержден в должности товарища председателя. 12 мая А. С. Суворин писал Достоевскому:

«И. С. Аксаков просит меня передать вам, что вы включены в число лиц, имеющих читать или говорить о Пушкине, стало быть, вас ждут в Обществе любителей словесности. Если поедете, черкните мне два слова. Вы знаете, конечно, что железная дорога Николаевская назначила экстренный поезд 24 мая, на который билеты надо брать 20-го, 21 и 23 мая, по уменьшенной цене, именно 17 р. 50 к. второй класс и 25 р. первый класс — туда и обратно со включением и государственного сбора. Из Москвы надо ехать обратно 27, 28, 29 или 30 мая с почтовым поездом, по желанию в любое из этих чисел. Если вы захотите ехать из Петербурга, то я могу взять для вас заблаговременно билет. Заседания Общества будут происходить 26 и 27 мая, два дня, ибо число чтецов огромное. Поеду ли я — еще не знаю...» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 9. 33). Ответ Достоевского от 14 мая — «Письма», IV, стр. 142—143.

Достоевский выехал в Москву 22 мая (А. Г. Достоевская. Воспоминания. стр. 360). За несколько дней до того, 15 мая, А. Г. Достоевская писала племяннику Достоевского Андрею Андреевичу:

«... Теперь у меня есть большая просьба к многоуважаемому Андрею Михайловичу, и если он ее исполнит, то обяжет всех нас чрезвычайно. Дело вот в чем. Федор Михайлович едет в Москву на открытие памятника Пушкину и пробудет там дня четыре. Хочу воспользоваться его пребыванием там, чтоб вписать Федю в московское дворянство. Но я не знаю, как приступить. Вот я и прошу многоуважаемого и доброго Андрея Михайловича описать мне в подробности, куда он обращался, записывая вас в дворянство, то есть в какое присутственное место и с какою бумагою, и какие представлял документы.

Нельзя ли прислать копию с той бумаги, которая выдана вам, чтобы Федор Михайлович мог на что-либо опереться, т. е. мог бы удостоверить, что он записан в дворянских книгах и хотел бы вписать своего сына.

Я убедительнейше прошу многоуважаемого Андрея Михайловича тотчас же ответить на мое письмо: это такой удобный случай, который не скоро представится: когда-то он поедет в Москву да и придется ли вписать Федю, а мне бы этого очень хотелось...»

Федор Михайлович поручает мне передать всем вам его уважение» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 151).

201. ИЗ ДНЕВНИКА М. А. ВЕНЕВИТИНОВА

〈Москва. 3 июня 1880 г.〉

... Наконец, Бартенев¹ ушел, и мы еще несколько времени посидели втроем, то есть я, Кутузов² и Дмитриев³. Зашла речь о предстоящих празднествах и об отсутствии на них некоторых русских писателей, например Фета, Салиаса и в особенности графа Л. Н. Толстого <...〉

Я пожалел об отсутствии Толстого и упомянул о Достоевском как о сопернике Тургенева.

— Воля ваша, — возразил Дмитриев, — а Достоевского я не считаю вовсе таким значительным талантом. Правда, что у него много наблюдательности и остроты в анализе, но синтетическая сторона его произведений туманна, неясна и не выдерживает строгой критики. Например, он верит искренно в единого бога и вместе с тем упрекает его в несправедливости. Это не логично. Уж если он признает в мире несправедливость, то должен быть пантеистом и не признавать единого божества и не удивляться поражающей его несправедливости. Но если он верит в бога, то должен примириться и с кажущейся несправедливостью провидения. Вообще, все его положительные идеалы или, по крайней мере, стремление изобразить их в «Братьях Карамазовых», чрезвычайно туманны и мистичны. Это не здравый смысл народа, а тяжело выстрадавший, искусственный подход к его воззрениям. Достоевского в его кажущемся смирении и простоте обыкновенно противопоставляют изяществу Тургенева, но последний все-таки художник, а «Преступление и наказание», убийство Карамазовым своего отца — это не искусство, а судебные следствия, реализм, лишенный всякой художественности. Вообще, — закончил Дмитриев свой строгий приговор, — надо отличать простых людей от людей *простящих*: Достоевский принадлежит к числу последних.

Я привожу этот отзыв как любопытный образец суждений человека, довольно замечательного. Но с отзывом этим я далеко не согласен и считаю, что философская критика Дмитриевым мировоззрения Достоевского страдает каким-то холодным, рассудочным формализмом, вполне уместным в книгах, но непригодным для действительной жизни ...

Автограф. ЛБ, ф. 48.16.3. Рукопись озаглавлена «Пушкинские торжества в Москве». Она представляет собой подробный отчет о празднестве и датирована «Москва. 7 июня — 7 июля 1880». См. ниже № 203.

Михаил Алексеевич Веневитинов (1844—1900) — литератор и археолог, племянник поэта Д. В. Веневитинова.

¹ О П. И. Бартеневе см. в п. 65.

² Граф Арсений Аркадьевич Голенищев-Кутузов (1848—1913) — поэт.

³ Федор Михайлович Дмитриев (1829—1894) — историк русского права, профессор Московского университета, «известный своими эпиграммами», как отмечает, характеризуя его, Веневитинов.

202. Н. И. СТОРОЖЕНКО — Е. С. НЕКРАСОВОЙ

〈Москва. 4 июня 1880 г.〉

... Еще не решено, на каком из двух заседаний будет читать Достоевский¹, но как только это выяснится, то вы немедленно получите билет на сие заседание, конечно *нумерованный*, потому что нумерованных билетов очень мало, и я не из тех счастливых ...

Автограф. ЛБ, ф. 196.21.25. В автографе датировано: «Среда. Утро».

Николай Ильич Стороженко (1836—1906) — профессор Московского университета, историк литературы, шекспириолог.

О Е. С. Некрасовой см. в примеч. к п. 103.

¹ Речь идет о публичных заседаниях Общества любителей российской словесности, председателем которого был Стороженко. Первое из них состоялось 7 июня. На нем выступил с речью Тургенев, а Достоевский произнес только «краткое слово». Второе заседание состоялось на следующий день, 8 июня. На этом заседании Достоевский выступил со своей знаменитой речью.

203. ИЗ ДНЕВНИКА М. А. ВЕНЕВИТИНОВА

⟨Москва. 6—8 июня 1880 г.⟩

... Наскоро пообедав с Кутузовым¹, я один, без него, отправился к девяти часам в Дворянское собрание, зала которого была битком набита. По случаю траура по императрице большинство дам были в черном. На левых руках важных особ и распорядителей вечера был повязан креп, но, несмотря на эту печальную обстановку, настроение залы было самое торжественное <...>

Вечерние литературно-музыкальные собрания в числе двух были устроены Обществом любителей русской словесности. К участию в них были приглашены все представители русской словесности, съехавшиеся на торжество, и специально приехавшие для того из Петербурга артисты русской оперы: Каменская² и Мельников³ <...>

Прежде чем расстаться с описываемым вечером, необходимо остановиться на последнем его, финальном номере. Номер этот был назван в афишке *апотеозом*. Перед началом его в публике заметно было нетерпеливое и любопытное ожидание. В самом деле, как устроят этот апотеоз Самарин⁴, Григорович⁵, Рубинштейн⁶, Трутовский⁷ и Тургенев, которым в публике приписывались все заботы о художественной и драматической части вечера? Но апотеоз этот вышел, по крайней мере, по моему личному впечатлению, несколько комичен. Он состоял в следующем:

Когда Каменская, пропев последний музыкальный номер, удалилась со сцены, занавес спустился, и за ним стали раздаваться удары чего-то, изобличавшие какие-то приготовления, продолжавшиеся довольно долго. Наконец, Рубинштейн застучал своим жезлом, и в оркестре раздались торжественные звуки прелюдии, перешедшие в гимн, нарочно сочиненный по настоящему случаю Танеевым⁸ и певшийся хором, помещенным за сценой. К сожалению, слов нельзя было расслышать. При соединенных звуках оркестра и хора, взвился занавес, и глазам публики представился бюст Пушкина на невысоком пьедестале, поставленном посреди сцены. Несколько минут сцена оставалась пуста; наконец, из-за правой кулисы вышла Каменская, затем Климентова⁹, потом писатели: Тургенев, Островский, Юрьев, Максимов¹⁰, Достоевский, Потехин¹¹, Писемский, за ними актеры: Самарин, Мельников, Горбунов¹² и, наконец, директор частной гимназии, член Общества любителей словесности и распорядитель по устройству торжеств Комитета — Поливанов¹³, бог знает почему попавший в апотеоз, так как в области литературы заявил себя только изданием какой-то учебной книги по русскому языку, кажется грамматики. Все поименованные лица прошли перед бюстом Пушкина, обогнули его с левой стороны и затем сзади него выстроились рядами, глупо глядя на публику, пока Рубинштейн махал своей палочкой и руководил оркестром и невидимым хором. Каждый из вышепоименованных нес с собою венок, который клался им к подножию пушкинского бюста. Один только Тургенев, подойдя к бюсту, увенчал своим венком главу Пушкина. Конечно, в зале тотчас же раздались сильнейшие рукоплескания, которых, по-видимому, так желал Тургенев. Вообще, с легкой руки Сабурова¹⁴, удостоившего его лобзанием в университете, Тургенев видимо стремился в этот вечер сосредоточить на себе внимание публики, преимущественно пред другими писателями, находившимися в зале и участвовавшими на литературном ве-

Восстановлено по копии, датированной 24-го января 1968 г., в к. Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

ВЪ ВОСКРЕСЕНЬЕ, 30-го НОЯБРЯ 1880 ГОДА.

ВЪ ЗАЛѢ ГОРОДСКАГО КРЕДИТНАГО ОБЩЕСТВА

(на площадке Александринского театра)

ВЪ ПОЛЬЗУ ОБЩЕСТВА ВСПОМОЩЕСТВОВАНІЯ
СТУДЕНТАМЪ С.ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ДАНЪ БУДЪТЪ

МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ВЕЧЕРЪ

ств. участием: А. А. Вигуринной, Г.-из Васильева З.-го, А. А. Голенищева-Кутузова, Н. О. Горбунова, Д. Б. Грингорского, Ф. И. Достоевского, Н. П. Корикова, И. А. Кучера, И. А. Листовского, Ф. О. Миллера, А. Ф. Пригожого, Н. Г. Савиной, Ф. И. Странного и др.

4432

Род. собрана Пахитойна, мот. мот. Германиа и Гроссманна.

НАЧАЛО РОВНО ВЪ 8 ЧАСОВЪ

Всего из 6, 8, 9, 10, 11 и 12 р. были получены: 1) из смеси этилен- (Полиэтилен); 2) из кристаллической смолы Бенсоль 3) из смолы П. М. Сташисонича и 4) из смолы Гурьевой Крестинки Омского.

Source: <http://www.budget.gov.au/1999/2000/00010000.htm>

Soc. Sci. Res.

АФИША МУЗЫКАЛЬНО-ЛИТЕРАТУРНОГО ВЕЧЕРА В ПОЛЬЗУ «ОБЩЕСТВА
ВСПОМОЩЕСТВОВАНИЯ СТУДЕНТАМ ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА»
ПРИ УЧАСТИИ ДОСТОЕВСКОГО. 30 НОЯБРЯ 1880 г.

Достоевский читал отрывок из романа «Братья Карамазовы» (похороны Илюшечки)

Музей-квартира Ф. М. Достоевского, Москва

чере. Желание сделать себя центром, главным виновником торжества, особенно резко проявилось в выборе стихотворений Пушкина, сделанном Тургеневым для своего чтения. Когда он прочел известное стихотворение: «Опять на родине» и т. д., то публика ясно поняла намерение чтеца применить к самому себе те чувства, которые испытал когда-то Пушкин. Раздались долго не умолкавшие рукоплескания, Тургенева несколько раз вызывали, и, напоследок, он сам не утерпел, подошел к рампе, дождался, пока толпа затихла, и наизусть, голосом, в котором слышалось волнение, прочел:

Последняя туча рассеянной бури, и т. д.

Наэлектризованная зала дружными рукоплесканиями восторженно приветствовала Тургенева, как бы чувствуя, что он в самом деле является последней тучей литературного оживления 40-х годов, заблудившейся на темном небе нашего времени.

Понятно, что при таком восторге, возбужденном в публике чтением поименованных стихотворений Пушкина, которые Тургенев выбрал, конечно, не случайно, апотеоз имел самый большой успех. Высокая фигура Тургенева, с его внушительной седой головой особенно выделялась в среде писателей, допущенных на сцену, за бюст Пушкина. Максимов, Потехин и прочая литературная мелкота самодовольно улыбались на этом самодельном Олимпе. Даже скромная фигура Достоевского как-то ступевалась перед видным станом Тургенева, выступившего несколько вперед и усерднее других кланявшегося в ответ на восторженные приветствия.

Несмотря на свой несомненный успех, апофеоз этот, признаюсь, очень мне не понравился. Обыкновенно сама публика возводит писателей на пьедестал, венчает их лавровыми венками. А тут сами писатели создали себе какой-то храм славы, образовали из себя непрошенный какой-то Олимп, в который допустили не только тех, кого по заслугам можно, пожалуй, признать богами или полубогами, но даже и таких лиц (Климентова, Поливанова, например), которые и в полугерои-то едва ли годятся <...>

Вся эта мысль об апофеозе, в котором Достоевский, Григорович, Плещеев и другие более видные писатели, играли такие глупые и жалкие роли, едва ли, как мне кажется, не принадлежала самому Тургеневу, желавше-

му, вероятно, попробовать на родной почве посев западноевропейских, парижских, собственно, семян. Апотеоз, в том виде, как был изображен, как-то не вязался с представлением об обыкновенной скромности наших доморощенных писателей и с простотою русского человека <...>

На следующий день, 7 июня, в субботу, предстояло утреннее торжественное заседание Общества любителей словесности, и в шесть часов обед там же, в Благородном собрании. Я участвовал на обоих <...>

7 июня заседание Общества любителей словесности началось в час <...> Я <...> очутился на нем в соседстве нескольких весьма хороших дам, с которыми вступил в разговор по поводу говоривших ораторов, и называл их по именам моим соседкам, любительницам, конечно, литературы, но далеко не знатокам в ее представителях, так как мне пришлось неоднократно разуверять их, что ни Бартенев, ни Писемский, ни Григорович — не Тургенев и что ни Анненков, ни Горбунов, ни Полонский — не Достоевский <...>

В профиль я узнавал ораторов и сидевших перед кафедрой Юрьева, Аксакова, Достоевского и Тургенева. За кафедрой виднелись мне в лицо Сухомлинов¹⁵, мой бывший профессор, французский депутат Léger¹⁶, Голохвастова, незаконная дочь графини Ростопчиной от Владимира Николаевича Карамзина, и другие, кого не припомню хорошенько <...>

Заседание окончилось около половины пятого, и я едва успел сделать некоторые необходимые поездки, чтобы поспеть туда же, в Собрание, к обеду, назначенному в шесть часов <...> Я приехал в Дворянское собрание почти что в шесть часов и застал большинство гостей за закускою <...> Большой стол, человек на пятьдесят, был накрыт во всю длину столовой, к одной ее стороне. Перпендикулярно к этому столу были расположены шесть или семь меньших столов <...> Всех обедающих было около 200—250 <...>

На следующий день, 8 июня, я несколько опоздал на утреннее заседание Общества любителей словесности, начавшееся в два часа <...> Первая часть заседания, в которой говорил, до Достоевского, Писемский и еще кто-то, прошла довольно вяло. За колоннами происходило движение, в зале был шум, и ораторов, на которых мало обращалось внимания, трудно было расслышать. Я сам занимался более разговором с моими соседками, которых красота была для меня в то время гораздо интереснее.

Но вот на кафедре появился Достоевский. Раздались восторженные и долго не смолкавшие рукоплескания. Затопали ногами, замахали платками. Долго Достоевский отклонивался, долго стоял в зале гул восторга. Если б его взвесить или измерить, то на его стороне оказался бы значительный перевес против тех оваций, которых вчера предметом был Тургенев. Наконец шум улегся, и в зале сделалось так тихо, что, казалось, можно было расслышать полет мухи. Среди напряженного внимания публики Достоевский начал свою замечательную, теплую по чувству и глубокую по мысли речь. Не удалось Федору Михайловичу произнести свою речь безостановочно до конца. Богатое ее содержание, меткие, прочувственные выражения, новый по мысли разбор «Цыган» и «Евгения Онегина», тонкий анализ типа Татьяны — как идеала русской женщины, трюевное деление поэзии Пушкина и указание на ее общечеловеческое значение, — все эти блестящие места речи невольно захватывали дух у слушателей своею глубиною и заставляли залу неоднократно прерывать оратора взрывами восторженных рукоплесканий. Особенно сильно раздавались приветствия публики в то время, когда Достоевский упомянул о невозможности русскому скитальцу успокоиться в пределах, менее тесных, чем удовлетворение не одних народных, но всех общечеловеческих стремлений его души. Когда Достоевский, наряду с именем Татьяны, упомянул о подобном же мастерском воспроизведении идеала русской женщины в Лизе

«Дворянского гнезда», то скромное и справедливое его признание заслуг со стороны его соперника в литературной славе, и самый намек на этого соперника вызвали целую бурю рукоплесканий и в честь оратора и в честь сидевшего под кафедрой Тургенева, который, видимо, был польщен и глубоко тронут внимательностью не столько публики, сколько автора «Братьев Карамазовых». По окончании речи оба писателя, несколько лет между собою не говорившие, — говорят, горячо между собою поцеловались. Я особенно распространяюсь о впечатлении, произведенном речью Достоевского, потому что высказанные в ней взгляды произвели особенно сильное, самое поразительное из всех слышанных на пушкинском торжестве речей впечатление. Я объясняю это впечатление тем, что Достоевский сумел ясно и положительно сформулировать все те смутные и горячие мечты и стремления последних двух десятилетий со времени крестьянского освобождения, все те горячие надежды и упования, все те темные блуждания в вопросе о слиянии с народностью, которые долго составляли болезненное место нашей словесности и для выражения которых она тщетно силилась найти подходящие образы и слова. Поставить точку этим вопросам, найти в Пушкине значение звена в вековом ходе русской образованности, объяснить его влияние в смысле стяга, соединяющего под своею сенью борцов прошедшего с борцами настоящего и будущего, — вот в чем, по моему мнению, заключается несомненная заслуга речи Достоевского, речи, названной, как увидим далее, Иваном Сергеевичем Аксаковым, «целым событием». На меня лично эта знаменитая речь имела такое влияние, что под впечатлением ее я простил сразу Петру Великому всю его насильственную реформу <...>

Но овации Достоевскому не кончились с его речью. Члены Общества любителей, горячо поздравив его на эстраде рукопожатиями и лобызаниями, тут же, не сходя с места, провозгласили его почетным членом своего общества. Во время раздавшихся по этому поводу аплодисментов, через залу к эстраде потянулась вереница дам, с трудом пробиравшаяся через столпившуюся в проходе между кресел публику и предводительствуемая большим зеленым венком с яркими лентами. Это были слушательницы педагогических курсов. Их допустили на эстраду, затем далее на сцену, где они под самым бюстом Пушкина при криках и топоте и махании платков всей залы возложили свой венок на Достоевского, под самым бюстом Пушкина, и несколько времени держали его над ним. Глубоко потрясенные всем слышанным и виденным, разошлись мы все из залы по соседним комнатам по случаю возмещенного десятиминутного перерыва заседания. Многие даже разъехались, так как от предстоящих ораторов уже нечего было ожидать после речи Достоевского.

В курительной и соседних комнатах только и слышались что восторженные отзывы о только что совершившемся торжестве Достоевского. Между прочим, я встретился с Ольгой Алексеевной Новиковой¹⁷, которая неизменно мелькала передо мною на всех утренних и вечерних собраниях Общества любителей. С ней разговаривала стоящая подле дама с депутатским значком на плече. Дама эта оказалась Анна Михайловна Евреинова¹⁸, доктор прав, председательница одного из отделений Московского юридического общества. Я с ней раз встретился в прошлую осень на вторнике у А. И. Кошелева¹⁹. Она поздоровалась со мною как старая знакомая, и мы вступили с нею в разговор по поводу всего того, чего мы были свидетелями и участниками в эти три дня. Я ей пожаловался на Тургенева <...> Я противопоставлял, в разговоре с Евреиновой, скромность, простодушие и глубину Достоевского и закончил нашу беседу указанием на то, что борьба между двумя современными писателями сегодня уже разрешилась в пользу того из них, кто дорожит связью с народом для жизни своего идеала, а не для корыстолюбивых целей тщеславия, питающегося воспоми-

нениями о заслугах своего прошлого. Указание мое, надеюсь, оправдается, — слава Достоевского-мыслителя превзойдет славу Тургенева-эстетика. Но насколько я убедил Евреינוву, я не знаю, она, по крайней мере, соглашалась со мною <...>

Настроение публики под впечатлением речи Достоевского все еще было несколько возбужденное, когда зала снова наполнилась по звонку, возобновлявшему заседание. Ораторы, говорившие во второй части, принесли явную жертву своей добросовестности. Речи их, несмотря на все внутрененные достоинства, на все красноречие, например, Аксакова, уже не могли не бледнеть после глубоких мыслей и чувств, высказанных Достоевским <...>

Аксаков, которого я в первый раз слушал публично, показался мне весьма замечательным оратором, лучшим из числа прочих говоривших писателей. Перед Тургеневым и Достоевским он положительно имеет преимущество в голосе и выговоре. Речь его, как все его произведения, отличалась законченностью и изяществом отделки. Несмотря на свою бледность после речи Достоевского, речь его все-таки была прослушана с удовольствием, но положение говоривших после него Калачева²⁰ и Бартенева было поистине жалкое <...>

Последняя речь А. А. Потехина, предложившего подписку на памятник Гоголю, была настолько плодотворна, что способствовала к собранию в тот же день до 3000 рублей. Но обаяние Достоевского все еще действовало на публику, которая преследовала рукоплесканиями излюбленного своего писателя по мере того как, выходя из Собрания, он поочередно появлялся в боковых залах, на лестнице и даже на подъезде, до дверей которого его провожала толпа слушателей педагогических курсов <...>

Второй музыкальный литературный вечер, на который я отправился после обеда, менее из любопытства, чем для очистки совести относительно участия во всех, по возможности, пушкинских торжествах, оказался в своей музыкальной части совершенным повторением первого вечера <...> Вообще зала была гораздо менее наполнена, чем в первый вечер, и десяток задних рядов стульев был почти совершенно пуст <...>

Достоевский продолжал быть героем дня. В честь его раздавались самые оглушительные рукоплескания. На апотеозе он, вероятно, по просьбе Тургенева и в виде взаимной любезности, возложил свой венок на голову Пушкина. Пушкинского «Пророка» он прочел с большим воодушевлением и должен был повторить его по желанию публики.

Выбор пушкинских стихотворений, читанных Тургеневым, по-прежнему избощивал в чтеце желание подействовать на публику намеками на свою собственную личность. В первой части Тургенев, появившийся вслед за игрою Самариным «Скупого рыцаря», прочел стихотворение Пушкина «Зима». После чтения Достоевским «Песней западных славян» и «Сказки о бурой медведице», публика, соскучившаяся долгим ожиданием пения Каменской, медлившей, вопреки афише, появиться на сцене, начала было расходиться из залы и стала наполнять соседние комнаты, полагая, что наступил уже перерыв между двумя частями вечера. Но в это время со сцены раздался какой-то неурочный звонок, и все кинулись занимать свои места в зале. На сцене появился Тургенев и прочел:

Когда не требует поэта

К священной жертве Аполлон, —

раздались восторженные рукоплескания, друзья и почитатели Тургенева, вероятно, желавшие вознаградить его за утреннее торжество Достоевского, поднесли ему венок, принимая который Тургенев заявил, что положит его сегодня к подножию пушкинского бюста. Не могу скрыть здесь моего предположения о том, что, произнося эти слова, Иван Сергеевич

втайне, быть может, надеялся услышать в ответ восклицания своих поклонников, вроде: «Нет! Не к подножию, а на голову Пушкина!» По крайней мере эта не совсем добрая мысль явилась у меня вследствие того, что мне показалось, будто Тургенев не мог скрыть в этот вечер своего завистливого неудовольствия на утренний успех Достоевского. Намек на это неудовольствие я как будто встретил и в чтении Тургеневым отрывка из «Цыган», именно рассказа о сосланном Овидие, которым Ив. Сергеевич отвечал на долго не смолкавшие вызовы и рукоплескания публики, преследовавшие его за сцену, куда он удалился, приняв поднесенный ему венок. По моему мнению, особенно в виду выбора Тургеневым стихотворений Пушкина на первом вечере, не следовало на втором вечере, после успеха Достоевского, читать стихи, оканчивающиеся словами: «Что слава? — Дым пустой!» — и т. д. <...>

Я, как и третьего дня, решился остаться до самого конца музыкально-литературного вечера. Мне было любопытно знать, чем окончатся пушкинские торжества и какое конечное впечатление оставят они в слушателях и зрителях. К сожалению, впечатление это, по крайней мере на меня лично, было далеко не удовлетворительно <...>

Знаменитый апофеоз вышел еще более смешным и странным, чем в первый раз. Появление на сцену русских писателей, актеров, актрис и директора частной гимназии третьего дня еще можно было, пожалуй, объяснить увлечением, восторгом и другими подобными чувствами, возбуждаемыми под влиянием данной минуты или известного, скоропреходящего настроения. Но повторение литературного и артистического Олимпа за бюстом Пушкина, с венками, глупым глазиением на публику под блеском электрического освещения, уже теряло свой характер первобытной непосредственности и являлось простым ломаньем комедии по заказу. Прохождение по сцене с венками в руках писателей и артистов, складывание венков к подножию бюста, до известной степени извинительное в первый раз, во второй уже напоминало казенные реверансы институток перед важною особою, присутствующею на экзамене, или фиктивные коленопреклонения мальчиков в католических церквях, когда они пробегают мимо алтаря. Появление в апофеозе разных Максимовых, Потехиных, Мельниковых, Каменских еще, пожалуй, можно объяснить их самодовольством и самомнением; но я не понимаю, как Достоевский, умный, как кажется, человек, мог согласиться на личное участие в этой глупой комедии апофеоза и принять на себя такую странную в ней роль! Уж лучше бы он и во второй раз предоставил Тургеневу дешевую честь увенчания фиктивного Пушкина на фиктивном апофеозе русской литературы, которая сама показалась мне какою-то фикцией в этот вечер ²¹...

Автограф. ЛБ, ф.48.16.3. См. примеч. к № 201.

¹ См. примеч. на стр. 501.

² Мария Даниловна Каменская (1854—1925) — солистка Мариинского театра.

³ Иван Александрович Мельников — солист Мариинского театра.

⁴ Иван Васильевич Самарин (1817—1885) — артист Малого театра, ученик Щепкина, «старикашка 64 лет», который при встрече с Достоевским 3 июня осыпал его комплиментами («все говорил мне речи»). На концерте в Дворянском собрании исполнил монолог скупого рыцаря Пушкина; по словам Достоевского, он «отбил» у него этот монолог (см. «Письма», IV, стр. 165).

⁵ Писатель Д. В. Григорович.

⁶ Николай Григорьевич Рубинштейн (1835—1881) — выдающийся пианист, основатель и директор Московской консерватории. На торжественном обеде в честь Достоевского в ресторане «Эрмитаж» 25 мая произнес хвалебную речь (см. «Письма», IV, стр. 150).

⁷ Константин Александрович Трутовский (1826—1893) — художник (жанрист и пейзажист), автор воспоминаний о Достоевском. А. Г. Достоевская писала сыну художника Владимиру 9 мая 1901 г.: «Мой покойный муж чрезвычайно почитал и высоко ставил талант вашего многотимого отца и гордился тем, что был сотоварищем его по

Инженерному училищу. Я помню, с какою радостью мой муж вспоминал свою последнюю с ним встречу...» (Авт. ГТМ, ф. 286, ед. хр. 16).

⁸ Сергей Иванович *Танеев* (1856—1915) — композитор, профессор Московской консерватории.

⁹ Мария Николаевна *Климентова-Муромцева* (1857—1946) — артистка Московского Большого театра, первая исполнительница партии Татьяны в «Евгении Онегине» Чайковского (1879).

30 июня 1880 г. она писала Достоевскому из Тулы: «... Берусь за перо, чтобы напомнить вам о вашем обещании прислать мне свою карточку. Вечером 8 июня вы были в осадном положении от многочисленных почитателей и поклонниц. Теперь, когда у вас в ушах не раздаются различные возгласы и просьбы, я надеюсь, что моя будет услышана. Желая чтобы ваша муза вдохновляла бы вас все более и более и давала бы мне почаще возможность извлекать из ваших сочинений такую же пользу, какую надеюсь получить от чтения вашей последней речи. Татьяна более чем когда-либо стоит передо мной, как живая, и подгоняет изобразить себя как можно правдивей. Кстати, „Евгений Онегин“ стоит на репертуаре будущего сезона...» (Авт. ЛБ, ф. 93.II.5.75).

¹⁰ Сергей Васильевич *Максимов* (1831—1901) — писатель и этнограф, автор книги «Крылатые слова».

¹¹ Алексей Антипович *Потехин* (1829—1908) — писатель и драматург.

¹² Иван Федорович *Горбунов* (1831—1895) — артист Александринского театра, автор рассказов и бытовых сценок, пользовавшихся большим успехом у современников, в том числе у Достоевского.

¹³ О. Л. И. *Поливанов* см. в примеч. к п. 200.

¹⁴ Андрей Александрович *Сабуров* (1838—1916) незадолго до того вступил на пост министра народного просвещения.

¹⁵ Михаил Иванович *Сухомлинов* (1828—1900) — профессор русской словесности Петербургского университета.

¹⁶ Луи *Леже* (1843—1923) — известный французский ученый-славист, приглашенный на празднества через Тургенева. В позднейших воспоминаниях «Souvenirs d'un Slavophile» («Воспоминания славянофила», Paris, 1905) он описал обстоятельства, при которых его привлекли к участию в пушкинских торжествах, и самые торжества. «Большинство русских литераторов, — писал он, — уже собралось в древней столице, чтобы почтить память национального поэта. Рядом с Тургеневым, снова ставшим моим соседом, находились самые прославленные представители русской литературы: Островский, плодовитый драматург, реалистически изобразивший московскую жизнь; Григорович, изящный романист; Достоевский, чьи глубоко посаженные глаза и сведенное судорогой лицо с первого взгляда свидетельствовали о том, что перед нами мятущийся гений, и о перенесенных им долгих испытаниях; хрупкий поэт Полонский...» (стр. 127); ср. «Москва», 1965, № 8 стр. 205—208.

¹⁷ Об. О. А. *Новиковой* см. в примеч. 2 к п. 157.

¹⁸ Анна Михайловна *Евреинова* (1844—?) — первая русская женщина, получившая ученую степень доктора прав; впоследствии издавала журнал «Русский вестник». Сохранилось ее письмо к Достоевскому (ЛБ).

¹⁹ Александр Иванович *Кошелев* (1806—1883) — публицист-славянофил.

²⁰ Николай Васильевич *Калачев* (1819—1885) — историк-юрист и археограф.

²¹ В одном из писем к мужу в Москву А. И. Майкова сообщила, что она и сыновья, читая подробности о пушкинских торжествах, ищут в газетах его имя. Это вызвало следующую горькую реплику Майкова (19 июня):

«Твое чтение газет о пушкинском празднике для того, чтоб встретить мое имя, конечно, меня очень трогает. Если и встретишь, то только упоминание, что „г. Майков прочел свои стихи“. И слава богу, что и то без ругательств. В одной фразе твоей в письме к Коле „досадно за папу“ — чувствую некоторый упрек мне и догадываюсь за что: зачем я не выступил рельефнее на этом празднике. Зачем? А затем, что годы взяли свое, годы — т. е. не старость, а годы, долгие годы, с Крымской войны, годы ругательств, оскорблений, умолчаний о моем существовании <...> Гонение многих этих годов не заставило меня петь под общую дудку, я не покорился и понимаю, что заслужил казнь и терплю ее. Уст своих не замарал бранью или каким бы то ни было ответом. И во всем этом совесть моя спокойна. Но во мне развилось чувство *отчуждения*. Когда нахожусь в обществе литераторов, инстинктивно чувствую, что нахожусь между врагами, готовыми подхватить каждое мое слово, чтобы завтра печатно извратить его, как это делали Курочкин, Минаев и тысячи безымянных писак. Развилась робость. К этому болезни печени и расстройство нервов, бессонница и пр. Я давно ушел из этого мира. Ничто меня не зовет писать, не поощряет <...> Я — катковской партии плюс славянофильской, с которой тоже расхожусь, исповедуя необходимость и законность (историческую) *государства* российского, и признаю гений Петра и необходимость его реформ <...> Надо было бы отказаться от всех результатов моих занятий русской историей, дружить с „Отечественными записками“, или Стасюлевичем, или „Делом“ и в их духе писать. Да разве это для меня мыслимо? Далее: нужно бы было выйти из иностранной цензуры; но ведь это мой хлеб <...> Притом, я и убежден в необходимости цензуры у нас при глупости и невежестве публики...» (Авт. ИРЛИ. 17017.с.IХ61).

Умолчание в этом и в других письмах Майкова из Москвы о Достоевском и его триумфе нельзя не признать весьма красноречивым.

204. СОЛОВЬЕВЫ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Телеграмма

Саблино. 10 июня 1880 г.

Перешлите Федору Михайловичу. Радуетесь за всё. Понимайте. Пришлите от нас более, чем слова¹.

София, Юлия, Владимир Соловьевы

Подлинник. ЛБ, ф.93.II.8.121.

¹ Отклик на триумф Достоевского во время пушкинских торжеств в Москве.

205. С. А. ЮРЬЕВ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

<Москва> Середина июня 1880 г.

... Празднества прошли великолепно. Они описаны хорошо в газетах, но прибавить устно можно было бы многое <...>

Вообразите, что сделал со мною Достоевский. Приехав в Москву, он мне сказал, что свою речь о Пушкине он привез для моего журнала. Уверенный в этом, я ни у кого не просил речей¹. В этом уверял меня Достоевский в продолжение десяти дней, даже восьмого числа в двенадцать часов дня, — и вдруг девятого вечером говорит мне, что речь свою он отдал в «Московские ведомости». Мысль об этом пришла ему в голову, ради денежного расчета, ночью с восьмого на девятое число. Расчет этот состоит в том, что он до 15 июня (единовременно с «Московскими ведомостями») выпустит свою речь в форме № 1 «Дневника писателя» за 1880 год, дневника затем выпускать не будет. Когда я сказал на это, что я охотно бы согласился на такую операцию его с его статьей, — «Да, видите ли, — говорит он на это, — что речь моя в газете будет печататься разорванно, так как не поместится в одном номере, и публика может иметь всю речь целиком за раз напечатанную». — Признаюсь, я был крайне удивлен и не совсем верю такому расчету и по многим признакам *имею основание* и причины думать, что на Достоевского имели влияние подговоры Суворина и Каткова (sic!). Объявляя о своем решении, Достоевский поклялся честью, что по окончании своего романа в ноябре он тот же час начнет писать рассказ для меня, и уверял меня в своей любви. Я последнему верю, ибо сам чувствую большую симпатию к нему и в моей речи на обеде, который мы (двадцать человек) ему давали, высказал искреннее мое понимание его сочинений и отношения моего к нему. Но кто меня возмущает, это И. С. Асаков, с которым, однако, мы в самых лучших дружеских отношениях, и высказываю я ему это прямо <...>

Праздник прошел великолепно и оставил много светлого на душе всех²...

Автограф. ЛБ, ф. 93.II.10.17.

¹ Еще 5 апреля 1880 г., сообщая Достоевскому о предстоящем чествовании памяти Пушкина, Юрьев писал:

«Желалось бы и журналу „Русская мысль“ напечатать к этому дню хорошую статью о нашем величайшем поэте. Я слышал, что вы что-то пишете о Пушкине, и беру на себя смелость просить вас позволить напечатать ваш труд в моем журнале. Позвольте быть уверенным, что вы и не откажете мне в этой усердной просьбе» (Авт. ЛБ, ф. 93.II.10. 19). В ответном письме (9 апреля) Достоевский, не обещая ничего положительно, упомянул, что если будет возможно, он пришлет статью к майской книжке («Письма», IV, стр. 134).

² 25 мая 1880 г. в письме к жене из Москвы Достоевский подробно охарактеризовал свои переговоры с Юрьевым (который произвел на него впечатление «человека беспорядочного, в новом виде Репетилова, однако же с хитростью») по поводу заказанной ему статьи о Пушкине. При этом выяснилось, что Юрьев не только не жаждет получения статьи от Достоевского в данный момент, но даже отрекается от своего прежнего предложения и готов напечатать статью только осенью. Вздвигнутый Достоевский «почти обещал» передать свою будущую статью (текст речи на пушкинских торжествах) М. Н. Каткову («Письма», IV, стр. 146—148). Узнав об этом, Юрьев стал усиленно добиваться пересмотра Достоевским своего решения.

9 июня 1880 г. О. А. Новикова (о которой см. выше примеч. к п. 157) писала Достоевскому: «Вчерашний день, благодаря вам, действительно велик! Но вашей гениальной речи не подобает появиться в Чухонских Афинах; Катков будет счастлив напечатать ее на каких угодно условиях, в этом не сомневаюсь <...> Я могу ему телеграфировать. Если согласны, я была бы рада ехать с вами; нас обоих примут с распростертыми объятиями ...» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.7.26).

Речь Достоевского появилась в «Московских ведомостях» 13 июня 1880 г. (№ 162).

Секретарь редакции К. А. Иславин писал Достоевскому 17 июня 1880 г.:

«Посылаю вам, согласно просьбе вашей, рукопись, относительно которой я еще до вашей просьбы внушил нашей типографии сохранить листки в целости.

Я приказал немедленно послать вам отдельный номер „Московских ведомостей“ (162) и, кроме того, пять экземпляров для раздачи кому желательно.

Михаил Никифорович, просматривая корректуры вашего очерка, стеснялся изменить некоторые, как вы выражаетесь, „шороховатости слога и лишние фразы“, вырвавшиеся у вас наскоро; он теперь даже жалеет, что не исправил их, но не имел на то вашего предварительного согласия.

Как бы то ни было, но статья имеет большой успех, а многим питерским стрекулистам крайне досадно, что очерк появился в „Московских ведомостях“» (Авт. ЛБ, ф. 93.П.5.38).

206. ИЗ ДНЕВНИКА А. А. КИРЕЕВА

«Москва» 23 июня 1880 г.

... Аксаков вполне подтверждает как то, что «начальство» тянет молодежь в яму, так и то, что молодежь очень бы желала выйти на другую дорогу, видеть не одно лишь отрицание, а и что-либо положительное; в этом отношении речь Достоевского была, по словам Аксакова, крупным событием. Достоевский — *ex**-каторжник, *ex*-революционер — и вдруг говорит и про идеалы, и про обязанности, и про бога! Этого молодежь давно не слыхала.

Автограф. ЛБ, ф. 126.2.8.

207. Н. К. ЛЕБЕДЕВ (МОРСКОЙ) — А. С. СУВОРИНУ

Ревель. 10 июля 1880 г.

... Я все время живу в волнениях и огорчениях: «Стрекоза» и «Шут» преследуют меня разной мерзостью; Маркс ¹, человек глупый, не понимая истинного значения этих нападок, теснит меня черт знает как; Берг ², человек не умный, боится пропустить всякую мало-мальски живую и удачную сцену, думая, что она не подходит к семейному чтению (зимой, когда я сдал роман, этого не думал, а теперь, после прекращения «Содома» ³, сбитый разными Соловьевыми и Маркевичами с толку, радикально изменил свой образ мыслей). А между тем, даже в этом написанном за два месяца романе, изуродованном Марксом и Бергом, Ф. М. Достоевский хвалит некоторые сцены, а об одной говорит, что был бы доволен, если бы сам написал так ⁴. Все это огорчает и угнетает, — порой одолевает какое-то отчаяние, порой положительно тупое равнодушие ⁵...

* бывший (лат.).

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2263.

Николай Константинович Лебедев (псевд.: Н. Морской, 1846—1888) — беллетрист, сотрудник «Нового времени», «Нивы» и других периодических изданий.

¹ Об издателе «Нивы» А. Ф. Марксе см. в примеч. 5 к п. 84.

² О Ф. Н. Берге см. в примеч. 3 к п. 173.

³ «Содом» — роман Морского.

⁴ Речь идет о романе Морского «Купленное счастье», печатавшемся в это время в «Ниве». Отзыв Достоевского о нем неизвестен. Но несколько ранее, 27 августа 1878 г., писатель осведомлялся у В. Ф. Пуцковича: «Кто такой Н. Морской, печатающий в „Новом времени“ роман: „Аристократия Гостинного двора“? Не Буренин ли? Прелестная вещьца, хоть и с шаржем» («Письма», IV, стр. 36; ср. 365). Отметим, что книга: Н. М о р с к о й. Аристократия Гостинного двора. СПб., 1879, находилась в личной библиотеке Достоевского (см. Л. Г р о с с м а н. Библиотека Достоевского. Одесса, 1919, стр. 132). Титульный лист этой книги (как и нескольких других книг Морского) с дарственными надписями автора) сохранились среди бумаг Достоевского (вероятно, они были вырезаны из книг А. Г. Достоевской).

⁵ Приводим текст неизданного письма Лебедева-Морского к Достоевскому, датированного 29 августа 1880 г.:

«Я долго колебался беспокоить вас просьбою о содействии мне в одном для меня чрезвычайно важном деле. Быть может, сами не зная того, вы однажды лестным отзывом своим о моем романе „Аристократия Гостинного двора“, сделанным вами А. С. Суворину, обеспечили мне целый год существования — и вот это-то и заставляет меня беспокоить вас просьбою. Дело в том, что после „Аристократии“ мною написано два романа: „Содом“, из которого появилась самая незначительная часть, но напечатание которого в „Новом времени“ продолжение было запрещено, и „Купленное счастье“ — роман, в настоящее время печатающийся в „Ниве“. Роман „Содом“, обманувший меня в получении гонорара, на который я рассчитывал, навлек на меня чрезвычайно многочисленные нападки в газетах и сатирических листках, на которые бы я не обратил внимания, если бы эти нападки не повлияли даже на мои интересы... „Купленное счастье“ стало урезываться, и, кроме <того>, приобретение этого романа для отдельного издания г. Марксом, мне почти обещанное, что-то заглохло. Все это уничтожило многие мои денежные надежды и ввело меня в чрезвычайные затруднения.

А между тем я живу на романы, и печь их, как блины, не могу; не могу, следовательно, немедленно начать четвертый роман, написав три. Мне хочется продать теперь „Купленное счастье“, что бы поддержало возможность моего дальнейшего существования, которое с каждым днем становится затруднительнее. Вот здесь-то я и обращаюсь к вам с просьбою, заключающеюся не в том, чтобы вы благоволили кому-либо рекомендовать для издания названный роман, а чтобы несколькими словами, сказанными кому-либо из людей, знающих Маркса, издателя „Нивы“, словами, которые ему, конечно, передадутся, показали, что отдельное издание романа было бы не излишне. Как автору, мне совестно просить вас за самое несовершенное, самое скороспелое из моих произведений, но ведь что же делать, если то, что я считаю лучше, над чем я долее работал, не может быть издано? А жить надо на что-нибудь.

Простите, что я беспокою вас, но, право, мне не к кому обратиться, а вы, как я уже сказал, раз помогли мне немало, за что и примите позднюю, но искреннюю благодарность готового к услугам вашим

Н. Лебедева»

(Авт. ЛБ, ф. 93. II. 6.7).

208. И. С. АКСАКОВ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

Троекурово. 14 июля 1880 г.

... И я очень жалею, что вас не было в Москве на пушкинских празднествах ¹.

Вышло, как и всегда у нас бывает, совершенно неожиданно хорошо и как-то само собою, вопреки нелепости людской, тысяче промахов и нашему скептицизму. Как хотите, а воздвижение памятника Пушкину среди Москвы при таком не только общественном, но официально-ном торжестве — это победа духа над плотью, силы и ума и таланта над великою, грубою силою, общественного мнения над правительственной оценкою, до сих пор удостоивавшею только военные заслуги своей признательности. Это великий факт в истории нашего самосознания. Приятно мне знать, что вы разделяете мое мнение насчет речи Достоевского. Но, без сомнения, еще важнее содержания его речи — впечатление, им произведенное. То есть, я хочу

сказать, что Достоевский мог бы изложить те же мысли в каком-нибудь романе или в своем «Дневнике», и мысли эти, конечно, были бы замечены и достаточно оценены нами, но это обстоятельство не имело бы того значения, какое приобрели те же его слова, сказанные [всемирно] с трибуны, в присутствии нескольких тысяч человек, прямо в упор массе молодых людей и всему сонму петербургских литераторов, вслед за всякого рода речами, изобиловавшими *carptatione benevolentiae* *. Вот это-то искусство, этот дар выразить истину в такой сравнительно сжатой, простой форме — и без всяких повелительных ораторских приемов, без всякого заискивания и смазывания, повернуть все умы в другую сторону, поставить их внезапно на противоположные для них точки зрения, озарить их, хотя бы и на мгновение, светом истины и вызвать в них восторг, вернее сказать — восторженное отрицание того, чему еще четверть часа назад восторженно поклонялись, — вот что было удивительно, вот что важно, вот что явилось событием и привело меня в радость. Вот почему я счел нужным подчеркнуть, так сказать, значение этого факта и, взойдя на кафедру, сказал несколько слов, может быть даже слишком восторженных ². Но если б вы видели, что такое было, и не со стороны одной молодежи, а со стороны толпов так называемого западничества, не исключая Тургенева и Анненкова!

Весьма простая вещь — воздать должное Татьяне за соблюдение верности мужу и спросить, по этому случаю, публику: можно ли на несчастье другого созидать свое счастье? Но грянувший от публики взрыв сочувственных рукоплесканий, что же он значил, как не опровержение всех теорий о свободных любях и всех возгласов Белинского к женщине по поводу Татьяны и ее же подобия в Маше Троекуровой (в «Дубровском» Пушкина же), и всего этого культа *страсти*?! Когда девицы высших курсов тут же устремились к Достоевскому с выражением благодарности, что привело их в восторг? Они сами не могли бы отдать себе ясного отчета: это было неотразимое действие истины непосредственно на душу, это была своего рода радость эмансипации от безнравственности коверкающих их доктрин, возвращения к своему нравственному первообразу. Вероятно, всем им, бедным, досталось или достанется еще от профессоров; в первую минуту никто не спохватился, а потом, уже к вечеру, Ковалевские ³, Глебы Успенские ⁴ и т. п. повесили носы, вероятно, выругали себя сами за то, что «увлеклись», и стали думать о том, как бы сгладить, стушевать или перетолковать в свою пользу все случившееся. Мне передавали сами студенты возникшие между ними потом разговоры: «А ведь знаете, господа, куда мы с нашим восторгом по поводу Достоевского влетим: в мистицизм!» ⁵ Но если бы даже два десятка душ удержали в себе благотворное воздействие речи Достоевского, и то слава богу.

Не понимаю Градовского. Зачем нашел нужным он ослаблять действие речи Достоевского и вступаться за скитальцев?... ⁶ Можно бы, конечно, многое сказать о бродяжничестве на Руси; это самый народный тип, некогда меня пленивший ⁷, но всего менее может быть он истолкован отсутствием политической свободы и присутствием Держиморд ⁸...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 1. 23.

¹ Миллер находился в это время в Петербурге, где также торжественно отмечался пушкинский праздник.

² В отчете о чествовании памяти Пушкина в Москве выступление Аксакова изложено следующим образом: «И. С. Аксаков сказал, что едва ли кто-нибудь из присутствовавших испытывает такой восторг от речи Достоевского, как сам г. Аксаков. Последний собирался говорить именно на эту тему, так художественно, так гениально обработанную Достоевским. Отныне вопрос о том, народный ли Пушкин поэт, — решен окончательно, и толковать больше нечего...» («Венок на памятник Пушкину». СПб., 1880, стр. 62).

* заискиваниями (*лат.*).

³ Максим Максимович *Ковалевский* (1851—1916) — историк и этнограф, профессор Московского университета. Достоевский относил его во время пушкинских торжеств к «враждебной партии» вместе с Тургеневым и «всем университетом» («Письма», IV, стр. 157).

⁴ Отчет Г. И. Успенского о пушкинских торжествах был напечатан в «Отеч. записках», 1880, № 6. См. о нем в «Лит. наследстве», т. 83, стр. 75.

⁵ См. примеч. 4 к п. 211.

⁶ Профессор Петербургского университета Александр Дмитриевич *Градовский* (1841—1889) напечатал 25 июня 1880 г., в № 174 «Голоса», статью «Мечта и действительность», полемически направленную против речи Достоевского. «Нам представляется прежде всего недоказанным, — писал он, — что „скитальцы“ отрешались от самого существа русского народа, что они переставали быть русскими людьми. До настоящего времени нисколько не определены пределы их отрицания, не указан его объект, так сказать. А пока не определено это, мы не вправе произнести о них окончательное суждение». Приведя цитату из речи Достоевского о необходимости искать правду внутри себя, «подчинить себя себе», Градовский заявлял: «В этих строках г. Достоевский выразил „святая святых“ своих убеждений, то, что составляет одновременно и силу, и слабость автора „Братьев Карамазовых“. В этих словах — великий религиозный идеал, мощная проповедь личной нравственности, но нет намека на идеалы общественные». Ср. «Письма», IV, стр. 182—183. Ответ Достоевского — в «Дневнике писателя», 1881. См. также «Лит. наследство», т. 83, стр. 705.

⁷ Аксаков являлся автором поэмы «Бродяга» (1852), пользовавшейся некоторым успехом в 1850-х годах.

⁸ Пересылая публикуемое письмо Достоевскому для передачи его жене, коллекционировавшей автографы, Миллер писал 1 сентября 1880 г.:

«Вот письмо Аксакова — в вечное и потомственное владение Анне Григорьевне. Передайте ей при этом мой глубокий, глубокий поклон. Я с своей стороны рассчитываю на то, что вы по возвращении на берега Невы позволите мне когда-нибудь прочесть письмо Аксакова к вам. Итак — вы постоянно священнодействуете — творите! Берегите только себя, дорогой Федор Михайлович, давайте себе отдыхать по временам, дышите свежим воздухом, который к тому же так упорно дышит летом и до сих пор...» (Авт. ЛБ, ф. 93.11.6.85).

209. С. А. ЮРЬЕВ — Л. И. ПОЛИВАНОВУ

Село Воскресенское. 22 июля 1880 г.

...Приехав в деревню, я был в каком-то онемении: и упадок сил, и какое-то необычайно хорошее чувство. Точно опустился я на какое-то дно: тишь, спокойствие и грезы... Меня разбудили письма из Москвы и Питера. И. С. Аксаков, О. Миллер и Достоевский потребовали от меня написать мою речь. Я это исполнил, хотя с великим трудом. Писал я точно во сне! Послал в печать и получил ответ, что не совсем вышло плохо ¹ (<...>) По возвращении из моих странствований нашел у себя в кабинете несколько писем, в том числе от Тургенева ² и Анненкова ³, которые касаются вас. Оба они извиняются, что им, перед отъездом из Москвы, разные обстоятельства помешали побывать у меня и у вас, чтобы лично принести и мне и вам (письма я сберегу для показания вам) «глубокую благодарность за внимание, предупредительность и добродушие, с которыми вы обращались (пишу словами Анненкова как более пространными) к участникам превосходных праздников Пушкина, а в том числе и ко мне. Прошу покорнейше передать буквально такое же выражение признательности и Льву Ивановичу Поливанову». Оба они и еще Иван Сергеевич Аксаков настаивают, чтоб был издан пушкинский сборник ⁴...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 2191, оп. 1, ед. хр. 155.

¹ Эти письма Достоевского, И. С. Аксакова и О. Ф. Миллера к Юрьеву неизвестны. Речь Юрьева, произнесенная на заседании Общества любителей российской словесности 7 июня 1880 г., напечатана (в неполном виде) в сб. «Венок на памятник Пушкину», СПб., 1880. Здесь же воспроизведен провозглашенный им тост (стр. 39—43 и 53—54).

² Письмо Тургенева к Юрьеву неизвестно.

³ Письмо П. В. Анненкова к Юрьеву до нас не дошло.

⁴ Вероятно, сборник «Венок на памятник Пушкину», вышедший в том же 1880 г.

210. Б. М. МАРКЕВИЧ — К. Н. ЛЕОНТЬЕВУ

Царское Село. 16 августа 1880 г.

Что вы за мастер, многоуважаемый Константин Николаевич! Прочел я ваши статьи о Каткове и по поводу речи Достоевского¹ — и восхитился просто. *Comme c'est fouillé**, как глубоко проникнуто всегда, выворочено и выставлено на свет — ярко, выпукло, убедительно! Достоевский, если только большое самолюбие его не запорошит ему глаз, принужден будет сознаться, что вы глубже его способны проникнуть *в суть* предмета, это христианское разумение ваше и чище, и плодотворнее его распылчатой любви, так как оно расцветает на чисто евангельской почве, не обещая немислимых плодов в нашей долине слез, а указывая на возможность их лишь в небесных садах <...> Если бы я сегодня выиграл 200 000, я тотчас же распорядился бы насчет моих похорон, так как увидел бы в этом знамение о ближайшей своей кончине. Столь сильно уверен я, что за каждый проблеск того, что человек называет счастьем, он должен платить самую тяжкую ценой, — а следовательно, что оно ему неприсуще, что он *не имеет на него права*, пока он облечен плотью земною. Ваше строгое, не допускающее компромиссов Достоевского и западных его собратьев поведение этой истины, «реальной» истины, как вы очень хорошо выразились, затронуло меня поэтому глубоко сочувственно и заставило писать к вам. Да, вечное стремление к «гармонии» и невозможность найти ее, «поэтическое, живое согласование светлых цветов с темными — *и больше ничего*» — вот жизнь и единственно *реальный* закон жизни! Вы тысячу раз правы!..²

Автограф. ГЛМ.ОФ.4982.1.

¹ В газете «Варшавский дневник», №№ 162, 169 и 173, 29 июля, 7 и 12 августа 1880 г. напечатаны три статьи К. Н. Леонтьева: «О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике». См. о них подробнее в комментариях к «Письмам», IV, стр. 433—434 и «Лит. наследство», т. 83, стр. 74—75, 107 и 122.

² Об этом письме Маркевича см. в предисловии к настоящей публикации, стр. 356.

211. И. С. АКСАКОВ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

Троекурово. 17 августа 1880 г.

... Конечно, нечего меня называть при упоминании впечатления, произведенного речью Достоевского на Тургенева и Анненкова¹. Это неудобно. Скажу, впрочем, что оба они, особенно Тургенев, были отчасти (и даже не отчасти, а на две трети) подкуплены упоминанием о Лизе Тургенева **². Ив. Сергеевич вовсе этого от Достоевского не ожидал, покраснел и просиял удовольствием. Такое сопоставление создания Пушкина, препрославленного в данную минуту, сопоставление публичное, торжественное, с его собственным творением, — не могло, разумеется, не быть приятно Тургеневу³. Некоторые тогда же подумали, что со стороны Достоевского это было своего рода *captatio benevolentiae* ***. Это несправедливо. Ровно дней за двенадцать (Достоевский приехал в Москву к первому сроку, назначенному для празднования, 26 мая) Достоевский в разговоре со мною о Пушкине повторил почти то же, что потом было им прочтено в «Речи» и так же упомянул о Лизе Тургенева, прибавив, впрочем, при этом, что после этого Тургенев ничего лучшего не написал <...>

Вообще же ошибочно считать речь Достоевского за трактат, за какое-

* Как это тщательно обработано (франц.).

** Это сопоставление было покрыто рукоплесканиями. — Примеч. Аксакова.

*** заискивание (лат.).

то догматическое изложение и подвергать в этом смысле критике. Ее нужно отделить от самого факта произнесения и впечатления, ею произведенного. Мысли, в ней заключающиеся, — не новы ни для кого из славянофилов. Глубже и шире поставлен этот вопрос у Хомякова и у брата Константина Сергеевича. Но Достоевский поставил его на художественно-реальную почву, но он отвалился в упор публике, совсем не под лад ему и его направлению настроенной, высказать несколько мыслей, резко противоположных всему тому, чему она только что рукоплескала, и сказать с такою силой суждения, которая, как молния, прорезала туман их голов и сердец, — и, может быть, как молния же, и исчезла, прожегши только души немногих ⁴...

Вышла августовская книжка «Русской мысли». Очень рад, что там нет статей *против* Достоевского. А должны были быть. Кошелев приезжал сюда на один день и сказал мне, что он послал свою статью Юрьеву, который также пишет статью. Может быть, Кошелев устыдился после сильных моих слов и отменил помещение своей статейки ⁵...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 1. 23.

¹ Миллер работал в это время над статьей для «Русской мысли» о пушкинских торжествах.

² 13 июня 1880 г. Тургенев писал М. М. Стасюлевичу: «И в речи Ив. Аксакова, и во всех газетах сказано, что лично я совершенно покорился речи Достоевского и вполне ее одобряю. Но это не так <...> Эта очень умная, блестящая и хитрокусная при всей страстности речь всецело поκειται на фальши, но фальши, крайне приятной для русского самолюбия <...> Но понятно, что публика сомлела от этих комплиментов; да и речь была действительно замечательная по красивости и такту. Мне кажется, нечто в этом роде следует высказать. Г-да славянофилы нас еще не проглотили» (И. С. Тургенев. Письма, т. XII, кн. 2-я. Л., 1967, стр. 272).

А. А. Киреев записал в дневнике 19 июля 1880 г.: «Тургенев — совершенный gamolli, делает гадости, позволяет всякой дряни (вроде редакции „Голоса“) злоупотреблять его именем в борьбе с Достоевским, про которого эта партия черт знает что рассказывает. Достоевский — христианин и консервативного направления, и при его громадном таланте и зарождающейся популярности среди молодежи он опасен для наших нигилистов в вицмундирах. Inde irae! <Оттуда и гнев! (лат.)> Тургенев идет на все из-за мелочного (но доходящего до колоссальности в этой своей мелочности) самолюбия. Quelle dégringolade!.. <Что за падение!.. (франц.)>» (Авт. ЛБ, ф. 126.2.8).

³ Характеризуя в речи о Пушкине Татьяну Ларину как «апофеозу русской женщины», Достоевский прибавил: «Можно даже сказать, что такой красоты положительный тип русской женщины почти уже и не повторялся в нашей художественной литературе — кроме разве образа Лизы в „Дворянском гнезде“ Тургенева» (X, 447). Л. Ф. Нелидова, присутствовавшая при выступлении Достоевского, упоминает «о всем памятном» «движении руки, поцелуе, посланном Тургеневым Достоевскому в минуту, когда он в своей речи говорил о Лизе из „Дворянского гнезда“». Все знали о их неприязненных отношениях, и это была одна из лучших минут этого удивительного праздника («Вестник Европы», 1909, № 9, стр. 236).

⁴ Приводим выдержки из двух неизданных писем Аксакова к Достоевскому, относящихся к этому времени. В первом из них, 20 августа, Аксаков писал:

«Я с нетерпением ожидал получения в Москве вашего „Дневника“, дорогой Федор Михайлович, справлялся о нем у Живарева и был несказанно обрадован и благодарен вам за присылку. По прочтении же — экземпляров уж с десятком мною роздано и по указанию моему приобретено. Появление „Дневника“ с разъяснением речи было необходимо. Речь вашу трудно было отделить от факта произнесения и произведенного ею впечатления, ибо в этом взаимодействии было непосредственно принято и *почувствовано* несравненно более того, что *высказано* было *словами* речи и что *услышано* *слухом* и *сознано*. Столько было электричества, что речь сверкнула молнией, которая мгновенно пронизала туман голов и сердец и так же быстро, как молния, исчезла, *прожегши души немногих*. На мгновение раскрылись умы и сердца для уразумения, может, и неочетливого, одного намека. Потому что речь ваша — не трактат обстоятельный и подробный, и многое выражено в ней лишь намеками. Как простыли, так многие даже и не могли себе объяснить толково, что же так подвигло их души? А некоторые — и, может быть, большая часть, — спохватились инстинктивно через несколько часов и были в прекоимном негодовании на самих себя! „А черт возьми, — говорил в тот же день один студент, больше всех рукоплескавший, моему знакомому студенту: — Ведь он меня чуть в мистицизм не утащил! Так-таки совсем и увлек было!..“ Но это молодежь, а записные „либералы“ затеяли, как сами знаете, ретирату похитрее и поковарнее. Одним сло-

вом, разъяснение было нужно, и вы разъяснили превосходно <...> Конечно, самое важное в „Дневнике“, самое многосодержательное — это ваши четыре лекции Градовскому. Упрекнуть вас можно лишь в том, что слишком уж крупна порция, не по внешнему, а по внутреннему объему. Тут у вас мимоходом, стороною, брошены истинные перлы, например, хоть место о встрече человекобога с богочеловеком, и другие места, годящиеся в темы для целых сочинений. Жаль, что они выброшены так, в полемической статейке. Статьи эти хороши безусловно, и я с вами вполне и во всем согласен. От Градовского не осталось ни клочка <...> Вас можно упрекнуть только в том (но это уже, я думаю, — органическое свойство), что вы проявляете мало экономической распорядительности мыслей и потому слов; слишком большое обилие первых, причем основная обставляется и иногда заслоняется множеством побочных; крупная черта подчас теряется в богатстве мелких. Еще пред взором читателя не выяснились линии всего здания, а вы уже лепите детали. Этот недостаток свойствен художникам-мыслителям, у которых образ или мысль возникает со всеми частностями, во всей жизненности, с случайностями, разнообразными воплощениями, так что им очень мудрено охладивать, так сказать, свою мысль или образ. Я как-то упрекал Льва Толстого, что у него все на первом плане, все одинаково сильно живет, тогда как в живописи, например, и в натуре для глаза — ярко видно лишь то, что на первом плане, а остальное, по мере отдаления, бледнеет, сереет. Что было бы, если б глаз *одинаково отчетливо и живо* видел и близкое и на краю горизонта! Он бы лопнул. Так и вы. Вы даете читателю *слишком много* зараз, и кое-что, по необходимости, остается недосказанным. Иногда у вас в скобках, между прочим, скачок в такой отдаленный горизонт, с *перспективою такой нескй дали*, что у иного читателя голова смущается и кружится, — и только скачок. Я это говорю на основании делаемых мною наблюдений о впечатлении, производимом вашими статьями на большинство читателей. Для меня понятен каждый ваш намек, каждый штрих, — ну а для читателя вообще — слишком, повторяю, крупная порция.

Я слышал от Кошелева, приехавшего в Москву на один день, что в августовской книжке „Русской мысли“ должна была появиться статья Юрьева не то что против вас, но по поводу вас с некоторым возражением. Да и он сам (Кошелев) махнул было статейку на тему о смиренности и гордости: слишком-де превозносите русский народ, и т. д....

Через три недели, 3 сентября 1880 г., Аксаков писал Достоевскому:

«И не торопитесь мне отвечать, дорогой Федор Михайлович, и не отвлекайтесь от вашего дела. Я знаю и без ваших слов, как вы пишете и чего стоит вам писание романа, особенно такого, как „Братья Карамазовы“. Такое писание *изводит* человека; это не произведение виртуоза — тут ваша собственная кровь и плоть — в переносном смысле. Для меня достаточно уже то, что вы именно *так* отнеслись к моему письму; если в нем есть что верного, так оно с вас не сосколызнет и вы уже распорядитесь им по-своему. Письмо ваше меня очень утешило. Посылаю для вашей супруги три автографа: Гоголя, моего отца и брата Константина Сергеевича...» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 1.20).

⁵ См. примеч. 1 к п. 214.

212. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург> 28 августа 1880 г.

... Федор Михайлович поручил мне ответить на ваше письмо ¹, во-первых, потому, что он сильно занят, а во-вторых, он очень мало знает о рязанском имении и Шере. Да и мне мало что известно: дело в том, что месяц назад я получила от Александра Андреевича ² письмо, который прислал мне копию с письма, полученного им от Шера от 6 сего июля. Выписываю вам это письмо <...>

Вот все, что я знаю про имение. Как видите, дело довольно плохое, так как документы у нас неверные и нас нельзя ввести во владение. Шер писал, что он внес недоимок всего 1000 руб., а так как, по моему расчету, он получил около 5200 р., то за взносом 1000 р. у него осталось около 4200, а след. на вашу 12-ю часть приходится около 350 р. Нас о продаже леса он не извещал, и мы о этой продаже узнали лишь от Александра Андреевича. Денег, следуемых нам, он тоже не высылал ³...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 3.58. К этому письму Достоевским сделана приписка, воспроизведенная в «Письмах», IV, стр. 198.

¹ Письмо Н. М. Достоевского (18 августа) по поводу продажи имения. Начинается оно словами: «Прости и извини меня, что я отниму у тебя время и отвлеку от занятий моим письмом. Я знаю, как ты не любишь, когда тебе мешают работать». В том же письме он пишет: «Недавно узнал о выходе „Дневника“ и уже слышал восторжен-

РОМАН

«БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ»

(Т. I. СПб., 1881)

С ДАРСТВЕННОЙ НАДПИСЬЮ
ДОСТОЕВСКОГО:«Дорогому и глубокоуважаемому
брату Андрею Михайловичу на
память от автора»

Шмуцтитул

Музей-квартира Ф. М. Достоевско-
го, Москва

*Дорогому и глубокоуважаемому брату
Андрею Михайловичу
на память от
автора*

БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ.

ные похвалы о нем. Мне обещали дать прочесть его, и я с нетерпением жду того времени...» (Авт. ИРЛИ. 29701.с.СХ164).

² Александр Андреевич Достоевский — племянник Достоевского.

³ Накануне, 27 августа, В. Д. Шер писал Достоевскому из Москвы: «... Спешу ответить на ваше письмо от 20 июля. Мои доверители, т. е. мамаша и Ставровские, согласны выделить вам по вашему желанию 400 десятин из Ширяева с тем, чтобы, согласно вашему письму, расход по размежеванию падал на вас; что же касается ваших братьев и племянников, то вы, верно, уже с ними переговарили о вашем желании и получили на это согласие. Потому покорнейше прошу вас назначить день, в который вы можете послать уполномоченного от вас для присутствия при отбивке следующей вам части...» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 102).

Подробно о «куманинском наследстве» см. в «Воспоминаниях» А. Г. Достоевской, стр. 337—338.

После смерти Достоевского свою часть наследства Анна Григорьевна передала его сестре Вере Михайловне Ивановой (см. ЛБ, ф. 93.III.12.59).

213. С. П. БУРЕНИН — Е. С. НЕКРАСОВОЙ

31 августа 1880 г.

... В настоящее время у меня «Дневник» Достоевского с его речью, но я еще не собрался прочесть его; вы пишете, что эта речь привела всех в восторг¹; я думаю, вообще вся обстановка должна была в то время производить особенное впечатление. Если вы в хорошем настроении поехали, то, верно, она на вас хорошо подействовала.

Автограф. ЛБ, ф. 196.11.8.

Сергей Петрович Буренин — земский врач, участник русско-турецкой войны, брат В. П. Буренина.

¹ Письмо Некрасовой к Буренину неизвестно.

214. С. А. ЮРЬЕВ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

[Москва. Сентябрь 1880 г.]

... До вас дошло, наверное, известие, что в «Русской мысли» будет напечатано опровержение тому, что высказано в речи Достоевского на пушкинском празднике. А. И. Кошелев доставил небольшую статью об этой речи, в которой он, выражая полнейшее сочувствие высказанному в ней, делает некоторые замечания с своей стороны. В этой статье я заметил некоторое недоразумение и возвратил автору, объяснив ему, что я почитаю недоразумением. Кошелев исправил согласно моим замечаниям, но все-таки не вполне так, как бы я желал: поэтому статью эту я помещу с небольшим замечанием внизу страницы ¹. — Статья Кошелева ни в каком противоречии с вашей не состоит. Вашу статью я, конечно, напечатаю и никогда ни на минуту не колебался ее печатать. Да и мог ли я колебаться, когда не только разделяю пророчество Достоевского о нашем будущем, но сам высказал то же с небольшим оттенком в моей статье передовой к журналу «Беседа», которая начала издаваться под моей редакцией в 1870 году (статья моя напечатана в 1 № этого журнала под заглавием «В чем наши задачи»). Достоевский в Москве, в разговоре со мной, сам вспоминал об этой статье и выразился, что я стою с ним на одной почве.

Статья ваша мне очень сочувственна, только я желал у вас просить позволить мне сделать замечание к вашему нападению на Градовского ²...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 10. 17.

Статья Кошелева «Отзыв по поводу слова, сказанного Ф. М. Достоевским на пушкинском торжестве» была напечатана в № 10 «Русской мысли» 1880 г. Кошелев оспаривал в ней утверждение Достоевского, что отзывчивость является «главнейшей способностью нашей национальности» и что «сила духа русской народности» является не чем иным как «стремлением ее, в конечных целях своих, ко всемирности и ко всечеловечности». Мечтательность, по словам Кошелева, вовсе не лежит в основе русского народного характера — «русский человек по природе весьма практичен и вовсе не расположен предаваться игре воображения»: «Мы фантазеры не по природе, а в силу внешних обстоятельств <...>, действительная наша жизнь не представляет нам ничего отрадного». Эту статью, датированную 22 июня 1880 г., Юрьев примечанием не снабдил. См. о ней в комментариях к «Письмам», IV, стр. 438—439.

² Обзорная статья О. Ф. Миллера «Пушкинский вопрос» — о юбилейных торжествах 1880 г. — появилась только в декабрьской книжке «Русской мысли». Значительное место в ней занимает полемика с «ополчившимся» на Достоевского проф. А. Д. Градовским (см. примеч. 6 к п. 208). «Из всех возражений на речь Достоевского он представил, конечно, самые солидные <...>», — пишет Миллер. — Профессор Градовский захотел удерживать нас от увлечения какою-то „народною правдой“ <...> Да, профессор забыл, что он имеет дело с героем-автором „Мертвого дома“, давшим нам заглянуть так глубоко и в душу этих засаженных в нем „несчастных“, и в душу того народа, который сумел их назвать „несчастными“. Вот тот университет, в котором изучил Достоевский „народную правду...“. К статье Миллера сделано несколько подстрочных примечаний от редакции — в частности, о воспитательной роли общественных учреждений.

Отметим следующие строки о пушкинских торжествах в письме романиста А. И. Эртеля к М. М. Стасюлевичу (17 июля 1880 г.):

«... До сих пор не добьюсь **еще** VII книжки „Вестника Европы“, чтобы прочитать глубоко меня интересующую речь Ивана Сергеевича Тургенева!»

Комично то, что слава Пушкина самых горячих воздыхателей нашла в г. Буренине и вообще в „Новом времени“. Эти „молодцы“, кажется, уж на все четыре стороны побрежали, чтоб только надлежащим образом засидетьствовать свое усердие... Жаль, никто не взялся провести границу между ликованием этих поганцев и живым участием русской интеллигенции в пушкинском празднестве, а то происходит какой-то винегрет, в котором такие люди, как И. С. Тургенев, Юрьев, Полонский и др., появляются бок о бок с г. Суворовым, Бурениным и прочей поганью, а благодаря эт му унас в провинции ходят какие-то дурацкие толки о слитии, солидарности и т. п. чеухе...»

Надпись М. М. Стасюлевича:

«Тысячу раз прав А. И.: я уверен, что никто бы так не расписывался в память Пушкина, как Булгарин и Греч, если б дал им бог веку дожить до июня 1880 года» (ЦГАЛИ, ф. 1167, оп. 1, ед. хр. 75).

Н. Н. Страхов писал Н. Я. Данилевскому 5 августа 1880 г.:

«Пушкинское торжество было очень восторженно и доставило много минут очень радостных. Читали ли вы речь Достоевского? (она в „Московских ведомостях“). Эта речь имела успех неизобразимый, когда была произнесена, а теперь возбуждает против себя величайшую вражду западников, которые вдруг опомнились и стараются поправить дело всяким злоречием. „Смирись, гордый человек! Потрудись, праздный человек!“ Если бы вы слышали, как были произнесены эти слова! Да и вообще заварился такой восторг, такой энтузиазм, что его нельзя рассказать. Я ждал этого и нарочно для этого поехал; но действительность превзошла все ожидания. И спасибо Достоевскому: он спас честь русской литературы, а то ничего, кроме глупостей, не было бы говорено. Тургенев нес легкомысленный и вредный вздор, от которого я опять на него рассердился. И как же я был рад, когда, после речи Достоевского, он повесил голову и уже не ходил таким балованным и счастливым старичком, как в первые два дня. Его чуть не носили на руках» («Русский вестник», 1901, № 1, стр. 141).

215. П. Д. ГОЛОХВАСТОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

5 октября 1880 г.

С пушкинского праздника расстались мы с вами, дорогой Николай Николаевич <...>

Припишете и о Льве Николаевиче; правда ли, что он эту зиму будет жить в Москве? ¹ Тогда и вас можно ждать в Москву на святки? Наверное ли будет Достоевский издавать свой «Дневник писателя» в будущем году? ² «Карамазовых» я все еще не читал, жду конца. А что за прелесть его Август «Дневника»! Ведь эта схватка с Градовским чуть ли не такое же *событие*, как и Речь его ³. Каким чудом живет Достоевский в Петербурге? Как он выносит Петербург? Как его не тянет — если уж нельзя в деревню — так в Москву, в Россию, все-таки?..

Автограф. НБ АН УССР. III.17072.

О П. Д. Голохвастове см. в примеч. к п. 72.

¹ Осенью 1880 г. Толстой два раза приезжал по делам в Москву. Зимой 1880—1881 гг. он провёл в Ясной Поляне.

² В 1881 г. вышел один номер «Дневника писателя» — уже после смерти Достоевского.

³ См. примеч. 6 к п. 208.

216. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — В. М. КАЧЕНОВСКОМУ

<С.-Петербург> 28 октября 1880 г.

... Федор Михайлович поручил мне передать вам его сердечную благодарность за присланное вами письмо вашего высокоуважаемого отца ¹. Это письмо — важный вклад в собрание Федора Михайловича, и он очень ценит ту поспешность, с которой вы исполнили его просьбу ²...

Копия рукой В. М. Каченовского. ЛБ, ф. 93. II. 5. 57.

Владимир Михайлович Каченовский (1826—1892) — сотоварищ Достоевского по пансиону Чермака, сын известного профессора-историка, издателя и редактора «Вестника Европы» Михаила Трофимовича Каченовского (1775—1842), автор воспоминаний о Достоевском («Московские ведомости», 1881, № 31, 31 января). См. п. 262.

¹ Автографы русских и иностранных деятелей собирала сама Анна Григорьевна, а не Достоевский, что, конечно, не исключало его личной благодарности за присылку. См. его письмо к Каченовскому, датированное 16 октября 1880 г. — «Письма», IV, стр. 203—204. 27 октября Каченовский писал Достоевскому: «С удовольствием исполняю ваше желание. Из писем отца у нас остались лишь семейные, *относящиеся* к первым годам его женитьбы; все прочие отданы были в 40-х годах П. М. Строеву и М. П. Погодину» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 5. 56; ср. II. 5. 57).

² Среди бумаг А. Г. Достоевской хранится письмо М. Т. Каченовского к жене, датированное 13 мая 1840 г. (ЛБ).

217. С. А. ЮРЬЕВ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

«Москва» 3 ноября 1880 г.

... Мне очень хочется видет^{ся} с вами уже и для того, чтобы перегово-
рить с Достоевском. Я глубоко сочувствую его красноречивой проповеди
о христианской любви, о том, что только в обновлении духом этой любви —
источник правды, может, и блага в жизни общественной, личной и народ-
ной и т. д. Все это, несомненно, верно и развито Достоевским с обычной
ему глубиной, но, тем не менее, не могу считаться *вполне* солидарным с его
мировоззрением, невольно вызывающим на возражения. Послушать его,
стать на его точку зрения — надо перестать думать и об экономических
и о политических усовершенствованиях народной жизни, похерить все эти
вопросы и ограничиться молитвой, христианскими беседами, монашеским
смирением, сострадательными слезами и личными благодеяниями. Надо,
говору, похерить все вопросы о политической свободе, потому что Зо-
сима и в цепях свободен. Не тут ли кроется и то, что Достоевский мирится
с катковщиной? Цепи в известном отношении даже любезны Зосиме: дух
в страданиях возвышается. Смирись, гордый человек! Зачем искать гармо-
нии для свободной деятельности, экономических реформ? Все это — тлен
и суета. Счастье в тебе, смиренного бог не уничтожит, совершится чудо,
и все изменится <само> собою, а до того молись, смиряйся и т. д. Как
на руку такая речь всем деспотам, всем эксплуататорам! *Убей себя в себе!*..
Так, кажется, выражается во многих местах Достоевский. Что это значит?
Это ведь не христианская проповедь, а скорее буддийская, может быть
монашеская. Мы знаем другую формулу: свободно отдай себя на служение
общему благу или свободно отдай свою личность общему благу. А это не-
что другое, чем «убей себя в себе», излюбленное Достоевским. Прежде чем
отдать свою личность, надо *иметь* ее или *приобрести* ее. А что такое
приобрести личность, иметь ее?.. Отправляясь отсюда, мы придем к вы-
воду иному, чем Достоевский, к другому мирозерцанию, которое,
может, больше гармонирует с христианской любовью, чем зосимовский
идеал. — Христианский идеал — идеал Зосимы; но, по моему мнению, он
крайне односторонен и не исчерпывает далеко истинно христианского
идеала. Этот идеал — в *деятельной* любви ко всем направлениям жизни,
политической, экономической, выражающийся в безустанной, энергиче-
ской деятельности, борьбе и делом и словом, клонящейся к преобразова-
нию всей окружающей народной и общественной жизни! Мыслим ангел
с молитвой на устах и смиренными слезами на глазах и мыслим ангел
с пламенным мечом на всякую неправду и всякое угнетение человека.
Чувствую, что очень неточно, неясно все то, что я написал; но, надеюсь,
что вы извините и дополните неясность этого письма. Мне хотелось оправ-
дать перед вами, почему я не могу быть против всех возражений на речь и
особенно на последний «Дневник» Достоевского и почему почитал эти воз-
ражения необходимыми. Я не читал письма Кавелина ¹, но знаю из разго-
воров с ним его воззрения и из писем его ко мне, как он смотрит на речь
Достоевского, и не могу не высказать, что я ему во многом сочувствую.
На основании сказанного я бы вас просил, если можно, оставить Каве-
лина без возражений в вашей статье ². Впрочем, я не знаю еще, не прочи-
тал письма Кавелина. Я не могу стать на монашескую почву Достоев-
ского, считающего все вопросы, политические и экономические, суетою
сует, — я не могу говорить с вами иначе как вполне искренно и откровен-
но, потому что глубоко вас уважаю и принадлежу вам всею душою ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 156, оп. 1, ед. хр. 25.

¹ Открытое письмо К. Д. Кавелина к Достоевскому появилось в № 11 «Вестника Европы». См. о нем в «Лит. наследстве», т. 83, стр. 675—682, 696 и 700—703.

² К статье «Пушкинский вопрос» («Русская мысль», 1880, № 12) Миллер сделал следующее подстрочное примечание: «В ноябрьской книжке „Вестника Европы“ раздался совсем неожиданно единственный подходящий отклик на речь Достоевского, в виде письма к нему К. Д. Кавелина. „Может быть, — говорит автор, — я увлекаюсь золотой мечтой, но мне думается, что новое слово, которого многие ожидают, будет заключаться в новой правильной постановке вопроса о нравственности в науке, воспитании и практической жизни, и что это живительное слово скажем именно мы... С этим же вопросом соединяются, в самых неопределенных сочетаниях, и неясные представления о будущем значении русского и славянского племени в судьбах мира. Громадный успех вашей речи о Пушкине объясняется, главным образом, тем, что вы в ней касаетесь этой сильно звучащей струны, что в вашей речи нравственная красота и правда отождествлены с русскою народною психеєю“. К этой цитате Миллер приписал «После этих слов можно и не спорить с многоуважаемым автором из-за частных его письма».

218. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

〈С.-Петербург〉 26 ноября 1880 г.

... Благодарю вас от всего сердца, что вы вспомнили день рождения Федора Михайловича. Он был очень доволен, получив ваше письмо: из всех его родственников только вы и ваши дети поздравили его в этот день. Ни племянники, ни Николай Михайлович даже письмом не подумали об нем вспомнить, и это видимо огорчило Федора Михайловича. Зато тем приятнее было ему получить вечером ваше письмо ¹ <...>

Мы, слава богу, все здоровы, хотя Федор Михайлович жалуется несколько на грудь. Но работы ужас как много, просто не остается ни минуты свободной. Мы печатаем отдельным изданием «Братьев Карамазовых», и они выйдут в свет в первых числах декабря. Я сама просмотрела все семьдесят пять листов корректуры и нашла, что это просто адская работа. Приходилось сидеть по пять-шесть часов сряду, чтоб не задержать работы. А тут хозяйство, дети, моя книжная торговля, все разрастающаяся, требования наших книг, счет с книжниками; одним словом, каждый час, каждая минута занята, и как ни работаешь, а видишь, в конце концов, что не сделала и половины из того, что предполагала. Как я ни собиралась к вашим, чтоб повидать еще раз Варвару Андреевну ² пред ее отъездом, но попасть не могла: утром корректуры, вечером боюсь одна ехать, а ехать с Федором Михайловичем так далеко нельзя и думать: при его слабой груди ему положительно запрещено ездить на большие расстояния. Вот и откладываешь день за день, и все никуда не поспеешь. Но, слава богу, роман скоро выйдет, хотя тут пойдет опять каторжная работа по отправке, продаже и пристраиванию его. А там подписка на «Дневник», которая уже и теперь началась, а там издание «Дневника» и т. д., бесконечная и невозможная работа, а что грустно — что и в результате ничего не видно. Как ни бейся, как ни трудись, сколько ни получай, а все при здешней дороговизне уходит на жизнь, и ничего-то себе не отложишь и не сбережешь на старость. Право, иной раз руки опускаются и приходишь в отчаяние: такая каторжная работа, а только и утешения, что живешь в тысячной квартире, тогда как лично мне нужна маленькая комнатка. Право, я хочу уговорить Федора Михайловича переехать куда-нибудь в деревню: меньше заработаем, зато меньше и проживать будем да и работать меньше придется, жизнь пригляднее станет, в отчаяние не будем приходиться, как теперь. Видите, многоуважаемый Андрей Михайлович, я написала вам вовсе не именное письмо, и простите меня за это. Но что же будешь делать, когда от вечной работы, беготни, неспанья расстроятся нервы так, что и жизнь немила...

¹ Это письмо А. М. Достоевского от конца октября 1880 г. неизвестно. Достоевский тепло откликнулся на него 28 ноября. «Пожелания твои мне уж, конечно, вполне братские и искренние, — писал он, — только вряд ли они могут сбыться: вряд ли прожить долго...» («Письма», IV, стр. 213—214).

² Дочь А. М. Достоевского — В. А. Севастьянова.

219. Е. Ф. ЮНГЕ — Н. И. КОСТОМАРОВУ

«Киев» 27 ноября 1880 г.

... Мне так о многом бы хотелось спросить вас, например, хоть о первой статье Аксакова ¹ и вообще об завязывающемся вновь споре славянофилов и западников, ибо, нечего греха таить, Достоевский своей речью не примирил, а выдвинул вперед вопрос. Не думайте, что я виню Достоевского, напротив — я в полном восторге от его речи, она такая вдохновенная. Вообще, я люблю Достоевского за то, что он в нас идеал будит. Что бы мы были без идеалистов, боже мой! Звери, несмотря на железные дороги. Да и железные-то дороги разве не идеалисты же выдумали? Разве не в этих безумных идеалистах, презирающих блага земные, несущих голову свою на плаху, восклицающих: «Ergo si muove!» *, не понимающих нашего «практического и разумного» века, разве не в них выразилось все истинно человеческое, а наши «практические» и «разумные» червонные валеты и юные старцы — не есть ли это болезнь, ужасная эпидемия? Но эпидемия эта в последнее время принимает страшный вид хронической болезни, и тут-то и полезны такие люди, как Достоевский, которые встряхивают нас, говоря: «Пробудитесь!» Но я хотела, собственно, поговорить об Аксакове, мне что-то не совсем нравятся его «две державы» ². Мне кажется, что наши славянофилы — отчасти татарофилы, потому что боготворят именно тот строй русской жизни, который создан под влиянием монгольского ига ³...

Автограф. ЦНБ АН УССР.XXII. 331.

Николай Иванович Костомаров (1817—1885) — известный историк.

¹ Юнге имеет в виду огромную передовую статью И. С. Аксакова в «Руси», № 1, 15 ноября 1880 г., направленную против конституционных стремлений «западников». «Все иноземные наиболее либеральные системы политического строя», по утверждению Аксакова, «тесны и узки в применении к государственной и социальной задаче России». Основной задачей России, по мнению Аксакова, являлась организация уездного самоуправления.

² Из той же статьи Аксакова: «... пристально всматриваясь в наше современное „зданье“, мы, в сущности, увидим лишь две истинные исторические основы, или выражаясь техническим языком русских плотников, две *державы*, стоящие налицо, твердые, как гранит, пережившие века, все невзгоды и все преобразования. Это русский народ и единоличная верховная власть».

³ 6 января 1881 г. Костомаров отвечал Юнге:

«... Ведь и мне, Екатерина Федоровна, драгоценны, да еще как драгоценны, минутой шестидесятых годов, со всеми призматическими надеждами, в большей части несбывшимися или переименованными в пыльную действительности жизни <...»

Я думаю, Екатерина Федоровна, что о Достоевском вы слишком много сказали, выразившись, что он в нас идеал будит. Я думаю всякий талант имеет идеал и нас к нему привлекает. Талант в том и талант, что идет вслед за идеалом; иначе без идеала — все пошлость, а талант быть пошлым не может. Что Достоевский — талант, в этом едва ли можно сомневаться. Но, признаюсь, его идеал — в тумане, как вообще идеал всех славянофилов московских покрыт туманом, сквозь который он представляется наблюдающим глазам в различных образах, и чаще всего в таких, каких на самом деле он не имеет. Мне кажется, этих господ не понимают, но виноваты они сами, потому что все, что они нам показывают, дают нам видеть не иначе, как сквозь дымку тумана, искажающего правильное очертание видимых образов. Что касается до аксаковской Руси, то покрывающий ее славянофильствующий туман прошибается каким-то фаль-

* «А мы-таки вертятся!» (итал.).

шивым светом — нападения на кого-то, до того неясные, что могут их принимать на свой счет разные направления, толкование о каких-то народных задачах, которым интеллигентное общество изменило и которые где-то скрываются в избах и клетях, так что их там никто не отыщет, преклонение пред мужиком и его лаптями, которых сам Иван Сергеевич и компания, записанные в шестую родословную книгу, не наденут, благоговение перед православием Алексея Михайловича, тогда как сам Иван Сергеевич, вероятно, не сможет питаться полгода кислой капустой и постным маслом, наконец коленопреклонение перед абсолютизмом, с одеванием его в такие цветные доскутья, которые к нему вовсе не пристаю, — все это разве не фальшивый блеск, все это разве не служение лжи, вместо служения истине? Будь человек чем он есть, и говори, как думаешь и чувствуешь. Всякий суеверный сектант достоин уважения к его человеческому достоинству, и пусть он говорит то, что нам кажется неправдою, лишь бы говорил он искренно, а у Аксакова — ложь, самолюбие, самомнение, „я, дескать, умнее вас всех, я думаю не так, как вы, но вы меня вполне понять неспособны, настолько я выше вас!“ Вот ведь это что у всех этих господ славянофилов — ложь! Они говорят нам: иди туда, а сами первые не идут, потому что сами не знают, куда идти. Они часто говорят: вот это так, а сами думают, что это не так. Такое впечатление на меня оставляют эти пробудившиеся отзвуки славянофильства. Никакой борьбы с западничеством не будет, потому что это уже минуло и стало стариною, которая никогда не воскресает с прежними формами ...» (Авт. ЦНБ АН УССР. III.1158/3).

19 марта 1881 г. Юнге писала Костомарову: «Получили ли вы последнее мое письмо? Я писала об Достоевском и в тот же день узнала об его смерти. Что за роковой год...» (Авт. ЦНБ АН УССР. III.231a). Это письмо Юнге остается неизвестным.

220. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР — Н. Н. СТРАХОВУ

〈С.-Петербург〉 27 ноября 1880 г.

... Вчера у нас Федор Михайлович читал главу из эпизода¹, княгиня Дондукова² пела, одна барыня, Назимова, играла, но не было ни вас, ни Михаила Павловича³...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.18787.

¹ «Братья Карамазовы». Это чтение не зафиксировано в «Жизни и трудах Достоевского».

² Княгиня Надежда Михайловна Дондукова-Корсакова (? — 1915) — петербургская знакомая Штакеншнейдер.

³ Михаил Павлович Покровский. См. о нем в п. 34.

221. НЕУСТАНОВЛЕННОЕ ЛИЦО — К. Д. КАВЕЛИНУ

〈Москва. 20-е числа ноября 1880 г.〉

Спросите, пожалуйста, у Ф. М. Достоевского, почему нигде в мире, ни в Европе, которая «должна завтра рухнуть», ни в Азии, куда еще не проникла никакая цивилизация, женщины не играют в карты и не курят папирос, кроме как в России? <...〉

Почему нигде воровство, казнокрадство, взяточничество, лжесвидетельствование не достигли таких чудовищных размеров и не проникают так во все слои общества?

Спросите у него, чем он, «гордый человек», так возгордился?

Пусть он объяснит, когда и какое именно слово скажет миру женщина, которая дуется в карты с папиросой в зубах, или мужчина, готовый продать отца родного за крестик, и не имеющий никакого понятия о святости долга гражданского, сплошь и рядом обворовывающий общественные кассы и т. д.! Он утверждает, что Ноздревы, Чичиковы, Собакевичи, Сквозники и т. д. — не русские, ибо они дурны. Нелепая аргументация! <...〉

Один из читавших ваше письмо к Ф. М.¹

Автограф. ГПБ, ф. 621, ед. хр. 362.

¹ Письмо приложено Кавелиным к его записке (28 ноября 1880 г.), адресованной А. Н. Пыпину:

«... посылаю вам письмо, полученное из Москвы. Это, как говорят французы, „вода на вашу мельницу“. Я посылаю его, в виде заискивания у вас, чтоб вы исполнили мои две просьбы, а говоря попросту, по-русски — „черту на грехи“ (там же).

Об открытом письме Кавелина к Достоевскому см. в примеч. 1 к п. 217.

222. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

«С.-Петербург» Начало декабря 1880 г.

... Во вторник я вместе с Рыкачевыми был у Анны Григорьевны Достоевской на именинах. Кроме нас, было еще несколько человек: родственник Анны Григорьевны Сниткин, Страхов, пасынок Федора Михайловича, фамилии коего не знаю, и др. После обеда мы разошлись по домам, при этом Анна Григорьевна просила меня зайти к ней в субботу — поговорить об нашем деле <...> Таким образом, вчера вечером я и был у Анны Григорьевны. Она подробно будет вам писать на днях <...>

Вчера Федор Михайлович передал мне для пересылки вам «Братьев Карамазовых», вышедших на днях отдельным изданием. Так как вы уже этих братьев прочли в «Русском вестнике», то я с вашего позволения придерживаю их у себя для прочтения. Расходится роман очень быстро: уже продано на три тысячи рублей (в четыре дня); все же издание в четыре тысячи экземпляров обошлось в четыре тысячи рублей, так что скоро книга будет продаваться в чистый барыш. Анна Григорьевна рассчитывает получить чистого барыша десять тысяч рублей — конечно, если все издание будет распродано ¹...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 30. Помета о получении: 16 декабря.

¹ Достоевский в это время выслал ряду своих родных, друзей и знакомых экземпляры только что вышедшего в свет отдельного издания «Братьев Карамазовых».

Издатель «Русской мысли» Вукол Михайлович Лавров (1852—1912) писал Достоевскому 30 декабря 1880 г. из Москвы: «... Позвольте мне высказать вам мою глубочайшую сердечную благодарность за присланный мне экземпляр „Братьев Карамазовых“. Эта книга с вашей надписью будет служить мне, во всю мою жизнь, напоминанием о тех немногих отрадных моментах, которые я имел счастье провести в живом общении как человек с человеком, с тем, кто по своему великому художественному таланту и еще более по своей способности понимать и делать понятным другим сокровеннейшие движения человеческой души, казался мне в своих произведениях титаном, которому можно только удивляться, созерцать его величие, пред которым можно только благоговеть, как перед творцом, создающим вновь человека как бы из первобытного хаоса, из пошлости и грязи ненормальных жизненных условий вновь возвращающим ему образ и душу человека, страдающим вместе с ним в его падении и торжествующим вместе с ним победу над эгоистическими, животными стремлениями.

Но при всем моем желании выразить то чувство глубочайшего уважения и восторженной симпатии, которое во мне внушают ваша личность и ваши произведения, я признаю недостаточными все слова, все выражения, которыми могу располагать. Могу только сказать, что из всех подарков, которые я получал, самым драгоценным для меня будет ваша книга и надпись на ней.

Глубоко уважающий и искренно, всею душою преданный вам Вукол Л а в р о в» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 6. 11).

Несколько ранее, в письме к жене, датированном 27 мая, Достоевский следующим образом охарактеризовал Лаврова: «Мой страстный, иступленный почитатель, питающийся моими сочинениями уже многие годы» («Письма», IV, стр. 154).

223. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Н. М. ДОСТОЕВСКОМУ

<С.-Петербург> 26 декабря 1880 г.

... Федор Михайлович поручил мне ответить вам на ваше письмо от 23 декабря¹, так как сам нездоров и занят по горло. Вы просите его разрешить Шеру продать восемь или десять десятин на покрытие вашего и племянников долга Александре Михайловне, т. е. на покрытие 2500 р. Но в таком случае вы оцениваете десятину в 250 р., тогда как самая высшая цена, за которую продавали, — 95 р. за десятину, да притом это самые лучшие места, а в среднем числе можно продать по 50 р.; следовательно, чтоб выручить 2500 р., следует продать пятьдесят десятин. А так как Александра Михайловна пожелает получить свои деньги с Шера, около пяти тысяч, то придется продать еще сто десятин, а всего от 150 до 200 десятин хорошего леса. Вы сами видите, как это далеко от восьми — десяти десятин. Но продать такое количество десятин — значит обесценить имение совершенно, так как будут выбирать лучшие места, а останутся худшие, на которые не найдется покупателей. Так вот почему Федор Михайлович не может согласиться на продажу имения участками, подесятинно. Есть единственный выход из этого положения: чтоб нас выделили землю, т. е. лесом, как было условлено прежде, а именно нам выделили четыреста десятин Ширияева, а Андрею Михайловичу выделили двести десятин Пехорки. Но так как до ввода во владение разделиться нельзя, то можно пока до раздела написать, так сказать, предварительный договор, по которому Шер, Ставровские, вы и племянники обязуетесь *как только мы все будем введены во владение*, нам выделить четыреста десятин Ширияева, а Андрею Михайловичу — двести десятин Пехорки от такого-то до такого-то места. Но на случай, если б Шер, или Ставровские, или племянники захотели потом отказаться от этого договора и не захотели нам отделить четыреста десятин Ширияева, а Андрею Михайловичу двести десятин Пехорки, то тогда Шер, Ставровские или племянники обязаны уплатить нам неустойку в восемь тысяч <...> Итак, многоуважаемый Николай Михайлович, теперь от вас зависит, как вы решите это дело: если захотите нас выделить этим предварительным договором, то тогда выделяйте и тогда делайте с остальным имением что хотите. Если же не желаете нас выделить, то — что делать — пусть имение продается с публичного торга, и мы все понесем убытки <...>

Известите, если возможно, скорее о вашем решении²...

Автограф. ИРЛИ.30413.с.СХШ69.

¹ В этом письме Н. М. Достоевский сообщал брату:

«Я писал Анне Григорьевне, прося разрешить Шеру продать от 8 до 10 десятин и поставить их при разделе на мой и племянников счет, и тогда тебе не было бы никакого ущерба <...> Поэтому, милый и дорогой брат, разреши, без ущерба себе, продажу означенного количества десятин, чтобы только развязаться с Александрой Михайловной и очистить имение от опасного долга <...> Что же касается до моего согласия на раздел, то тебе давно известно, что я во всем согласен с твоими желаниями и противоречить не буду...» (Авт. ИРЛИ. 29701.с.СХИ64).

² Ответное письмо Н. М. Достоевского неизвестно.

14 января 1881 г. он писал Достоевскому:

«... Помоги мне сколько можешь. Нужда пришла небывалая. Новый год я встретил с семьей копейками и теперь прихожу в уныние, не зная, что начать. Прошлогодние работы окончены, а новых еще нет, а тут безвыходное положение. Хотя ты не вполне веришь в мои болезни, а между тем, в настоящее время, я так слаб ногами, что даже плохо хожу по комнате <...> Надеюсь, дорогой мой брат, что ты меня не осудишь, что я обращаюсь к тебе — это для меня главное...» (Авт. ИРЛИ.29701.с.СХИ64)

224. Е. А. ШТАКЕНШНЕЙДЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

(С.-Петербург. 1880 г.?)

Голубушка, мама посылает вам рисунок, акварель моего покойного отца¹. Это вид окрестностей Ревеля, и наверху надпись, сделанная рукой отца. Эта акварель сделана была давно, еще мой отец был молод и жил в имении гр. Бенкендорфа, Фалле, около Ревеля. За этот рисунок, надеюсь, что вы в субботу покажете не только Федора Михайловича, но и себя. Милочка, так вам досталось! А я-то была вам рада! <...>

Оля² очень благодарит и посылает три рубля. А я когда же получу: черновую «Карамазовых», адрес Славянского комитета и два портрета Федора Михайловича?..

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 9. 150.

¹ Андрей Иванович *Штакеншнейдер* (1802—1865) — известный архитектор.

² Ольга Андреевна *Штакеншнейдер* (*Эйснер*) — сестра Елены Андреевны.

225. И. И. РУМЯНЦЕВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

(Старая Русса. Начало января 1881 г.?)

... Я глубоко благодарен за дорогой для меня подарок Федору Михайловичу и надеюсь, что вы понимаете мое душевное к вам уважение и извините меня за несоблюдение формы.

С великою охотою начал с начала и прочитал я книгу, подаренную мне, следовательно два раза читал. И искренно скажу, что благодарю бога за то, что вынес из нее. Только теперь во всей ясности и полноте понял я сущность этого произведения. Можно дивиться глубине проникания в чужие души и последовательности и ясности изображаемых событий. Действительно, чтобы понять всецело Федора Михайловича, надобно приложить силу своего разума, потому что Федор Михайлович — не просто описатель внешних событий, а потому речи прокурора и адвоката, помимо того, что они высказывают дорогие мысли, очень много облегчают понимание и положительно необходимы для большинства читателей, которые не могут схватить и понять разом¹...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 208.

Приблизительная дата устанавливается по времени выхода в свет отдельного издания «Братьев Карамазовых» (в начале декабря 1880 г.), о которых идет речь в письме.

¹ Н. К. Лебедев-Морской писал А. С. Суворину 23 января:

«Желаю напечатания прилагаемого фельетона не столько для себя, сколько ради справедливости. Тут идет речь о „Масонах“ Писемского, известие о смерти которого застало меня только что окончивши статью. В романе никто до сих пор не сказал ни слова, даже вы в обзоре журналистики забыли упомянуть о нем, а между тем за прошлый год только замечательного и было, что „Масоны“ да „Карамазовы“...» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2263).

226. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

(С.-Петербург. 13 января 1881 г.)

... Вы дали нам слово написать нам, что узнаете проездом через Москву от Шера. Нас это ужасно интересует, и Федор Михайлович поручил мне напомнить вам о вашем обещании. Действительно ли имение назначено в продажу; согласен ли Шер на выдел? Согласны ли вы на выход из на-

следства, как мы предполагали? Будьте добры, ответьте нам на наши вопросы.

Федор Михайлович поручил мне передать вам его уважение ...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 56.

227. В. К. САВОСТЬЯНОВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Шацк. 15 января 1881 г.

... Я все поджидал известий о том имении, про которое говорил вам, поэтому и не писал вам до сих пор. Купец Емельянов, продавец имения, видя возрастающую ценность земли, с двадцати тысяч, которые он просил летом, просит теперь тридцать пять тысяч, и, вероятно, ему дадут эту цену, если не теперь, то через год <...> Но у меня есть в виду отличное имение для вас <...> Я очень рад был бы услужить вам. Да и весь Шацкий уезд с восторгом думает о возможности считать Федора Михайловича своим <...> Прошу вас передать мое приветствие и глубокое уважение Федору Михайловичу ¹...

Автограф. ИРЛИ.30252.с.СХIIбб. Дата почтового штемпеля.

¹ Имение в Шацком уезде Достоевским приобретено не было.

228. О. Ф. МИЛЛЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<С.-Петербург> 20 января 1881 г.

... Был я в субботу ¹ без вас у Федора Михайловича и попал невпопад, чем и объясняю полученный мною — к тому же и *навсегда* — отказ отчтения. Потом Федор Михайлович смиростивился немножко и подал некоторую надежду. Я по своему опыту знаю, что, когда погрузишься в писанье, а тут кто-нибудь прилезет с посторонними вопросами, то не можешь такого непрошенного гостя не счесть хуже татарина ². Вот почему до окончания «Дневника» и не надо мешать Федору Михайловичу. Но вы имеете возможность поговорить с ним о пушкинском вечере 29 января, выбрав такую минуту, когда вы ему нимало не помешаете. Будьте же адвокатом за Пушкина и за меня, грешного. Если уж Федор Михайлович решается более не огорчать наших глупых «либералов» тем приемом, какой всегда делает ему публика, то пусть хоть раз, для Пушкина, он плюнет на либералов и прочтет из «Бориса Годунова»: «Достиг я высшей власти» и «Царскую думу», а также «Пророка», или же, наконец, по собственному его выбору, все, что ему будет угодно. Пусть сделает это отчасти и *для меня*: право, я заслужил этого, любя Федора Михайловича всею душою. Я бы выждал окончания «Дневника» и сам пришел опять к Федору Михайловичу, но ведь афиша должна быть выпущена никак не позже воскресенья (хорошо бы и ранее — вечер 29-го, в четверг). Вот почему я и прошу вас, улучив добрую минутку, заручиться согласием Федора Михайловича хотя бы только на постановку его имени в числе участвующих (подробную афишу можно бы тогда выпустить попозже).

Вверяю вам участь пушкинского вечера ...

Автограф. ЛБ, ф. 93.II.6.86.

¹ Суббота приходилась на 17 января.

² Эпизод, о котором здесь идет речь, подробно освещен в XXII главе «Воспоминаний» Н. Н. Страхова «Последние минуты», составленной, как говорится в подстрочном примечании, «общими силами очевидцев». «Дней за десять до той кратковременной болезни, которая свела Федора Михайловича в могилу, зашел к нему О. Ф. Миллер напомнить ему о данном им обещании участвовать в пушкинском вечере 29 января (в день смерти поэта). Незванный гость, как это часто и случалось с Федором Михайловичем, оказался для него хуже татарина. О. Ф. Миллер не сообразил, что Федор Михайлович как раз дописывал тогда январский номер возобновляемого им „Днев-

ника писателя". Он выбежал к посетителю в прихожую с пером в руке, страшно взволнованный — отчасти, как сам тут и высказал, опасением, пропустит ли ему цензура несколько таких строк, содержание которых должно развиваться в дальнейших номерах „Дневника“, в течении всего года. „Не пропустят этого, — говорил он, — и все пропало“ (известно, что, не имея средств для внесения залога, он должен был издавать свой „Дневник“ под предварительною цензурою). Строки, так его беспокоившие, надо думать, те, которыми открывается 5-й отдел 1-й главы „Дневника“ <...>: „На это есть одно магическое слово, именно „Оказать доверие“. Да, нашему народу можно оказать доверие, ибо он достоин его. Позовите серые зипуны и спросите их самих об их нуждах, о том, чего им надо, и они скажут вам правду, и мы все в первый раз, может быть, услышим настоящую правду“». («Биография...», стр. 321).

229. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

«С.-Петербург» 20 января 1881 г.

... Федор Михайлович поручил мне написать вам, что он будет читать у вас 29 января *во всяком случае*, то есть даже в случае, если б ему запретили его январский «Дневник» (чего он так опасается)¹. Таким образом вы смело можете выставить его имя в числе участвующих. Федор Михайлович желал бы прочесть из последней главы «Евгения Онегина» и тем ограничиться, так как чтение этой главы займет не менее двадцати — тридцати минут. Если найдете нужным переговорить с Федором Михайловичем, то зайдите к нам от трех-четырех когда угодно. Федор Михайлович хоть и страшно занят, но для вас у него время найдется.

Очень прошу вас, многоуважаемый Орест Федорович, не сердиться на Федора Михайловича за его нетерпеливый и строптивый тогдашний прием: Федор Михайлович и всегда болезненно раздражителен, а тут «Дневник» его окончательно замучил. Я очень рада, что мне удалось уговорить Федора Михайловича читать и тем исполнить вашу просьбу...

Автограф. ИРЛИ. 30420.с.СХIII169.

■ В этот же день начальник Главного управления по делам печати Николай Саввич Абаза (1837—1901) писал Достоевскому (по поводу выпуска в свет очередного номера «Дневника писателя»): «Прошу извинить, что задержал, никаких препятствий, конечно, нет» (Авт. ЛБ, ф.93.П.4.1. Написано на визитной карточке Абазы).

230. О. Ф. МИЛЛЕР — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 21 января 1881 г.

... Мне и в голову не приходило сердиться на Федора Михайловича¹; это для меня *невозможно* — как в прошедшем, так и в будущем.

От души благодарю вас за ваше посредничество. На днях зайду сам лично поблагодарить вас и Федора Михайловича и переговорить²...

Автограф. ЛБ, ф.93.П.6.86.

¹ См. предыдущее письмо.

² В «Биографии» сообщается по поводу этого эпизода: «В воскресенье, 25 января, рассчитав, что „Дневник“ уже должен быть дописан, О. Ф. Миллер отправился к Федору Михайловичу и застал у него А. Н. Майкова и Н. Н. Страхова <...> Федор Михайлович был в хорошем расположении духа. Но когда речь зашла о чтении, он вдруг настоятельно заявил, что желает прочесть на вечер некоторые любимые им небольшие стихотворения Пушкина. О. Ф. Миллер заметил ему, что он заранее указал на отрывок из „Евгения Онегина“, как уже и значится в афише вечера <...> Федор Михайлович несколько раздражился и сказал, что, кроме указываемых им теперь небольших стихотворений, он ничего другого читать не будет <...> Небольшая размолвка окончилась миролюбиво <...> Когда он уходил, хозяин, совершенно уже успокоенный, проводил до дверей О. Ф. Миллера, которому так и не пришлось уже более увидеть живым Федора Михайловича» (стр. 322—323).

СОНЕТЫ ШЕКСПИРА
В ПЕРЕВОДЕ Н. В. ГЕРБЕЛЯ
(СПб., 1880) С ДАРСТВЕННОЙ
НАДПИСЬЮ ПЕРЕВОДЧИКА

ДОСТОЕВСКОМУ:

«Федору Михайловичу

Достоевскому

от поклонника его таланта

Николая Гербеля»

Титульный лист.

Книга не сохранилась

Архив Института литературы

АН УССР, Киев

231. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

〈С.-Петербург〉 26 января 〈1881 г.〉. 2 часа ночи

...[Считаю нужным вас уведомить, что Федор Михайлович не в состоянии читать на вечере 29 января. Вчера в шесть часов вечера Федор Михайлович опасно заболел: у него лопнула легочная артерия и сильно шла горлом кровь. Одно время он был до того плох, что доктора посоветовали пригласить священника, и Федор Михайлович исповедался и причастился. У нас был консилиум, и Кошляков¹ настоятельно требует, чтобы Федор Михайлович не двигался и не говорил в течении недели.

Я в страшном отчаянии; опасность еще не прошла: еще одно такое кровотечение, и Федора Михайловича не станет.

Пишу вам ночью, чтоб вы завтра же утром успели сделать распоряжение об исключении имени Федора Михайловича из афиши².

Автограф. ИРЛИ. 30420.с.СХІІІ69.

¹ Дмитрий Иванович Кошляков — профессор Медико-хирургической академии.

² На пушкинском вечере 29 января выступил Миллер, сказавший: «Сегодня у нас поминальный день. Мы думали помянуть Пушкина вместе с Достоевским, то есть думали, что Достоевский будет сегодня с нами читать вам стихи Пушкина, читать „Пророка“. Нам приходится теперь помянуть вместе с Пушкиным самого Достоевского, помянуть умершего Достоевского... Еще в воскресенье он говорил со мною о том, что именно выбрать ему для чтения. Сперва (за неделю) он совсем отказывался читать. Его впечатлительная душа находилась под влиянием свежих еще попреков, что он любит овации... Потом он согласился во имя Пушкина, но долго отказывался именно от „Пророка“... Наконец, он взялся и за эти стихи, но с тем, чтобы прочесть вместе с ними „Из Корана“, „Из Данта“, „Странники“... Он собирался при этом говорить о всеобъемлемости Пушкина — на тему „всечеловека“. Мы надеялись, что, как всегда в начальной части вечера, он выступит перед нами своими тихими, неслышными шагами — и сразу опять раздастся тот гром приветствий нетерпеливо ожидающих слушателей, тот гром приветствий, который раздавался только для него...»

232. С. П. ХИТРОВО—А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

(С.-Петербург. 27 (?) января 1881 г.)

... Мы сейчас узнали, что Федор Михайлович нездоров. Скажите, пожалуйста, что с ним? Можно ли к вам приехать? Когда? Мы так беспокоимся! Пожалуйста, напишите два слова. Графиня¹ и я, мы очень, очень беспокоимся и хотим знать, когда можно видеть вас, приехать к вам?..

Автограф. ЛБ, ф.93.П.9.104.

Софья Петровна Хитрово — хозяйка петербургского литературного салона. В ней, по характеристике К. Н. Леонтьева, были «соединены изумительно лейб-гусарский юнкер и английская леди, мать и супруга, японское полудетское личико и царственная поступь, злость и самая милая грация, восхитительное *косноязычие* и ясный, твердый ум» («Лит. наследство», т. 22-24, стр. 435; ср. стр. 476). Среди бумаг Достоевского сохранилось несколько писем к нему Хитрово с приглашением читать в ее салоне, прийти в гости и пр.

¹ Графиня — Софья Андреевна Толстая, вдова поэта А. К. Толстого. См. п. 248

233. Е. Н. ГЕЙДЕН—А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

(С.-Петербург. 28 января 1881 г.)

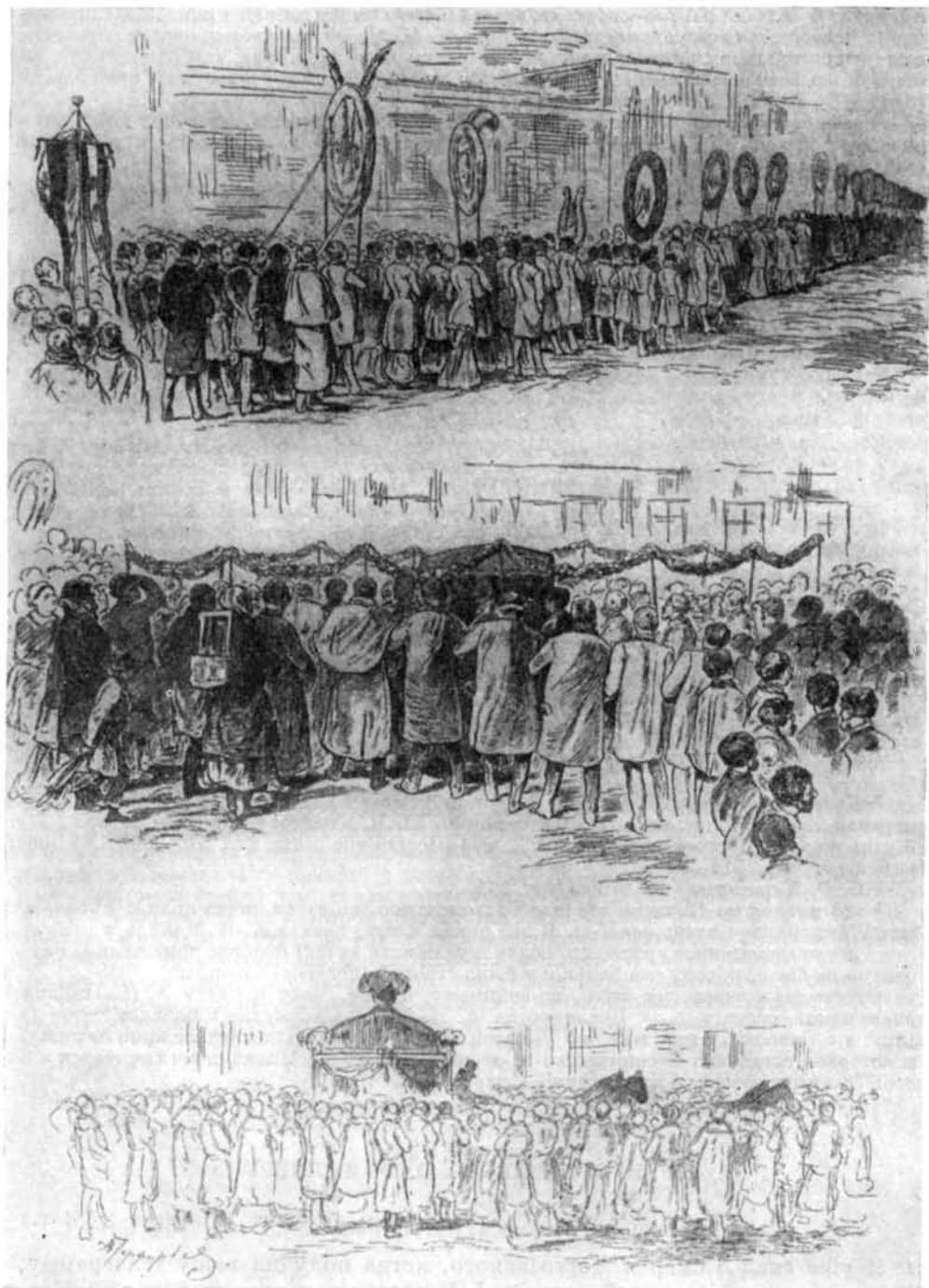
... Сейчас поражена была прочитанным в газетах известием о тяжелой болезни Федора Михайловича!¹ Страшно, я все о нем думала эти дни (сама заболела, лежала в постели), беспокоилась его заботой о «Дневнике», хотела вам писать, да своею немощью отвлеклась. Меня сегодня никак не выпускают, но душа моя рвется к вам обоим — я теперь чувствую, как вы мне дороги и как хотелось бы послужить вам. Дня через два вырвусь, но до тех пор скажите, бога ради, не нужно ли вам кого-нибудь, чего-нибудь? Хорошего врача, моего преданнейшего друга? сестру для ухода? или что или кого? Если у вас есть бюллетень, пришлите, иначе скажите два слова о нем моему посланному — я знаю, что вам некогда писать!..²

Автограф. ЛБ, ф.93.П.2.74.

Графиня Елизавета Николаевна Гейден (ур. гр. Зубова, 1833—1894)—петербургская знакомая Достоевского, великосветская дама-филантропка. По словам А. Г. Достоевской, писатель «любил беседовать» с Гейден («Воспоминания», стр. 258). Напыщенные, холодно-экстатические письма Гейден к Достоевскому дают некоторое представление о характере их взаимоотношений. Написаны они неправильным, не по-русски звучащим языком; эгоцентрические нотки то и дело прорываются сквозь густые волны фимиама, на который не скупится корреспондентка. Можно усомниться, что Достоевскому всегда приятны были встречи и беседы с Гейден. Вот недатированная записка Гейден, свидетельствующая о том, что она не без назойливости напрашивалась на встречи с писателем, которых он пытался избежать: «Добрейший Федор Михайлович, я положительно скачу от запрещения вашего приехать к вам до будущей недели. Что мне устройство квартиры? Мне хочется вас видеть и послушать. Если позволите, то приеду сегодня в 3 часа, а если *нельзя*, то скажите, как лучше, в понедельник или во вторник» (ЦГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 66).

Обширное письмо Гейден, датированное 2 июля 1880 г., обращено к «сердечно уважаемому учителю», у которого, по ее выражению, «мы обретаем течение живого слова и которого поэтому предпологаем у самого источника». «Вся Россия внимала вам на пушкинском празднике,— пишет Гейден,— и, принимая непосредственно из ваших уст ваше исповедание русских идеалов, она шла за вами, как один человек, в разоблаченную действительность, которую вы исходили трудами и слезами, и потому Россия признала за вами право оглашать ее и звать за собой в тихое пристанище любви, откуда вы взираете на нас со властью. В эту минуту вас все понимали, и глубоко заронялось ваше слово в юных сердцах, ищущих с чистым восторгом задач своей жизни.— Благословенны вы за это руководство».

Я была в Петербурге и слышала обо всем торжестве, радовалась сердечной радостью, а здесь, в деревне, встретившись месяцем спустя с сыном-студентом, который был на этом празднике, он мне с умилением сказал: „Всю жизнь не забуду слова Достоевского“.

ПОХОРОНЫ ДОСТОЕВСКОГО

Литография с рисунков В. И. Порфирьева, 1881

«Осколки», 1881, № 6, 8 февраля

— Если я сама была под сильным влиянием сочувствия и восторга — зачем же я раньше не писала вам? — спросите, может быть. Оттого, что вы принадлежали в это время истории, окружающим, корифеям слова. Я одного для себя жаждала, прочтеть ваше слово в полном его подлиннике, что и теперь не получила, так как оно еще не явилось во всем своем объеме в печати. Но я предчувствую его во всей его силе...» (Авт. ЛБ, ф. 93.11.2.73).

Письмо, датированное 18 августа того же года и посвященное разбору «Дневника писателя» и речи о Пушкине, написано в столь же восторженном тоне. См. «Вопросы литературы», 1971, № 11, стр. 218.

¹ На первой странице «Нового времени», № 1767, 28 января 1881 г., напечатана следующая заметка, озаглавленная «Пушкинский вечер»: «В сообщаемой сегодня программе пушкинского вечера читатели не найдут возмещенного прежде имени Ф. М. Достоевского. Он сильно занемог вечером 26 января и лежит в постели. Люди, еще так недавно попрекавшие его тем, что он слишком часто принимает овации на публичных чтениях, могут теперь успокоиться: публика услышит его не скоро. Лишь бы сохранилась для русского народа дорогая жизнь глубочайшего из его современных писателей, прямого преемника наших литературных гениев!»

² Среди бумаг А. Г. Достоевской сохранился написанный ее рукою текст письма к Гейден, представляющего собой ответ на публикуемое письмо. См. стр. 147 настоящ. тома.

234. А. Н. МАЙКОВ — Н. Н. СТРАХОВУ

«С.-Петербург» 28 января 1881 г.

Любезнейший Николай Николаевич! Я сообщаю вам ужасную новость: Федор Михайлович скончался! ¹ Анна Григорьевна и Софья Сергеевна ² просят вас, если вы дома, приехать к ним, т. е. к Достоевским. Передаю поручение. Еще огонь угас — и какой светлый — тьма растет вокруг нас ³...

Автограф. ГПБ, ф. 747, ед. хр. 21.

¹ Достоевский умер 28 февраля в 8 часов 38 минут вечера. См. историю его предсмертной болезни в письме А. Г. Достоевской к Н. Н. Страхову (21 октября 1883 г.) — «Жизнь и труды Достоевского», стр. 352, в ее «Воспоминаниях», стр. 370—390 и в «Биографии...», стр. 315—329.

² С. С. Каширева. См. о ней в п. 264.

³ «28 января до 12 часов все шло благополучно, но затем опять полила кровь, и Федор Михайлович очень ослабел. В это время к нему заехал А. Н. Майков и провел у него все предобеденное время, наблюдая и ухаживая за ним вместе с домашними. Разговоров не было, потому что больному было строго запрещено говорить.

Около двух часов ему было, по-видимому, лучше. Часу в пятом А. Н. Майков уехал домой обедать <...> После обеда А. Н. Майков вернулся к больному уже не один, а с женою, и при них, в 6 1/2 часов вечера случилось последнее кровотечение, за которым следовало беспамятство и агония <...> Федор Михайлович скончался в 8 часов 38 минут вечера» («Биография...», стр. 323—324).

235. И. С. АРСАНОВ — О. Ф. МИЛЛЕРУ

«Москва» Ночь на 29 января <1881 г.>

Я уже знал о смерти Достоевского, когда получил вашу телеграмму, многоуважаемый Орест Федорович ¹. Известие получено было ночью Катковым и помещено в «Московских ведомостях» ². Горе, горе! Это незамеченная потеря! Теперь из художников-писателей и хоронить уже некого. Угасла сила *положительная*, незаменимая. Он один держал знамя высших нравственных начал. Дело художественного творчества было для него *делом души*. Не прошло и десяти дней, даже меньше, как я ему писал! ³ Я написал о нем несколько слов в номере «Руси», который завтра печат-

тается ⁴. Это казнь божия, которой, впрочем, мы стоим. В обществе и литературе у нас царит только одна *богема*, как выражаются французы. Я вовсе сиротею. Становится жутко...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 1. 23.

¹ Телеграмма Миллера к Аксакову неизвестна.

² Привожу текст заметки, появившейся в «Московских ведомостях» 30 января, № 30: «Как гром, поразило нас вчера ночью известие о кончине Федора Михайловича Достоевского. Еще накануне, 27 января, получили мы от него собственноручное письмо, написанное твердым почерком и не возбуждавшее никаких опасений. Было, однако в этом письме зловещее слово, которое тогда скользнуло для нас незаметно. Прося нас об одном деле, он прибавил: „Это, быть может, моя *последняя* просьба“. Только теперь стал нам понятен скорбный смысл этого слова *последняя*. В нем сказало предчувствие смерти еще прежде, чем совершилось роковое кровоизлияние, которое так быстро погасило дорогую жизнь нашего друга. Но предчувствие смерти не нарушило мира и ясности его души. Тон этих предсмертных строк его совершенно спокоен. Он входит в некоторые деловые подробности и шлет поклон друзьям...»

Прости, добрый делатель на русской ниве! Мы еще многого ждали от тебя, но довольно и сделанного, чтоб имя твое сохранилось навеки в русской народной памяти. Земля возьмет свое, тленное предастся тлению, но духовное наследие твое останется навсегда дорогим достоянием твоего отечества...»

Упомянутое в этом сообщении письмо Достоевского (с датой 26 января) было адресовано Н. А. Любимову.

³ Письмо Аксакова к Достоевскому, датированное 21 января 1881 г.: «Уже сколько завалилось у меня начатых и недоконченных к вам писем, глубокоуважаемый Федор Михайлович! Благодарил я в свое время и за „Братьев Карамазовых“ и за письма ваши, которыми так дорожу, и вся эта написанная благодарность теперь уже запоздала! Примите же ее от меня теперь свежую. С нетерпением ожидаю вашего „Дневника“ <...> Ваше слово захватывает еще больший круг и, главное, проникает туда, куда едва ли достигает мое,— в среду молодежи, и проникает сквозь затворенные двери силою художественного очарования <...> С нетерпением жду вашего „Дневника“, берегите свое здоровье, а пока вас крепко обнимаю...» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 1. 20).

⁴ Аксаков писал анонимно в «Руси» 31 января (№ 12): «Достоевский умер! Потеря незаменимая!.. В нашей современной литературе это была чуть ли не единственная *положительная* сила, не растлевающая, не разрушающая, а укрепляющая и зидительная. Это был мощный талант и замечательный мыслитель. Никто из наших писателей не был равен ему по глубине и бесстрашию психического анализа, по важности и широте нравственных задач, к разрешению которых он так страстно стремился в своих сочинениях, которые были для него личным делом, *делом души*, всей жизни, всего его существа. Его романы, с точки зрения исключительно эстетической, может быть, именно и грешат тем, что слишком запечатлены характером субъективности,— но это-то и придает им власть и обаяние искренности. Все они писались плотью и кровью,— на каждой странице изводилась жизнь самого автора: болезненный процесс творчества, преждевременно унесший его в могилу! Преждевременно, потому что талант его не слабел, но, казалось, только теперь достиг настоящего блеска и зрелости. Еще многого вправе мы были ожидать от него... Старые силы, старые дарования сходят со сцены... Кто же является им на смену?.. Нет ответа!..»

236. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Телеграмма

С.-Петербург. 29 января 1881 г.

Вчера вечером дядя Федор Михайлович скончался.

Д о с т о е в с к и й

Подлинник. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 31.

237. А. М. ДОСТОЕВСКИЙ — А. А. ДОСТОЕВСКОМУ

Телеграмма

Ярославль. 29 января 1881 г.

Будь на похоронах за меня ¹.

Д о с т о е в с к и й

Подлинник. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 31.

¹ Ответ на предыдущую телеграмму. 6 февраля А. М. Достоевский писал Анне Григорьевне:

«Прискорбное известие о кончине брата я получил в четверг 29 января уже поздно вечером в телеграммах от Саши. Оно меня оглушило своею неожиданностью, — я был один дома (Доменика была еще в Шацке, а сын Андрей где-то в гостях), и в первое время не знал, что делать! Хотел было сейчас же ехать в Петербург, но не знал, как оставить дом. К тому же, по расчетам моим, похороны должны были совершиться в субботу, а к этому дню я же не мог успеть. Жалею очень, что заранее не знал, что хоронить будут в воскресенье, а то бы наверное приехал и успел бы поклониться праху брата! Я предчувствовал, что хоронить брата будут как общественного деятеля, но не воображал, чтоб сочувствие, оказанное обществом, было так громко, так торжественно! Да будет это вам хоть малейшим утешением!» (Авт. ЛБ, ф. 93.11.4.19).

4 июня 1881 г. В. М. Карепина писала А. М. Достоевскому:

«Сколько бед в это время случилось! Не стало дорогого брата Федора Михайловича. Я думаю, ты очень горевал и теперь горюешь по нем. Только бы ему жить, только бы ему красоваться и наслаждаться заслуженною славою после мученической и труженической жизни; только было повезло ему счастье — и не дал ему бог сколько-нибудь отдохнуть и порадоваться отовсюду восторженными похвалами! Несчастный труженик! И как ему хотелось и нужно было пожить для общества и для своих детишек. Так жалко его, и для нас всех невознаградимая потеря...» (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 82).

238. ИЗ ДНЕВНИКА А. А. КИРЕЕВА

«С.-Петербург» 29 января 1881 г.

Вчера вечером скончался Достоевский! Страшная потеря! Незаменимая! Он один не популярничал, не подличал перед молодежью (говору о Петербурге, в Москве есть Аксаков, отчасти есть влияние на молодежь у Каткова). Здесь есть *in spe* * Соловьев ¹, но ему необходимо укрепиться.

Автограф. ЛБ, ф. 126.2.8.

¹ Имеется в виду Вл. С. Соловьев.

239. К. П. ПОБЕДОНОСЦЕВ — М. Н. КАТКОВУ

С.-Петербург. 29 января 1881 г.

Любезнейший друг Михаил Никифорович! Вчера поразило меня известие о кончине Ф. М. Достоевского. Большая потеря!<...> Он имел в себе огонь, от коего многие загорались теплотою и светом.

Он был болен несколько дней: скончался от разрыва в сердце. Был в памяти незадолго перед кончиной и предчувствовал ее. Много действовала не покидавшая его забота о выпуске первого номера «Дневника». Но перед кончиною главная забота его была о жене и детях. Без сомнения, участь семьи будет обеспечена<...> ¹.

Сегодня была первая панихида. Он кажется, как живой, с полным спокойствием на лице, как в лучшие минуты жизни. Вчера Крамской снимал портрет его в гробу. Жена в отчаянии. В комнатах не было проходу от толпы. Массу составляли молодые люди обоего пола, очевидно, студенческого звания: многие из них ходили к Федору Михайловичу <...> просить совета и разъяснения. Много писем этого рода получал он со всех концов России, о чем часто мне рассказывал. Мы нередко с ним беседовали: для него у меня отведен был тихий час в субботу после всенощной, и он засиживался у меня за полночь в задушевной беседе.<...>

Теперь вот в чем дело. Федор Михайлович перед смертью заботился о деньгах, которых ожидал из редакции «Русского вестника». Заботился,

* как надежда в будущем (лат.).

ПРОГРАММА
ЛИТЕРАТУРНОГО ЧТЕНИЯ
В ПАМЯТЬ ДОСТОЕВСКОГО
ПЕТЕРБУРГ, 26 АПРЕЛЯ
1881 г.

Исполнялись только произведения
Достоевского
Музей-квартира Ф. М. Достоевско-
го, Москва

18 81

Въ Воскресенье, 26-го Апрѣля,
ВЪ БЛАГОРОДНОМЪ СОБРАНИИ
(у Подицейскаго моста, выходъ съ Мойки).

**ЛИТЕРАТУРНОЕ
ЧТЕНИЕ**
ВЪ ПАМЯТЬ
Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО,
(сборъ на стипендію его имени).

Отдѣленіе I

1. Изъ повѣсти «Бѣдные люди» (1846 г.).
«Похороны Покровскаго», прочесть А. И. Пальевъ.
2. Изъ «Источка Незнаковой» (1849 г.).
«Дѣй дворянъ и буржуа», прочесть М. Г. Савина.
3. Изъ «Записокъ изъ мертвого дома» (1860 г.).
а) «Смерть арестанта изъ больницы», прочесть С. В. Максимовъ.
б) «Выпускъ на волю ора», прочесть А. И. Пашкевичъ.
4. Изъ «Преступленія и наказанія» (1866 г.).
«Сцена Марсаладова», прочесть А. А. Потехинъ.

Отдѣленіе II

5. Изъ «Идиота» (1869 г.).
«Какъ дѣти хоронили Марю», прочесть О. Ф. Миллеръ.
6. Изъ «Бѣсовъ» (1872 г.).
«Признанія Т. С. Верховскаго», прочесть К. К. Сазыкинъ.
7. Изъ «Дневника писателя» (1876—77 гг.).
а) «Мирная Москва», прочесть Д. В. Григоровичъ.
б) «Мальчикъ и Ариста на слѣдъ», прочесть П. И. Вейнбергъ.
8. Изъ «Братей» Карамзинскихъ (1880 г.).
а) «Таинственный посѣтитель», прочесть О. Ф. Миллеръ.
б) «Похороны Изюмочки», прочесть

Начало въ 8 часовъ.

что деньги придут после его смерти и жене будет затруднение получить их. Так и случилось. От вас прислан перевод 4200, кажется, рублей на имя Федора Михайловича в конторе Ахенбаха и Колли. Деньги эти, конечно, не выдадут жене, и начнется сеть формальностей по случаю утверждения в наследстве. Все эти затруднения можно, кажется, устранить, если вы пошлете приказ в контору Ахенбаха и Колли о перемене лица, коему следует выдать деньги; вы можете перемену сделать или на самое Анну Григорьевну Достоевскую или на наше, чтоб ее избавить от хлопот. Почтенный Федор Михайлович мне, так сказать, завещал заботу о семье, и сам нередко мне про это говаривал...

Автограф. ЛБ, ф.120.9.47.

¹ Вдове и детям Достоевского Александром II была назначена пожизненная пенсия в 2000 рублей в год. По утверждению А. С. Суворина, это решение было принято под впечатлением от его статьи о смерти Достоевского, появившейся в «Новом времени» («Дневник А. С. Суворина». М.—Пг., 1923, стр. 212). А. А. Киреев записал в своем дневнике 31 января: «Знаменательно, что Победоносцев уведомил о смерти Лориса, этот доложил государю, представление о пенсии сделал Абаза, где же во всем этом Сабуров? Он ко всему этому непричастен» (Авт. ЛБ, ф.126.2.8).

Граф Михаил Тарнелович Лорис-Меликов (1825—1888) — министр внутренних дел; Александр Аггеевич Абаза (1821—1895) — министр финансов; Андрей Александрович Сабуров — министр народного просвещения (см. примеч. 14 на стр. 508).

² «... На другой день после кончины мужа, — вспоминала А. Г. Достоевская, — в числе множества лиц, нас посетивших, был знаменитый художник И. Н. Крамской. Он по собственному желанию захотел нарисовать портрет с усопшего в натуральную величину и исполнил свою работу с громадным талантом. На этом портрете Федор Михайлович кажется не умершим, а лишь заснувшим, почти с улыбающимся и просветленным лицом <...> Кроме И. Н. Крамского, было несколько художников, фотографов и рисовавших и снимавших с усопшего портреты для иллюстрированных изданий» («Воспоминания», стр. 387).

240. Д. Л. МОРДОВЦЕВ — А. С. СУВОРИНУ

〈С.-Петербург. 29 (?) января 1881 г.〉

... Был сейчас у Достоевского. Всё — и юное, и старое — теснится у славного, застывшего в желтый воск церковной свечи труп. Григорович, Страхов, Потехин Алексей, Победоносцев, Абаза ¹, Данилевский, Гайдебуров, Михайловский ², Бестужев-Рюмин с целым университетом юных студентов, Орест Миллер, Каразин и т. д., и т. д. Майков Леонид ³ говорит мне: «Шубы снять бы надо». — Зачем? — говорю я, — это уж церковь теперь, не дом, а в церкви — и в шубах можно». Да, церковь...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 459, оп. 1, ед. хр. 2778. — Текст сообщен Т. П. Мазур.

¹ Вероятно Н. С. Абаза (см. примеч. к п. 229).

² Николай Константинович Михайловский (1852—1904) — известный критик и социолог народнического направления.

³ Леонид Николаевич Майков (1839—1900) — историк литературы, впоследствии академик. Брат А. Н. Майкова.

241. Ю. Д. ЗАСЕЦКАЯ — Л. Ф. ДОСТОЕВСКОЙ

〈С.-Петербург. 29 (?) января 1881 г.〉

Милая Лили,

Положите этот венок на вашего незабвенного папа, не смею беспокоить вашу мамашу, но, если возможно, отложите номер «Дневника», теперь вышедшего.

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 5. 10.

Письмо адресовано одиннадцатилетней дочери Достоевского, Любови Федоровне. См. выше в настоящем томе главы из ее воспоминаний.

242. А. А. ДОСТОЕВСКИЙ — Д. И. ДОСТОЕВСКОЙ

〈С.-Петербург〉 30 января 1881 г.

... Письмо свое я начну печальным известием: умер Федор Михайлович; по всем вероятностям, вы об этом уже знаете из газет. Умер он 28 января вечером. В этот день Женья была у них, Федора Михайловича не видела, но, как говорила Анна Григорьевна, ему было гораздо лучше. Вчера я был на панихиде днем. Народу с причетом пропасть. С него рисует портрет Крамской. Сняли фотографию, а также и гипсовую маску. Хоронить будут в воскресенье в Новодевичьем монастыре, где похоронен и Некрасов. Вчера я телеграфировал папе о смерти Федора Михайловича и вчера же получил от него ответ ¹. Должно быть, на папу очень повлияла неожиданная для него смерть брата...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 31.

¹ См. п. 236 и 237.

ПАМЯТНИК НА МОГИЛЕ ДОСТОЕВСКОГО
НА ТИХВИНСКОМ КЛАДБИЩЕ АЛЕКСАНДРО-НЕВСКОЙ ЛАВРЫ

Установлен в 1883 г. Бюст работы Н. А. Лаверецкого
Фотографии, 1960-е годы

243. Н. Н. СТРАХОВ — А. А. ФЕТУ

«С.-Петербург» 30 января 1881 г.

... Умер Достоевский, умер неожиданно, почти скоропостижно, но так, что все еще не хочется верить, что он мертв. Точно земля зашаталась под ногами. Общие симпатии и большое волнение. Толпы теснятся к трупу с утра до вечера <...> Лавра дает место и будет даром отпевать. Словом, совершаются похороны великого писателя¹.

Простите, я очень расстроен, и мне трудно писать. Завтра вынос тела, а послезавтра похороны... Суeta суeta, и всё суeta!..

Автограф. ЛБ, ф. 315.П.30.

¹ Об отношении Страхова к Достоевскому см. подробно в статье Л. М. Розенблюм. «Творческие дневники Достоевского». — «Лит. наследство», т. 83, стр. 9—92, а также в ряде писем настоящей публикации и в *Приложении* к ней.

3 февраля Страхов писал Л. Н. Толстому: «Чувство ужасной пустоты <...> не оставляет меня с той минуты, когда я узнал о смерти Достоевского. Как будто провалилось пол-Петербурга или вымерло пол-литературы. Хотя мы не ладили все последнее время, но тут я почувствовал, какое значение он для меня имел: мне хотелось быть перед ним и умным, и хорошим, и то глубокое уважение, которое мы друг к другу испытывали, несмотря на глупые размолвки, было для меня, как я вижу, бесконечно дорого...» («Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. 1870—1894». СПб., 1914, стр. 266).

244. Гр. А. Е. КОМАРОВСКАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<С.-Петербург> 30 января 1881 г.

Великая княгиня Александра Иосифовна поручила мне передать вам искреннее сочувствие к вашему глубокому горю. Через великих князей ее императорское высочество знала Федора Михайловича и глубоко его уважала; желала с ним познакомиться, но по нездоровью своему всю зиму не могла его пригласить к себе. Великая княгиня сознает, что мы потеряли с его ранней кончиной! Многого мы еще ожидали от него, хотя так много уже получили от его твердого духа и удивительного ума. Мы все искренно скорбим и никогда не забудем...

Автограф. ИРЛИ.30115с.СХ1620.

Анна Егоровна *Комаровская* (1831—?) — фрейлина при дворе в. кн. *Александры Иосифовны* (1830—1911), вдовы в. кн. Константина Николаевича. См. адресованное ей письмо Достоевского под датой 19 февраля 1880 г. («Письма», IV, стр. 131) — ответ на следующую записку Комаровской, не бывшую в печати: «Могу ли попросить вас приехать ко мне в пятницу вечером? Как бы мне ни хотелось вас видеть, я не решилась бы вас беспокоить, ежели б великий князь Константин Константинович не изъявил этого желания. Он будет у меня с надеждою вас встретить, а я воспользуюсь сим случаем, чтобы послушать вас с глубоким сочувствием. У меня будет также г-жа Абаза и два или три знакомых, никого более. Надеюсь, не откажете...» (Авт. ЛБ, ф. 93.III.5.9).

245. М. А. ПОЛИВАНОВА — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

<Москва> 30 января 1881 г.

... Позвольте незнакомому вам человеку выразить вам свое глубочайшее участие к постигнутому вас горю. Вместе с вами несет тяжкую утрату вся Россия...

Много вытерпел и перенес покойный Федор Михайлович, этот первый работник на русской ниве <...>

Да будет вечная память ему из поколения в поколение!..

Автограф. ЛБ, ф.93.II.7.106.

Мария Александровна *Поливанова* — корреспондентка Достоевского, автор известных мемуаров о нем, жена Л. И. Поливанова.

246. ИЗ ДНЕВНИКА А. А. КИРЕЕВА

<С.-Петербург> 31 января 1881 г.

Редко видел я более торжественное зрелище как сегодняшний вынос тела Федора Михайловича. Все участвовали, даже такие люди, как Краевский¹, Мартыанов и т. п. Злейшие враги Достоевского и его направления не считают возможным проявлять свою радость <...> Много заявлено стихов, имеющих характер полемизаторский, упоминающих о том, что у Достоевского есть враги, и кто именно эти враги, что они злорадуются²...

Автограф. ЛБ, ф.126.2.8.

(Силье дано разрешение) Констан-
тину Сергеевичу Алексееву
предложить для сцены повест-
ного покаянного музея под
названием „Село Степанчиково“
разрешение это имеет силу
в течение года от сего числа!

1888 г.

7 Марта.

А. Достоевская.

РАЗРЕШЕНИЕ, ДАННОЕ А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ К. С. СТАНИСЛАВСКОМУ
НА ИНСЦЕНИРОВКУ РОМАНА «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

Автограф, 1888

Музей МХАТ

¹ А. А. Краевский писал в этот день В. П. Гаевскому: «Не можем ли поехать вместе на вынос Достоевского? Я бы заехал за вами в половине 11-го» (Авт. ГПБ, ф. 171, ед. хр. 147).

² Смерть Достоевского вызвала бесконечный поток стихотворений. См. раздел «Стихотворения, посвященные Достоевскому и его памяти» в библиографии, составленной А. Г. Достоевской («Музей памяти Федора Михайловича Достоевского». СПб., 1906).

247. И. Е. ЦВЕТКОВ — И. И. ЯНЖУЛУ

Москва. 31 января 1881 г.

... На этой неделе один за другим померли: Ф. Б. Миллер¹, В. Н. Лешков², А. Ф. Писемский (а сын его юрист-профессор³ сошел с ума) и Ф. М. Достоевский. Найдется новый издатель «Развлечения», может быть, такой же пиита; профессор общественного права немедленно будет замещен другим профессором, но Писемский и Достоевский — потеря невознаграждаемая.

Автограф. ГТГ. XIV. 175.

Иван Евменьевич Цветков (1845—1917) — банковский чиновник, коллекционер-любитель, автор воспоминаний об. И. С. Тургеневе. См. о нем в работе И. С. Зильберштейна «Воспоминания И. Е. Цветкова, 1877». — «Лит. наследство», т. 76, 1967, стр. 415—422.

Иван Иванович Янжул (1845—1914) — профессор Московского университета, автор воспоминаний о Достоевском, выдержанных в крайне недоброжелательном тоне. — «Воспоминания И. И. Янжула о пережитом и виденном в 1864—1909 гг.», вып. 2-й. СПб., 1911, стр. 25—27.

А. Г. Достоевская писала И. Л. Леонтьеву (Щеглову) 9 февраля 1911 г.: «Сердечную благодарность приношу вам за ваши воспоминания о моем незабвенном муже. Так вы видали его лично? Как я рада, что он произвел впечатление добродушного и сердечного человека! Ведь принято изображать Федора Михайловича хмурым, озлобленным человеком, готовым каждую минуту наговорить дерзостей; таким изобра-

жает его академик Янжул в своих воспоминаниях. И как это несправедливо...» (Авт. ИРЛИ.784.III.М).

¹ Федор Богданович *Миллер* (1818—1881) — издатель-редактор московского литературного и юмористического журнала «Развлечение», поэт и переводчик.

² Василий Николаевич *Лешков* (1810—1881) — профессор Московского университета, редактор «Юридического вестника».

³ Павел Алексеевич *Писемский* (1850—1890).

248. С. А. ТОЛСТАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург. Конец января 1880 г.»

... Очень мне хотелось увидеть вас, сказать вам, хотя вы и знаете, как мы с вами скорбим и плачем, — вы не знаете, как мы до самой глубины души любили его...

Автограф. ЛБ, ф.93.II.9.53. Письмо написано на бумаге с траурной рамкой.

Графиня Софья Андреевна *Толстая* — вдова поэта А. К. Толстого. По характеристике А. Г. Достоевской, «женщина громадного ума, очень образованная и начитанная. Беседы с ней были чрезвычайно приятны для Федора Михайловича, который всегда удивлялся способности графини проникать и отзываться на многие тонкости философской мысли, так редко доступной кому-либо из женщин» («Воспоминания», стр. 355). По словам Анны Григорьевны, Достоевский и последние годы жизни посещал С. А. Толстую чаще, чем других своих знакомых. Записка написана от лица самой Толстой и, по-видимому, С. П. Хитрово.

249. А. П. САЗАНОВИЧ и М. И. МУРАВЬЕВ-АПОСТОЛ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Москва. 1 февраля 1881 г.

Многоуважаемая Анна Григорьевна, неожиданная кончина дорогого для русского сердца Феодора Михайловича глубоко нас огорчила.

Каким достойным, блестящим образом покойный закончил последний год своей полезной жизни: незабвенною речью на празднике Пушкина и романом «Братья Карамазовы», в котором так типично отразилось наше взбаламученное общество.

Матвей Иванович и я, мы спешим выразить вам, многоуважаемая Анна Григорьевна, сердечное соболезнование в постигшем вас горе. У вас есть большое утешение — сознание, что вы вполне были достойной, энергичной подругой покойного и составляли его счастье. Дай вам бог воспитать своих деток в родителей!..¹

Автограф. ИРЛИ.30254.с.СХII66.

¹ Сообщая А. Г. Достоевской через пять лет, 8 мая 1886 г., о смерти М. И. Муравьева-Апостола, человека, на котором сосредоточивались, по ее словам, все ее земные привязанности, Сазанович писала: «У меня теперь в распоряжении все бумаги покойного, вся его переписка с товарищами и посторонними знакомыми. Что вы намерены делать с письмами Матвея Ивановича и его товарищей, которые я когда-то передала Федору Михайловичу? Не соединить ли их вместе и не издать ли их отдельной книгой?» (там же).

250. А. П. ФИЛОСОФОВА — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Висбаден. 1/13 февраля 1881 г.

Сейчас вычитала из газет, какую мы все понесли еще потерю!! Не стало нашего дорогого Федора Михайловича! Конечно, нет слов, чтобы выразить вам всю мою скорбь, дорогая Анна Григорьевна, и, конечно, нет слов у меня утехи и для вас; одно можно с уверенностью предсказать, что Фе-

дор Михайлович всегда будет жить в сердце истинно русском! Как я жалею, что горькая моя судьба приковала меня к загранице и что я лишена даже возможности проститься с дорогим усопшим ¹ <...> О себе могу только сказать одно, что я нахожусь все в том же печальном положении! Изгнанная из отечества, лишенная семьи и здесь, на чужбине, лью горькие слезы и молю господа дать мне терпение!

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 9. 95.

Анна Павловна *Философова* (1837—1912) — известная деятельница в области женского образования. В своих воспоминаниях о Достоевском она писала: «Как много я ему обязана, моему дорогому нравственному духовнику! Я ему все говорила, все тайны сердечные поверяла, и в самые трудные жизненные минуты он меня успокаивал и направлял на путь истинный. Я часто неприлично себя с ним вела! Кричала на него и спорила с неприличным жаром, а он, голубчик, терпеливо сносил мои выходки! Я тогда не переваривала романа „Бесы“. Я говорила, что это прямо донос...» (См. А. В. Т у р к о в а. Анна Павловна Философова и ее время. Пг., 1915, стр. 258). Достоевский в одном из писем к Философовой охарактеризовал ее как женщину, «добрую беззаветно и беспредельно», наделенную «прекрасным умным сердцем» («Письма», IV, стр. 66—67).

¹ Философова осенью 1879 г. была выслана Александром II из России за «неблагонадежность» и за связь с революционными элементами.

251. Вс. С. СОЛОВЬЕВ — П. В. СОЛОВЬЕВОЙ

С.-Петербург. 2 февраля 1881 г.

Милая мамочка, писать нечего, ибо все так скверно. Вчера похоронили Достоевского. Это так неожиданно и ужасно! Похороны, вынос, вообще все эти дни были что-то никогда не виданное. В России никого так еще не хоронили — подобие представляли еще похороны нашего дорогого ¹; но я тогда мало видел, да и Москва — не Петербург: Петербург гораздо живее и отзывчивее, писатель всегда популярнее ученого. А это было что-то баснословное!

Вдове нераздельно с детьми, сыном и дочерью, дана вечная пенсия в две тысячи. Этого тоже никогда не бывало — ведь Достоевский нигде не служил и был прощенным каторжником! Это явление отрадно ²...

Автограф. ЦГИАЛ, ф. 1120, оп. 1, ед. хр. 88.

¹ Соловьев говорит о похоронах своего отца, историка С. М. Соловьева, умершего в 1879 г.

² В ЦГАЛИ хранится автограф (на французском языке) критического очерка Анны Николаевны *Энгельгардт* (1835—1903) о Достоевском, озаглавленный «Великий русский психолог» (датирован 21 апреля 1882 г.). В заключительной части очерка автор отмечал:

«Смерть застигла его 28 января 1881 г. в апогее славы, популярности. Его похороны были событием. Ни с чем не сравнимая пышность его похорон обратила на себя внимание даже людей из народа, осведомлявшихся, что же собой представляла эта великая личность, этот генерал, которому отдадут столь блистательные почести?

На вопрос подобного рода, заданный человеком из народа, который спросил, кого ж это хоронят с такой небывалой торжественностью, один студент ответил: „Бывшего каторжника“.

Молодежь никогда не забывала, что он являлся мучеником своих убеждений» (ф. 572, оп. 1, ед. хр. 212).

252. Е. А. ЦЕРТЕЛЕВА (ЛАВРОВСКАЯ) — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Канн. 2/14 февраля <1881 г.>

... Сейчас только прочитала я до глубины души поразившую меня печальную весть о кончине незабвенного супруга вашего.

Всякое утешение бессильно, ничтожно перед ударом, поразившим вас ...

Автограф. ЛБ, ф.93.11.9.112.

Кн. Елизавета Андреевна *Цертелева* (Лавровская, 1845—1919) — известная русская певица. Среди бумаг Достоевского сохранилась записка к нему Цертелевой от октября 1880 г., свидетельствующая об установившихся между ними дружеских отношениях:

«Не знаю, как и благодарить вас, многоуважаемый Федор Михайлович, за ваш прекрасный портрет; я вчера была чрезвычайно тронута вашим посещением, а сегодня — вашим вниманием и таким скорым выполнением вашего обещания; вы мне сегодня сделали настоящий сюрприз. Вчера я вам ничего не сказала ни по поводу вашей речи, ни по поводу вашего „Дневника“, а ведь какое спасибо-то я вам хотела сказать, но вот что значит привычка больше петь, а не говорить...» (Авт. ЛБ, ф. 93.11.9.11).

На фотографии, подаренной Цертелевой, Достоевский сделал следующую надпись: «Княгине Елисавете Андреевне Цертелевой на память от Ф. М. Достоевского в знак глубочайшего уважения» («Лит. наследство», т. 15, стр. 85).

253. Л. Н. ПАВЛЕНКОВ — М. Ф. ДЕ ПУЛЕ

С.-Петербург. 4 февраля 1881 г.

28 января угасла жизнь человека честного, писателя первоклассного, мыслителя, печальника рода человеческого — не стало Федора Михайловича Достоевского! Я не знал покойного, я даже никогда не видал его, но понимал его только по его произведениям, и, признаюсь, дорогой мой брат, ни одна смерть после кончины матушки не поражала меня так глубоко, так тяжело, как смерть Федора Михайловича Достоевского. Я и теперь еще не могу успокоиться, какая-то тоска, безотчетная грусть сдавливает мою душу, когда я вспомню о нем, точно мне чего-то недостает.

30-го числа я был в его доме на панихиде, и я, как вы говорите, «человек спокойный», разрыдался до истерики, до обморока, и только стакан воды, данный мне помощником директора Обсерватории Рыкачевым, моим знакомым, привел меня в сознание. Эту совершенно неожиданную для меня историю пришлось мне разыграть в присутствии большого общества, в числе которого был великий князь Дмитрий Константинович¹... На другой день, т. е. 31-го, на выносе тела я решительно не мог быть и был только на похоронах, 1-го числа, но этот день прошел для меня благополучно. Если бы я с моими рыданиями был единичное явление, то, конечно, попал бы на страницы газет, но, к счастью, я был не один плакавший и рыдавший о покойнике.

О похоронах я писать не буду, так как все это вы должны уже знать из газет, но скажу, что это было что-то необыкновенное, чего еще не было и едва ли будет. Да, настало «оскудение земли русской», закатилась лучезарная звезда с мрачного литературного небосклона. Что теперь осталось? Тургенев — но этот барич почти забыл Россию, перестал писать, да, как говорят, и разучился писать по-русски; Григорович — но тот давно уже замолк; граф Толстой — но он редко утешает нас, а затем — вся литературная тля à la Крестовский, Данченко², Шкляревский³ и им имя легион!

«Братья Карамазовы» — последнее произведение Федора Михайловича — ясно показывает, сколько еще могучей творческой силы таилось в его душе, и — вдруг замолк навеки! Бедная Россия, какой-то тяжелый рок лежит на ее светлых силах, на дарованиях и талантах, только начнут развиваться, крепнуть, — смотришь — конец! Так погиб Пушкин, Лермонтов, Никитин и, наконец, Достоевский, которого сломила одиннадцатилетняя каторга. Едва ли мы дождемся такого другого глубокого психиатра, каковым был Федор Михайлович, так как для того, чтобы писать так, чтобы раскрывать всю душу человеческую и затем относиться к ней так тепло и любовно, как относился он, — нужно пережить столько, сколько пережил, перечувствовал и вынес он, и выйти из этого ужасного горнила не

люди?» — думалось мне тогда (а романов и повестей тогда еще я не читал никаких). Сильно захотелось мне прочитать про этих бедных людей. Читаю. Можете ли вообразить, с каким интересом, с какою «жадностью», если можно так выразиться, прочел я на своей жизни этот роман или повесть, как любил называть ее покойный. Буквально раз двадцать потом прочитывал я эту повесть, и Достоевский сделался любимым моим писателем. С таким же сильным интересом поглощал потом я и последующие его сочинения: «Записки из Мертвого дома», «Униженные и оскорбленные», «Бесы» и «Дневник писателя». Хотелось бы мне, Мария Григорьевна, принять посильное участие в пожертвовании на постановку памятника на могиле покойного, но не знаю, куда обратиться за этим.

Мир же праху твоему, добрый труженик! Вечная память! ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 10. 28.

255. В. К. ПЕТЕРСЕН — М. М. СТАСЮЛЕВИЧУ

«С.-Петербург. Начало февраля 1881 г.»

... Несколько сконфуженный, что похороны талантливого писателя как-то неожиданно превратились в похороны пророка, я ищу выхода для утешающего меня чувства.

Чувство это очень сильно еще и потому, что последнее время я писал разбор «Карамазовых» для «Литературного журнала» (еженедельник «Нового времени») и потому далеко не могу разделять горячей веры в смирение и мудрость усопшего автора этого плохого произведения¹.

К великому моему горю, я не умею подчинять вывод, в котором убежден, каким бы то ни было обстоятельствам. Эта несовременная особенность сильно мешает моим успехам не только на службе, но и увы! даже в бесцензурной литературе.

Все говорят: нет правды на земле,
Но правды нет и выше!²

Я в этом имел тысячу случаев убедиться после того как расстался с вами. Искренний, убежденный человек немислим теперь в литературе, и если бы воскресли Белинский и Добролюбов, им бы негде было писать! Везде есть убежденница, предрассудки, самообман (все более коммерческие), с которыми нельзя сладить, а литературные падишахи нашего времени — люди строгие.

Вы также строгие.

Но я написал нечто кажущееся мне по времени нужным и обязан попробовать это напечатать.

«Порядку» напечатать мою фантазию всего легче и проще. Другие уже зарвались в прославлении пророка настолько, что и не замечают, как они сами стали ходить на руках.

Допустите заступиться за разум!

Кстати, теперь Суворин, уверенный, что торжество похорон есть дело «Нового времени», скоро переменит курс своих мнений о величии Достоевского. Я даже боюсь, чтобы с чрезмерного воодушевления он не поехал манить спасителя-мужика шапкой, по завещанию покойного. Но для меня очевидно, что критика на «Карамазовых» — труд потерянный. «Вестник Европы», без большого для себя убытка, мне кажется, мог бы спасти мою работу от забвения, разумеется, если у него в портфеле нет подобного же разбора, сделанного другим³...

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1167, оп. 1, ед. хр. 54.

Владимир Карлович Петерсен (1842—1906) — журналист, по профессии военный инженер.

¹ Статья Петерсена «Вступление к роману „Ангела“» (о «Братьях Карамазовых») напечатана под псевдонимом *Оникс* в «Литературном журнале», издававшемся при «Новом времени», 1881, № 6—7 (июнь—июль). Критик пытался доказать, что «Братья Карамазовы», «подобно всем произведениям Достоевского, по архитектуре своей — роман весьма неважный; в нем попадаются анахронизмы, отступления чисто публицистического характера играют видную роль, не все характеры являются выдержанными, а самая фабула неудачна и местами неловка для прямых тенденциозных целей автора». В то же время он отмечал, что «и при всех этих недостатках — это замечательное произведение мыслителя, чрезвычайно глубокого, который в „Братьях Карамазовых“ поместил гениальные страницы, высказал мысли поразительной смелости и силы».

В февральской книжке журнала был помещен его же некролог Достоевского.

² Начало известного монолога Сальери из «Моцарта и Сальери» Пушкина.

³ «Порядок» — ежедневная политическая и литературная газета, издававшаяся М. М. Стасюлевичем в 1881 г. в Петербурге. Издание ее было прекращено в январе 1882 г. Статья Петерсена в «Порядке» не появилась.

256. П. И. ЖИТЕЦКИЙ — И. П. ЖИТЕЦКОМУ

Перевод с украинского

С.-Петербург. 10 февраля 1881 г.

Хотел было написать тебе, Игнатик, о похоронах Достоевского, но ты сам меня спрашиваешь — вот и ладно.

На самих похоронах я не был: трудно было достать билет. А на проводах от квартиры до Александро-Невской лавры — был. Квартира Достоевского неподалеку от моей: как от Коллегии¹ до Золотых ворот. А людей тьма тьмущая, ты, верно, отроду не видел такой массы народу. На самых похоронах много было речей, а еще больше венков — примерно около сотни. Ученики нашей гимназии сложились на венок в 300 рублей — очень пышный — из дорогих живых цветов. Словом, так не хоронят ни богачей, ни власть имущих — так хоронят только любимцев народной массы, которые всю свою жизнь боролись за этот народ, защищали его от всяких напастей и долгими годами страдания приобрели себе любовь народа.

Это даже мало напоминало похороны, это было какое-то народное празднество; как-то легко на душе, потому что видишь перед собою не смерть с ее вечным сном и забытием, а лишь преходящий момент в жизни человека, который еще долго, долго будет жить в своем народе. Я уже однажды видел такие проводы великого покойника, которые говорили моему сердцу еще яснее, выразительнее, ибо и сам я был тогда моложе, да и покойник тот был роднее всем нам, чем Достоевский. Я был еще студентом, когда в Киеве провожали Шевченко — из Рождественской церкви, что недалеко от купален, на набережной, до самого Цепного моста. Было это весною, в мае месяце. Народ — словно маком посеяно — повсюду на горах. Речей тоже было много, гроб массивный, оловянный, нести тяжело, а мы несли его на плечах до самого парохода, стоявшего близ моста. Ступеней тридцать пронесем и остановимся, вот тогда и произносится речь; и снова, запыхавшись, остановимся — и снова речь. Венков не было, ибо в Киеве моды на них не было, и как-то больше было простоты, чем тут, ибо и сам Шевченко был простой человек, — потому-то у гроба его было больше всяческой бедноты, а тут — смотри-ка: без билета и на похороны не пускали.

Возможно, если бы Достоевский встал из гроба, то сказал бы горькое слово тем, кто при жизни пренебрегал им, а тут явился поклониться его честному праху — чтобы и о них подумали, что они честные люди. Ты хочешь знать, отчего же так, отчего же такая честь после смерти тому самому человеку, которого держали в Сибири одиннадцать лет? На этот вопрос пришлось бы слишком много писать — это очень сложная история, о ко-

торой не расскажешь в коротких словах. Когда увидимся — поговорим. Прочти до моего приезда «Бедных людей» Достоевского, а потом, когда я приеду, то на каникулах прочитаешь еще кое-что ...

Автограф. ЦНБ АН УССР. I. 48065. — Часть письма, посвященная Шевченко, опубликована на украинском языке в сб. «Т. Г. Шевченко в епистолярії виддиду рукописів». Киев, 1966, стр. 66.

Павел Игнатович *Житецкий* (1836—1911) — известный украинский филолог.

Игнат Павлович *Житецкий* (1866—1929) — его сын, впоследствии историк.

¹ «Коллегия Павла Галагана» — киевское учебное заведение.

257. М. С. БЕРДНИКОВА (ИВАНЧИНА-ПИСАРЕВА) — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Вязьма. 10 февраля 1881 г.

Узнав, что вы имеете в виду возвратить подписчикам на «Дневник» присланные ими деньги, спешу уведомить вас, чтобы вы не беспокоились высылать в г. Вязьму (Смоленской губернии) на имя учителя Бердникова. Предоставляю эти рубли в ваше распоряжение ¹. Я имела удовольствие встречать вас в Москве, в семействе Ивановых, а незабвенного Федора Михайловича боготворила (о нем можно так выразиться) с пятнадцатилетнего возраста. Я лихорадочно ожидала появления его «Дневника», но увы! все кончено! А ведь он бы нам пояснил еще многое! Я так счастлива, что знала лично Федора Михайловича! Сколько у меня отрадных воспоминаний сохранилось об этом дивном человеке и гениальном писателе! <...>

Деньги высланы моим мужем; а когда я знала Федора Михайловича, была Марья Сергеевна Писарева.

Анна Григорьевна! Ради бога, вышлите мне его портрет и два номера последних «Дневника». Один за 1880 г. и последний. Живу в провинции, не могу ничего достать. Деньги тотчас же будут высланы по получении.

В настоящее время для меня большего счастья не было бы.

Автограф. ЛБ, ф.93.II.1.86.

Мария Сергеевна *Бердникова* (рожд. Иванчина-Писарева) — жена вяземского учителя, подруга племянниц Достоевского — Ивановых. По словам М. А. Ивановой, Достоевскому «нравились подруга Софьи Александровны Ивановой, Мария Сергеевна Иванчина-Писарева, живая, бойкая девушка. Однажды, будучи в Москве у Ивановых, под паху, Достоевский не пошел со всеми к заутрене, а остался дома. Дома же у Ивановых оставалась Мария Сергеевна. Когда Софья Александровна вернулась из церкви, подруга ей, смеясь, рассказала, что Достоевский ей сделал предложение. Ей, двадцатилетней девушке, было смешно слышать его от такого пожилого человека, каким был в ее глазах Достоевский. Она отказала ему и ответила шутливо стихами Пушкина:

Окаменелое годами,
Пылает сердце старика»

(«Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», т. I, стр. 370).

А. Г. Достоевская сообщает, что в «Вечном муже» «в виде бойкой подружки Марьи Никитишны» изображена друг семьи — М. С. Иванчина-Писарева — «девушка лет двадцати двух, некрасивая, но веселая, бойкая, находчивая, всегда готовая поднять человека насмех» («Воспоминания», стр. 129). Сам Достоевский характеризовал Марью Сергеевну как «удивительную шутиху» («Письма», I, стр. 453). В ряде писем 1860-х годов он посылал ей привет.

¹ В связи с объявленным в печати намерением А. Г. Достоевской возвратить подписчикам «Дневника писателя» деньги за не вышедшие в свет номера, в редакции разных газет и ей лично был направлен ряд писем от почитателей покойного писателя, отказывавшихся от получения подписных сумм.

А. С. Суворин писал А. Г. Достоевской (в письме без даты): «Одна из подписчиц на „Дневник“ просит меня сообщить вам, что она не желает получать деньги обратно, потому что последний номер „Дневника“ выше всякой денежной цены. „Если моя ничтожная лепта, — продолжает она, — может быть принята и употреблена на что-либо достойное памяти писателя и человека, пред которым я благоговею всю жизнь, то я оста-

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ ПЬЕСЫ
«ФОМА» — ИНСЦЕНИРОВКИ
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО
РОМАНА «СЕЛО СТЕПАНЧИКО-
ВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»
(1889)

С пометой цензора о разрешении
постановки, 1890
Музей МХАТ

нусь глубоко признательна». Адрес ее: Харьчок (...), Александра Матвеевна Погорелко» (Авт. ЛБ, ф. 93.11.9.37).

Н. Л. Озмидов писал А. Г. Достоевской из Чалькова 8 февраля:

«... И я тоже отказываюсь от моих подписных денег на „Дневник“ в пользу издания сочинений Федор Михайловича; но, бога ради, пришлите мне вышедший номер „Дневника“ за январь 81 г. Я живу в деревне и только по газетам вижу, что „Дневник“ за январь, как будто, вышел. Мне дорога каждая строчка Федора Михайловича, и вы меня очень огорчите, не выслав мне вышедшего „Дневника“» (Авт. ЛБ, ф. 93.11.55).

258. ЛЕОКАДИЯ ГИСЛЯНЗОНИ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

Местечко Гнездно, Гродненской губ.
12 февраля 1881 г.

... Извините меня в том, что, незнакомая, осмеливаюсь обратиться к вам с просьбой.

Муж мой покойный, бывший инженер, умер, не выслужив пенсиону и не оставив мне ничего, кроме двоих детей. Пять лет тому назад мне посоветовали обратиться к вашему ныне покойному мужу с просьбой о вспомоществовании; тогда, как это вам, вероятно, известно, муж ваш прислал мне пятьдесят рублей и велел мне, если я буду в крайности, опять к нему обратиться¹. Теперь, проболев два месяца, я нахожусь в страшной нужде, и, когда нет более моего великодушного благодетеля, я осмеливаюсь обратиться с просьбой о вспомоществовании к вам — к жене того, который не только не отказал мне в своей помощи, но, кроме того, прислал мне эти деньги при таком добром, отцовском письме, что я приняла эту милостыню не краснея, и вполне уверена, что, кроме вас и бога, никто о том не знает. Да будет вечная память тому, кто так великодушно умел утешать в нужде и горе!..

Автограф. ЛБ, ф. 93.11.2.89.

Сведениями о Леокадии Гислянзони мы не располагаем.

¹ Это письмо Гислянзони и ответ Достоевского неизвестны.

259. В. А. БОБРОВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 15 февраля 1881 г.

... Позвольте вас покорнейше просить принять прилагаемые здесь десять экземпляров гравированного мною à l'eau forte портрета покойного, незабвенного супруга вашего Федора Михайловича, как знак моего глубочайшего почтения к вам и искреннейшего уважения к памяти нашего горячо любимого поэта-писателя ¹...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 1. 104.

Виктор Алексеевич *Бобров* (1842—1918) — художник-портретист. Его офорт — портрет Достоевского, сделанный с фотографии, помещен в виде фронтисписа в первом томе Полного собрания сочинений Достоевского 1883 г. («Биография...»).

¹ А. Г. Достоевская писала в примечании к этому и другим адресованным ей письмам Боброва: «Письма написаны мне художником В. А. Бобровым по поводу портрета гравюры (à l'eau forte) моего мужа, которого художник согласился исполнить для первого „Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского“. Мне пришлось раз пять-шесть побывать у художника и сделать несколько просимых им замечаний по поводу сходства портрета. К сожалению, В. А. Бобров не имел случая при жизни видеть моего мужа и сохранить в памяти его лицо. По моему мнению, несмотря на исправления, сделанные по моим указаниям, Ф. М. выглядит на гравюре более суровым и угрюмым, чем был в действительности. На ста гравюрах награвирован в виде „ремарки“ мой портрет» (Авт. ЛБ, ф. 93. II. 1. 104).

260. О. Ф. МИЛЛЕР — И. С. АКСАКОВУ

«С.-Петербург» 15 февраля 1881 г.

... На этих днях я пережил «Бесов» Достоевского¹. И это после его умирительных похорон! И тут и там — молодежь, разумеется — не одна и та же. Жутко становится по временам и мне. Вчера я старался высказаться с полною откровенностью — под сению Достоевского в огромном зале Думы, переполненной публикой. Страхова статья, повторяю, была превосходна. Хороши были и воспоминания Майкова².

Какое чудное письмо Достоевского вы напечатали! ³ Хоть бы вразумила их, наконец, его память!..

Автограф. ИРЛИ, ф. 3, оп. 4.

¹ 8 февраля 1881 г. на университетском акте группа студентов устроила демонстрацию против министра народного просвещения. В связи с этим несколько человек было привлечено к университетскому суду под председательством профессоров А. С. Фаминицына и Миллера. Отчет об этом деле был опубликован в «Правительственном вестнике» и в «Новом времени», № 1786, 16 февраля.

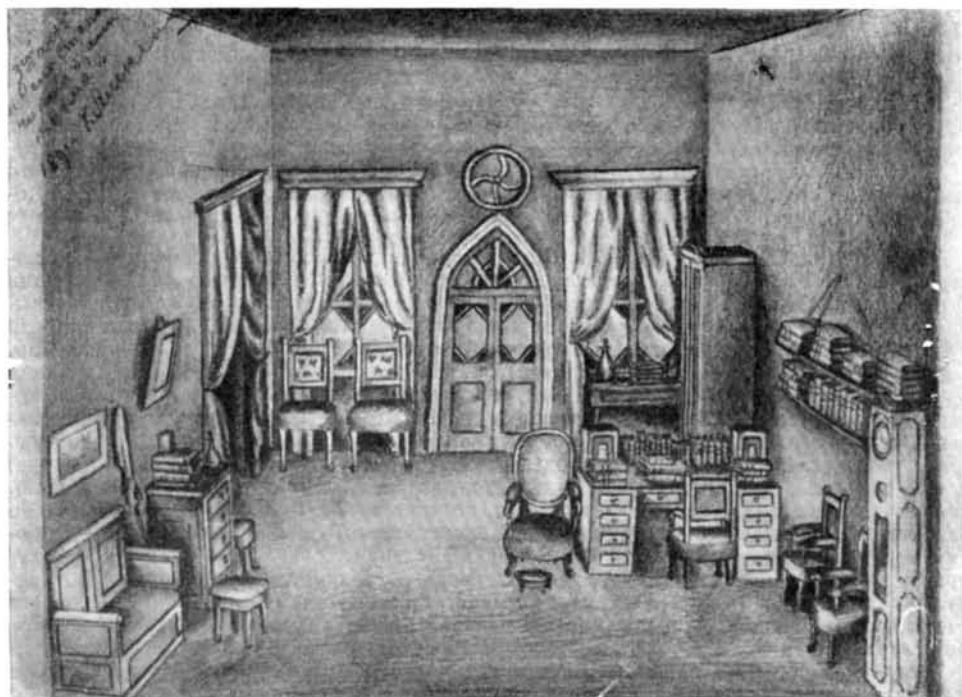
² 14 февраля состоялось чествование памяти Достоевского С.-Петербургским Славянским обществом. «Чествование началось речью председателя, проф. К. Н. Бестужева-Рюмина (...) Место у кафедры занял проф. О. Ф. Миллер, прочитавший стихотворение г. Случевского, посвященное изображению впечатления, произведенного на все русское общество смертью и погребением его любимца — Достоевского, „любившего, по выражению поэта, так смело и мучительно“». Затем Миллер прочел «Воспоминания о Достоевском» А. Н. Майкова, Н. Н. Страхов произнес обширную речь, в которой привел отрывок из письма к нему Л. Н. Толстого с восторженным отзывом о «Записках из Мертвого дома». Вечер окончился «горячей речью» Миллера («Новое время», № 1786, 16 февраля. Ср. сб. «В память Ф. М. Достоевского. Торжественное собрание С.-Петербургского Славянского общества 14 февраля 1881 г. СПб., 1881.

³ 14 февраля в газете Аксакова «Русь», № 14, было напечатано «Письмо Достоевского в 1878 году к московским студентам» («Письма», IV, стр. 16—19).

261. А. Е. РИЗЕНКАМПУ — А. М. ДОСТОЕВСКОМУ

Пятигорск. 16 февраля 1881 г.

... Письмо ваше к г. издателю «Нового времени» от 5 сего февраля, напечатанное в 1778 № этой газеты, произвело на меня глубокое впечатление ¹. Вам известно, что я с 1837 года с покойными вашими братьями был в самых

ЭСКИЗ ДЕКОРАЦИИ III ДЕЙСТВИЯ ПЬЕСЫ «ФОМА» — ИНСЦЕНИРОВКИ
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО РОМАНА «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»

Рисунок К. С. Станиславского, 1891
Музей МХАТ

дружественных отношениях; с сентября 1843 года я жил вместе с Федором Михайловичем в доме Прянишникова на углу Владимирской улицы и Чернышева переулка и пользовал его; многие из мелочей его частной жизни мне более известны, чем кому-либо другому; затем в 1845 году я уехал в Сибирь, где служил попеременно в Иркутске, Нерчинске и, наконец, в Омском военном госпитале, в котором Федор Михайлович помещался вместе с Дуровым² (он страдал костоедой и после — падучей болезнью). В Омске в нем принимал самое теплое участие бывший штаб-доктор Отдельного Санкт-Петербургского корпуса И. И. Троицкий и бывший товарищ по инженерной службе подполковник Мусселиус. Несмотря на предстательство этих лиц и вообще всех врачей, Федор Михайлович, однако, подвергся преследованию со стороны омского коменданта генерал-майора де Граве и ближайшего его сподвижника, тогдашнего плацмайора Кривцова³. Последний дошел до того, что воспользовался первым случаем поправления его здоровья и выпискою из госпиталя, чтобы назначить его к исполнению самых унижительных работ вместе с другими арестантами, а вследствие некоторых возражений он даже подверг его телесному наказанию. Вы не представите себе ужас друзей покойного, бывших свидетелями, как, вследствие экзекуции, в присутствии личного его врага Кривцова, Федор Михайлович, при его нервном темпераменте, при его самолюбии, в 1851 году в первый раз поражен был припадком эпилепсии, повторившимся после того ежемесячно <...>

В июле месяце 1843 года Федор Михайлович приехал ко мне в Медицинскую академию и говорил о выпуске его подпоручиком из Главного инженерного училища. По какому же случаю он еще в 1844 году постоянно посещал офицерские классы? <...>

В 1867 году Федор Михайлович писал мне ⁴ о своем путешествии в Германию, Францию и Италию ⁵...

Автограф. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 100. Частично опубликовано в «Новом времени», 1881, 1 марта, № 1798 и в комментариях к сб. «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников», I, стр. 406.

Александр Егорович *Ризенкампф* (1821—1897) — врач, приятель Достоевского в юношеские годы, автор обширных «Записок», в которых немалое место уделено Достоевскому. См. стр. 322—331 настоящ. тома.

¹ 8 февраля 1881 г., в № 1778 «Нового времени», было помещено «письмо к издателю» А. М. Достоевского, представлявшее собой отклик на статью А. С. Суворина «О покойном». По словам А. М. Достоевского, одно место в этой «прочувственной и высокосимпатичной статье» его «сильно поразило и удивило» — а именно, указание, что Достоевский страдал с детских лет падучей болезнью. Опровергая это утверждение, Андрей Михайлович писал, между прочим: «С 1843 года до апреля 1849 года (времени его ареста), я, за редкими исключениями, почти еженедельно видался с братом, но никогда, в продолжительных наших беседах, не слыхивал от него об этом недуге; а следует заметить, что он своих болезней не скрывал от меня и часто жаловался, что худо себя чувствует. Правда, в этот период времени (не помню уже, с какого именно года) он был несколько раздражителен и, кажется, страдал какою-то нервною болезнью. Мне часто приходилось видеть записки его, оставляемые им на ночь, приблизительно следующего содержания: „Сегодня со мной может случиться летаргический сон, а потому — не хороните меня (столько-то) дней“. Но, скажу еще раз, о „падучей“ в этот период времени он никогда не упоминал. Наконец, я помню слышанное от него самого, что эта болезнь *приобретена* им во время нахождения его в Сибири. Вероятно, в моих бумагах найдутся и письменные доказательства (его руки), подтверждающие мои слова».

Вопрос о времени и причине заболевания Достоевского эпилепсией до сих пор не выяснен окончательно. Публикуемое письмо Ризенкампа можно рассматривать как авторитетное свидетельство о страшном преступлении, совершенном самодержавием по отношению к великому писателю. Посылая редактору «Нового времени» копию письма Ризенкампа, А. М. Достоевский писал: «Из прилагаемой копии [...] вы увидите, что доктор Ризенкампф определяет начало болезни в 1851 году и притом приводит причину этой болезни, столь возмутительную, что, читая об ней, невольно содрогаешься» («Новое время», 1881, 1 марта, № 1798).

П. К. Мартыянов, также касающийся в своих воспоминаниях этого трагического эпизода из биографии Достоевского, утверждает, что генерал де Граве «остановил приготовления к экзекуции, а плацмайору Кривцову сделал публичный выговор и строго подтвердил, чтобы больных арестантов отнюдь не подвергать наказаниям» («Дела и люди века. Отрывки из старой записной книжки, статьи и заметки», т. III. СПб., 1896, стр. 269—270). Ср. Н. Т. Черевин и Н. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский. — «Исторический вестник», 1889, № 2, стр. 318.

² Сергей Федорович *Дуров* (1816—1869) — поэт-петрашевец, организатор кружка, в который входил перед арестом Достоевский.

³ В. Г. *Кривцов* (ум. в 1861 г.) выведен Достоевским в «Записках из Мертвого дома». Был за злоупотребления снят с должности и разжалован.

⁴ Это письмо Достоевского к Ризенкампу неизвестно.

⁵ 10 марта Ризенкампф снова писал А. М. Достоевскому:

«... Что касается письма доктора Яновского, то по прочтении его я сначала подумал, что по преклонности лет [...] он многое позабыл и перепутал [...] Дело в том, что покойный Федор Михайлович любил иногда скрывать именно перед близкими свои недуги и свои денежные затруднения. В сентябре 1843 года, поселившись с ним на одной квартире, я не скоро узнал, что он страдает некоторыми болезнями [...], притом весьма тяжкими. Он держался правила: „Откройся только тому, кто в состоянии тебе помочь“. С стоическим терпением он ходил на службу, страдая невыносимо от нарывов, а между тем даже ближайший друг его Григорович об этом ничего не знал. При гостях первым его старанием было всегда развлечь их; он казался неизменно веселым и развязным, несмотря ни на какие страдания. Может быть, и о „кондрашке с ветерком“ он открывался только одному пользовавшему его врачу г. Яновскому.

Между нами скажу, что какая-то злозастная звезда привела Федора Михайловича именно в Омск.

Я был по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири графа Муравьева-Амурского в 1848 году назначен управляющим Нерчинским главным гарнизонным госпиталем и его отделениями в Шилкинском заводе и на Карийских золотых промыслах. Здесь у меня пользовались в 1849 году Петрашевский, Григорьев, Львов (Момбелли) и Спешнев находились в Кутмарском заводе). При цивилизованном горном начальстве, при протекции сыльных князей Волконского, Трубецкого и других богатей, участь их была облегчена до самой возможности. Не так было с Федором Михайловичем и Дуровым, которых я увидел в 1851 году при переезде через Омск,

о чем я и сообщил штаб-доктору Ивану Ивановичу Троицкому. Этот благородный человек им посылал обед и ужин со своего стола; с глубоким состраданием он говорил мне: „Жаль, жаль Достоевского! дошло до того, что он у нас нажил падучую болезнь!“ Впоследствии, во время службы моей при Омском госпитале, он мне не раз повторял эти слова, вспоминая о бесчеловечных поступках с Федором Михайловичем и удивляясь контрасту между тогдашним Западно-Сибирским и гуманным управлением графа Муравьева.

Собственно, ординатором арестантских палат был тогда Иван Яковлевич Ловчинский, добрый и сострадательный человек, о котором Федор Михайлович упоминает в своих „Записках из Мертвого дома“ (Авт. ИРЛИ, ф. 56, ед. хр. 100).

262. В. М. КАЧЕНОВСКИЙ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

⟨Москва⟩ 18 февраля ⟨1881 г.⟩

... Печальное событие, как божий гром поразившее всю мыслящую Россию, потрясло меня донельзя. Первою мыслию моею было писать вам, но разве существуют на языке человеческого слова для утешения вас в вашей горе? Если что и может несколько облегчить вашу великую скорбь, то это сознание, что вы были в течение многих лет истинным счастьем и радостью великого человека, мученика правды <...> А что вы были его счастьем и радостью — то он сам так выразился в 1874 г. при жене моей, бывши у меня на квартире <...>

Я присутствовал на панихидах в Москве и, не будучи в силах писать, по усиливающейся слепоте, осложненной нервными потрясениями, продиктовал жене статью в № 31 «Московских ведомостей», посвященную памяти покойного¹...

Автограф. ЛБ, ф.93.П.5.57.

¹ «Мои воспоминания о Ф. М. Достоевском». — «Московские ведомости», 1881, 31 января.

263. А. И. ТОЛСТАЯ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

⟨С.-Петербург⟩ 26 февраля ⟨1881 г.⟩

...На днях получила я письмо от дочери из Киева¹, она просит передать вам свое глубокое сочувствие понесенной вами утрате и просила сказать вам, что она обезумела от страшного и неожиданного известия.

Во втором письме она просит вас убедительно, когда будут или вы будете разбирать бумаги Федора Михайловича, то будьте так добры, найдите Катерины Федоровны письма к Федору Михайловичу: эти письма слишком интимного содержания, которые мог только читать Федор Михайлович и вы, глубокоуважаемая Анна Григорьевна. И потому она просит вас передать ее письма мне или переслать ей.

Сегодня я пишу ей; что прикажете сказать? Может ли она надеяться, что вы исполните ее душевную просьбу?²...

Автограф. ИРЛИ.30296.с.СХП67.

¹ Это письмо Е. Ф. Юнге к матери неизвестно.

² А. Г. Достоевскую, по-видимому, возмутила эта просьба. О характере ее ответного письма к Толстой можно получить представление по отклику последней в письме, датированном 27 февраля: «Неужели вы из моего письма поняли, что осмелилась беспокоить вас насчет писем Катерины Федоровны? Я говорила на будущее время, если найдутся они <...> Я никогда не забуду то, что вы для меня сделали, может быть вы, вы спасли жизнь моего дитя. Повторю, я никогда, никогда этого не забуду и останусь вечная ваша должница» (там же).

Дружеские отношения Анны Григорьевны с Е. Ф. Юнге продолжались и в дальнейшем. 22 июня 1881 г. она писала ей из Феодосии: «... Внешнее все хорошо, но душевное мое состояние такое, что не пожелала бы его моему злейшему врагу. Утром жду

вечера, вечером жду утра, как будто вечер или утро могут принести мне какое облегчение. Так всегда случалось летом, когда Федор Михайлович уезжал в Эмс, а мы оставались в Старой Руссе: утром ждешь вечера, чтоб получить от него письмо, и огорчался, ждешь поскорее утра, а затем и вечера, чтоб получить от него же другое. А теперь знаешь наверно, что уж не случится никогда чего-либо такого, что бы меня сильно обрадовало. Я точно умерла к жизни: все хорошо, все спокойно, а у меня тоска, тоска... Даже дети меня радуют и утешают меньше: прежде я радовалась на детей и огорчалась вместе с ним, а теперь одна... все одна... Я так рвалась из Петербурга, от людей, куда-нибудь в глушь, где бы никто о нем не говорил и почти не знал; так спешила доехать, чтоб уединиться и обдумать, а теперь вижу, что без людей еще хуже. Всякая-то вещь, всякое сказанное детьми слово напоминает мне прошедшее и невозвратное. Как облегчить, куда уйти от себя? <...> Целую вас много и много и желаю вам здоровья и душевного спокойствия. Пожелайте и мне то же, я в нем так нуждаюсь...» (Авт. ГИМ, ф. 344, ед. хр. 41).

264. С. С. КАШПИРЕВА — Н. Н. СТРАХОВУ

<С.-Петербург> 1 марта 1881 г.

Не в правде ли я была, сказав, что некролог Достоевского не будет вами написан для «Семейных вечеров». Не только ко вторнику, но и к четвергу, и к пятнице его тоже не будет, — и не вследствие недостатка времени, а просто-напросто потому, что не получено вами на то сият... разрешения¹.

Только зачем это вы, Николай Николаевич, хитрите и виляете перед порядочными людьми? Право, нехорошо! Не лучше ли прямо сказать: не решаюсь, не дерзаю... Положим, это выйдет не совсем rispetable, даже несколько комично, если хотите, все же несравненно чистосердечнее и честнее <...>

В доказательство же моей добросовестности и честного исполнения обещаний посылаю вам портрет Достоевского, выбранный вами, и фотографию его могилы. Относительно записок, переписки и заметок Федора Михайловича я тоже исполнила ваше желание. Анна Григорьевна изъявила свое согласие передать их вам для пересмотра. Вместе с тем, она поручила мне передать вам кое-что от ее имени, что я могу сделать не иначе, как сама. Вы зайдете ко мне сегодня часа в четыре².

Кроме того, я приготовила вам одну выписку из заметок Федора Михайловича о Л. Н. Толстом, которую было хотела вначале скрыть от вас, да духу не хватило, — зная наперед, что этот отзыв Достоевского доставит вам большое удовольствие³...

Автограф. ЦНБ АН УССР. III.17306.

Софья Сергеевна *Кашпирева* (? — после 1891) — жена В. В. Кашпирева.

¹ Краткий некролог Достоевского, написанный Страховым, напечатан в № 2 ежемесячного иллюстрированного журнала «Семейные вечера», издававшегося под редакцией С. С. Кашпиревой. Достоевский в нем характеризовался как «один из самых замечательных русских писателей-художников».

² 11 декабря 1884 г. А. Г. Достоевская писала Страхову: «Убедительнейше прошу вас, глубокоуважаемый Николай Николаевич, поискать у себя тетрадь (заметки и планы романов, писанные рукою Федора Михайловича), о которой я говорила вам в последний раз. Я перерыла весь дом и не нашла; а так как я никому, кроме вас, этих тетрадей не давала, то она непременно должна быть у вас. Чрезвычайно прошу вас об этом» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, ед. хр. 6).

Более полугодом спустя, 2 августа 1885 г., Достоевская снова напомнила Страхову о невозвращенной ей «записной тетради» писателя.

«Я хочу просить вас, глубокоуважаемый Николай Николаевич, воспользоваться вашим летним досугом и попытаться отыскать оставшуюся у вас тетрадь Федора Михайловича, а также затерянное вами письмо одной особы к Оресту Федоровичу <Миллеру>. Чтобы вам легче было вести ваши поиски, опишу вам внешний вид потерянных предметов. 1) Тетрадь — величиной в пол-листа обыкновенной писчей бумаги, переплетена в грубый переплет, содержит в себе заметки и планы романа „Идиот“, писана рукою Федора Михайловича. 2) Письмо писано в 1881 или 1882 году, адресовано Оре-

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ
и М. П. ЛИЛИНА В РОЛЯХ
КОСТЕНЕВА И ЕКАТЕРИНЫ
ЕВСЕЕВНЫ В ПЬЕСЕ
«ФОМА» — ИНСЦЕНИРОВКЕ
К. С. СТАНИСЛАВСКОГО
РОМАНА «СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО
И ЕГО ОБИТАТЕЛИ», 1891

Фотография
Музей МХАТ

сту Федоровичу. В письме одна госпожа заверяет, что у нее есть много писем Федора Михайловича, но что они забраны III отделением во время обыска, бывшего у особы по такому-то делу. Особа просит Ореста Федоровича как биографа достать означенные письма из III отделения и дает свой адрес...» (там же). Письмо, упоминаемое Достоевской, неизвестно; имя его автора остается неустановленным.

³ О какой выписке идет речь, неясно.

30/18 июля 1883 г. Анна Григорьевна писала Страхову после прочтения в рукописи одной из глав его воспоминаний о Достоевском:

«С некоторыми вашими выводами я согласна в высшей степени и крайне довольна, что вам удалось так ярко их подметить и выставить. Чтоб не говорить много, укажу на отношение Федора Михайловича к цензуре, а также на непрерывную работу Федора Михайловича, на нарастание и кипение его мыслей, на постоянно новые образы и планы, которые он создавал. Меня всегда поражало это в нем. Как ужасно жаль, что образы эти не всегда могли развиваться до законченности; всему виною наши проклятые денежные недостатки, заставлявшие спешить и портить произведение <...> В некоторых положениях я расхожусь с вами, например, в определении подъемов; по-моему, один из подъемов — это роман „Братья Карамазовы“; в нем Федор Михайлович обнаружил новые силы в творчестве. Так признавал это и сам Федор Михайлович, а вы и не знаете, какой он был критик к самому себе и как тонко умел подмечать свои слабые стороны и недостатки <...>

Из Литературного фонда Федор Михайлович никогда не получал пособий. Он еще при Михаиле Михайловиче взял в долг 1000 рублей *под залог* своих сочинений и за проценты и вовремя уплатил. С тех же пор *ни разу* не обращался в Фонд, несмотря на то, что наши дела в течение четырнадцати лет были иногда в самом плачевном состоянии. Напротив того, Федор Михайлович *питал* какое-то отвращение к Литературному фонду и мне *положительно запретил* когда бы то ни было, при каких бы то ни было обстоятельствах, обращаться к помощи Фонда. Вероятно, это происходило от того, что за последние годы членами-заправилами Фонда были люди, враждебные Федору Михайловичу (Стасюлевич, Градовский и пр.) и готовые не признавать его таланта и значения. Как бы то ни было, имея такое положительное запрещение, я, конечно, никогда не прибегла бы к помощи Фонда, в какой бедности я ни находилась бы...» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, ед. хр. 6).

После получения биографии Достоевского, написанной Страховым и О. Ф. Миллером, Я. П. Полонский писал Страхову (1883):

«... Я только что окончил чтение 1-го тома и пишу вам о нем все, что приходит в голову: не критику... нет, на это надо много досуга и много времени, а так, несколько замечаний.

Нечего и говорить, что я вполне с вами согласен. Достоевский — явление необычайное, личность силы поразительной и большой талант. Кое-что из записок его оставило на мне сильное впечатление — многое совпало с моими убеждениями и как бы обновило их... и укрепило <...>

Я понял <...>, как понимал Достоевский Христа — но одного, признаюсь вам, не понял — как мог Достоевский — с таким пониманием Богочеловека — думать, что понимание его вполне совпадает с духом теперешнего православия? <...>

Не знаю, хорошо ли вы сделали, что вы всё печатали, — часто тот образ, который, очевидно, вы хотите сделать светлым, ясным — отуманивается вашими же выписками... его же собственными письмами. Носитель истины — часто сам себе противоречит, человек любящий — беспощаден к своим собратьям по литературе, осуждает Писемского... бранит Белинского, Грановского, Тургенева... и везде, везде, везде неправ. Этим, конечно, я вас огорчаю. Вы сами невысокого мнения о Тургеневе — и действительно как личность, как характер, как гражданин он бесконечно ниже Достоевского, но как художник и поэт — извините меня — несравненно выше Достоевского. И один рассказ его „Живые мощи“, если б он даже ничего иного не написал [ставит его выше в глазах моих], подсказывает мне, что так понимать русскую честную, верующую душу и так все это выразить мог только великий русский писатель <...>

Много нехристианского, не братского звучит в словах покойного Достоевского, когда он говорит о наших писателях — даже о тех, которые первыми восторженно приветствовали его на литературном поприще, — как, например, Белинского <...> Белинский был двигатель — и куда бы он ни двигал — но он двигал умы в такое время, когда они пребывали в захоружлом покое и, как стоячая вода, готовы были так оставаться. Белинский был талант — и я уважаю его — хотя он так и обругал меня за мою книжку, изданную в Одессе, — и обругал по-дикому, и я верю — живи до сих пор Белинский — он был бы лучшим истолкователем и моих произведений <...>

Странно мне кажется очень, что человек, такой гуманный по отношению к нигилистам, к молодежи, к евреям и даже к преступникам, — так негуманен ко всем, кто шел с ним по той же литературной дороге. Ко мне Достоевский был милостив и не раз много говорил мне лестного, но когда Григорьев, или Салтыков, или... испр<аж>нялись на меня — воздвигали свои гонения, — Достоевский молчал — и ни единым словом меня не одобрил... Григорьев не любил меня — это я знаю и понимаю, почему именно он так не любил — у нас в жизни не раз были столкновения <...> А многие ли могут возвыситься над своим личным чувством? Многие ли способны на великодушье!..

Клянусь вам, Николай Николаевич, все это я говорю и пишу к вам без всякой вражды к кому бы то ни было. Благодаря Достоевскому я многое, очень многое <понял> и за многие горячие страницы глубоко ценил и уважал покойного Аполлона Григорьева. Я только хочу сказать вам, что ваша книга производит какое-то двойное впечатление...» (Черновой авт. ИРЛИ.11769.LXVII1516).

265. М. Ф. ДЕ ПУЛЕ — Л. Н. ПАВЛЕНКОВУ

Тамбов. 1 марта 1881 г.

... Это письмо имеет приложение — мое мнение о Достоевском, или, лучше сказать, по поводу смерти Достоевского. Я написал его особо от письма; делай с ним что хочешь, но только смотри — не вздумай его напечатать!¹ Я читаю «Московские ведомости» и «Русь», где о Достоевском написано то же, что и ты писал, и притом так много, что, признаться, и надоело. Я не написал бы приложения, т. е. я благодушнее взглянул бы на похороны Достоевского (я всегда его очень любил), не случись с тобой такой оказии при его гробе. Право, стало и больно, и досадно! Зная свои нервы, зачем ты ходил туда, т. е. к гробу, в душную атмосферу, где тухли свечи! Поздние сетования с моей стороны на тебя и ради тебя, конечно, теперь бесполезны. А если пишу, так для того, чтобы ты вперед берег себя и не лез туда, куда прет глупая петербургская толпа² <...>

Все наши таланты 40-х годов завершили свое поприще: им нечего сказать и ничего более не скажут, следовательно, и смерть их — в самую пору. Но умер Соловьев³, и об этой великой потере никто не плакал! Великого старика схоронили так, как бы Ивана Петрова Корнилова⁴.

Писемский был тоже не литературная мелюзга... Да что говорить! Право, смешно и грустно! Я очень бы печалился о смерти Достоевского, если бы не было этих оваций и журнального гаму; после них... мне досадно и грустно. Почему? Потому что они убивают критику, не дозволяют сказать настоящей правды о писателе. Так у нас все и всегда!..

* * *

Последнее время в жизни Достоевского сопровождалось такою славой, выражением такого сочувствия, каких у нас ни один писатель, после Пушкина, не удостоивался. Впрочем, исключение составляет Некрасов... Некрасов и Достоевский... Что по-видимому между ними общего? А это общее есть и даже весьма крупное: они — дети одной эпохи, питомцы двух школ, одновременно существовавших; у обоих весьма крупные, пожалуй, громадные, но больные таланты, потому что сами они были больные, повихнувшиеся люди. Некрасов был и остался *школьником* западнической школы и застыл в понятиях кружка Белинского; Достоевский постепенно становился и сделался самым восторженным и самым крайним славянофилом. Но если поставить Некрасова рядом с Грановским, а Достоевского — с Хомяковым, то какая громадная разница между талантливыми представителями наших *учений* и талантливыми нашими писателями! На стороне первых большой, светлый ум и большое, многостороннее образование; на стороне последних — образование на медные гроши, ум хотя и большой (как у Достоевского), но помрачившийся и развившийся болезненно, криво, в одну сторону. Некрасов и Достоевский прежде всего — люди *направления*, партии, потом уже (после всего) — художники. Только великий талант, гений, как Гоголь, всегда остается прежде всего художником, как бы ни болел он душою и помыслами.

Слава и популярность Достоевского объясняются духом теперешнего больного времени, которому он, совершенно бессознательно и неумышленно, умел польстить; что Достоевский был человек, глубоко правдивый и глубоко честный, — для меня вне сомнения. Как большой талант, как писателя-психографа, как писателя, необыкновенно искреннего, Достоевского нельзя было не любить, и я уверен, что он имел множество таких почитателей, которые даже сами этого не сознавали. Но отсюда до поклонений еще далеко! Поклонение началось с речи его при открытии пушкинского памятника. Что такое эта речь по своему содержанию?

Пушкин послужил ему только предлогом, чтобы развить несколько парадоксов и повторить несколько мыслей, раньше высказанных другими. Герои первых поэм Пушкина (копии с байроновских типов) и сам Онегин у Достоевского явились какими-то цыганами, *скитальцами*. Русский человек, по его мнению, — *скиталец* по натуре. Ему тошно, ему скучно дома; он томится тоскою за себя и за других; он хочет спасти и себя, и других, — и спасет! Спасет и себя и Европу!.. Что за дикая мысль! Но она подкупила толпу, слушателей Достоевского: отсюда слезы и обмороки, потрясение нервов! Почему? Да потому, что все мятущиеся и непосредные *скитальцы*. Онегины, воспетые и излюбленные Пушкиным: и социалисты, ходящие и не ходящие в народ, и нигилисты, и сербские добровольцы — все это *скитальцы*! Какому-нибудь нигилисту, конечно, приятно приравливать себя к Черняеву⁵ или Кирееву⁶, но для правды и здравого смысла это совсем не приятно... «Наша страна бедная, наша страна нищая; но по ней сам Христос прошел», — эта мысль еще в 50-х годах была высказана Тютчевым в прекрасном стихотворении⁷.

Мысли Достоевского о православии и христианстве... На эту тему можно много и долго говорить; но нельзя говорить разумно и толково, не про-

читав богословских сочинений Хомякова да и не одного Хомякова. Но ни один мало-мальски образованный священник не скажет, что достаточно знать одну молитву, например «Господи и владыко живота моего», для того, чтобы сделаться истинным христианином. В «Братьях Карамазовых» эти взгляды Достоевского высказаны точнее и выражены образно — в старце Зосиме и в Алеше, но оба типа крайне тенденциозны, ибо обуславливают истинное христианство непосредственным, чуть не первобытным состоянием людей. В мире монашеском люди, подобные Зосиме, представляют отрадное явление, как в мире житейском добродушные (фантастичные) Алеши, но оба мира не могут состоять из таких людей. В «Карамазовых» я мог бы указать такие воззрения Достоевского, которые почти целиком заимствованы из философии некоторых виленских обрусителей 60-х годов, полагавших, что просвещение и терпимость не нужны для православия.

Психический анализ у Достоевского, действительно, изумительный; но он употреблял его во зло и, думается мне, виртуозничал: всякая душевная мерзость непременно оправдывается и в конце всего перерождается в доблесть, но не простую, смиренную, а поднимающую бунт: уважай-де меня! Тут у Достоевского всепрощение, а к *западникам* (к которым и сам когда-то принадлежал) — если не злоба, то бичевание (в «Бесах»), — прием, недостойный художника!

Я не читал «Дневника писателя», но прочел в газетах речи Достоевского, обращенные к молодежи. Что такое эти речи? Да опять то же — та же московская речь, та же лесть (пусть и неумышленная): «Вы такие и этакie (не добавлено — «скитальцы»)!. Нет, «друг истинный» не то бы сказал и иначе бы вразумил!.. Эти речи к молодежи даже не умны; но они приятно волнуют, возбуждают... И вот из похорон Достоевского вышло то, чего, конечно, никто не ожидал: обожание, не лишенное глубокого комизма! Люди, не верующие ни в бога, ни в черта, пьют деревянное масло; нигилисты и нигилистки, недавно курившие папиросы в Казанском соборе⁸, спешат в Невскую лавру читать псалтирь и чуть не дерутся за очередь!.. Я не переставал любить Достоевского как писателя, но правда выше всего.

Автограф. ЦГАЛИ, ф. 1129, оп. 1, ед. хр. 11.

¹ По всей вероятности, Де Пуле вынес свои рассуждения о Достоевском в специальное «приложение», чтобы не создавалось впечатление, что такое «суетный» предмет занимает его мысли в день смерти Александра II. Казни царя народолюбцами посвящено почти все письмо Де Пуле, выдержанное в верноподданническом духе.

² См выше п. 253.

³ Историк Сергей Михайлович Соловьев.

⁴ Иван Петрович Корнилов (1811—1901) — историк и археолог, председатель петербургского отдела Славянского благотворительного комитета.

⁵ Михаил Григорьевич Черняев (1828—1898) — генерал-лейтенант, видный участник русско-турецкой войны.

⁶ Николай Алексеевич Киреев (1841—1876) — организатор и участник русских добровольческих отрядов в составе сербской армии.

⁷ Стихотворение Тютчева без названия («Эти бедные селенья...», 1855), завершающееся строфой:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде царь небесный
Исходил, благословляя.

⁸ Инсинуация, связанная со студенческой демонстрацией на Казанской площади в Петербурге 6 декабря 1876 г. В судебном отчете, печатавшемся в «Правительственном вестнике» 1877 г., и в обвинительном заключении даже и не фигурировало обвинение, что студенты курили в храме папиросы (см. «Письма», IV, стр. 356). Этот вымышленный факт упомянул в своем обращении к московским студентам Достоевский, писавший 18 апреля 1878 г.: «Прошлую зиму в Казанскую историю нашу толпа молодежи оскорбляет храм народный, курит в нем папироски, возбуждает скандал» (там же, стр. 13).

И. М. МОСКВИН
В РОЛИ ФОМЫ ОПИСКИНА
В СПЕКТАКЛЕ
«СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО
И ЕГО ОБИТАТЕЛИ»
ПО РОМАНУ ДОСТОЕВСКОГО

Фотография

Постановка Московского художе-
ственного театра, 1917
Музей МХАТ

266. А. Н. ПЛЕЩЕЕВ — А. Г. ДОСТОЕВСКОЙ

«С.-Петербург» 2 марта 1881 г.

Извините, бога ради, многоуважаемая Анна Григорьевна, что я несколько замедлил доставить вам «заявление», о котором вы мне говорили. Вчера хотел лично быть у вас, но утром было чтение, посвященное памяти Федора Михайловича в одной женской гимназии, а вечером произошла ужасная катастрофа, всех переполошившая¹. Не знаю, как вы найдете следующего рода заявление:

«Смерть моего незабвенного мужа послужила поводом присылки ко мне громадного количества заявлений сочувствия в виде адресов, телеграмм, писем и пр. Не имея возможности благодарить отдельно каждого из посылавших эти заявления, я прибегаю к посредству печати для выражения моей глубочайшей признательности всем почтившим меня теплым вниманием своим, которое останется навсегда незабвенным для меня и послужит мне утешением в моем тяжелом горе»².

Постараюсь быть у вас на днях, если позволите. Мне бы хотелось о многом еще побеседовать с вами ...

Автограф. ЛБ, ф. 93. II. 7. 88.

Алексей Николаевич Плещеев (1825—1893) — поэт-петрашевец, друг юности и корреспондент Достоевского.

¹ Накануне, 1 марта, был казнен народовольцами Александр II.

² Этим письмом устанавливается, что обращение от имени Анны Григорьевны Достоевской было написано Плещеевым.

Ряд телеграмм от отдельных лиц и организаций к А. Г. Достоевской с выражением соболезнования напечатан в «Биографии...», стр. 329—332.

267. А. Г. ДОСТОЕВСКАЯ — Е. Ф. ЮНГЕ

Феодосия. 14 августа 1881 г.

... Я не могу признать, что горе мое — эгоизм. Я тоскую не потому, что мне теперь труднее без него жить, мне больно, что *он* не жив, *он*, так желавший и мечтавший еще жить, еще работать, нарадоваться на детей... Мне больно, что прекратилось его доброе влияние на меня, на детей, влияние, от которого я так много ждала. Знаете ли вы, что все 14 лет нашей общей жизни мы работали с ним, как волы (я помогала ему стенографией, корректурами, изданием книг), и вечно-то мы нуждались, вечно едва сводили концы с концами, тревожились и мечтали хоть о самом крошечном обеспечении. И вот, он умирает, — и я обеспечена, у меня пенсия. Ну не горькая ли это насмешка? Когда было дозарезу надо, когда человек убивал себя над работой — обеспечения не было, и вот оно явилось для меня, когда оно совсем не нужно. Знаете ли, идея небеспопеченности, мысль, что я и дети останемся без средств в случае его болезни или смерти, — мысль эта мучила и волновала его постоянно. Вы поймете, как мне больно думать, зачем это относительное довольство (кроме пенсии, и дела наши пошли лучше) не пришло прежде, когда оно было так необходимо, когда оно могло успокоить его... Я, должно быть, странный человек: мне кажется, не получи я пенсии, я бы легче перенесла мое горе. Мне бы пришлось много работать, и я бы нашла себе утешение в мысли, что я работаю для детей, что без меня они пропадут, что я им необходима. Теперь же у меня руки опускаются и все кажется, что я работаю лишь для того, чтоб у них было лишних 200 рублей. Главное у них есть, а о богатстве для них мы никогда не хлопотали да и не стоит того. Я предприняла издание Полного собрания сочинений, и мне прислали сюда корректуры, но я чувствую, что это уже не прежняя, живая работа, не горячее желание помочь, облегчить его труд, а только сознание долга. Вы скажете, что я нужна детям не с одной денежной стороны и должна о них заботиться. Я знаю это, люблю их больше всего в мире, отдала бы за них жизнь, если б потребовалось, радуюсь и благодарю бога, что он мне их оставил. Но как я о них ни забочусь, у меня остается много времени, которое я с такою радостью употребляла в помощь *ему*. Вот теперь я с болью в сердце вспоминаю счастливое прошлое, и горько мне, что оно никогда не вернется. Я чувствую себя до того одинокою в мире, что иногда страшно становится. А мысли, а вопросы, каждый день являющиеся, которые я сама не могу разрешить! Я не про материальную жизнь говорю. Прежде мне было легко: я до того верила Федору Михайловичу, до того сжилась с ним, что решение его было для меня окончательное. Теперь не то. Долго, может быть, пройдет прежде, чем я оправлюсь от постигшего меня удара и встану на ноги <...>

У меня расстроены нервы до невозможности. Плачу, тоскую, места себе не нахожу. Всякое письмо мне стоит слез <...>

Простите меня за бессвязное письмо: пишу и плачу да и вообще не умею писать письма¹...

Автограф. ГИМ, ф. 344, ед. хр. 41.

¹ Из письма А. Г. Достоевской к Е. Ф. Юнге, датированного 19 ноября 1882 г.: «... Я тоже здорова, но сил у меня очень мало, скоро устаю, часто чувствую апатию и уныние. Дела у меня так много, что я решительно не успеваю сделать и половины из того, что задумала. Приехав домой, я успела выдать два тома Полного собрания сочинений, так что закончила первую половину издания. В конце этого месяца выдам еще два тома, а все издание (т. е. все четырнадцать томов) думаю закончить в мае месяце 1883 г. Если мне удастся сделать это, то я буду спокойна и счастлива. Я скажу себе тогда, что я воздвигла изданием сочинений некий памятник моему вечно обожжаемому мною Федору Михайловичу, что теперь всякий желающий изучить его может это сделать, так как собрано мною все, что он ни написал. Издав его сочинения, я исполню его задушевную мечту: он всегда мечтал о *Полном* собрании своих сочинений. Но в прежнее время это было неосуществимою мечтой. Кроме того, была у Федора Михайловича

мечта выбрать из своих сочинений отрывки, которые можно было бы дать в руки детям 12—14 лет. При жизни его это не удалось сделать, но я имею указания, что именно он желал видеть в печати, и теперь выдам в свет к праздникам отдельный томик в 16—17 печатных листов, роскошно изданный. Много я задала себе и задумала сделать в память моего дорогого мужа; не знаю только, много ли удастся мне выполнить из моих предположений. Но мысль сделать что-либо в память его помогает мне жить, и мне все кажется, что, исполняя задуманное им, я ближе к нему. В материальном отношении издание идет блистательно: у меня, кроме розничной продажи, есть 1300 подписчиков, и это помогло мне уплатить до 20 тысяч за вышедшие томы и отложить несколько тысяч для покрытия остальных.

В результате дети мои будут иметь до 70 тысяч чистого барыша с этого издания, т. е. маленькое состояние — опять-таки мечта Федора Михайловича. Он всегда думал устроить дела свои так, чтоб детям его не пришлось нуждаться, быть несчастными от недостатка денег, портить дело поспешностью, опять-таки из-за денег, из-за насущного хлеба, как пришлось это ему испытать в своей жизни. Критики часто упрекают Федора Михайловича в небрежности, в неотделанности и поспешности работы, а если бы знали они, как он писал: одна глава в редакции набирается, другая едва написана, а третья только в уме. Сколько раз Федор Михайлович приходил в отчаяние, что ему не пришлось исправить вещь, доделать, перечитать. А все проклятая нужда в деньгах, все ежедневные денежные затруднения заставляли так спешить и действительно иногда портить художественное произведение. Федор Михайлович мечтал хотя детей своих избавить от нужды, и слава богу, изданием этим мечта его исполняется.

15 февраля 1884 г. она писала той же корреспондентке:

«... Когда вы прочтете „Биографию“, напишите мне ваше полное, откровенное мнение; мне слишком важно знать, какое впечатление произвело на вас чтение писем Федора Михайловича, да и вообще вся книга. Если бы вы знали, дорогая моя Екатерина Федоровна, как трудно досталась мне „Биография“! Сколько беспокойств и борьбы выдержала я ради того, чтобы отстоять и не печатать некоторые письма, которые могли обидеть или огорчить людей, мною уважаемых. Многие удалось отстоять, но многие пришлось пропустить, и я теперь сильно раскаиваюсь в том. Например, напечатание писем о беспорядках в редакции „Заря“ рассорило меня с С. С. Кашпиревой, которую я искренно уважаю и люблю. В случае моего несогласия биографы хотели разбежаться и оставить меня одну доканчивать издание, с тем, чтоб и ответственность за нелитературное расположение статей оставить на мне. Я люблю работать, но люблю иметь дело с делом, а не с людьми, и не умею мирить разные мелкие самолюбия; так что я с горечью вспоминаю те бедственные для меня три месяца, когда я должна была бороться за каждое письмо, главу и т. п. Но теперь, слава богу, все это кончено, первый том вышел два месяца тому назад, и им закончилось издание. (Всего я издала четырнадцать томов.) Вы не поверите, дорогая Катерина Федоровна, как я была счастлива, когда довела дело до конца. Я с гордостью в душе говорила, что послужила памяти моего незабвенного мужа; что теперь всякий желающий изучить его сочинения может это сделать, так как напечатано решительно все им написанное. Я гордилась тем, что исполнила его заветную мечту — издать Полное собрание его сочинений. Материальная сторона мне тоже удалась: я почти распродала все издание (6 200 экз.) и, кроме уплаты 36 тысяч за издание, имею теперь уже 48 тысяч чистого барыша. Теперь я знаю, что дети мои обеспечены и им не придется портить или бросать любимое дело ради денег или в погоне за куском хлеба, как это, к несчастью, приходилось делать Федору Михайловичу. Одна горькая мысль приходит мне в голову: зачем это обеспечение явилось так поздно, зачем не было его при жизни, чтоб мой дорогой муж хоть одно произведение мог написать, не торопясь, не портя, не мучаясь мыслью о завтрашнем дне» (там же).

Насколько значительную роль сыграла Анна Григорьевна в создании биографии Достоевского, можно судить и по следующей ее недатированной записке к Страхову (весна или лето 1881 г.):

«Я в большом беспокойстве, многоуважаемый Николай Николаевич! Софья Сергеевна <Кашпирева> (не выдайте меня ей) передала мне, будто вы намерены отказаться писать биографию Федора Михайловича. Неужели это возможно? Но вы дали мне твердое слово, и я на него надеюсь. Пожалуйста, пожалуйста, не отказывайтесь! Пока вас не увижу, буду беспокоиться...» (Авт. ЦГАЛИ, ф. 1159, оп. 2, ед. хр. 6).

«Мы получили ваше письмо, в котором есть пункты, ответ на кои должен дать я, а не жена моя, хотя письмо и к ней, — писал Достоевской А. Н. Майков летом 1881 г. — Признаюсь, это меня очень затрудняет. Вам нельзя писать зря, а все надобно оглядываться на публику, ибо вы собираете письма, не жжете их да потом когда-нибудь и напечатаете. А пункты такого рода, что, по-настоящему, публике до них не должно быть дела. Вы хотите, чтобы я передал Оресту Федоровичу Миллеру письма Федора Михайловича, писанные ко мне. Но в этих письмах столько интимного, что в настоящее время предавать их „благодетельной гласности“ (или, по-моему, бабьей болтовне), невозможно...» (Авт. ЛБ, ф. 93.11.6.46).

Анне Григорьевне все же удалось переубедить Майкова и получить от него письма Достоевского.

Н. Н. СТРАХОВ О ДОСТОЕВСКОМ

НАБЛЮДЕНИЯ

(Посв<ящается> Ф. М. Д<остоевско>му)

I

Можешь ли ты рассказать мне сон, который я видел, и сказать, что он значит?

В одну из наших прогулок по Флоренции, когда мы дошли до площади, называемой Piazza della Signoria, и остановились, потому что нам пришлось идти в разные стороны, вы объяснили мне с величайшим жаром, что есть в направлении моих мыслей недостаток, который вы ненавидите, презираете и будете преследовать всю свою жизнь. Затем мы крепко пожали друг другу руку и расстались. Знаете ли? Ведь это очень хорошо; ведь это прекрасный случай, лучше которого желать невозможно. В самом деле, вот разговор, совершенно точный и определенный; вот отношение, в котором нет никакой темноты или неясности. Мы нашли точку, на которой расходимся; превосходно! Это вовсе не так часто случается. Обыкновенно разговоры бывают наполнены теми неопределенными поддакиваниями, в которых нет, однако же, настоящего согласия, и теми неясными разногласиями, в которых нет, однако же, настоящего противоречия. Мы же, как видите, дошли до чего-то более правильного. В житейском быту можно согласиться, что худой мир лучше доброй ссоры; но в логике это не совсем так. Нужно *знать* точно и отчетливо, с чем соглашаешься и что отвергаешь. Соглашаться, не зная на что, и отвергать, не зная что, ни в каком случае не похвально. Следовательно, очень хорошо, что мы, кажется, знаем, наконец, в чем мы расходимся. Тем более, что, расходясь с вами в некоторых мыслях, я надеюсь и предлагаю вам никогда вполне не расходиться в жизни, не расходиться, не обращая внимания на логику, даже не пускать всякой логики. Не удовлетворяетесь ли вы такою уступкою с моей стороны?

А впрочем, — помните ли вы хорошенько, в чем было дело? Вы находили во мне несносным и противным мое пристрастие к тому роду доказательств, который называется в логике непрямым доказательством или доведением до нелепости. Вы находили непροстительным, что я часто приводил наши рассуждения к выводу, который простейшим образом можно выразить так: *но ведь нельзя же, чтобы дважды два не было четыре*.

Против этой дурной привычки, в которой я чистосердечно сознаюсь, вы приводили мне сильные доводы. Вы говорили, что никто в мире не думает утверждать таких вещей, как *дважды два — три* и *дважды два — пять*, что я впадаю в чрезвычайно смешную наивность, воображая, что кто бы то ни было проповедывает и защищает такие положения, что если и говорится что-нибудь подобное, то с моей стороны странно принимать это совершенно серьезно, так как очевидно люди, которые говорят *дважды два — не четыре*, вовсе не думают сказать именно это, а, без сомнения, разумеют и хотят выразить что-то другое.

Что же? Нужно признаться, все это как нельзя больше справедливо. В самом деле, как бы беспорядочны и ограничены ни были чьи-нибудь мысли, как бы дурно и фальшиво они ни были выражены, все-таки в них необходимо есть зерно истины, все-таки несправедливо не видеть этого зерна из-за шелухи, которая его покрывает. По самой сущности дела всякая мысль имеет свой повод и свое основание, всякая мысль как широкая

и глубокая, так и мелкая и узкая, движется по одним и тем же логическим законам, и, следовательно, самое грубое заблуждение носит в себе элементы истины. Следовательно, обвинять кого бы то ни было в абсолютной нелепости совершенно несправедливо.

На это, по-видимому, нечего возражать. А между тем помириться на этом я все-таки не могу. Дело не в том, где и насколько в чем заключается истина, а дело в нас с вами. Ваши доводы слишком сильны — явный признак, что мы сражаемся неравным оружием. Очевидно, вы заняли чересчур выгодную позицию, вы успели уйти за неприступные укрепления, в которых всякий безопасен. И в самом деле, посмотрите, кого вы против меня защищаете? Ведь вы защищаете решительно всех; вы приносите меня в жертву каждому, кто только ни вздумает открыть рот. Потому что, что бы он ни сказал и как бы он ни сказал, по-вашему, я обязан непременно понять, что он *хочет* сказать, и не имеет ли этот желаемый смысл какого-нибудь тайного основания. Они, все эти люди, которые могут стать под защиту ваших аргументов, могут говорить *всё*, что им вздумается; от времени до времени они могут утверждать даже и то, что дважды два — не четыре. Я же не смею ничего им возражать; мне сейчас зажмут рот тем резонном, что они хотя и ошиблись, но не хотели ошибиться, хотя и сказали одно, но разумеют совсем другое. Они имеют полное право мне противоречить, как бы точно и ясно я ни выразился, а я должен только соглашаться с ними, как бы темно и неопределенно они ни выражались. Они не стесняются ничем, тогда как я связан по рукам и по ногам. Одним словом, они, как некогда восточные цари, могут грезить все, что им угодно, а я, как их придворные волхвы, под страхом казни, обязан понимать все, что им ни пригрезится, да, пожалуй, еще находить в их снах смысл высокий и пророческий. Остается разве только одно, — чтобы вы возложили на меня обязанность не только понимать, но и отгадывать их сны, как этого требовал от своих волхвов тот древний царь, который однажды забыл свой сон и помнил только, что ему было страшно.

Итак, я требую равенства или, лучше сказать, я обращаю ваше внимание на то, что в республике мысли за всеми нами признаются равные права. При равных правах, вы увидите, что мое положение тоже не без выгод. В самом деле, что бы вы сказали, что бы сказали многие другие, если бы я, пользуясь вашими же [признаниями] уступками, на какую-нибудь горячую речь отвечал бы: «Да, вы совершенно правы; но только под вашими словами нужно разуместь не то, что они значат, не *дважды два — пять*, а нечто совсем другое?»

II

Я должен отдать вам справедливость, что в нашем споре вы попали прямо на больное место да и не мое только, а и многих других. Какое кому дело, о чем мы с вами спорили во Флоренции? Но не я один — ненавистник нелепостей и не вы один снисходительно прощаете их за то, что под ними разумеется. Дело в том, что нелепости в разнообразнейших формах и оттенках являются у нас в чрезвычайном изобилии и что это изобилие, естественно, вызвало отпоры, возбудило реакцию. Часто возбуждала неудовольствие и недоумение ожесточенная полемика, которую у нас так охотно ведут журналы. Одна из самых чистых и явственных струй в том мутном потоке, без сомнения, та, которую я указываю, то есть, с одной стороны, увлечение до *дважды два — пять*, а с другой стороны вражда против всякого *дважды два — не четыре*. Среди многих разделений образовалось, между прочим, в нашей литературе и такое разделение; оно должно было образоваться, и столкновение между двумя его сторонами было неизбежно, и неизбежно будет повторяться.

Попробую пожертвовать обе стороны. С одной стороны, именно с той стороны, на которой вы стоите, — часто молодость, всегда жар, страсть проповедовать, небрежность к форме и ко всякого рода правильности, но зато живые чувства и мысли, нередко талант, иногда гениальные проблески...

С другой стороны — некоторая холодность, привычка к строгой и правильной мысли, отсутствие большого жара проповедовать, но, вместе с тем, часто отсутствие и всякого таланта, молчание самых живых струн. На этой стороне я стоял во время нашего спора и на нее часто становлюсь.

Надеюсь, однако ж, вы отсюда ясно увидите, какой стороне принадлежат мои симпатии. Вот видите, что я знаю, что делаю. Конечно, я сочувствую первой стороне, но между тем волей-неволей я становлюсь на второй. Такая уж моя несчастная судьба, а что всего хуже — не моя одна, но и многих, весьма многих других.

Разве хорош человек? Разве мы можем смело отвергать его гнусность? Едва ли! Каких бы мнений мы ни держались, когда дело идет об этом вопросе, в нас невольно отзовутся глубокие струны, с младенчества настроенные известным образом. Все мы воспитаны на Библии, все мы христиане, вольно или невольно, сознательно или бессознательно. Идеал прекрасного человека, указанный христианством, не умер и не может умереть в нашей душе; он навсегда сросся с нею. И потому, когда перед нами развернут картину современного человечества и спросят нас: хорош ли человек, мы найдем в себе тотчас решительный ответ: «Нет, гнусен до последней степени!»

〈Рукопись обрывается. На следующей странице:〉

Наконец, остается еще одна ступень, и люди оппозиции нашего времени не раз преступали ее, может быть, сами не замечая или невольно увлекаясь. Остается сказать еще одно: я не верю ни в философию, ни в экономию, и вообще ни в одну сторону цивилизации, потому, что я не верю в человека:

За человека страшно мне!

〈Рукопись обрывается. На обороте:〉

Непрямое, неясное, неопределенное отношение к делу у нас очень обыкновенно. Даже в тех случаях, где оно необходимо требуется, мы умеем избежать его. У нас очень много лицемерия, свойственного людям хитрым, но неумным. Мы всегда готовы пользоваться умом других вместо того, чтобы яснее высказать свое мнение.

〈Пробел в несколько строк. За ним текст:〉

Могу вас уверить, что нелепость есть дело жестокое. Не думайте, что переносить ее так легко; нет, она трудно переваривается.

〈Далее следует, на новой странице, следующий текст:〉

НАБЛЮДЕНИЯ

Посвящается Ф. М. Д<остоевско>му

I

Может быть, прочитавши заглавие моих заметок, вы подумаете, что я выбрал для них название слишком общее, слишком малозначительное и скромно-неопределенное; в таком случае, спешу объяснить вам, что я придаю ему очень серьезный смысл и считаю его надлежащим и единственным заглавием того, что им обозначено. Вероятно и вы и многие другие заме-

тили, что в умственной сфере мы чем дальше, тем больше превращаемся в наблюдателей, в простых наблюдателей, которые сами не могут, не имеют достаточного повода принять участие в том, что делается, а только созерцают и стараются понять сущую жизнь.

Вот мое первое наблюдение, и с него я начну свои заметки. Наблюдательное настроение ума так часто встречается, так быстро усиливается, что нельзя не сделать его тоже предметом наблюдения и внимания.

Наблюдательное настроение противоположно *деятельному*. Наблюдатель есть зритель, со стороны смотрящий на драму; деятель есть один из участников драмы, одно из действующих лиц.

Если сравнить, как это часто делается, мир с театром, со сценою, на которой происходит драма, то я могу точно выразить свою мысль, сказавши, что в настоящее время все больше и больше является лиц, которые бросают сцену и участие в драме, отходят в сторону и начинают наблюдать тех, кто остался на сцене. Таким образом, мир мало-помалу получает то странное, резкое разделение, которое существует в театральной зале: одни играют, другие смотрят.

Прежде этого не было или, по крайней мере, едва ли когда-нибудь было в такой степени, как это замечается ныне. Может быть, у нас, русских, расположение быть простым зрителем даже сильнее, чем у других. Но совершенно ясно, что это расположение тесно связано с теми взглядами, с теми учениями, которые так распространены вообще в наше время. Больше, чем когда-нибудь, мы умеем теперь *глубоко* понимать вещи. Во всем, что ни случается, мы видим обнаружение внутренних сил и далеких влияний. Мы верим в таинственные и неодолимые силы жизни, мы убедились до конца, что история совершается *с необходимостью*, что все в ней тесно связано и неизбежно развивается, растет и умирает, падает и возвышается.

Если же так, если раз мы с полной ясностью сознали этот взгляд, то спрашивается, у кого же достанет охоты участвовать в этой слепой, неумолимой драме? Естественно, что каждый, кто ее понял, постарается стать в сторону, постарается уклониться от нее и сохранить свободный взгляд, свободное присутствие духа.

〈Рукопись обрывается〉

Автограф. ЦНБ АН УССР. I.5236.

Анализ этой рукописи Н. Н. Страхова см. в работе Л. М. Розенблюм «Творческие дневники Достоевского». — «Лит. наследство», т. 83, стр. 17—23.

Среди бумаг Страхова в том же архиве находятся еще следующие фрагменты его рукописей, связанные с Достоевским (шифры: I.5236 и I.5239a):

1

ЗАМЕТКИ О НАШЕМ ПРОСВЕЩЕНИИ

(Из письма к Ф. М. Достоевскому)

Иногда вы упрекали меня за слишком печальный взгляд на умственное движение, совершающееся в России. Хочу попробовать здесь, на свободе, определеннее изложить вам те сомнения и горевания, которые для вашей твердой веры (исповеданной вами и в последнем [вашем] романе, в «Бесах») казались чем-то непонятным и почти кощунственным. Действительно, это горькие и печальные мысли. Но если уже так решено судьбою, что вопрос о духовной самобытности русского народа давно сделался существенным делом для [людей понимающих] мыслящих русских людей, то

〈Нижняя часть листа отрезана〉

2

ПИСЬМО К Ф. М. ДОСТ<ОЕВСКОМУ>

На вас лежит обязанность.

Не стану разбирать этих бессвязных, тупых

Для кого? Не для вас же. Кто станет сравнивать и винить?

Перед кем?

Лучше поговорим о деле.

Это люди, сбитые с толку.

У них на аршин образования, культуры.

Веры нет; глубочайшее неверие.

Он думает, что сербы дадут нам идеи. Какова должна быть пустота в голове, какое отсутствие идей!

Прямо выскажу свое негодование — не для публики; но вы меня поймете.

Спорить — унизительно.

3

<СМЕРТЬ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО...>

Смерть Ф. М. Достоевского — великое горе, огромная утрата для русской литературы. Угасла необыкновенная умственная и художественная сила, и притом угасла в полном разгаре своей деятельности. Невозможно было не изумляться и не радоваться этой деятельности. Никто еще из наших крупных писателей не писал так много. Его романы следовали непрерывной чередой, но, кроме того, он издавал по временам журнал, которого сам был единственным сотрудником. И все это нисколько не отзывалось *многописанием*; страшная умственная работа вкладывалась в каждый роман, в каждый номер «Дневника». Было, конечно, нечто неровное и волнующее в этих трудах, но оно было и в самых первых его работах. Зато же и удачные страницы и главы достигали удивительной высоты. В этом человеке был истинно неистопимый запас сил, было что-то загадочное, не слагавшееся в твердые формы. От Достоевского постоянно можно было ожидать каких-то откровений, новых и новых мыслей и образов.

И большой успех награждал в последние годы эту деятельность. Число читателей и почитателей покойного быстро росло и было огромное. Глубокая серьезность тем, которые он брал в своих романах, глубокая искренность «Дневника» действовали неотразимо. В последние годы, как он сам сознавался, ему стало труднее писать, но зато он приобрел стариковскую уверенность и спокойствие в писании и выступал с настоящим авторитетным тоном, простым и твердым. Впечатление было могущественное. Его «Дневник» и по своему внутреннему весу, и по внешнему влиянию на читателей, конечно, равнялся не одному, а, пожалуй, нескольким взятым вместе большим журналам со всеми их редакциями и усилиями. Его романы всегда стояли в первом ряду художественных произведений текущей литературы, были выдающимися ее явлениями. Так что если вспомним притом размеры этой деятельности, то можно сказать, что с Достоевским сошла в могилу большая доля, чуть не половина наличной литературы.

Но, конечно, всего больше наша утрата по тому смыслу, по тому содержанию, которое воплощал в себе Достоевский. Он вовсе не был поклонником минуты, никогда не плыл по ветру, а всегда был писателем независимым, свободно следовал своим мыслям. И он не только не потворствовал нашим модным направлениям, а напротив, объявил себя их врагом, открыто преклонялся перед началами, которые для нашей интеллигенции только «соблазн и безумие». Свою преданность искусству, свою любовь к народным началам, свое отвращение к Европе, свою веру в бессмертие души, свою религиозность — все это он смело проповедовал.

4

ДЛЯ СЕБЯ

Во все время, когда я писал воспоминания о Достоевском, я чувствовал приступы того отвращения, которое он часто возбуждал во мне и при жизни и по смерти; я должен был прогонять от себя это отвращение, побеждать его более добрыми чувствами, памятью его достоинств и той цели, для которой пишу. Для себя мне хочется, однако, формулировать ясно и точно это отвращение и стать выше его ясным сознанием.

«Этот текст, представляющий собой, по-видимому, предварительный вариант известных строк из письма Страхова к Л. Н. Толстому (26 ноября 1883 г.), был опубликован (без заголовка «Для себя») в информационной заметке А. Назаревского «Архив Страхова». — «Лит. газета», 1936, № 5, 26 января.»